25.P33

ОДИССЕЯ

ИЛИ

СТРАНСТВОВАНІЯ УЛИССА.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ТВОРЕНІЕ

ГОМЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

ВЪ типографіи В. Плавильщикова.

1815 года.

НАПРАВЛЕНО
В ОБМЕННЫЙ ФОНД.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 23 дня, 1814 года.

Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ВИЦЕ-АДМИРАЛУ, ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА

ЧЛЕНУ,

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ

ПРЕЗИДЕНТУ,

ГОСУДАРСТВЕННАГО АДМИРАЛТЕЙСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА НЕПРЕМѢННОМУ И РАЗНЫХЪ УЧЕНЫХЪ СОСЛОВІЙ ЧЛЕНУ,

ОРДЕНОВЪ СВ. АЛЕК. НЕВ. СВ. КН. ВЛАД. 1Й СТЕПЕНИ БОЛЬШАГО КРЕСТА, СВ. АННЫ 1 ГО КЛАССА

КАВАЛЕРУ,

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ

ШИШКОВУ.

Милостивому Государю.

Усерднѣйшее приношеніе.

Т.Г.Шевченка
БІБЛІОТЕКА
ІНВ. №
16717

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Повѣдай, Богиня, мнѣ о многообращавшемся мужѣ, который, по раззореніи священныя Трои, вельми много странствуя, многихъ народовъ видѣлъ грады, и позналъ ихъ нравы, въ сердцѣ же своемъ неисчетныя на морѣ претерпѣлъ скорби, желая съ великимъ попеченіемъ соблюсти животъ свой, и да возвратятся невредимы сопутники его; но и симъ образомъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ спасти ихъ отъ пагубы: ибо сами они отъ своего безумія погибли, когда всевидящаго солнца тучныхъ коровъ не пощадили: за сіе злодѣяніе отъятъ и день возвращенія ихъ во отечество.

Сихъ злоключеній нѣкую часть возвѣсти и намъ, о дщерь Діева! Всѣ прочіе Ахеяне, которые на брани и на морѣ спаслися отъ смерти, были уже въ домахъ своихъ; сего же единаго мужа знаменитая нимфа богиня Калипса удерживала въ пещерахъ своихъ, желая имѣть его мужемъ своимъ. Но когда приближилося время, въ которое боги опредѣлили ему возвратиться во Ѳаку; то не было и тогда сокрыто отъ него, какіе еще подвиги над-

лежало ему понести отъ присныхъ своихъ. Всѣ безсмертные боги милосердствовали о злополучномъ Одиссеѣ; единъ токмо царь Посидонъ непрестанно на него гнѣвался до самаго дня возвращенія въ отечество его. Сей обладающій водами царь отшелъ нѣкогда къ отдаленнѣйшимъ Эѳіопамъ, кои приносили сточисленную жертву отъ овновъ и агнцевъ, и кои раздѣляются на двѣ части, одни обитаютъ на востокѣ, а другіе на западѣ, и тамо присутствуя, услаждался ихъ пиршествами; прочіе же боги всѣ собрались въ свѣтозарные чертоги къ великому Дію. Тогда отецъ боговъ и человѣковъ начинаетъ вѣщать къ нимъ такъ: коль часто смертные ропщутъ на насъ боговъ напрасно и ложно, и всю вину своихъ злоключеній на насъ единыхъ возлагаютъ! Но сами они отъ своего безумія безъ нашего изволенія низвергаются во всѣ напасти, какъ и нынѣ Эгисѳъ понялъ себѣ въ супружество жену царя Агамемнона, и самаго его убилъ при возвращеніи его, боясь люшыя смерти, о коей мы предрекли ему, повелѣвъ Ермію возвѣстить Эгисѳу, да воздержится отъ брака съ женою царя Агамемнона, и да не умышляетъ никакого зла противъ самаго его по причинѣ неминуемаго мщенія, которое долженствуетъ произойти отъ Ореста, когда въ совершенныя приспѣетъ лѣта, и возжелаетъ принять достояніе свое.

Такъ возвѣщено ему было отъ Ермія. Но Эгисѳъ непреклоненъ явился къ благимъ совѣтамъ: сего ради нынѣ достойную месть пріемлетъ.

Богиня Аѳинская, премудрая Паллада, отвѣщала ему: отецъ боговъ, сынъ Кроновъ! поистиннѣ Эгисѳъ достойною погибъ смертію: такъ да погибнутъ и всѣ творящіе подобныя злодѣянія. Но я паче всего сокрушаюся о злополучномъ Одиссеѣ, который многое время отдаленъ отъ своихъ возлюбленныхъ, претерпѣваетъ въ сердцѣ тяжкія скорби, пребывая на островѣ Огигіи, почитающемся срединою моря: тамъ обитаетъ знаменитая нимфа, богиня Калипса, дщерь сильнаго Атланта, коему всѣ глубины морскія свѣдомы, и который всѣ столпы высокіе, служащіе небу и землѣ утвержденіемъ, держитъ на раменахъ своихъ: сего прекрасная дщерь хранитъ въ дому своемъ злополучнаго и неутѣшно плачущаго Одиссея, утѣшая его кроткими и сладкими словами, да забудетъ отечество свое Иѳаку; но онъ желаетъ хотя единый дымъ, изходящій отъ земли своея узрѣть и тогда умрети. Ты же, о родитель мой! доселѣ не обратишь къ нему сердца своего, ниже воспомянешь, коликія приносилъ онъ тебѣ жертвы при корабляхъ Ахейскихъ въ странѣ Троянской. Ахъ родитель мой! почто толико гнѣваешься на него? — Погоняющій облаки всесильный Дій отвѣщствовалъ: дщерь моя! какія слова слышу я отъ тебя? Какъ могу я забыть набожнаго Одиссея, всѣхъ смертныхъ мудростію превышающаго и многіе обѣты творящаго безсмертнымъ? Одинъ токмо Посидонъ непрестанно на него гнѣвается за сына своего Полиѳима, коего родила нимфа Ѳооса, дщерь морскаго старца

Форкина, смѣсився любовію съ Посидономъ, и коего Одиссей лишилъ зрѣнія. Отъ самаго того времени злобствуетъ на него Посидонъ, и хотя погубить его не можетъ, но всячески щитится не допустить до отечества. И такъ положимъ совѣтъ, какъ устроить ему возвращеніе, а Посидона отвлечь отъ гнѣва: ибо ничего не можетъ единъ противу всѣхъ боговъ.

Божественная Паллада рекла ему: всесильный отецъ Дій! когда угодно зрится предъ всѣми богами устроить Одиссею возвращеніе въ домъ, посли Ермія во островъ Огигію, да скорѣйшее принесетъ богинѣ Калипсѣ возвѣщеніе о отпущеніи его отъ острова ея. Я же иду во Ѳаку ободрить и возбудить духъ сына его, да созвавъ на сонмъ всѣхъ Ахеянъ, возбранитъ онъ входъ въ домъ свой женихамъ, кои закалаютъ всегда на пиршество себѣ тучныхъ овецъ и воловъ. Пошлю его въ Спарту и городъ Пилъ испытать о отцѣ своемъ, и да пріобрѣтетъ отъ всѣхъ людей себѣ почести. — Сіе сказавъ, привязываетъ къ подошвамъ ногъ своихъ золотые сапоги, которые съ дыханіемъ вѣтра имѣютъ силу носить и по морю и по землѣ, и взявъ въ десницу великое, дебелое и острое копіе, коимъ сокрушаетъ во брани мужей, на гнѣвъ ее подвигающихъ, низходитъ съ высоты Олимпа съ великимъ стремленіемъ, мгновенно является во Ѳакѣ во образѣ Тафійскаго вождя Ментея, и ставъ въ преддверіи дому Одиссеева, обрѣтаетъ женіховъ веселящихся и піющихъ. Провозвѣстники и рабы разпво-

ряли въ чашахъ вино съ водою; иные отирали столы, а другіе предлагали пищу и раздѣляли мяса. Тилемахъ же сидѣлъ тогда между женихами, сокрушаяся сердцемъ и помышляя о единомъ токмо пришествіи отца своего, да внезапно возвратився, содѣлаетъ всѣмъ имъ люту̀ю смерть, и пріиметъ отъ всѣхъ честь и наслѣдіе имѣнія своего. Такъ помышляя, узрѣлъ Палладу во образѣ мужа, и вставъ поспѣшно, идетъ гнѣваяся, что столь долго страннопришелецъ стоитъ при дверяхъ, приближився же къ нему, емлетъ за руку, и такъ вѣщаетъ: радуйся странникъ! вступи внутрь чертога, да дружелюбное отъ насъ пріимешь угощеніе и насладишься съ нами пиршествомъ, а потомъ возвѣстишь о всемъ, что запотребно тебѣ явишся.

Сіе сказавъ, предшествуетъ, а богиня Аѳинская послѣдуетъ ему, и вшедши въ чертогъ, становитъ копье свое при столпѣ, гдѣ и Одиссеевы копья стояли. Тилемахъ посадилъ странника особо на великолѣпномъ сѣдалищѣ въ подножіемъ, да не раздражится шумомъ и мятежемъ кичливыхъ женихов, и дабы способнѣе было вопрошать у него объ отсутствіи отца своего. Рабыня принесла воду для измовенія рукъ, другая приготовила столъ, домостроительница же принесла хлѣбъ и многія яствы, и наконецъ поваръ въ золотыхъ чашахъ поставилъ разныя мяса. Тѣмъ временемъ входятъ и женихи, и всѣ по порядку садятся на мѣста свои, простираютъ руки къ предложенной пищѣ, а прислужники наполняютъ виномъ чаши. Когда всѣ насытилися,

паки приступили къ пѣнію: провозвѣстникъ же подалъ Фимію пѣвцу цѣвницу.

Тогда Тилемахъ склонивъ голову къ божественной Палладѣ, дабы никто отъ прочихъ не слыхалъ начинаетъ такъ вѣщать: любезный посѣтитель! молю, да не раздражишься на мои слова, которыя открыть хочу предъ тобою: оставимъ сихъ мужей утѣшаться пѣніемъ и плясаніемъ; ибо они пожираютъ чуждый хлѣбъ и стяжаніе мужа, коего кости, какъ мнится мнѣ, въ отдаленной странѣ на невѣдомой землѣ лежа, согниваютъ отъ дождевной влаги, или обнаженныя вращаются морскими водами. Но когда бы узрѣли они его возвратившагося во Ѳаку, поистиннѣ паче бы возжелали себѣ скораго и быстраго бѣгства, нежели украшаться златомъ и одеждами Но зрю, что сего злополучнаго мужа пожрала люшая смерть, и погибла надежда видѣть день его возвращенія. Впрочемъ, оставя сіе, прошу тебя, повѣдай мнѣ истинну: кто таковъ ты, отъ какого народа, какъ имя городу твоему, кто родители твои, какіе мореплаватели привезли тебя на островъ сей, въ первый ли разъ сюда пришелъ, и свѣдомъ ли тебѣ кто здѣсь, или издавна знаешь родителей моихъ? Ибо многіе странные мужи посѣщаютъ домъ сей, коего обладатель всѣмъ былъ любезенъ

Премудрая Паллада отвѣчала ему: истинну о всемъ возвѣщу: имя мое есть Ментей; нарицаюся же сыномъ знаменитаго Анхилла; владычествую надъ Тафійскимъ народомъ; въ островъ сей пришелъ я на кораблѣ съ сопутниками, направляя путь ко инопле-

меннымъ народамъ въ городъ Темесу; несу же съ собою чистое желѣзо, да пріобрѣту тамъ мѣдь; корабль мой стоитъ далеко отсюда въ пристанищѣ Рифрейскомъ; сіе странноприимство и дружество имѣемъ отъ давняго времени, о чемъ повѣдать тебѣ можетъ престарѣлый Лаэртъ, который нынѣ, какъ я слышалъ, не входитъ уже въ городъ сей, но сокрушаяся печалію, обитаетъ на селѣ съ одною престарѣлою рабынею, предлагающею ему пищу и питіе, когда изнеможетъ отъ трудовъ, упражняяся непрестанно въ смотрѣніи вертограда своего. Нынѣ пришелъ я сюда узрѣть отца твоего; но онъ, какъ возвѣстили мнѣ, обрѣтается въ чужихъ земляхъ, и боги препятствуютъ его возвращенію. Впрочемъ извѣстно мнѣ, что Одиссей доднесь еще живъ, обитаетъ въ отдаленномъ нѣкоемъ островѣ, гдѣ строптивые и жестокосердые мужи держатъ его насильственно. Я же тебѣ предвозвѣщу, что боги полагаютъ на сердцѣ моемъ; ибо не есмь я ни прорицатель, ниже свѣдомы сущь мнѣ гаданія; однако же уповаю, что слова мои всеконечно сбудутся. Недолго уже Одиссей отлученъ будетъ отъ отчизны своея, и ниже узы желѣзныя могутъ удержать его; но поистиннѣ по своему мудрому разуму обрящетъ средство избѣжать оттуда, и возвратиться въ землю отечественную. Ты же взаимно повѣдай мнѣ, не сынъ ли ты мудраго Одиссея? Взоръ, уста и все лице твое являютъ мнѣ въ тебѣ истинное его исчадіе; ибо многократно мы съ нимъ имѣли дружеское обращеніе прежде, нежели отшелъ онъ

въ Трою съ прочими Ахеянами; отъ сего же самаго времени никогда уже не видали другъ друга.

Тилемахъ отвѣчалъ ему: матерь моя повѣдала мнѣ, что я сынъ Одиссею, самъ же истинны сея не знаю: ибо никому несвѣдомо есть мое рожденіе. Но о когда бы я былъ сынъ онаго добледушнаго мужа, который въ своемъ владычествѣ живя, достигъ бы спокойно маститой старости! Нынѣ же отецъ мой есть злополучнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ.

Аѳинская богиня рекла ему: поистиннѣ боги послали тебѣ рожденіе знаменитое. Но еще повѣдай мнѣ, какая причина сего въ дому твоемъ пиршества, и что значитъ собраніе сего народа? какой случай привлекъ тебя къ увеселенію сему? не бракъ ли совершается? Токмо зрю, что пиршествующіе здѣсь мужи весьма буйныя творятъ дѣла, на кои ниединъ разумный мужъ, пришедши сюда, не могъ бы взирать безъ крайняго огорченія.

Тилемахъ въ отвѣтъ сказалъ ему: о возлюбленный посѣтитель! поистиннѣ домъ сей былъ нѣкогда знаменитъ, богатъ и чуждъ всякаго поношенія, доколѣ пребывалъ въ немъ обладатель его; но нынѣ боги иное о немъ устроили, предавъ его посмѣянію всѣхъ людей, отца же моего содѣлали уничиженнымъ паче всѣхъ смертныхъ. Поистиннѣ столько не сѣтовалъ бы я о немъ, когда бы погибъ онъ на брани отъ Троянъ, или по окончаніи оной мирно скончалъ дни живота своего на рукахъ друзей своихъ. Знаю, что тогда воздвигли бы

ему Ахеане великолѣпную гробницу; я же наслѣдовалъ бы въ предбудущія времена великую и благую славу. Нынѣ же растерзали его скверныя Гарпіи, и такъ погибъ онъ безвѣстно и безславно, оставя сердцу моему несперпимыя болѣзни и сѣтованіе; но не о немъ токмо одномъ сокрушаюсь я: ибо имѣю и другія низпосланныя отъ боговъ злоключенія: извѣстно тебѣ, сколько знаменитыхъ юношей обитаетъ въ Дулихіи, Самѣ, Закинѳѣ и во всей Иѳакійской странѣ — всѣ они пребуютъ матери моей въ супружество себѣ, которая ниже отречься отъ брака, ниже положитъ конецъ исканіямъ ихъ можетъ; они же нещадно расточаютъ домъ нашъ, да и меня самаго, мню, вскорѣ погубятъ.

Божественная Паллада отвѣтствовала ему:„ поистиннѣ имѣешь ты великую причину желать возвращенія отца своего, да содѣлаетъ отмщеніе симъ безстыднымъ искателямъ. О когда бы онъ, пришедши нынѣ въ домъ сей, сталъ въ дверяхъ сихъ, имѣя шлемъ, щитъ и два копья, и такъ же былъ бы мужественъ, какъ я видѣлъ его въ дому нашемъ піющаго и веселящагося, когда возвращался отъ города Эфиры отъ царя Ила, сына Мермерова, (къ коему ѣздилъ на кораблѣ, желая тамъ обрѣсти смертоносный ядъ для напоенія стрѣлъ; но сей бояся боговъ, отрекся ему дать; а далъ ему отецъ мой; ибо весьма его любилъ) когда бы, говорю, таковъ Одиссей нынѣ явился предъ женихами, поистиннѣ недолго бы жизнь ихъ продлилася! Но сіе состоитъ во власти боговъ. Тебѣ же совѣтую помышлять о изгнаніи

ихъ отъ дому твоего: послѣдуй моему совѣту. Наутро собери на сонмъ градскихъ старѣйшинъ и прочихъ Ѳеакіянъ; простри къ нимъ рѣчь о наносимыхъ тебѣ обидахъ; свидѣтелями же поставь безсмертныхъ боговъ; а женихамъ объяви, да возвратится каждый въ домъ свой; матерь свою, когда пожелаетъ вступить въ супружество, отпусти въ домъ къ отцу ея; тамо родители ея совершатъ бракъ, и наградятъ достойнымъ вѣномъ, какое прилично дать возлюбленной дочери. Самому же тебѣ совѣтую изготовить избранный изъ всѣхъ корабль съ двадесятью сопутниками и отплыть въ чужія страны испытать объ отцѣ своемъ. Вопервыхъ направь путь свой къ городу Пилу, и тамъ вопроси о немъ у божественнаго царя Нестора; по семъ во градъ Спарту къ царю Менелаю, который послѣдній изъ всѣхъ Ахеянъ возвратился въ отчизну свою; и когда услышишь, что отецъ твой живъ еще, и есть надежда къ возвращенію его во Ѳеаку; тогда хотя и съ печалію, но еще яви терпѣніе, ожидая годъ единъ. Когда же подлинно узнаешь, что онъ уже умеръ, тогда пришедши въ домъ свой, воздвигни великолѣпную насыпь и гробницу, и отправь достойное великаго мужа поминовеніе. Окончивъ сіе, положи совѣтъ въ душѣ твоей, какъ вознести руки на пагубу неистовыхъ мужей сихъ, и тайно или явно смерть имъ содѣлать: ибо неприлично уже тебѣ взирать на отроческія забавы. Или не слышалъ ты, коликую славу отъ всѣхъ людей пріобрѣлъ Орестъ, когда воздалъ отмщеніе Эгисѳу, убійцѣ отца своего?

Такъ и ты, возлюбленный другъ, будь мужественъ и дерзновенъ, да въ предбудущія времена и о тебѣ произрастетъ благая слава. Я же нынѣ отхожу на корабль свой къ сопутникамъ моимъ, кои уповаю, давно ожидаютъ моего возвращенія. Самъ о себѣ имѣй ты попеченіе, и сохрани слова мои на сердцѣ твоемъ.

Аѳинская богиня, рекши сіе, отлетаетъ яко высокопарная птица, вдохнувъ дерзновеніе и мужество въ сердце Тилемаха, который немедленно по семъ приходитъ въ собраніе жениховъ, внимавшихъ тогда божественному пѣвцу Фимію, воспѣвавшему плачевное Ахеянъ отъ Трои возвращеніе, каковое имъ предуставлено было премудрою Палладою. Царица Пинелопа, услышавъ пѣснь сію, низходитъ отъ своего чертога въ сопровожденіи двухъ рабынь, и пришедъ къ женихамъ, стала во дверяхъ, имѣя на лицѣ тончайшій покровъ, и испустивъ слезы, такъ вѣщаетъ къ пѣвцу Фимію: тебѣ поистиннѣ многія свѣдомы суть иныя пѣсни, ко утѣшенію сердецъ человѣческихъ и въ прославленіе боговъ и знаменитыхъ мужей служащія; и такъ воспой какую либо изъ сихъ пѣсней, какую изберетъ сердце твое; отъ сего же плачевнаго пѣнія воздержися: ибо оно терзаетъ мою внутренную, приводя на память дражайшаго моего супруга, коего славою вся Эллада и Аргивская земля наполнена.

Умудренный Тилемахъ отвѣчалъ ей: возлюбленная мать! почто возбраняешь пѣвцу сему воспѣвать пѣсни, какія ему угодно? Ибо не пѣвцы виновники нашей печали, но самъ всесильный Дій, дающій всякому человѣку смыслъ

и разумѣ по своему произволенію. Не обвиняй сего пѣвца, что воспѣваетъ злоключеніе Данайскихъ ироевъ: поелику всѣ люди наиболѣе услаждаются такою пѣснію, которая новѣйшею прославится. И такъ, когда желаешь слушать пѣніе, не огорчайся на Фимія: ибо не одинъ Одиссей не могъ узрѣть дня возвращенія своего, но и многіе другіе вожди погибли на пути своемъ. Когда же горестно тебѣ слушать оное, возвратися въ чертогъ свой, и тамъ исполняй дѣла свои, надзирая надъ рабынями своими, да со тщаніемъ исполняютъ повелѣваемое имъ. Разглагольствовать же предоставь мужамъ, и наипаче всѣхъ мнѣ, полную власть надъ домомъ симъ имѣющему.

Пинелопа, слыша сіе, объемлется изумленіемъ, и, слагая слова сыновнія на сердцѣ своемъ, отходитъ въ чертогъ свой, и тамъ предается слезамъ о возлюбленномъ Одиссеѣ, доколѣ божественная Паллада не послала сладкій сонъ на вѣжди ея.

Тилемахъ, по отшествіи ея, обращаетъ рѣчь свою къ женихамъ: знаменитые юноши, безмѣрною упоенные гордостію! пиршествуйте нынѣ съ веселіемъ, но воздержитеся отъ всякаго шума: на утро же соберемся всѣ на сонмъ, гдѣ предъ всѣми учиню вамъ запрещеніе входить въ домъ мой: ищите инуда пиршествъ, или взаимно другъ друга зовите въ ваши домы и угощайте. Когда же пріятнѣе вамъ кажется единаго мужа расточать стяжаніе, до конца его истощайте; я же призову боговъ во свидѣтельство, и уповаю, что всесильный

Дій не оставитъ дѣлъ вашихъ безъ отмщенія: поистиннѣ вь дому семъ погибнете горькою смертію.

Женихи, слушая сіе съ досадою, удивлялись дерзостнымъ словамъ Тилемаха, коему Антиной съ посмѣяніемъ отвѣтствовалъ такъ: возлюбленный другъ, сами боги, вижу я, научили тебя быть высокомѣрнымъ и велерѣчивымъ и такъ говорить дерзновенно; или громомещущій Дій хочетъ поставить тебя царемъ надъ островомъ симъ: да шебѣ и принадлежитъ по праву наслѣдства отца твоего сіе достоинство. Тилемахъ рекъ ему: всеконечно не отрекся бы я принять дара сего, токмо съ соизволенія отца боговъ и человѣковъ всесильнаго Дія. Можетъ ли назваться недостойнымъ дѣломъ обладать многими людями, когда отъ сего богатство и почтеніе вскорѣ раждается? Но я знаю, что и кромѣ меня находятся во Иѳакѣ многіе знаменитые юноши и почтенные старцы, кои достойны явятся сея высокія чести. Уже нѣтъ въ живыхъ храбраго Одиссея; посему буду я царемъ и обладателемъ надъ домомъ моимъ и надъ рабами, отцемъ моимъ мнѣ стяжанными.

Евримахъ отвѣтствовалъ ему: обладаніе надъ островомъ симъ во власти боговъ состоитъ. Ты же самъ владычествуй надъ домомъ твоимъ и надъ всемъ имѣніемъ: ибо нѣтъ человѣка, который могъ бы насильственно лишить стяжанія твоего, доколѣ островъ сей будетъ обитаемъ. Но я хочу узнать отъ тебя, кто здѣсь былъ оный странный мужъ? отъ какой земли, народа, и отъ какихъ

родителей происходитъ? Возвѣщеніе ли тебѣ о отцѣ твоемъ принесъ, или собственною нуждою завлеченный приходилъ сюда, и какъ столь скоро скрылся отсюда, что мы не могли взаимно усмотрѣть сего? Впрочемъ лице его являетъ въ немъ непростаго человѣка.

Тилемахъ отвѣтствовалъ: поистиннѣ уже изчезла надежда къ возвращенію родителя моего: и такъ съ сего времени я не повѣрю никакому о немъ возвѣщенію, кто бы и откуда ни принесъ оное, ниже внимаю гаданіямъ прорицателей, когда матерь моя призываетъ для вопрошенія ихъ. Странникъ же оный издавна есть свѣдомъ Лаэрту и Одиссею; родъ свой ведетъ отъ народа Тафійскаго, имя ему Ментей сынъ Анхиловъ, обладатель своего народа.

Такъ рекъ Тилемахъ: но самъ онъ зналъ, что во образѣ семъ была безсмертная богиня. Женихи же не переставали утѣшаться пѣніемъ и плясаніемъ до вечера; съ наступленіемъ же онаго всѣ ко сну отходятъ. Равнымъ образомъ и Тилемахъ идетъ въ чертогъ свой, коему предшествуетъ со свѣтильникомъ престарѣлая рабыня Евриклея, купленная Лаэртомъ цѣною за двадцать воловъ, и тамо сложивъ съ себя одежду, легъ на ложе, волнуяся многими помышленіями.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Когда явилася божественная утренняя заря; Тилемахъ возставъ отъ ложа, облекся въ одежды, на ноги надѣлъ сапоги, низвѣсилъ мечъ отъ раменъ, и по семъ поспѣшно повелѣлъ провозвѣстникамъ созвать на сонмъ Ахеянъ, и когда оные собрался, тогда идетъ и Тилемахъ, имѣя въ рукѣ копье, и ему два пса сопутствуютъ. Божественная Паллада излила на него благодать свою, и весь народъ удивился величественному его взору. Пришедъ на сонмище, сѣлъ на сѣдалищѣ отца своего. Былъ тамо нѣкто престарѣлый Египетскій ирой, искусившійся знаніемъ во многихъ дѣлахъ, кого сынъ Антифъ, находяся купно съ Одиссеемъ на Троянской брани, на возвратномъ своемъ оттуда пути поглощенъ въ послѣдній вечеръ люпымъ Киклопомъ Полиѳимомъ, и кромѣ сего имѣвшій еще трехъ сыновъ, изъ коихъ одинъ обращался между женихами, двое же неотлучно пребывали съ отцемъ, исполняя его повелѣнія. Сей, тогда проливъ токи слезъ, начинаетъ такъ говорить: мужественные Ѳакіяне! внемлите, что возвѣщу вамъ: никогда между нами не было толикаго собранія съ самаго того времени, какъ Одиссей на брань отлучился. Нынѣ же кто собралъ насъ сюда? отъ молодыхъ ли юношей, или изъ старѣйшинъ кто? кого нужда привлекла къ се-

му? воинство ли сопротивное слышалъ кто приближающееся къ намъ, или общенародное какое зло открыть намѣренъ? Разуменъ и благонамѣренъ зрится мнѣ человѣкъ сей, который въ злоключеніи хочетъ явить помощь. Всесильный Дій да обратитъ ему во благое все, что въ умѣ своемъ ни помышляетъ.

Тилемахъ, слышавъ сіе, весьма возрадовался; ставъ же посреди собранія, пріемлетъ отъ провозвѣстника жезлъ, и обратяся къ оному старцу, такъ вѣщаетъ: почтенный мужъ! недалеко есть человѣкъ оный, о коемъ знать желаешь: я тотъ, который созвалъ васъ на сіе собраніе; не знаю ничего, ниже о сопротивномъ воинствѣ, ниже о злѣ общенародномъ; но привлекло меня къ сему собственное мое дѣло. Два злоключенія постигли домъ мой: первое, лишился я отца, который нѣкогда владычествовалъ надъ вами со всякою кротостію и любовію; второе зло лютѣйшее есть паче перваго, которое вскорѣ изпровертнетъ домъ мой, и все стяжаніе въ прахъ обратитъ. Сыны знаменитыхъ мужей, здѣсь обитающихъ, насильственно принуждаютъ матерь мою къ супружеству. Къ достиженію же сего не хотятъ итти къ отцу ея, который можетъ достойнымъ вѣномъ наградить дщерь свою и отдать тому, кого самъ изберетъ; но они пребывая всякій день въ дому нашемъ, дѣлаютъ веселыя пиршества, закалая воловъ, овецъ и козъ; виномъ же упиваются безъ всякой мѣры, и иныя множайшія стяжанія разточаютъ невозвратно: ибо нѣтъ подобнаго мужа, каковъ былъ Одиссей, который отвра-

тилъ бы зло сіе отъ дому нашего; я же и юнъ есмь и безсиленъ; но когда бы была во мнѣ крѣпость, поистиннѣ изгналъ бы враговъ изъ дому моего, въ коемъ совершаются нестерпимыя дѣла, и сокровища съ поношеніемъ разграбляются. Вознегодуйте сами на сіи поступки, устыдитеся сосѣднихъ народовъ, убойтеся гнѣва боговъ, да не раздражатся и воздадутъ месть за ваши злодѣянія. Молю васъ во имя всесильнаго Дія и праведной Ѳемиды, воздержитеся, други мои, отъ обидъ таковыхъ, и оставьте единаго меня сокрушаться печалію. Но когда благосердый мой отецъ огорчилъ васъ какою либо обидою, взыщите на мнѣ оную яростнымъ сердцемъ отмщенія вашего: а ежели не престанете тщетно расточать имѣніе мое, блюдитеся, да не постигнетъ васъ месть наша: ибо дотолѣ не престанемъ отъ васъ взыскивать достоянія своего, доколѣ совершеннаго не получимъ воздаянія.

Сіе сказавъ, испустилъ токи слезъ, и со гнѣвомъ повергъ жезлъ на землю. Тогда всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи, и никто не дерзнулъ сказать ему что либо досадительное. Одинъ токмо Антиной отвѣтствовалъ ему: неукротимый и велерѣчивый Телемахъ! справедливо ли возлагаешь укоризны сіи на насъ, желая обезславить насъ предъ всѣми? Поистиннѣ не мы виновники печали твоей, но единственно мать твоя, которая, ежедневно сплетая ложь, прельщаетъ насъ своими хитростями. Ибо скоро минетъ третій годъ, какъ она сердца наши томитъ обманами: всѣмъ даетъ надежду, дѣлаетъ обѣщанія, посылаетъ

вѣстниковъ, въ сердцѣ же иное соумышляетъ, какъ нѣкогда начавъ ткать великую одежду, и пришедши къ намъ, такъ рекла: знаменитые юноши! когда дражайшій Одиссей мой уже скончался, молю васъ потерпите и не ускоряйте бракомъ, доколѣ совершу сіе тканіе на погребеніе престарѣлому Лаэрту, когда немилуемая смерть прекратитъ дни его, да не поругается мнѣ которая либо отъ Ахейскихъ женъ, когда будетъ непокровенъ лежать тотъ, кто при жизни многимъ обладалъ стяжаніемъ. Сими лестными словами преклонила насъ къ вѣроятію. Но она, что совершала днемъ, то ночью опять распускала: такимъ образомъ хитрость сія скрывалась отъ насъ три лѣта. Съ наступленіемъ же четвертаго года возвѣстила намъ одна изъ рабынь о лукавствѣ ея, и мы сами обрѣли ее распускающую тканіе; тогда и по нехотѣнію окончила оное. И такъ женихи тебѣ совѣтуютъ, дабы и тебѣ и всѣмъ было извѣстно: матерь твою Пинелопу отпусти изъ дому твоего, да вступитъ въ супружество съ тѣмъ, кого отецъ ея изберетъ, или кого сама пожелаетъ. Когда же еще нѣсколько лѣтъ будетъ она сплетать подобныя хитрости, и одинаковыя имѣть на сердцѣ своемъ помышленія, томя сердца наши; дотолѣ и мы не престанемъ расточать наслѣдство твое: она тѣмъ пріобрѣтетъ великую славу, но тебя сокрушитъ печаль о изнуряемомъ богатствѣ. Мы, говорю, не оставимъ домъ твой, ниже приступимъ къ дѣламъ нашимъ, доколѣ не достигнемъ своего желанія.

Тилемахъ отвѣчалъ ему: Антиной! возможно ли матерь родившую и воспитавшую меня изгнать изъ дому противъ ея желанія, живъ ли мой отецъ обрѣтается въ отдаленныхъ странахъ, или уже окончилъ жизнь свою? Не болѣзненно ли будетъ душѣ моей отдать многое имѣніе Икарію, когда отпущу къ нему дщерь его, мою же матерь Пинелопу? Не учинитъ ли мнѣ наказанія и отецъ мой, когда, возвратившися въ домъ, не обрѣтетъ въ немъ жены своей? Что же воздадутъ мнѣ и боги, когда матерь отходя изъ дому моего, будетъ заклинать отмщеніемъ мнѣ дщерей ада люотыхъ мучительницъ Эриній? Не понесу ли я такъ же поруганія и отъ людей? Поистинѣ не сотворю сего матери моей. Вы же оставьте, говорю, отнынѣ домъ мой, ищите другихъ пиршествъ, или взаимно другъ друга зовите на угощеніе въ домы ваши: но когда пріятнѣе вамъ видится единаго мужа изнурять стяжаніе, истощайте его до конца: я сказалъ уже, что призову боговъ во свидѣтельство, и уповаю, что всесильный Дій не оставитъ дѣлъ вашихъ безъ отмщенія: — въ дому семъ смертію истинно погибнете.

Когда сіе вѣщалъ Тилемахъ, се парятъ два орла отъ высокія горы, прилетѣвъ же посредѣ сонма, и обращяся одинъ противъ другаго, начали сражаться крыльями и когтями, и взирая на мужей, смерть предвѣщали; по семъ паки отлетѣли на правую сторону чрезъ городъ и домъ Одиссеевъ. Всѣ, взирая на сіе, чудились. Но престарѣлый ирой Алисеерсъ, искусившійся во многихъ гаданіяхъ, такъ гово-

рить начинаетъ: мужественные Ѳеакіяне! внемлите мнѣ, паче же всѣхъ вѣщаю къ ищущимъ Пинелопу, коимъ скорая приближается пагуба: ибо недалеко уже Одиссей обрѣтается отъ своея отчизны; но находясь близь оной, предустрояетъ горькую смерть имъ и другимъ многимъ во Ѳеакѣ обитающимъ. И такъ потщитеся, о юноши, и воздержитеся отъ безумія вашего заблаговременно: предвѣщаю вамъ сіе неложно, но довольно искусившись въ семъ и уповая, что и съ Одиссеемъ сбылося мое предсказаніе, коему я при отшествіи его на брань, предрекъ, что по претерпѣніи многихъ напастей и лишившись всѣхъ сопутниковъ, сверхъ всякаго ожиданія, въ двадцатый годъ возвратится въ свое отечество. Сіе нынѣ поистиннѣ совершается!

Еврimахъ отвѣтствовалъ ему: легкомысленный старикъ! иди и предвозвѣщай такъ сыновьямъ твоимъ, да не постраждутъ какого зла въ предбудущее время; но я несравненно тебя искуснѣе въ прорицаніи: поистиннѣ несчетное множество находится птицъ подъ небесами, но не всѣ они способны къ предвѣщанію. Знаю совершенно и то, что Одиссея давно уже нѣтъ въ живыхъ. О когда бы и вы совокупно съ нимъ погибъ, дабы толь несмысленно гадательствуя, не буесловилъ вотще, и не возбуждалъ бы раздраженнаго Телемаха ко гнѣву. Вижу я, что уповаешь ты получить отъ него дары нѣкіе. Но я предрекаю, что когда ты старъ и многому обученъ будучи, возбудишь юношу сего къ вящшему гнѣву, злѣйшая тогда напасть его постигнетъ, а тебя самаго обременимъ тяжкимъ наказаніемъ, которое наве-

детъ тебѣ многія болѣзни. И такъ совѣтую Тилемаху отпустить матерь къ отцу ея: тамо сотворятъ ей бракъ, и наградятъ вѣномъ, какое приличествуетъ возлюбленной дочери. Мы же не престанемъ требовать Пинелопу въ супружество: ибо никого не боимся, ниже велерѣчія и прещенія Тилемахова слушаемъ, ниже взираемъ на твое суемысленное прорицаніе, но паче ты усугубишь нашу ненависть противъ себя: стяжаніе Одиссеево паки разточать начнемъ, доколѣ Пинелопа не согласится вступить въ супружество, ниже рѣшимся искать другихъ невѣстъ, не сотворивъ конца начатому дѣлу.

Тилемахъ сказалъ ему: Евримахъ, и вы прочіе знаменитые женихи! не прошу васъ о семъ, ниже воспоминаю; знаютъ уже о томъ всѣ боги и всѣ Ахеяне; но токмо молю васъ снабдить меня кораблемъ и двадцатью сопутниками: ибо хочу я отплыть на островъ Пилъ и въ городъ Спарту, да испытаю о отцѣ моемъ, и когда услышу, что онъ живъ еще, тогда потерплю еще одинъ годъ, ожидая его возвращенія: когда же увѣрюся, что уже не наслаждается сіяніемъ солнца, тогда возвратився въ домъ мой, воздвигну великолѣпную ему гробницу, и воздамъ достойное поминовеніе.

Сіе сказавъ, сѣлъ на своемъ мѣстѣ. По семъ возставъ вѣрный Одиссеевъ другъ Ментиръ, въ смотрѣніе и храненіе коему поручилъ онъ отходя на брань весь домъ и все имѣніе свое, такъ рѣчь свою начинаетъ: внушите, что возвѣщу вамъ: да не будетъ ни единъ царь изъ бывшихъ на брани Троянской кротокъ,

хранитель истинны и благочестія, но да будутъ и всѣ таковыжъ обладатели царствъ жестокосерды, неправедны и насильственны, когда никто не хочетъ воспомянуть о царѣ Одиссеѣ, который къ народу своему былъ кротокъ подобно отцу чадолюбивому. Не сѣтую я на юныхъ женіховъ, непристойныя дѣла творящихъ; ибо на свою пагубу расточаютъ стяжанное царемъ Одиссеемъ, никогда не помышляя о возвращеніи его; гнѣваюся же паче на всѣхъ васъ, что толь малаго числа юношей не можете воздержать отъ обидъ и насильства.

Ліокритъ отвѣчалъ ему вопреки: несмысленный Менторъ! можешь ли ты намъ возбранить въ дѣлахъ нашихъ? Когда бы и самъ Одиссей пришедши сюда, помыслилъ изгнать насъ изъ дому своего, поистиннѣ не возрадовалася бы жена его: ибо скорая смерть постигла бы его. И такъ возвратитесь всѣ къ дѣламъ своимъ; Тилемаху же пусть приготовятъ все нужное къ пути его Менторъ и Алисферъ друзья отца его: ибо не уповаю я, что онъ когда либо совершитъ сіе путешествіе.

По сихъ словахъ отходятъ всѣ въ домы свои, женихи же идутъ паки въ домъ Одиссеевъ. Тилемахъ, пришедши на морскій берегъ, и тамъ умывъ руки, принесъ Палладѣ сію мольбу: внемли мнѣ, великая богиня! домъ мой вчерась посѣтившая, и по морю предпринять путь повелѣвшая, да испытаю о отцѣ моемъ: но въ семъ нынѣ препятствуютъ мнѣ Ахеяне, паче же всѣхъ женихи гордые.

Такъ возсылалъ мольбу Тилемахъ, и внезапно явилася Паллада во образѣ Ментора и къ

нему вѣщаетъ: Тилемахъ! когда ты имѣешь духъ мужества Одиссеева, поистиннѣ не тщетенъ будетъ путь твой, и когда бы ты не его былъ сынъ, и рожденъ не отъ Пинелопы, знай, что предпріемлемыя тобою дѣла никогда бы желаемаго конца не имѣли. Но тебѣ соприсутствуетъ мудрость Одиссеева, и ты являешь въ себѣ бодрость его и твердость, то уповай съ дерзновеніемъ, что намѣренія твои будутъ имѣть благое окончаніе. Для сего не взирая на прещеніе и гордость безумныхъ жениховъ, ибо не вѣдаютъ они, что приближается имъ пагуба и неизбѣжная смерть, которая всѣхъ ихъ пожретъ въ единъ день, будь скоро готовъ къ пути твоему; а я какъ другъ родителю твоему всюду послѣдую тебѣ, приготовлю корабль и соберу мореплавателей. Теперь возвратися ты въ домъ свой, и обращаяся между женихами, приготовь въ напутіе хлѣбъ и вино; я же между тѣмъ созвавъ сопутниковъ желающихъ сотовариществовать намъ, изберу лучшій изъ всѣхъ корабль, и снабдивъ его всемъ потребнымъ, вскорѣ предадимся плаванію.

Тилемахъ, повинуяся гласу богини, отходитъ спѣшно въ домъ, гдѣ обрѣтаетъ жениховъ, обѣдъ приуготовляющихъ. Антиной увидѣвъ его, идетъ ему на встрѣчу, и взявъ за руку, говоритъ къ нему съ насмѣяніемъ: высокомѣрный и неукротимый Тилемахъ! отринь отъ сердца твоего вредные совѣты и помышленія, паче же пребывая съ нами, пиршествуй съ веселіемъ, какъ и прежде: Ахеяне

между тѣмъ приготовятъ тебѣ корабль и сопутниковъ.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: другъ мой Антиной! возможно ли мнѣ во множествѣ гордыхъ юношей пиршествовать и веселишься спокойно? Или недовольны вы тѣмъ, что нещадно расточали мои сокровища, когда былъ я еще несмысленъ: нынѣ же, когда все разумѣю и познаю добрые совѣты, могу ли не желать вамъ отмщенія и пагубы, здѣсь ли пребывая, или отплывъ во островъ Пилъ? Но я рѣшился удалиться, и путь мой обратится мнѣ на пользу.

Сказавъ сіе, изторгаетъ свою руку отъ руки Антиноевы. По семъ нѣкто изъ жениховъ еще рекъ: Тилемахъ самымъ дѣломъ предуготовляетъ намъ пагубу, и онъ всеконечно или отъ Пила или изъ Спарты приведетъ себѣ помощниковъ, или отъ Эфиры принесетъ смертоносный ядъ, и разтворивъ его съ виномъ въ чашѣ, приуготовитъ намъ, и такъ всѣхъ погубитъ смертію.

Такъ разглагольствовали женихи. Тилемахъ же не взирая на ихъ насмѣяніе, отходитъ въ чертогъ, въ коемъ хранилися одежды, въ ковчегахъ лежавшія, злато, мѣдь, благовонный елей и сосуды наполненные старымъ, чистымъ и божественнымъ виномъ, соблюдаемымъ къ пришествію Одиссееву. Тамъ извнутрь всегда заключены были двери, и пребывала въ немъ день и ночь престарѣлая рабыня Евриклея дщерь Писиноровa, которую увидѣвъ Тилемахъ, говоритъ ей: возлюбленная питательница! наполни мнѣ двѣ-

надцать сосудовъ сладкаго онаго вина, которое блюдешь для отца моего Одиссея, и оптверзтія у оныхъ укрѣпи твердо; двадцать мѣръ въ мѣхи положи чистыя муки, и все сіе собери въ одно мѣсто: токмо блюдися, да не увѣдаетъ кто о семъ, кромѣ тебя единой: ибо въ наступающую ночь, когда мать моя сну предастся, все сіе взявъ съ собою, отплыву я въ Спарту и Пилъ извѣстишься о отцѣ моемъ.

Евриклея слыша сіе, возрыдала, и проливая слезы, говоритъ такъ: возлюбленное чадо, отнкуда вселилось въ твое сердце такое помышленіе, и за чемъ ты хочешь предпринять путь въ толь отдаленныя страны? Одиссей погибъ у неизвѣстныхъ народовъ: одинъ ты у насъ остаешся, какъ зеница ока. Кто вѣдаетъ, не устроятъ ли тебѣ женихи по отшествіи твоемъ пагубы, сами же все твое имѣніе раздѣлятъ между собою? Молю тебя, не отлучайся отъ дому твоего, но останься съ нами. Помысли, возможно ли тебѣ понести морскія злоключенія и странствованія.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ей: питательница моя! не унывай и не страшися: ибо путь сей предпріемлю не безъ промысла боговъ: токмо дай кляпву, что не возвѣстишь о семъ матери моей, доколѣ не исполнится двѣнадцать дней, или когда сама она пожелаетъ увидѣть меня, или отъ другихъ увѣдаетъ объ отплытіи моемъ: ибо не хочу я, дабы она меня ради изнуряла красоту свою.

Такъ говорилъ Тилемахъ. Евриклея же давъ кляпву, исполнила вскорѣ его по-

велѣніе. Тѣмъ временемъ божественная Паллада, обтекая повсюду городъ, собрала мореплавателей, и послѣ пришедши къ Ноимону сыну Фроніеву, корабль у него испросила. Когда же наступила ночь и помрачилися всѣ стези, тогда снабдивъ оный всемъ нужнымъ, и изведши на море, поставновила его въ пристанищѣ, куда и прочіе всѣ сопутники собралися. По семъ премудрая богиня невидимо вшедши въ собраніе жениховъ, излила сладкое дреманіе на вѣжди очей ихъ, и всѣ ко сну отходятъ спѣшно въ домы свои: къ Тилемаху же во образѣ Ментора представъ, говоритъ: любезное чадо! храбрые твои сопутники къ кораблю уже собралися, тебя одного токмо къ отшествію ожидаютъ. Почто же отлагаемъ время и медлимъ? Пойдемъ скоро.

Сіе сказавъ, предшествуетъ, а Тилемахъ послѣдуетъ за нею. Пришедши къ кораблю, обрѣтаютъ тамъ всѣхъ сопутниковъ въ готовности. Тогда Тилемахъ рекъ имъ: други мои, пойдемъ и принесемъ изъ дому моего все потребное для пути; уже все собрано и лежитъ готово; объ отшествіи же моемъ ни рабыни, ни сама матерь Пинелопа ничего не вѣдаютъ, одна токмо престарѣлая Евриклея знаетъ.

По сихъ словахъ предшествуетъ имъ, взявъ же въ домѣ все приготовленное, отнесли въ корабль, и положили сохранно. Божественная Паллада, взошедши на оный, и сѣдши на кормѣ, близь себя посадила Тилемаха. По семъ вскорѣ все приведши въ порядокъ, отрѣшили

корабль, и сѣдши по мѣстамъ, предалися плаванію; и се богиня послала благопоспѣшный вѣтръ, который дыханіемъ своимъ вскорѣ распространилъ вѣтрила. Уже корабль несется по морскимъ водамъ, разсѣкая быстротою своею шумящія и пенящіяся вокругъ его волны. Мореходцы сидятъ спокойно. Тилемахъ повелѣлъ имъ наполнить чаши виномъ, которое пили всѣ, сколько желали, въ честь боговъ, а наипаче во славу Аѳинскія Паллады.

И такъ всю ночь и чрезъ весь день съ веселіемъ путь свой совершали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Солнце, оставя жилище океана, восходитъ на твердь небесную, неся свѣтъ безсмертнымъ и земнороднымъ. Корабль Тилемаховъ приближается къ Пилу Нилееву городу, гдѣ вшедъ въ пристанище, видятъ божественнаго Нестора, со всѣми знаменитыми Пиліянами на берегу моря приносящаго жертву отъ черныхъ тельцевъ морскому царю Посидону. Тогда божественная Паллада вѣщаетъ такъ къ Тилемаху: любезный другъ!

нынѣ стыдъ уже неприличенъ тебѣ, и должно отложить его, сего ради и морскій путь ты совершилъ, да увѣдаешь о отцѣ своемъ, какая скрываетъ его земля, или которая смерть постигла. И такъ пойдемъ прямо къ царю Нестору и увидимъ, какій совѣтъ подастъ намъ: токмо моли его, да повѣдаетъ истинну; ибо ложь ему совсѣмъ несвѣдома, и онъ вельми есть разуменъ.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ей: возлюбленный Менторъ! какъ могу приступить къ толь знаменитому царю, или какое сдѣлаю ему привѣтствіе? ибо въ разумныхъ бесѣдахъ я еще не обращался, и стыжуся, будучи юнъ, вопрошать сѣдинами украшеннаго мужа. — Премудрая Аѳина отвѣчала: Тилемахъ! иное предусмотри въ умѣ своемъ, иное же пошлетъ тебѣ богъ: ибо мню, что не безъ промысла боговъ рожденъ ты и воспитанъ.

Такъ разглагольствуя, шествуютъ вкупѣ въ знаменитое собраніе Пиліянъ, гдѣ божественный Несторъ сидѣлъ съ своими сынами, а вельможи во кругъ его приуготовляли принадлежащее къ пиршеству. Усмотрѣвъ же странниковъ, идутъ имъ на встрѣчу, и Пизистратъ сынъ Несторовъ приближився къ нимъ, емлетъ за руки, и сажаетъ обоихъ на мягкихъ кожахъ близъ отца своего и брата Ѳрасимида; по томъ предлагаетъ предъ нихъ тучныя части мясъ, наполняетъ златую чашу виномъ, и нѣсколько вкусивъ отъ нея, подаетъ Палладѣ, такъ говоря: возлюбленный странникъ! прими чашу сію и вкушай отъ нея въ возблагодареніе царю Посидону: ибо и вы удо-

споилися быть участниками пиршества его: подай и сему сопутнику своему, да и онъ равное принесетъ моленіе безсмертнымъ; ибо всѣ мы имѣемъ нужду въ покровительствѣ боговъ. Зрю, что онъ юнъ есть и лѣтами равенъ мнѣ: сего ради первому тебѣ подаю сію чашу.

Сіе рекши, вручаетъ чашу. Богиня много возвеселилася, видя мужа столь праведнаго и разумнаго, и начинаетъ такъ мольбу: содержащій землю царь Посидонъ! не отрини моленія нашего, нынѣ тебѣ приносимаго. Вопервыхъ божественнаго царя Нестора и сыновъ его прославь великою славою, такъ же и всѣмъ предстоящимъ здѣсь посли радостное воздаяніе за приносимыя тебѣ отъ нихъ жертвы; посемъ подай Тилемаху и мнѣ возвращеніе съ щастливымъ окончаніемъ дѣла, коего ради пришли мы въ страну сію.

Такъ молилася Паллада, сама все совершая: по семъ подала чашу Тилемаху. По насыщеніи же пищею и питіемъ пресловутый царь Несторъ обращаетъ рѣчь свою къ нимъ: возлюбленные гости! нынѣ хочу вопросить у васъ, кто вы и откуда совершаете путь по морю? дѣло ли какое имѣете, или суетно по морямъ аки разбойники блуждаете, предая животъ великимъ опасностямъ и нанося озлобленія ближнимъ?

Тилемахъ ободренный богинею отвѣтствовалъ: великоименитый царь! мы пришли отъ острова Ѳаки не для общественнаго дѣла, но собственною нуждою убѣжденные: желаемъ увѣдать о царѣ нашемъ, о моемъ же отцѣ Одиссеѣ,

купно съ тобою, какъ повѣдаютъ, опровергшемъ Троянскія стѣны. О всѣхъ прочихъ Ахеянахъ, тамо бывшихъ, мы слышали, кто гдѣ и какою смертію скончался; смерть же отца моего Дій содѣлалъ неизвѣстною, и никто не можетъ подать мнѣ вѣрнаго извѣщенія, на морѣ, или на землѣ погибъ отъ мужей непріязненныхъ. Сего ради къ твоимъ припадаю колѣнамъ, повѣдай мнѣ, ежели гдѣ его видѣлъ, или что слышалъ о немъ, не скрой ничего, милосердствуя и болѣзнуя о мнѣ, но возвѣсти истинну.

Престарѣлый Несторъ рекъ ему: возлюбленный другъ! вопрошая о семъ, приводишь мнѣ на память всѣ злоключенія, претерпѣнныя храбрыми сынами Ахейскими на морѣ и на сушѣ во время Троянскія брани. Тамъ лежитъ бранноносный ратай Эантъ, тамъ палъ чудный крѣпостію Ахиллъ и другъ его дерзновенный Патроклъ, тамъ убіенъ лежитъ и возлюбленный мой сынъ неустрашимый воинъ Антилохъ, чудную легкость и быстроту въ бѣганіи имѣвшій. Всѣхъ же напастей нами понесенныхъ ниже чрезъ пять или шесть лѣтъ не возможно изчислить: ибо чрезъ девять лѣтъ устрояли мы разные ковы къ опроверженію онаго града. Едва наконецъ всесильный Дій помогъ намъ сокрушить враговъ нашихъ: токмо мудростію и разнообразными ухищреніями никто не могъ превзойти Одиссея имѣвшаго разсужденія и совѣты во всѣхъ дѣлахъ и собраніяхъ равныя и одинаковыя со мною. По разрушеніи же града обратилися мы на кораблях въ

домы свои. Но богъ разсыпалъ всѣхъ Ахеянъ. Великій Дій за безуміе и неправды предустроилъ всѣмъ печальное возвращеніе, паче же совѣтомъ раздраженныя Паллады, которая и между сынами Атреевыми воздвигла великое несогласіе: ибо Ахеяне собралися на сонмъ прошиву обыкновенія предъ захожденіемъ солнца (и притомъ пришли обременены виномъ), гдѣ Менелай совѣтовалъ немедленно предпринять путь во свои отчизны: Агамемнонъ же увѣщевалъ, дабы нѣкое время пребыли для принесенія жертвъ ко умилостивленію раздраженныя Паллады: ибо не вѣдалъ безумный, что прогнѣванные боги неудобно преклоняются на милость. И такъ всѣ Ахеяне, возмущаяся одинъ противъ другаго, воздвигли великій шумъ и распрю отъ неравныхъ желаній. Вся ночь оная препроведена въ зловредныхъ и несогласныхъ помышленіяхъ. На утро возставъ, низвели корабли на море, собравъ все имѣніе, и посадивъ плѣнныхъ женъ, отправилися въ путь. Но Агамемнонъ съ другою частію воинства остался тамо. Плаванію нашему богъ предуготовилъ благополучный путь. И такъ пристали мы во островъ Тенедосъ для принесенія жертвъ громомещущему отцу боговъ Дію, который новыя паки намъ устроялъ злоключенія: ибо многіе отъ насъ отлучився, пристали къ Одиссею и царю Агамемнону; яже не смотря ни на кого, собравъ нѣколикое число кораблей, предался бѣгству, предусмотрѣвъ, что богъ предуготовляетъ пагубу. За мною слѣдовалъ и Діомидъ со своими сопутниками. Но Менелай

поздно пришелъ къ намъ въ Лесвъ, гдѣ мы совѣщевались о долговременномъ нашемъ путешествіи, и не знали, выше ли острова Хіо, оставя его влѣвѣ, плыть къ острову Псирѣ, или ниже Хіоса плыть къ Миманту, и для того молили боговъ показать намъ знаменіе, и повелѣно было намъ итти во Эвбею, да избѣгнемъ злоключенія. И такъ пришли мы во время ночи въ Геростъ, гдѣ многочисленныя царю Посидону принесли жертвы. Четвертый день былъ, какъ Діомидовы корабли прибыли въ Аргъ: я же держалъ путь ко граду своему Пилу: ибо благопоспѣшный вѣтръ не переставалъ намъ способствовать. Такимъ образомъ благополученъ въ домъ свой я возвратился. О прочихъ же моихъ сподвижникахъ, которые спаслися, не знаю. Токмо слышалъ, что Неоптолемъ, сынъ Ахилловъ, съ Мирмидонянами приплылъ въ свою отчизну благополучно; такъ же и Филоктитъ съ своею дружиною и мудрый Идоменей совершили путь свой безвредно, не потерявъ на морѣ ниединаго изъ сопутниковъ, на брани спасшихся. О царѣ Агамемнонѣ, думаю, сами знаете, какъ погибъ коварствомъ безстыднаго Эгисѳа, и какое мщеніе воздалъ сему Орестъ за смерть отца своего. Такъ и тебѣ, Тилемахъ, подобаетъ быть мужественну, да обрящешь славу отъ племенъ будущихъ.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: о коль великую славу пріобрѣли Ахеяне! поистиннѣ достойную и Орестъ содѣлалъ месть Эгисѳу! О когда бы и мнѣ боги толикое даровали мужество къ

отмщенію безстыднымъ женихамъ, которые не довольствуяся своими злодѣяніями и несносными обидами, соумышляютъ противъ меня пагубу; но вижу, что боги не опредѣлили мнѣ сей чести: и такъ надлежитъ терпѣть до нѣкоего времени.

Царь Несторъ на сіе рекъ ему: слышалъ и я, что многіе юноши, ищущіе матери твоей въ супружество, причиняютъ тебѣ великія озлобленія. Но повѣдай мнѣ, добровольно ли сіе терпишь, или граждане твои возненавидѣли тебя, внемля гласу боговъ? Почто не помышляютъ безумные, что Одиссей возвратившся внезапно въ домъ свой одинъ или со многими, накажетъ ихъ за злочинія? Когда бы божественная Паллада толико и тебя любила, колико отца твоего, коему всегда являлася откръытымъ образомъ, поистиннѣ скоро престали бы они помышлять о супружествѣ.

Тилемахъ въ отвѣтъ сказалъ: великоименитый царь! я никогда не надѣюся толь великой чести сподобиться, хотя бы и сами боги быть тому благоволили. Ужасъ меня объемлетъ, таковыя слова отъ тебя слышащаго.

Паллада, во образѣ Ментора находившаяся, такъ рекла Тилемаху: неправедны таковыя твои помышленія; ибо боги и издалека могутъ спасти человѣка; лучше бы и я желалъ многія напасти подъять въ пути, токмо безвредно въ домъ возвратиться, нежели какъ Агамемнонъ, благоуспѣшно совершивъ путешествіе, въ отечествѣ своемъ погибъ злоухищреніемъ коварнаго Эгисѳа и лестію жены своей Клитемнестры. Общія же всѣмъ

смерти и самые боги воспятить не могутъ: рано или поздо всѣмъ умереть надлежитъ.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ей: возлюбленный Ментеръ! оставимъ сіе; ибо знаю я, что боги погубили отца моего, и уже не увижу въ домъ свой возвратившагося его. — Тебя же, богоподобный царь Несторъ, хочу вопросить: какъ Агамемнонъ умерщвленъ? гдѣ въ то время былъ Менелай, братъ его, и коимъ образомъ коварный Эгисѳъ пагубу ему устроилъ?

Несторъ рекъ ему: внемли чадо! повѣдаю тебѣ истинну: когда бы Менелай обрѣлъ живаго Эгисѳа, истинно повергъ бы его на полѣ въ снѣдь псамъ и птицамъ, и ни едина бы отъ Ахейскихъ женъ его не оплакала. Мы тогда, бывъ на брани, претерпѣвали различные напасти и труды; но онъ въ то время, пребывая праздень въ дому своемъ, имѣлъ единственное тщаніе, дабы лестными словами преклонить къ безстыднымъ своимъ желаніямъ царицу Клитемнестру, сначала долго пребывавшую непобѣдимою, доколѣ былъ при ней пѣвецъ, коему Агамемнонъ при отшествіи поручилъ въ смотрѣніе весь домъ и жену, и коего Эгисѳъ взявъ нѣкогда съ собою на необитаемый островъ, оставилъ его тамъ въ корысть и въ снѣдь птицамъ, по возвращеніи же оттуда взялъ царицу въ домъ свой, болѣе уже не сопротивлявшуюся. Многія онъ принесъ жертвы богамъ, многія великолѣпныя украшенія, одежды и злато истощилъ въ храмы въ возблагодареніе, что толь безчестное совершилъ дѣло, каковаго никогда не чаялъ. Мы тогда съ Менелаемъ по дружеству наше-

му совокупно отъ Трои странствовали по морю, и когда достигли Сунія Аѳинскаго мыса, Аполлонъ тамо Менелаева кормчія (*) поразилъ стрѣлами. Сего ради и по нехотѣнію принуждены были удержаться отъ своего путешествія, дабы почтить память друга своего погребеніемъ и поминовеніемъ его. Окончивъ сіе, паки емлемся пути со всѣми кораблями, и вскорѣ приходимъ къ Малейской высокой горѣ, гдѣ всесильный Дій,ославъ бурные вѣтры, воздвигъ волны аки горы великія, и корабли разсѣялъ на двѣ части, изъ коихъ одна занесена была бурею въ страну Критскую, гдѣ обитаютъ при потокахъ рѣки Іордана Кидоняне, а другая къ предѣламъ Горгинскимъ, гдѣ множество мѣлкихъ камней препятствуютъ волнамъ умножаться. Тамо едва сами плаватели спаслися отъ смерти, корабли же отъ волнъ при камняхъ великій вредъ претерпѣли. Но Менелай самъ съ пятью кораблями отнесенъ былъ къ Египту, и тамъ собирая золото и другія вещи, блуждалъ въ иноплеменныхъ народахъ. Тѣмъ временемъ коварный Эгисѳъ совершилъ злый умыселъ свой умерщвленіемъ царя Агамемнона, и покоривъ весь народъ его во власть свою, царствовалъ надъ Микинянами седмь лѣтъ; въ осьмый же годъ пришедши изъ Аѳинъ мужественный его сынъ Орестъ, отмстилъ смерть отца своего, предавъ люотой смерти злокозненнаго врага своего, и представивъ Аргивянамъ вечерю въ воспоминаніе вѣроломства сво-

---

(*) Фронтія сына Онитторова.

ей матери и нечестиваго Эгисѳа. Въ сей самый день возвратился и Менелай, имѣя на кораблѣхъ многія сокровища. — Такъ и ты, возлюбленное чадо! немногое время будь отдаленъ отъ дому своего, да не расхитятъ все твое сшяжаніе толико неистовые женихи; ибо тщетно будетъ странствованіе твое въ чужихъ земляхъ; паче же совѣтую тебѣ направить путь свой къ царю Менелаю; поелику онъ недавно возвратился въ свою отчизну, и плавая долгое время по пространству морей, видѣлъ многіе чуждые народы, откуда и птицы въ единый годъ прилетѣть не могутъ. И такъ иди къ нему на кораблѣ своемъ. Когда же хочешь ѣхать сухимъ путемъ, дамъ тебѣ коней и колесницу, послю сыновъ моихъ, да проводятъ тебя къ Лакедемонъ къ великоименитому царю Менелаю, коего и моли, да повѣдаетъ тебѣ истинну.

Между тѣмъ, какъ разглагольствовалъ такимъ образомъ Несторъ, солнце сокрыло лучи свои въ водахъ океана и ночь наступила. Тогда божественная Паллада рекла ему: великодержавный царь! нраведенъ и благъ совѣтъ твой: и такъ разсѣките на части сіи языки и на огонь возложите, по семъ наполните чаши виномъ, да въ возблагодареніе богамъ вкусивъ отъ него, сномъ насладимся: ибо уже сокрылись лучи солнца.

По сихъ словахъ, провозвѣстники немедленно подали всѣмъ воду для умовенія рукъ, юноши наполнивъ чаши виномъ, раздѣлили каждому оныя, языки же въ огонь повергли, послѣ чего всѣ возставши, отъ вина вкусили.

Тогда мнимый МенторъЪ и ТилемахъЪ хотѣли возвратиться на корабль, но НесторъЪ удержавъЪ ихъЪ, сказалъЪ: самъЪ всесильный Дій и прочіе боги да не допустятъЪ до сего, чтобы вы на кораблѣ оставались. Или я до того убогъЪ, что не имѣю ни одежды, ни ложа, ниже покрововъЪ? — Никогда не будетъЪ сего, да возлюбленный сынъЪ великодушнаго Одиссея, посѣтившій домъЪ мой, на кораблѣ почиваетъЪ, доколѣ я живъЪ остануся, и доколѣ дѣти мои пребудушЪ въЪ домѣ семъЪ, угощая всѣхЪ приходящихЪ сюда. — Аѳинская богиня отвѣчала ему: великоименитый царь! пусть будетъЪ по твоему хотѣнію, пусть ТилемахъЪ останется въЪ дому твоемъЪ, и здѣсь сномъЪ наслаждится; а я возвращуся на корабль укрѣпить мысли сопутниковъЪ нашихъЪ и нѣчто повелѣть имъЪ: ибо я между всѣми ими старшій нарицаюся.

Сіе сказавъЪ, отходитъЪ во образѣ отлетающія птицы. УжасъЪ всѣхъЪ объемлетъЪ, и НесторъЪ весьма удивленный, вѣщаетъЪ къЪ Тилемаху: возлюбленный другъЪ! познаю, что и ты будешь непобѣдимъЪ во брани, когда въЪ толикой юности сущаго тебя сами боги въЪ пути твоемъЪ руководствуютъЪ. Но мню, что не иной кто отъЪ небожителей былъЪ нынѣ съЪ тобою, какъЪ премудрая богиня Паллада, которая и отца твоего между Аргивянами вельми прославила. Пребудь же, о божественная дщерь Діева! и къЪ намъЪ милостива; низпосли славу твою мнѣ, сынамъЪ моимъЪ и возлюбленной супругѣ: я въЪ жертву тебѣ принесу дикую корову, позолотивъЪ рога ея чистымъЪ златомъЪ.

Сіе сказавъ, шествуетъ въ домъ свой, и всѣ ему послѣдуютъ. Тамъ престарѣлый царь, посадивъ всѣхъ на сѣдалищахъ, повелѣлъ наполнить чаши виномъ, чрезъ десять и одно лѣто домостроительницею соблюденное, и принесши божественной Палладѣ моленіе, вкусили, колико кто желалъ. По семъ отходятъ всѣ ко сну.

Когда же явилася багряновидная заря, Несторъ возставши отъ сна, облекшися въ одежды и изшедши изъ дому, сѣлъ при врапахъ на камняхъ, имѣя въ рукѣ скипетръ. Собрался предъ него и всѣ сыновья его: Ехевронъ, Стратій, Персей, Аритъ, Ѳрасимидъ и Пизистратъ пришелъ съ Тилемахомъ. Тогда богоподобный Несторъ начинаетъ говорить такъ: возлюбленныя дѣти! скоро потщитеся исполнить желаніе мое ко умилостивленію премудрыя дщери Діевы Паллады, посѣтить наше празднество вчерась благоволившей: одинъ да идетъ на село и повелитъ привести тучную дикую корову; другій да идетъ къ кораблю Тилемахову, и приведетъ сюда всѣхъ его сопутниковъ, оставя токмо двоихъ для стражи; третій да повелитъ притти златарю Лаэркею; прочіе пусть останутся здѣсь наблюдая, да пріуготовятъ намъ рабыни обильное и великолѣпное пиршество.

Такъ рекъ, и немедленно исполнено было повелѣніе царя, который пришедшему златарю вручилъ для позлащенія роговъ золото, по окончаніи чего повели корову Стратій и Эхевронъ; воду для умовенія рукъ и муку нэсъ Аритъ; сѣкиру держалъ Ѳрасимидъ, а

Персей имѣлъ чашу для принятія текущей крови. Божественный царь Несторъ, взявъ муку и воду, принесъ моленіе Палладѣ, и отрѣзавъ нѣсколько волосовъ отъ головы ея, ввергнулъ въ огонь. Скоро по семъ Ѳрасимидъ приближився, возноситъ сѣкиру, ударяетъ корову въ выю, по пресѣченіи ей жилъ на землю упадшую. Дщери же, супруга Несторова Евридика младшая дщерь Клименова, и жены сыновъ его воздвигли рыданіе. Пизистратъ приступивъ, учинилъ окончательное закланіе, и по изпеченіи крови раздѣлили оную на части. Бедры окропивъ тукомъ, предназначили въ жертву богинѣ, а прочія части уготовили на пиршество. По сожженіи жертвенныхъ частей дщерь Несторова Поликаста пришедши, омыла Тилемаха и умастивъ елеемъ, облекла его въ чистую и свѣтлую одежду. Юный ирой по умовеніи сѣлъ близь царя Нестора, сіяя удивительною красотою. Когда всѣ пищею и питіемъ насытилися, тогда сѣдиною украшенный царь рекъ: возлюбленныя дѣти! скоро Тилемаху приготовьте коней и колесницу, да совершитъ желаемое свое путешествіе.

Сіе повелѣніе его тотъ же было часъ исполнено. Домостроительница приготовила имъ на путь сладкія яствы, и наполнила мѣхъ виномъ. Тилемахъ съ Пизистратомъ вшедши на колесницу, мгновенно оставляютъ Пилъ, и весь оный день въ пути препроводили. По захожденіи же солнца, достигаютъ они города Феры, и становятся въ дому Діоклея, сына Орсилохова, угостившаго ихъ и предложившаго имъ дары, по вечери же чрезъ всю ночь

сладкимъ сномъ наслаждалися. По восходѣ денницы, паки емлются пути, и чрезъ весь день на быстрыхъ коняхъ оный совершали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Наконецъ достигнувъ пространнаго и великолѣпнаго города Лакедемона, шествуютъ прямо къ чертогамъ славнаго царя Менелая, который тогда угощалъ градскихъ старѣйшинъ, торжествуя бракъ сыновній и дочери своей, обрученной еще при облежаніи Трои сыну браннаго Ахилла; (ибо бракъ сей самимъ богамъ былъ благоугоденъ). Она въ городъ Мирмидонъ провождена была на коняхъ и колесницахъ. За сына же своего мужественнаго Мегапенѳа, отъ рабы въ старости прижитаго, понялъ дочь у жителя Спартанскаго Алектора: ибо Елена родивъ ему одну дщерь Эрміону, благолѣпную подобно Афродитѣ, пребыла уже неплодна. Тамъ сродники царевы и граждане по всѣмъ пространнымъ чертогамъ пиршествовали. Между ими искусный пѣвецъ, ударяя въ гусли, воспѣвалъ пѣ-

сни, и два плясца посредѣ плясали. — Тилемахъ и славный Несторовъ сынъ, приближився ко вратамъ дому царева, сошли съ колесницы. Эѳеоней рабъ Менелаевъ, увидѣвъ ихъ, поспѣшаетъ возвѣстить ему о семъ, и представъ предъ него, такъ вѣщаетъ: великій государь! пришли сюда два юноши, кои мнятся быть отъ роду великаго Дія: повелишь ли отрѣшить коней отъ колесницы ихъ, или да идутъ къ страннопріимцамъ?

Кроткій Менелай, тяжко воздохнувъ, отвѣтствовалъ: Эѳеоней! толико легкомысленъ никогда ты не былъ: нынѣ же подобенъ являешся дѣтищу. Мы въ путешествіи сами многими были страннопріемлемы, и цѣлы въ свою отчизну возвратилися, (да и впредь спасутъ боги отъ всякія напасти.) И такъ иди и отрѣши коней странниковъ отъ колесницъ ихъ, самихъ же ихъ введи сюда, да намъ сопутствуютъ.

Эѳеоней исполняя волю царя, спѣшно течетъ и созываетъ прочихъ рабовъ, да слѣдуютъ ему. Потомъ отпрягаютъ отъ колесницы упружденныхъ коней, и привязавъ ихъ къ яслямъ, кладутъ предъ нихъ жито и овесъ, путешественниковъ же вводятъ въ чертоги царевы, куда вошедши они, объяты были безмѣрнымъ удивленіемъ: ибо злато повсюду аки солнечный свѣтъ блистало. Насытивъ зрѣніе, приходятъ ко умывальницамъ, гдѣ служительницы умывъ ноги и умастивъ волосы елеемъ, облекли ихъ въ чистыя одежды, изъ руна изткан-ныя. Послѣ чего въ сопровожденіи одной изъ рабынь, несшей въ золотомъ сосудѣ воду, пред-

ставъ предъ царя Менелая, сѣли близь его на сѣдалищахъ. Предъ нихъ представлены были многія ястивы, различныя мяса и съ виномъ сосуды. Царь Менелай, подавъ десницу, такъ привѣтствовалъ: вкушайте съ веселіемъ, послѣ же, какъ насытитеся, повѣдайте намъ, отъ коея страны пришли сюда? ибо познаю происхожденіе ваше отъ роду не простаго.

Сіе сказавъ, предлагаетъ предъ нихъ тучныя части мясъ. Тилемахъ, насытився пищею и виномъ, и наклонивъ голову къ Пизистрату, такъ на ухо говоритъ: любезный Пизистратъ! видишь ли исходящее по всѣмъ чертогамъ сіяніе золота, серебра, мѣди, янтаря и слоновой кости? Великолѣпіе сіе, на которое я взирая, восхищаюся, подобится обиталищу Олимпійскаго Зевеса. Царь, уразумѣвъ имъ сказанное, и обратившись къ нимъ, такъ вѣщаетъ: возлюбленныя чада! кто изъ человѣкъ можетъ уподобиться Дію? Чертоги его и украшенія не состоятъ изъ вещества тлѣннаго. Что же до земнородныхъ, немногіе со мною могутъ сравниться въ великолѣпіи. Много поистиннѣ въ странствованіи моемъ испыталъ я злоключеній, и не прежде въ домъ возвратился, какъ по седми лѣтахъ. Я былъ на островѣ Кипрѣ, въ Финикіи, у Египтянъ, Ефіоплянъ, Сидонянъ, Эримвитянъ и въ Ливіи, гдѣ находятся овцы совсѣмъ отъ прочихъ оттѣнной породы: ибо троекратно въ году плодятся, отъ чего ни стяжатель дому, ниже пасущіе не имѣютъ недостатка ни въ сырѣ, ни въ мясахъ, ниже въ молокѣ. Тѣмъ временемъ, какъ заблуждалъ я по симъ странамъ, братъ

мой коварствомъ жены своея испилъ смертную чашу. Оттолѣ ничто меня не услаждаетъ. Слышали вы, мню, отъ отцевъ вашихъ о расхищеніи спяжанія моего во время мое странствованія. Но лучше бы мнѣ при третьей части онаго остаться, токмо бы невредимы были мужи, при облежаніи Трои падшіе: ибо я, оплакивая ихъ жребій, не исхожу изъ чертоговъ. Скорбь то утѣшаетъ меня, то удручаетъ; ибо кратковременно бываетъ ея успокоеніе. Но ни о комъ столько не болѣзную, сколько объ Одиссеѣ, изъ всѣхъ Ахеянъ величайшіе труды за меня подъявшемъ, который доселѣ странствуетъ, и неизвѣстно, живъ или мертвъ обрѣтается. Оплакиваютъ его престарѣлый Лаэртъ, цѣломудренная Пинелопа и Тилемахъ младенцемъ оставленный.

Тилемахъ, услышавъ имя отца своего, пролилъ токи слезъ, отирая ихъ багряницею. Менелай, узрѣвъ сіе, мыслилъ вопросить у него о причинѣ плача. Но тѣмъ временемъ входитъ прекрасная Елена. Мгновенно Адраста постановила ей сѣдалище, Алкиппа несла за нею драгоцѣнные ковры, Филона же золотую прясличу, на коей руно было ѳіолетоваго цвѣта, и серебреный ковчежецъ, подаренный Алкандрою женою Поливія жителя Египетскихъ Ѳивовъ, который въ даръ Менелаю далъ двѣ серебреныя умывальницы, два треножника и десять талантовъ золота. Царица, сѣдши за прясличу и подставивъ подножіе, такъ къ своему супругу говорить начинаетъ: отъ какой земли сіи пришельцы, въ дому нашемъ пребываю-

щіе? Не вѣдаю, истинно или нѣтъ сердца моего чувствованіе, токмо его открою: ибо никогда не видала подобныхъ симъ юношамъ мужей или женъ. Паче же удивляетъ меня то, что въ единомъ изъ нихъ познаю Тилемаха, сына великодушнаго Одиссея, бывшаго вкупѣ съ вами на брани Троянской и въ пеленахъ еще его оставившаго.

На что такъ въ отвѣтъ ей рекъ Менелай: возлюбленная супруга! и я мню тоже самое: ибо юноша сей взоръ, образъ и уста имѣетъ Одиссеевы; а что сіе неложно есть, утверждаетъ меня паче то, что онъ при напоминаніи моемъ объ Одиссеѣ пролилъ токи слезъ, отирая ихъ своею одеждою.

Здѣсь пресѣкъ рѣчь его Пизистратъ, сынъ Несторовъ, и такъ отвѣтствовалъ: великоименитый царь! дѣйствительно онъ есть сынъ Одиссеевъ, но таитъ о себѣ: ибо вельми скроменъ, и пришедши сюда, не хощетъ предъ тобою, коего гласомъ яко божественнымъ мы утѣшаемся, тщетными превозноситься словами. Несторъ далъ ему меня въ сопутника: поелику пожелалъ видѣть тебя, да облегчишь или самымъ дѣломъ, или совѣтами скорбь его, въ которую ввергаетъ отсутствіе родителя его, не имѣя, кто бы утѣшилъ его въ оной. Въ такомъ состояніи Тилемахъ обрѣтается.

Кроткій Менелай такъ отвѣчалъ: безсмертные боги! и такъ въ дому моемъ угощаю я сына дружелюбнѣйшаго мнѣ мужа, многія болѣзни за меня подъявшаго! Громомещущій Дій! благоволи, да узрю нѣкогда и его самого. Я въ честь

ему воздвигнулъ бы въ Аргосѣ городъ и зданія, и со всемъ родомъ и людьми призвалъ бы его въ оный; тогда бы вящшую возъимѣли мы между собою любовь, которую разорвать развѣ бы сильна была смерть едина. Но сіе по видимому богамъ не угодно.

Сіе вѣщая, возбудилъ во всѣхъ рыданіе. Плакала Елена, плакалъ Тилемахъ, плакалъ и самъ Менелай, не могъ воздержаться отъ слезъ и сынъ Несторовъ, вспомнивъ о невинномъ Антилохѣ, убитомъ отъ сына златозарныя Денницы, и обративъ рѣчь свою къ царю, говоритъ: о государь! когда ни случалось намъ разглагольствовать о тебѣ, Несторъ всегда прославляетъ паче прочихъ земнородныхъ мудрость твою. И такъ нынѣ послушай меня, воздержися отъ сѣтованія: ибо непристойно предаваться скорби во время вечерняго пиршества: скоро явится паки златозарная денница. Всякое бѣдствіе сносить должно терпѣливо: ибо всѣ мы смертны, и всякъ изъ насъ подверженъ сему жребію, и стричь волосы и точить изъ очей слезы есть удѣлъ бѣднаго человѣчества. Не не извѣстно тебѣ, что братъ мой, превозшедшій всѣхъ быстротою въ ристаніи и искуствомъ во брани, также испилъ смертную чашу: однакожъ я не скорбѣлъ и не печалился о немъ.

Менелай ему отвѣчалъ: возлюбленный другъ! все тобою сказанное приличествуетъ старому и благоразумному мужу, и сколько слова твои основательны, столько же показываютъ и благородное твое происхожденіе. Поистинѣ дѣлаешь ты честь родителю сво-

ему, коему свыше благоволено препровести дни старости въ дому своемъ и веселиться мудростію и доблестію сыновъ своихъ. И такъ забудемъ скорбь нашу, и умывъ руки, приступимъ къ вечери, наутро же побесѣдуемъ съ Тилемахомъ искреннѣе.

По сихъ словахъ Асфаліонъ подалъ воду для измовенія рукъ, послѣ чего начали всѣ вкушать предложенныя снѣди. Тогда Еленѣ угодно явилося вложить въ вино нѣкое зѣліе, которое принято будучи, дѣлаетъ забвеніе печали и гнѣвъ утоляетъ, такъ, что ни едина слеза изъ очей не истечетъ, хотя бы отецъ или матерь умерли, или бы брата и возлюбленное дѣтище предалъ кто смерти. Такое растеніе хранила у себя царица, которое подарено было ей Полидамною женою Ѳона Египтянина, гдѣ земля производитъ многіе какъ вредоносные, такъ и спасительные злаки, открытые Аполлономъ, паче всѣхъ смертныхъ искуствомъ врачевать превозшедшимъ.

Когда приготовлено было оное смѣшеніе, тогда сказала Елена: великодержавный мой супругъ и вы сыны храбрыхъ мужей! часто великій Дій злое въ доброе и доброе въ злое премѣняетъ: ибо все отъ него возможно. И такъ нынѣ пиршествуйте, взаимною бесѣдою утѣшаяся. Въ свою череду и я повѣдать намѣрена все (хотя то будетъ выше силъ моихъ), что ни учинилъ достопамятнаго злощастный Одиссей, и какъ онъ обольстилъ народъ Троянскій, когда бѣдствовали Ахеяне, наказуемые за жестокосердіе. Онъ возложивъ на себя раздранное рубище, даже во образѣ раба

не усумнился войти для соглядания въ городъ Трою, гдѣ никѣмъ не былъ познанъ, кромѣ меня единой. Я у него о немъ же вопросила, но онъ притворно отрекся, и не прежде открылъ свое намѣреніе, доколѣ я умывъ его, помазавъ голову елеемъ, и облекши въ одежду, не клялася, что не открою о немъ Троянамъ. Послѣ сего посредствомъ своей хитрости предавъ смерти многихъ жителей города, къ Ахеянамъ возвратился. Тогда всѣ жены Троянскія проливали слезы: одна только я внутренне веселилася: ибо желала возвратиться въ свою отчизну, оплакивая свое заблужденіе, воспоминая о дочери своей, о супругѣ, и укоряя себя за безуміе.

Менелай, пресѣкши рѣчь ея, присовокупилъ къ тому. Все, возлюбленная жена, сказанное тобою истинно. Во многихъ бывалъ я странахъ, видѣлъ мужей и бранноносныхъ и мудрыхъ; но нигдѣ не обрѣталъ подобнаго злощастному Одиссею. Коль много сей герой учинилъ тогда мудраго, когда князи Ахейскіе, засѣдшіе въ коня, (въ числѣ коихъ и я обрѣтался) приготовлялися нанести конечные удары Троѣ. Ты наконецъ туда пришла съ Діифовомъ, и мнѣ кажется, самъ богъ вложилъ тебѣ сіе въ сердце; ибо троекратно осмотрѣвъ тайный входъ въ коня, называла по именамъ всѣхъ героевъ Ахейскихъ. Я, Діомидъ и благоразумный Одиссей, сидя внутрь онаго, слышали слова твои, и мы оба готовы были тогда же или выйти изъ него, или отвѣчать тебѣ; но мудрый Одиссей намъ возбранилъ сіе. Всѣ прочіе юноши Ахейскіе

молчали, одинъ токмо Антиклъ хотѣлъ отвѣчать тебѣ: но Одиссей и ему заградивъ уста, спасъ чрезъ то всѣхъ Ахеянъ. Дотолѣ пребывали мы въ семъ состояніи, доколѣ не пришла ты обратно.

Когда царь Менелай кончилъ свою рѣчь, тогда Тилемахъ сказалъ: о доблемудренный царь Менелай! адамонтовое сердце его ничѣмъ сокрушено быть не можетъ. Но повели намъ приготовить постели; ибо сонъ зоветъ въ свои объятія.

Исполняя его желаніе, Елена повелѣла немедленно рабынямъ на переходахъ постлать постели, положить покрывала, ковры и срачицы. Рабыни съ вожженнымъ свѣтильникомъ спѣшно текутъ исполнить повелѣнное царицею, и оныя тотчасъ приготовивъ, препроводили туда Тилемаха и сына Несторова. Самъ же Менелай съ Еленою легъ въ верхнихъ чертогахъ дома.

Когда златозарная денница явилася, царь пробудяся отъ сна, облекся въ одежды, и надѣвъ сапоги, препоясалъ мечъ обоюду острый, и потомъ пришедши къ Тилемаху, между прочимъ вопрошаетъ: возлюбленный Тилемахъ! какая побудила тебя нужда чрезъ толь далекій путь притти сюда, общественная ли, или своя собственная? повѣдай мнѣ истинну.

Тилемахъ на сіе отвѣчалъ: о великоименитый царь! пришелъ я сюда, да увѣдаю о отцѣ моемъ; ибо въ дому нашемъ происходятъ многія неустройства. Онъ наполненъ враждебными мнѣ людями, которые ищутъ въ супружество матери моей, пожираютъ овецъ и расточаютъ

своевольно отеческія стяжанія. Сего ради молю тебя, повѣдай мнѣ о кончинѣ его, ежели ты оную видѣлъ или слышалъ отъ кого либо; ибо злощастіе угнѣтаетъ меня отъ рожденія матерняго. Возвѣсти истинну о всѣхъ дѣяніяхъ и рѣчахъ учиненныхъ при облежаніи Трои отцемъ моимъ, гдѣ Ахеяне подъяли толикіе труды и напасти: не скрой ничего.

Тогда тяжко воздохнувъ Менелай, начинаетъ рѣчь свою: ахъ! какъ бизсильные юноши дерзаютъ возлечь на ложѣ толь сильнаго и крѣпкаго мужа? Какъ молодая лань съ оленемъ похитивъ дѣтей у сильнаго льва, усыпляютъ ихъ на холмѣ въ густой дебри, сами же пасутся въ злачной юдоли: но сей пришедши, и не видя дѣтища своего, обтекаетъ повсюду, по семъ обрѣтши оленя съ ланью, и обоихъ расперзавъ, пожираетъ: такъ и Одиссей возвратившися, содѣлаетъ горькую женихамъ пагубу. Великій Дій, Паллада и Аполлонъ! о когда бы таковъ нынѣ возвратился Одиссей, и предъ гордыми женихами явился, каковъ былъ въ Лесвѣ, когда сражался съ сыномъ Филомила, коего сокрушивъ, низложилъ мужественно! Тогда всѣ Ахеяне возрадовалися. Всеконечно бы они узрѣли нынѣ вскорѣ конецъ горестнаго своего брака. О чемъ же меня вопрошаешь и знать желаешь, повѣдаю тебѣ неложно, что открылъ мнѣ о немъ нѣкій старецъ, любящій истинну. Безсмертнымъ, ибо не принесъ я имъ должныя жертвы, угодно было меня возвращающагося въ домъ съ пути совратить во Египетъ, не доѣзжая коего есть нѣкій островъ Фаръ на-

зываемый, до коего на кораблѣ споспѣшествуемомъ вѣтрами съ распущенными вѣтрилами потребенъ день плаванія. Тамъ обрѣтается самое пространное пристанище, гдѣ запасшися водою, паки вдаются морю. Тамъ ради противныхъ вѣтровъ пребывалъ я двадцать дней. Когда бы не оказала мнѣ свою помощь и не спасла нѣкая богиня Идоѳея, дщерь Протеева, надо мною сжалившаяся, сугубое постигло бы меня злощастіе: ибо заблуждающіе питаются на семъ островѣ токмо ловленіемъ рыбы. Вельми несмысленъ, ты странникъ, такъ говорила оная богиня, ко мнѣ приближився, что или по отчаянію или добровольно доселѣ здѣсь пребываешь и печалію утѣшаешься. Ежели еще нѣсколько дней здѣсь промедлишь, навсегда злощастенъ останешься; ибо сопутники твои начинаютъ сердцемъ смущаться. Я ей отвѣчалъ: признаюся тебѣ, поелику за нѣкую изъ богинь тебя почитаю, что непроизвольно я здѣсь пребываю, но вижу, что какой нибудь богъ гнѣваяся на меня, возбраняетъ возвратиться въ отечество. — Странникъ, отвѣтствовала она мнѣ, я тебѣ повѣдаю истинну: въ сей странѣ есть нѣкій богъ моря Протей, вѣдающій всѣ глубины водныя и Нептуну служащій, который, какъ повѣствуютъ, отецъ мнѣ есть: когда ты его какимъ либо ухищреніемъ уловишь, повѣдаетъ тебѣ все подробно о пути твоемъ, о далекости онаго, о твоемъ возвращеніи, паче же о дѣлающемся въ дому твоемъ. — Но какъ, сказалъ я, возмогу учинить сіе: ибо боги прозорливѣе суть земнородныхъ?--

Богиня, отвѣчала мнѣ: когда солнце достигнетъ средины дня, тогда Протей при вѣяніи зефира изшедши, ляжетъ на берегѣ посреди морскихъ животныхъ, постайно спящихъ, и изпускающихъ нестерпимое отъ себя зловоніе: ты же избравъ троихъ вѣрнѣйшихъ тебѣ мужей, приходи сюда: я васъ положу вкупѣ съ оными чудовищами, по срединѣ коихъ Протей, какъ пасущій посредѣ овецъ, покоится. Когда узрите его уснувшаго, тогда потребна ваша смѣлость и сила, и нападши на него, держите крѣпко дотолѣ, доколѣ не увидите его подобнаго спящему; ибо къ освобожденію своему преобразоваться будетъ въ разныя подобія, какъ то въ землю, въ животныхъ, въ воду и огонь: тогда развязавъ его, вопроси, кто изъ безсмертныхъ на тебя гнѣвается, и что предопредѣлено о твоемъ возвращеніи. Сіе сказавъ, отъ очей моихъ сокрылася. Тогда пошелъ я поспѣшно къ кораблямъ своимъ, и тамъ вкусивши всѣ вкупѣ пищу, предалися сну.

Когда показалась утренняя заря; тогда я избравъ троихъ вѣрнѣйшихъ мнѣ друговъ, и призвавъ боговъ въ помощь, пошелъ въ назначенное богинею мѣсто, тамъ уже насъ ожидавшею и имѣвшею четыре кожи, которыя она сняла ночью съ оныхъ животныхъ, кои были еще сырыя, и изъ коихъ по одной на каждаго надѣвши, положила всѣхъ вкупѣ. Но отъ нихъ столь смрадное исходило зловоніе, что едва ли бы возмогли мы исполнить свое ухищреніе, когда бы богиня для отраженія онаго не положила предъ обонянія наши ам-

вросію. Цѣлое утро прошло въ ожиданіи часа, когда надлежало явиться морскимъ чудовищамъ. Наконецъ изшедши оныя, легли поларно. Вскорѣ послѣ ихъ явился и самъ Протей, и осмотрѣвъ всѣхъ, наряду съ коими и мы были, легъ и успокоился, ничего не вѣдая о нашей козни. Мы познавъ его спящаго, исполнили по наученію богини. Тогда онъ, какъ сказано намъ было, началъ преобразоваться въ разные виды, и вопервыхъ въ страшнаго льва, въ дракона, въ рысь, въ гадовъ, въ воду и наконецъ въ высокое дерево. Но мы дополѣ неослабно его держали, доколѣ не вопросилъ меня: сынъ Атреевъ! кто изъ боговъ наставилъ тебя такъ со мною учинить, и чье было содѣйствіе? Я ему отвѣчалъ: почто лукавствуя, вопрошаешь меня о семъ? Ты знаешь, сколь долговременно на семъ островѣ мое пребываніе, не несвѣдомъ такъ же и о томъ, какъ могу отсюда освободиться; ибо много о семъ сердце мое сокрушается: сего ради молю тебя, повѣдай мнѣ, кто изъ боговъ озлобленъ противъ меня, и возбраняетъ возвратиться въ отчизну? — Отвѣтствовалъ онъ мнѣ: Дій и прочіе боги препятствуютъ, и не прежде въ домъ свой возвратишься, доколѣ въ Египтѣ не принесешь имъ сточисленныя жертвы. Тогда пошлются тебѣ благопоспѣшные вѣтры, и прибудешь щастливо въ страну свою. При сихъ его словахъ весь духъ мой возмутился; ибо не желалъ я паки вдаться ся толь далекому и многотрудному плаванію. Потомъ рекъ ему: все сіе, что повелѣваешь, исполню: но возвѣсти мнѣ истинну: всѣ ли

полководцы Ахейскіе, бывшіе на брани Троянской, коихъ мы оставили съ Несторомъ, возвратилися въ свои отчизны, или нѣкоторые изъ нихъ погибли? — Онъ отвѣчалъ: сынъ Атреевъ, почто о семъ вопрошаешь меня? ибо не подобаетъ тебѣ вѣдать сіе, ниже испытывать, да и не уповаю, чтобы ты не прослезился, когда подробно все тебѣ повѣдаю. Многіе изъ нихъ наказаны, а многіе спаслися. Двое и доднесь еще странствуютъ, между которыми и ты обрѣтаешся. Аяксъ со флотомъ своимъ претерпѣлъ отъ Нептуна многія искушенія, по безднамъ морскимъ носяся, то кораблями о камни ударяяся. Поистиннѣ избѣгнулъ бы онъ отъ смерти, какъ ни былъ Палладою ненавидимъ, когда бы не произнесъ нѣкоего нечестиваго слова, и тѣмъ вящше боговъ не прогнѣвалъ, похвалився, что месть не возбранитъ ему спастися отъ наглости водъ морскихъ. Тогда богъ морей, не стерпя его мечтаній, пріемлетъ во гнѣвѣ трезубецъ, и сильною рукою ударивъ о камень, сокрушилъ корабль, коего часть одна осталась на своемъ мѣстѣ, а другая, на коей сидѣлъ Аяксъ, погрязла вкупѣ съ нимъ въ безднѣ моря. Такимъ образомъ погибъ сей вождь. Братъ твой такъ же безъ особливаго покровительства великія Ириды едва ли бы спасся отъ погибели. Онъ уже достигъ Малейскія горы, какъ внезапно стремленіемъ вѣтровъ отнесенъ былъ къ самому Аргу, гдѣ по Ѳіестѣ владычествовалъ сынъ его Эгисѳъ. Но какъ и тамъ никакого зла ему не приключилося; но въ возблагодареніе богамъ, что благоволи-

ли безвредно возвратиться въ отечество, пролилъ радостныя слезы. Уже корабль присталъ къ берегу. Соглядатай поставленный коварнымъ Эгисѳомъ стеречь его, коему за сіе далъ онъ два таланта золота, и который чрезъ цѣлый годъ стерегъ, узрѣвъ съ высокія башни корабль, поспѣшно течетъ съ возвѣщеніемъ къ царю, который коварствуя пропивъ брата твоего, избираетъ двадцать отважнѣйшихъ мужей, повелѣваетъ приготовить пиршество, самъ же на коняхъ и колесницахъ выходитъ къ царю Агамемнону для срѣтенія его, зло въ сердцѣ на него соумышляя, и во время пиршества, подобно волу при ясляхъ, невинно закалаетъ, и всѣхъ его сопутниковъ погубляетъ.

Когда окончилъ повѣствованіе Протей, я весь смутился духомъ, и сидя на пескѣ плакалъ, жить болѣе и взирать на солнце не желая. Когда же насытился я плачемъ, онъ паки мнѣ рекъ: сынъ Атреевъ! воздержися отъ сѣтованія, помышляй паче о твоемъ въ отчизну возвращеніи. Ежели не предваришь своей погибели, то Орестъ на вечернемъ пиршествѣ погубитъ тебя. — Отъ сего извѣщенія ободрившись я духомъ, сказалъ ему: извѣстно мнѣ сіе, но повѣдай мнѣ о третьемъ мужѣ, который странствуетъ; ибо желаю я о немъ извѣститься, хотя и чувствую печаль въ сердцѣ? — Онъ мнѣ отвѣтствовалъ: Одиссей сынъ Лаэртовъ, коего я видѣлъ снѣдаемаго печалію, обитающаго въ домѣ богини Калипсы, которая противъ воли держитъ его на островѣ своемъ; ибо ни корабля, ни сопутниковъ онъ не

имѣетъ, и лишенъ всякія надежды къ возвращенію когда-либо въ отечество. Ты же, знаменитый Менелай, не узришь въ Аргѣ смерти, но преселенъ будешь въ Елисейскія поля, въ мѣсто веселія, гдѣ и Рамаданту пребываетъ, гдѣ нѣтъ ни дождей, ни снѣга, ни стужи, но къ прохлажденію жителей дуютъ всегда благоразтворенные зефиры; ибо имѣешь женою Елену и зять именуешься Дію.

Сіе сказавъ, сокрылся мгновенно въ море. Я же въ крайнемъ смущеніи духа съ сопутниками своими возвратился къ кораблямъ, гдѣ по обыкновенію насытився пищею, опочили сномъ на берегу моря.

Когда денница на златозарной колесницѣ явилася; тогда мы пробудився отъ сна, низведши корабли въ море, поднявъ щеглы и распустивъ вѣтрила, отправилися въ путь. По прибытіи во Египетъ, принесъ я богамъ сточисленныя жертвы, и такимъ образомъ ихъ умилостививъ, потомъ воздвигнувъ Агамемнону подобающую его достоинству гробницу, возвратился безпрепятственно въ отечественную землю: ибо безсмертные боги благопоспѣшный вѣтръ послали.

И такъ я хочу, да пребудешь ты въ дому моемъ отселѣ двенадцать дней, послѣ чего давъ тебѣ въ даръ трехъ коней съ богатоубранною колесницею и для приношенія богамъ жертвъ драгоцѣнный сосудъ, да воспоминаешь о мнѣ во всю жизнь свою, ошпущу тебя съ миромъ.

Тилемахъ отвѣчалъ ему: о великоименитый царь! не удерживай меня столь долгое

время. Когда бы не желалъ я возвратиться въ домъ и увидѣть отца своего, радъ былъ бы у тебя чрезъ цѣлый годъ пребывать; ибо вельми утѣшаютъ сердце мое твои сладкія бесѣды: къ томуже и сопутники, думаю, сокрушаются о мнѣ въ Пилѣ мыслію. Что же надлежитъ до даровъ твоихъ, то снабди меня чѣмъ либо такимъ, что сокрыть, или носить возможно. Коней же я не могу принять, но оставляю здѣсь, гдѣ жита и ячменю во избыткѣ; напротивъ того Ивака ради неплодородія своего неспособна содержать оныхъ, кромѣ однихъ козъ дикихъ.

При сихъ словахъ, Менелай принявъ осклабленный видъ, и взявъ его за руку, такъ вѣщалъ: возлюбленное чадо! отъ благороднаго отца рожденъ будучи, благородно и разсуждаешь. Я перемѣню тебѣ дары; ибо не есть невозможно сіе, и дамъ тебѣ изъ дому моего драгоцѣннѣйшее произведеніе чуднаго художества серебреную чашу и позлащенныя умывальницы рукъ Вулкановыхъ, кои подарилъ мнѣ Федимнъ царь Сидонскій, когда я въ дому его пребывалъ.

Тѣмъ временемъ, какъ они такъ разглагольствовали, граждане собралися къ царю на пиршество, ведя съ собою овецъ и неся вино, жены же ихъ хлѣбы. Такимъ образомъ въ дому Менелая обѣдъ уготовляли.

Между тѣмъ женихи въ дому Одиссеевѣ различными забавами нагло увеселялися. Антиной и Эвримахъ, силою паче всѣхъ превосходившіе, были изъ нихъ начальнѣйшими, изъ коихъ предъ перваго представъ нѣкогда Ноимонъ сынъ Фроніевъ, такъ говорилъ: свѣ-

домъ ли ты Антиной, когда Тилемахъ паки прибудетъ изъ Пила? ибо взялъ мой корабль, въ коемъ мнѣ нужда настоитъ нынѣ для отвезенія въ Илиду двѣнадцати кобылицъ для укрощенія муловъ, въ ярмо предназначенныхъ. Сими словами привелъ онъ всѣхъ въ удивленіе: ибо не воображали, чтобы Тилемахъ находился въ Пилѣ, но полагали, что онъ съ пастухами, или овцами гдѣ либо на полѣ обрѣтается.

Антиной отвѣтствовалъ ему: повѣдай мнѣ истинну, когда Тилемахъ отсюда удавился, и кто съ нимъ изъ юношей сопутствуетъ? отъ здѣшнихъ ли жителей, или иноплеменные наемники? силою ли отнялъ у тебя корабль, или ты далъ ему добровольно?

Ноимонъ отвѣчалъ: корабль далъ ему добровольно, да и кто бы отказать могъ, когда онъ просилъ онаго? Послѣдовали же за нимъ многіе здѣшніе знаменитые юноши подъ предводительствомъ Ментора, или паче бога: ибо Ментора я вчерась здѣсь видѣлъ, и сіе много удивляетъ меня. Такъ возвѣстивъ, возвратился въ домъ отца своего.

Тогда женихи, оставивъ о преимуществѣ препираться, собрался всѣ вкупѣ. Антиной же съ видомъ печали во гнѣвѣ, какой въ сердцѣ чувствовалъ, начинаетъ такъ говорить: праведные боги! поистиннѣ Тилемахъ учинилъ тяжкое преступленіе. Какъ онъ, будучи еще отрокъ, дерзнулъ насъ не послушать и съ лучшими юношами удалиться? Ожидать надлежитъ отъ него вящшаго зла: но сіе да отвратитъ всесильный Дій. И такъ снарядите мнѣ нынѣ

же корабль съ двадцатью сопутниками, да погублю его, въ отечественную землю возвращающагося, на берегахъ Ѳаки или Сама.

Всѣ единогласно похвалили его намѣреніе. Потомъ возставъ отъ мѣстъ своихъ, пошли въ домъ Одиссеевъ.

Пинелопа вскорѣ увѣдала о зломъ женихов совѣщаніи. Возвѣстилъ же ей о томъ провозвѣстникъ Медонтъ, бывшій внѣ храмины, въ коей женихи ковъ соплетали, слышавшій ихъ совѣты, и поспѣшно предъ царицу притекшій со извѣщеніемъ объ оныхъ. Она же сими словами его срѣтаетъ: Медонтъ! почто пришелъ ко мнѣ? сказать ли повелѣнное отъ женихов, да оставя служительницы дѣла свои, приготовятъ пиршество? Да не являются сего дня они ко мнѣ. Доколѣ дѣлать будете насиліе дому царя и вредить Тилемаху? Слышали, думаю, вы въ юности отъ отцевъ вашихъ, сколь знаменитъ Одиссей между ими почитался: ибо никому и никакого зла не причинилъ. Въ семъ заключается качество великаго мужа! Но ваши сердца и нечестивыя дѣла являютъ, что вы его благодѣяній не чувствуете.

Медонтъ по вдохновенію самыя премудрости такъ отвѣчалъ: великоименитая царица! зло сіе не столь важно въ разсужденіи замышляемаго женихами: но да отвратитъ оное всесильный Дій! Они усовѣтовали погубить возвращающагося Тилемаха, отбывшаго въ Пилъ и Спарту, да увѣдаетъ о отцѣ своемъ.

Царица содрогнулася отъ сего возвѣщенія. Сѣтуя и пребывъ чрезъ нѣкое время

безмолвна, прерывающимся и томнымъ голосомъ вѣщаетъ: ахъ! что сына моего понудило отсюда удалиться и предаться морю? или да и его память погибнетъ?

Неизвѣстно мнѣ то, отвѣтствовалъ ей провозгласникъ, богъ ли какой вдохнулъ въ него, или душа его возжелала отплыть въ Пилъ, не увѣдаетъ ли что либо о возвращеніи отца своего, или какою погибъ онъ смертію.

Сіе рекши, оставляетъ царицу, которая не возмогши отъ сердечной шуги сидѣть на сѣдалищѣ, отошла на порогъ чертога, и горько рыдала. Плакали вокругъ ея и рабыни какъ юныя, такъ и престарѣлыя, къ коимъ она такъ вѣщаетъ: ахъ мои собесѣдницы! боги паче мѣры и паче прочихъ сверстницъ меня наказуютъ. Они отняли у меня великодушнаго, добродѣтельнаго и паче всѣхъ Ахеянъ прославившагося супруга: нынѣ лишили и возлюбленнаго сына, о отбытіи коего я даже не вѣдала. Увы! злощастныя, когда вы знали о семъ, почто меня ни едина о томъ не предварила? Я отъ таковаго предначинанія или бы отвратила его, или бы паче умерла при очахъ его. Призовите ко мнѣ невольника Долія, вертоградъ мой стрегущаго, да возвѣститъ онъ о семъ Лаэрту, который, мню, не оставитъ объявить въ народѣ о намѣреніи хотящихъ погубить исчадіе прославившагося храбростію Одиссея.

Престарѣлая Евриклея отвѣчала ей такъ: повелительница моя! хотя повелишь меня предать смерти, хотя оставишь живу, ничего отъ тебя не утаю. Я объ отшествіи Теле-

маха была свѣдома, и снабдила его на путь виномъ и хлѣбомъ; но онъ заклялъ меня, дабы не прежде двѣнадцати дней тебѣ я возвѣстила, да не изнеможешь отъ печали. И такъ умывся и возложивъ свѣтлыя одежды, въ вечеряльницѣ помолися вкупѣ съ рабынями богинѣ Аѳинской дщери Дія Эгейскаго. Она его спасетъ отъ всякія напасти, престарѣлаго же Лаерта не сокрушай печалію.

Сими словами умѣрила печаль и слезы царицы, которая умывся, облекшися въ свѣтлыя одежды и вшедши въ вечеряльницу, всыпала муку въ сосудъ, и такъ молилася Палладѣ: неукротимая богиня, дщерь всемогущаго Дія! внемли мольбѣ моей, и ежели когда либо въ жертву тебѣ въ дому Одиссеевѣ принесенный волъ или агнецъ благопріятенъ явился, не забудь сего: спаси мнѣ сына, и разсыпь навѣты въ жену меня ищущихъ.

Сіе рекши, прослезилася. Богиня услышала ея моленіе. Женихи же внѣ храмины недоумѣвали о семъ, и нѣкто изъ нихъ подстрекаемъ будучи гордостію, такъ сказалъ: кичливая царица, по видимому, готовится нынѣ избрать либо кого изъ насъ себѣ мужемъ, не вѣдая, что сыну ея погибель устрояется. — Но сіе сказано было по незнанію божескихъ предопредѣленій. Антиной отвѣчалъ: о неблагоразумные юноши! воздержитеся отъ сихъ словъ, дабы услышавъ кто либо, не возвѣстилъ ей о семъ. Совѣтъ нашъ долженъ быть исполненъ тайно.

По семъ избраны были двадцашь знаменитыхъ мужей, съ коими Антиной съ морскаго берега низвелъ корабль на море, поставилъ щеглу, расположилъ гребла, поднялъ вѣтрила и сталъ въ назначенномъ мѣстѣ. Тамъ приготовлена имъ была вечерняя трапеза, и они ожидали токмо наступленія ночи.

Пинелопа же въ вечеряльницѣ не вкусивъ ни пищи, ни питья, пребывала голодна, и помышляла токмо о опасности, предстоящей сыну ея, подобно ловцами окруженному львичищу, сѣти ему устрояющими. Когда по многихъ и различныхъ волненіяхъ сладкимъ сномъ успокоилася, тогда Аѳинская богиня, дабы облегчить печаль ея, сію хитрость устроила: представила ей во снѣ Ифтиму сестру ея, да утѣшитъ сѣтующую и плачущую Пинелопу, которая вшедши въ чертогъ и ставъ подлѣ головы ея, такъ рекла: возлюбленная сестра, спишь ли ты? Безсмертные боги возбраняютъ тебѣ сѣтовать и скорбѣть: сынъ твой невредимъ возвратится: ибо неповиненъ есть предъ ихъ очами. Пинелопа во снѣ ее вопросила: сестра моя! какъ пришла сюда? Обитая столь далеко, прежде сего не посѣщала меня. Какъ могу по твоему совѣту престать отъ сѣтованія, когда великая скорбь меня снѣдаетъ? Ибо лишилася добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ Ахеянъ, великодушнаго и знаменитаго супруга, а нынѣ лишаюся и возлюбленнаго сына, который въ юности сущій, не могущій понести трудовъ и не знающій плавать, не вѣдаю, куда удалился на кораблѣ. О

немъ - то нынѣ сокрушаюся и сѣтую, да не погибнетъ или въ далекихъ странахъ, или на морѣ: ибо многихъ имѣетъ враговъ у себя, кои желая погубить его, составляютъ навѣты.

Привидѣніе отвѣтствовало ей: уповай и не отчаявайся; ибо имѣетъ сынъ твой мудрую сопутницу Палладу Аѳинскую, которая сжалився на твои слезы, послала меня возвѣстить тебѣ о семъ. — Когда ты богиня или по гласу богини пришла сюда, вѣщала Пинелопа, повѣдай мнѣ, живъ ли онъ, или уже мертвъ и низшелъ въ царство мертвыхъ? — Не могу тебѣ, рекло привидѣніе, сего возвѣстить: ибо неприлично плодить тщетныя рѣчи. Сіе сказавъ, какъ вихрь изчезло.

Пинелопа же проснувшись, восхищалася столь вожделѣннымъ мечтаніемъ. Женихи тѣмъ временемъ, соумысливше о погибели Тилемаха, пристали къ нѣкоему каменистому острову, между Иѳакою и Самомъ лежащему и имѣющему съ обѣихъ сторонъ многія способныя пристанища, и тамъ исполнить злодѣяніе уповали.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Когда денница, оставивъ Тиѳона, и неся свѣтъ небеснымъ и земнороднымъ, отъ одра возстала, тогда боги собралися во единъ сонмъ. Богиня Аѳинская изчисливъ предъ ними всѣ напасти, странствующимъ Одиссеемъ подъятыя, такъ вѣщать начинаетъ: отецъ боговъ всесильный Дій и вы безсмертные! какъ гордый царь всегда жестокъ есть и каменосердъ, помышляя токмо зло въ сердцѣ своемъ; такъ ниединъ изъ гражданъ, надъ коими владычествовалъ добродѣтельный Одиссей, не хочетъ воспомянуть нынѣ о его къ нимъ милосердіи. Онъ на островѣ нимфы Калипсы, которая по любви его удерживаетъ, терпитъ многія напасти, не имѣя къ отшествію своему въ отечественную землю ни корабля, ниже сопутниковъ. Кромѣ того сдѣлано совѣщаніе убить сына его, въ домъ возвращающагося и отлучившагося въ Пилъ и Спарту, не увѣдаетъ ли нѣчто о отцѣ своемъ.

Небодвижитель Дій отвѣтствовалъ на сіе: дщерь моя! прилично ли сіе говорить тебѣ? Не сама ли ты соумыслила излить месть свою на Одиссея? Тилемаха предаю во власть тебѣ, да защищаемый тобою въ страну свою невредимъ возвратится: ибо возможно тебѣ сіе сдѣлать, и женихи не будутъ

имѣть никакого успѣха. По семъ обратився къ Ермію, рекъ: возлюбленный сынъ, поди и возвѣсти Нимфѣ непремѣнное наше изволеніе, да отпуститъ долгостранствующаго Одиссея, который безъ руководства безсмертныхъ и земнородныхъ, но своими силами со многимъ трудомъ въ двадесятый день достигнетъ плодоносныя Схеріи земли Феакіанъ, которые почтутъ его яко безсмертнаго, и одаривъ златомъ и драгими одеждами столько, колико ниже при Трои въ добычу возмогъ бы онъ получить, отпустятъ его съ миромъ на кораблѣ въ отечество. Такъ предназначено ему возвратиться въ свою землю и узрѣть своихъ искреннихъ.

Ермій внявъ повелѣнному, привязываетъ немедленно къ ногамъ своимъ крылья, и взявъ въ руку вѣтвь, емлется пути, пролетаетъ Піерію, и спускается съ превыспренныхъ мѣстъ въ море, разсѣкая волны на подобіе гоголя рыбу ловящаго, достигаетъ острова, исходитъ на сушу, и шествуетъ прямо къ жилищу Нимфы, которую обрѣтаетъ прядущую золотымъ веретеномъ волну и пѣсни воспѣвающую. По всему грошу ея исходило пріятное отъ горящаго въ печи кедра благовоніе ѳиміама. Весь островъ наполненъ былъ деревами ольховыми, тополевыми и кипарисными, на коихъ повсюду гнѣздилися птицы. Вокругъ ея обиталища находился зеленѣющійся виноградъ, плодами обремененный; протекали четыре потока, одинъ съ другимъ паки сливающіеся; злачные луга покрыты были разнообразными цвѣтами.

Мѣсто сіе даже безсмертнаго могло восхитить. Здѣсь вѣстникъ божескій, будто очарованный, остановился на нѣкое время. Потомъ входитъ внутрь грота Нимфы, которая мгновенно его познала: ибо знаютъ одинъ другаго боги, хотя и далеко обитаютъ. Нещастный Одиссей тогда не обрѣтался тамо, но сидя на берегу морскомъ, и взирая на пространство водъ, вздыхалъ и проливалъ слезы.

Калипса посадивъ Ермія на сѣдалищѣ, вопросила его: какой случай привелъ тебя сюда, Ермій, ибо прежде никогда меня не посѣщалъ, и въ чемъ состоитъ твое желаніе, которое исполнить я должна? Все, что могу, сдѣлать не отрекуся: но прежде послѣдуй за мною: я предложу тебѣ угощеніе. По семъ поставила предъ него амвросію и нектаръ.

Ермій насытився питіемъ и пищею, такъ отвѣтствовалъ: вотъ чего ради пришелъ, внимай: прислалъ меня къ тебѣ Дій (ибо кто бы въ толь дальній путь добровольно пустился), коего повелѣнія преступить, ниже утаить не возможно: повелѣваетъ же тебѣ онъ немедленно отпустить пребывающаго у тебя Одиссея, злощастнѣйшаго изъ всѣхъ Ахеянъ, при Троѣ ратовавшихъ и прогнѣвавшихъ Аѳинскую богиню, которая воздвигнувъ вѣтры и бурю, погубила многихъ его сопутниковъ: ибо предопредѣлено ему свыше, да возвратится нѣкогда въ отечественную землю и увидитъ своихъ искреннихъ.

Отъ сихъ словъ его Калипса содрогается, и произноситъ сіи жалобы: о боги! колико вы несправедливы и ревнуеше, когда копо-

рая изъ богинь любитъ какого либо смертнаго! Не поразила ли ьЪ Орѳигіи стрѣлами Артемида Оріона за любовь съ Авророю? Лучшій ли имѣлъ жребій и Язонъ, коего возлюбила Артемида, и Дій не убилъ ли его громомъ? Такъ завидуетѣ вы нынѣ и мнѣ, любящей смертнаго и спасшей его отъ потопленія, когда Дій сокрушилъ корабль на морѣ громомъ, и погубилъ прочихъ его сопутниковъ. Я призрила, возлюбила его и обѣщалася учинить безсмертнымъ. Но когда благоугодно есть великому Дію, ибо не возможно его повелѣнія преслушать, пусть онъ идетъ и еще страждетъ: отпущу его. Хотя нѣтъ у меня ни корабля, ни сопутниковъ, да проводятъ его: не скрою однако ничего, какъ онъ можетъ безвредно возвратиться.

Не удерживай, не удерживай его, повторяетъ Меркурій: ибо чрезъ сіе избѣгнешь гнѣва всесильнаго Дія. Сіе сказавъ, оставляетъ, мгновенно островъ.

Калипса исполняя повелѣнное ей, идетъ спѣшно къ Одиссею, и обрѣтаетъ его на берегу моря сидящаго и неутѣшно сѣтующаго о невозможности возвратиться въ отечество: такъ онъ обыкновенно въ горести влачилъ дни свои, а ночи провождалъ въ гротѣ. Она приближився, такъ говоритъ ему: злощастный! доколѣ будетъ сѣтовать и сокрушаться? Успокойся, ибо охотно желаю отпустить тебя: токмо устрой себѣ судно и обложи его досками, дабы можно было совершить тебѣ путь на немъ по морю. Я же дамъ тебѣ воду, вино, хлѣбъ и одежды, и пошлю отъ хре-

бпа благопоспѣшный вѣтръ, да невредимъ достигнешь своего отечества при благоизволеніи безсмертныхъ.

Отъ сихъ словъ бѣдствіями угнѣтаемый Одиссей пришелъ въ нѣкое изступленіе, по томъ сказалъ: ахъ богиня! зрю, что ты не о благополучіи моемъ помышляешь, но напасть мнѣ устрояешь. Какъ могу въ небольшей ладьѣ плыть по пространству неукротимыхъ водъ морскихъ? Когда не утвердишь сего клятвою мнѣ, не оставлю сего острова, да не постражду какое либо зло.

Сіи слова его подвигли Нимфу къ смѣху, и она отвѣтствовала ему: ты во всякомъ случаѣ былъ недовѣрчивъ. И такъ да будутъ свидѣтелями небо, земля и воды Стикскія (нѣтъ клятвы сея у боговъ большія), что ни единаго на тебя зла не умышляю, но все сіе дѣлаю, какъ бы себѣ самой: ибо мысль моя весьма удалена отъ лукавства и сердце мое искренно.

Сіе сказавъ, предшествуетъ ему, Одиссей же слѣдуетъ за нею, и достигнувъ грота, входятъ внутрь онаго. Тамъ предъ Одиссея поставлены были многоразличныя яствы, смертными вкушаемыя, а предъ Нимфу амвросія и нектаръ.

По семъ, когда насытилися, Калипса такъ говоритъ начинаетъ: и такъ дражайшій Одиссей, желаешь возвратиться въ отечество свое? — Но не радуйся о семъ: ибо прежде, нежели достигнешь онаго, обременятъ тебя многія злоключенія. Такъ опредѣлено есть свыше. Помысли, сколь бы ты щастливъ былъ, ког-

да бы здѣсь со мною вкупѣ остался: ибо безсмертіе бы тебѣ даровала. И такъ почто толико желаешь узрѣть жену свою, нижшую и лѣпотою и достоинствомъ рода всякія безсмертныя, поелику земнородные ни въ чемъ съ богами равняться не могутъ?

Все сказанное тобою есть истинно, отвѣтствовалъ Одиссей, и я вѣдаю, что Пинелопа и благоразуміемъ и родомъ далеко уступаетъ тебѣ, ибо она смертна, ты же безсмертна: однако же хочу, и никогда желать не престану отъити въ свое отечество и узрѣть день возвращенія своего. Какія свыше ни предназначены мнѣ бѣдствія, стерплю всѣ: ибо много на брани и на морѣ пострадалъ, сего ли устрашуся?

Какъ они разглагольствовали симъ образомъ, солнце уже сокрылося, и повсюду мракъ распространился: тогда онъ пошелъ сну предаться.

Когда утренняя заря явилася, тогда Одиссей оставя сонъ, облекся въ одежды: оставила оный и Калипса, и надѣвъ тонкую ризу, опоясався поясомъ и тщательно украсивъ свои волосы, помышляла о отпущеніи Одиссея, коему вручаетъ острую сѣкиру, на дерево масличное насаженную, и ведетъ его на край острова, гдѣ росли высотою небесъ касающіяся, сухія и способныя къ плаванію дерева, какъ-то сосны, тополь, ели, и показавъ мѣсто сіе, въ гротъ возвратилася. Одиссей началъ сѣчь оныя, и благоуспѣшно дѣло его явилося. Срубивъ же всѣхъ деревъ числомъ двадцать, очистилъ оныя. Тѣмъ временемъ возвра-

нилася Нимфа, принесла вертло и способствовала ему въ сплоченіи досками и перекладинами судна, которое шакъ искусно было устроено, какъ бы рука художничья сооружала. По семъ устроилъ онъ щеглу, соразмѣрную ей райну и для управленія судна кормило, къ возпрепятствованію же волнамъ сплелъ изъ ивовыхъ вѣтвей плетеницу, а изъ полотна Калипсою принесеннаго сдѣлалъ вѣтрило, прикрѣпилъ его веревками къ райнѣ, и по семъ оное разпростерши, спустилъ ладью на море, въ четыре дня окончанную. Въ пятый же день богиня омывъ его, давъ одежду, одинъ мѣхъ съ виномъ, а другій съ водою и прочія потребныя снѣди, отпустила съ миромъ, послав ему отъ хребта попутный и благопоспѣшный вѣтръ. Одиссей съ веселіемъ оставляетъ берега, распростираетъ вѣтрило, и сѣдши на кормѣ, управляетъ кормиломъ, бодрственно примѣчая движеніе планетъ и звѣздъ небесныхъ, шакъ что ни самый сонъ не могъ побѣдить его, и держался всегда по совѣту богини Калипсы лѣвыя стороны. Напослѣдокъ по осмнадцатидневномъ плаваніи усматриваетъ лѣсистыя горы страны Ѳеакійской, до коея недалекъ уже путь ему оставался.

Тѣмъ временемъ могущій Нептунъ, шествуя отъ страны Еѳіопской, и издалека съ Солимскихъ горъ узрѣвъ плывущаго по морскимъ стезямъ Одиссея, содрогнулся сердцемъ, и шакъ самъ себѣ вѣщалъ: конечно боги во время моего пребыванія у Еѳіоплянъ иное объ Одиссеѣ соумыслили, который уже близь феакійской земли находится, гдѣ судьбою пред-

опредѣленъ конецъ всѣмъ его бѣдствіямъ. — Многія однако напасти еще онъ претерпитъ.

Сіе сказавъ, въ едино сонмище собираетъ облаки, и взявъ въ десницу трезубецъ, возмущаетъ воды, посылаетъ вѣтры, воздвигаетъ бурю, покрываетъ вкупѣ море и землю облаками, и день внезапно во мрачную ночь преобращаетъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ дули пкупѣ всѣ вѣтры. Тогда Одиссей смутився духомъ и поколебався сердцемъ, такъ къ себѣ въ печали вѣщаетъ: увы! что по семъ со мною злощастнымъ будетъ? Познаю, что все сказанное богинею неложно. Возвѣстила она, что постигнутъ меня во время плаванія моего многія злоключенія: все сіе нынѣ сбывается. О всесильный Дій! коликія ты навелъ тучи! коль сильно возмутилъ море, и коликія воздвигъ вѣтры и бурю! Нынѣ предстоитъ предъ очами моя погибель. Блаженны и стократъ суть блаженны погибшіе при облежаніи Трои Ахеяне. Почто не умеръ я въ оный день, когда Троянскіе ратники устремилися противъ меня съ копьями при пораженномъ Ахиллѣ? Ахеяне поминовеніе бы о мнѣ совершали, и память бы мою праздновали. Нынѣ же предназначено мнѣ вкусить горестную чашу смерти.

Тѣмъ временемъ, какъ онъ произносилъ сіи жалобы, устремляется на него яростная волна, ниспровергаетъ ладью, сокрушаетъ щеглу, исторгаетъ изъ рукъ кормило, райну съ вѣтриломъ ввергаетъ въ море, и покрываетъ водами самаго мореплавателя, который боряся съ бурею, изъемлетъ изъ воды голову,

и изблевавъ изъ устъ воду, ищетъ свое судно, паки въ него садится, и мня спастися отъ конечныя погибели, туда и сюда волнами носится. Какъ осенній вихрь разсѣваетъ по полямъ плевы, такъ ладья порѣваема была со всѣхъ сторонъ вѣтрами.

Ина дщерь Кадмова, смертною нѣкогда бывшая и послѣ превращенная въ морскую богиню, узрѣвъ Одиссея, такъ съ волнами борющагося, пришла въ сожалѣніе, и явився ему въ видѣ утки, изъ воды изшедшія, и сѣдши на носъ судна, такъ говорила: злощастной смертный! чѣмъ ты прогнѣвалъ всемогущаго бога морей, толикія злоключенія на тебя воздвигающаго? Не унывай однако же, ибо не можетъ погубить тебя, хотя и весьма сего желаетъ: послѣдуй токмо моему совѣту: оставь судно на произволъ вѣтровъ, сложи въ себя одежду, и спасайся плаваніемъ въ землю феакійскую. Прими сію повязку, и подвяжи подъ рамена: она всякій страхъ и погибель отвратить можетъ. Когда же достигнешь берега и на оный выдешь, ввергни оную паки въ море. Такъ рекши, въ нѣдра водъ сокрылася.

Нещастный Одиссей, помышляя о семъ явленіи и воздохнувъ, такъ говорилъ самъ себѣ: увы мнѣ! не ухищреніе ли устрояется отъ кого либо изъ безсмертныхъ, оставить судно повелѣвающаго? Но я сего не исполню: ибо далеко еще отстоитъ отсюда земля оная, гдѣ обѣщано мнѣ прибѣжище. Дотолѣ по волнамъ носиться буду, доколѣ ладья сія совсѣмъ не распадется. Тѣмъ временемъ, когда онъ сіе помышлялъ въ сердцѣ своемъ,

богъ моря повелѣлъ устремиться на него великой и страшной волнѣ, отъ коея совсѣмъ разсыпалася ладья Одиссеева, какъ бурный вѣтръ разсѣваетъ сухія плевы. Тогда мореплаватель, влѣзши на одну изъ досокъ, снявъ съ себя одежду и привязавъ подъ рамена повязку, ввергнулся въ море, распростирая руки къ плаванію.

Узрѣвъ сіе, могущій Нептунъ, и покивавъ головою своею, сказалъ: иди нынѣ, и претерпѣвай горшія бѣды, доколѣ доспигнешь людей добродѣтельныхъ: не скоро еще напасти прекратятся. Такъ рекши, направилъ коней своихъ къ жилищу своему. Но богиня Аѳинская укротивъ прочіе вѣтры, повелѣла токмо дыхать борею, да безвредно жсланныя страны достигнетъ Одиссей, который по двудневномъ плаваніи, имѣя предъ очами всегда смерть, на третій день, когда буря утихла, и небо прояснилось, узрѣлъ не вдалекѣ землю и лѣсъ, и столько же обрадовался, сколько дѣти желаютъ здравія отцу, одержимому долговременнымъ недугомъ. И такъ руками и ногами стремится ускорить плаваніе. Находяся же близь берега, услышалъ шумъ и ревъ волнъ, объ оный ударяющихся: ибо берега сіи ради крутости и нависшихъ камней были неприступны.

Тогда паки поколебався сердцемъ Одиссей и тяжко воздохнувъ, сказалъ: горести мои безконечны! Хотя всесильный Дій и сподобилъ меня узрѣть землю, но онъ же возбраняетъ изшествію моему на оную: ибо берега отовсюду наполнены камнями, и обуреваются яростными

волнами, въ которымъ ни откуда пристать не можно, и стремленіе водъ оторвавъ, снова низринуть можетъ во глубину оныхъ, и трудъ мой тщетенъ останется. Когда же плавая, искать буду способнаго ко изшествію мѣста, боюся, да не унесетъ буря въ пространство моря, и да не поглотитъ велѣніемъ бога морей китъ: ибо вѣдаю я, колико онъ на меня гнѣвенъ.

Въ то самое время, когда такъ онъ размышлялъ, сшремилась о берегъ удариться ужасныя величины волна, отъ коея поистиннѣ сокрушилися бы его кости, ежели бы онъ, наставляемъ будучи Палладою, не ухватился обѣими руками за камень, и не спасся отъ сего пораженія: ибо неоднократно симъ образомъ избѣгалъ отъ смерти. Подобно какъ каракатицѣ, изшедшей изъ раковины, предстоятъ многіе труды, такъ изъязвился и Одиссей, держася за камень, который напослѣдокъ силою своею покрыла яростная волна, отъ чего конечно погибъ бы онъ, когда бы паки наставленіемъ покровительствующей богини Аѳинской изшедши изъ нѣдръ воды, не предался плаванію близь берега для отысканія пристанища. Такимъ образомъ достигнувъ нѣкоего ровнаго мѣста, не имѣвшаго камней и вѣтрами необуреваемаго, возрадовался, и началъ такъ молиться въ умѣ своемъ: о покровитель сихъ странъ! избѣгая отъ гнѣва Посидона, твоего ищу предстательства: ибо всякъ земнородный странствуя, ищетъ у безсмертныхъ защиты; такъ и я, многія претерпѣвъ бѣды, къ твоему нынѣ прибѣгаю покрову: умилостивися надо мною, и я во всемъ покоренъ тебѣ явлюся. По сихъ словахъ волненіе

укротилося, настала тишина, и открылося безопасное пристанище. Но Одиссей упалъ отъ изнеможенія. Вся внутренняя его наполнилася водою, устами и въ носъ текшею: ни голоса, ни дыханія не было: ибо объяла его великая слабость.

Когда же онъ успокоился и пришелъ въ себя, но желая разрѣшиться отъ обязательства богини, вергнулъ повязку въ море, которая мгновенно сдѣлалась невидима. По семъ изшедши изъ воды, сѣлъ для отдохновенія на кустъ синниковый и лобызалъ землю. По томъ тяжко воздохнувъ, говорилъ: ахъ колико горестна участь моя! Доколѣ я буду бѣдствовать? Что послѣ сего будетъ со мною? Когда успокоюсь сномъ здѣсь, боюся, дабы отъ холодныя росы и стужи не лишиться вовсе тѣлеснаго здоровья: когда же усну въ дубравѣ, страшуся, да не растерзаютъ погруженнаго въ сладкій сонъ люотые звѣри. Однако нашедъ послѣднее средство лучшимъ, идетъ поспѣшно въ лѣсъ, недалеко находившійся. Тамъ усмотрѣвъ два масличныя дерева, сквозь густоту коихъ ни дыханіе вѣтровъ пройти, ни лучи солнца проникнуть, ни дождь омочить не могли, и подъ сѣнію коихъ во время зимы не одному покмо человѣку, но многимъ удобно было пробыть отъ стужи невредимымъ, весьма обрадовался, и устроивъ себѣ изъ онаго постелю, легъ сномъ насладиться. Какъ искра огня въ пеплѣ, въ отдаленіи отъ людскихъ селеній живущимъ пустынникомъ хранимая, не угасаетъ; такъ добродѣтельный Одиссей, укрывся масличными листьями, сладкимъ

сномъ успокоился, къ укрѣпленію силъ отъ многотруднаго пути Аѳинскою богинею исполненнымъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Такимъ образомъ покоился бѣдствующій Одиссей, сномъ и трудами отягченный. Между тѣмъ божественная Паллада идетъ къ феакійскому народу, который прежде обиталъ въ пространной Иперіи близь гордыхъ Киклоповъ: но сіи, уповая на свою силу, частымъ раззореніемъ ихъ оскорбляли: а потому добродѣтельный Навсиѳой изведши ихъ оттуда, поселилъ въ Схеріи далеко отъ сообщенія прочихъ всѣхъ людей,, воздвигъ имъ градъ и домы, оградивъ ихъ твердынею, сооружилъ также и храмы богамъ, и раздѣлилъ имъ поля. Но его уже не было въ живыхъ и преселился къ Плутону. Владычествовалъ же въ сіе время надъ Феакіянами мудрый Алкиной. Къ нему тогда въ домъ божественная Аѳина, изыскивая великодушному Одиссею средства къ возвращенію его, входитъ въ чертогъ, гдѣ покоилась дщерь Алкиноева Навсикая, возрастомъ и красотою подобная

безсмертнымъ, а съ той и другой стороны у дверей спали двѣ рабыни, подобныя Харитамъ. Премудрая Аѳина, на подобіе тончайшаго дыханія вѣтра, вшедши въ спальню ея, и принявъ на себя образъ дщери славнаго мореплавателя Диманта, которая отъ всего сердца ею любима была, такъ вѣщаетъ къ ней: Навсикая! почто толико безпечную родила тебя матерь твоя, когда многія рукъ твоихъ ткани у тебя лежатъ въ небреженіи, и время брака твоего уже приближается, въ которое и тебѣ самой и прочимъ, кои будутъ сопровождать тебя, потребуются многія къ украшенію служащія одежды? Ибо отъ сего раждается и умножается добрая слава, и послужитъ сіе къ радости родившихъ тебя отца и матери. И такъ въ наступающее утро съ явившеюся зарею иди и испроси у отца твоегоословъ и колесницу для отвезенія одеждъ твоихъ къ рѣкѣ для измовенія ихъ въ оной, куда гораздо приличнѣе царской дочери ѣхать на колесницѣ, нежели итти пешкомъ, кто-му же и мыльницы далеко отстоятъ отсюда: я такъ же послѣдую тебѣ для твоего вспоможенія и ускоренія дѣла твоего: знай притомъ, что недолго будешь пребывать въ дѣвствѣ: ибо многіе въ феакійскомъ народѣ избранные юноши желаютъ имѣть тебя женою своею.

Сіе сказавъ, отходитъ премудрая Аѳина на Олимпъ, гдѣ находится вѣчное боговъ обиталище, и гдѣ ниже вѣтръ, ниже дождь, ниже снѣгъ могутъ прикоснуться, но непостижимая безоблачная свѣтлость

соприсутствующихъ, и неисповѣдимое окружаетъ сіяніе, коимъ вѣчно боги наслаждаются. Едва въ сіе блаженство вступила божественная Паллада, мгновенно явилася денница, которая возбудила отъ сна прекрасную Навсикаю, удивляющуюся бывшему видѣнію. Идетъ она съ споспѣшеніемъ къ родителямъ своимъ, коихъ обрѣтаетъ внутрь чертоговъ: матерь ея сидѣла тогда съ прочими рабынями при свѣтильникѣ и пряла багряную волну; отца же видитъ исходящаго на сонмище къ феакійскому народу, предъ котораго представъ, говоритъ ему: дражайшій родитель! прошу тебя, повели приготовить мнѣ колесницу, на которой хочу отвезти къ рѣкѣ для измытія одежды, изъ коихъ многія лежатъ нечисты: ибо и тебѣ самому обращающемуся всегда въ народномъ собраніи приличіе требуетъ являться въ чистомъ одѣяніи, такъ равно и сыновья твои, а мои братья, изъ коихъ двое имѣютъ уже у себя женъ, а трое еще въ юношескомъ находятся возрастѣ, желаютъ при общенародныхъ празднествахъ присутствовать въ чистыхъ одеждахъ: о всемъ же томъ мнѣ одной вящшее паче всѣхъ надлежитъ имѣть попеченіе.

Такъ говорила она: о бракѣ же сказать предъ отцемъ устыдилася. Но онъ проникнувъ сіе, отвѣтствовалъ ей: возлюбленная дочь моя, на колесницѣ, или на иномъ чемъ ѣхать хочешь, иди скоро, и рабы приготовятъ тебѣ оную.

Сіе сказавъ, повелѣлъ немедленно исполнить ея желаніе. Тогда Навсикая съ рабынями изъ

хранилища выноситъ одежды, и кладетъ ихъ на колесницу, матерь же ея наполняетъ сосудъ разною сладкою пищею, наливаетъ мѣхъ краснаго вина, и даетъ сверхъ того золотый сосудъ, елеемъ наполненный. Навсикая сѣдши на колесницу, беретъ въ руки вожжи, и бичемъ понуждаетъословъ къ бѣжанію, и скоро достигаетъ свѣтлотекущихъ водъ рѣчныхъ, гдѣ служительницы отвязавъословъ, ведутъ ихъ пастися къ тучной пажити, потомъ снявъ привезенныя одежды, и корыта наполнивъ водою, начали мыть тщательно оныя. Окончивъ сіе дѣло, распростерли ихъ по чистому каменистому морскому берегу, чтобы высохли отъ солнечнаго сіянія: сами же между тѣмъ умывся и умастився елеемъ, сѣли на травѣ вкушать пищу, которою насытився и сложивъ каждая съ головы своей украшеніе, начали играть мячемъ, а Навсикая начинаетъ пѣсни. Какъ стрѣломещущая Артемида, шествуя по горамъ Таигету и Эриманѳу, увеселяется стрѣляніемъ сернъ и быстрыхъ оленей, а съ нею купно и дщери Дія Егіоха прекрасныя нимфы утѣшаются, радуяся сердцемъ вкупѣ съ матерію своею Летою; но сама Артемида, хотя и всѣ ея сопутницы прекрасны, превосходитъ паче всѣхъ возрастомъ и величіемъ: такъ и цѣломудренная Навсикая являлася между всѣми рабынями. Когда уже были готовы къ возвращенію въ домъ свой, и высушенныя одежды возложены на запряженную колесницу: тогда паки премудрая Паллада вдо-

хнула въ сердце ихъ, дабы Одиссей пробудившись отъ сна, узрѣлъ царскую дщерь, которая бы сопроводила его къ феакійскому народу. Царевна Навсикая бросаетъ мячъ къ одной изъ рабынь, но сей не улучивъ въ оную, упадаетъ въ глубокую пучину. Тогда всѣ громко засмѣялися, отъ чего пробуждается Одиссей, и сѣдши, такъ въ умѣ своемъ размышляетъ: увы мнѣ! къ какому я паки пришелъ сюда народу? Не знаю, какіе здѣсь обитаютъ люди, обидливые ли и враждебные, или справедливые, страннопріемные и къ богамъ почтительные? Но что, не гласъ ли я слышу женъ или нимфъ, кои обитаютъ на высотахъ горъ или при рѣкахъ, или при зеленыхъ лугахъ? Или и они подобные суть мнѣ люди? И такъ пойду, испытаю самъ, и увѣрюся моими очами.

По сихъ словахъ идетъ тихо между деревьями. Какъ левъ обитающій въ горахъ, уповая на крѣпость свою, идетъ, не страшася шума вѣтровъ; очи его аки огнемъ горятъ, когда желаетъ обрѣсти стадо овецъ, или воловъ, и гладомъ удручаемый приближается къ оградѣ найти пищу себѣ: такъ Одиссей приближался къ дѣвицамъ, помышляя о худомъ своемъ рубищѣ, но влеченъ будучи нуждою, является предъ ними весь покрытый сланостію морскою. Устрашилися дѣвицы, и всѣ по берегу разсѣялися: одна токмо Алкиноева дщерь на мѣстѣ своемъ остается не устрашимо: ибо Аѳина вдохнула въ сердце ея удерзновеніе, и страхъ отгнала отъ всѣхъ членовъ ея. Одиссей же помышляетъ въ умѣ своемъ,

приближиться ли къ ней и обнять колѣна ея, или издалека ставъ, простерть къ ней мольбу свою, дабы подала другую одежду и жилище показала? Такъ помышляя, за лучшее избираетъ умолять ее издалека, да не огорчитъ ее, и симъ образомъ съ хитростію и смиреніемъ вѣщаетъ къ ней: смиренно молю тебя, о царица! отъ безсмертныхъ ли ты кто, или отъ человѣкъ: ежели ты отъ безсмертныхъ, которые обитаютъ въ пространствѣ небесъ, поистинѣ подобною зрю тебя возрастомъ, величіемъ и красотою дщери великаго Дія Артемидѣ: но когда ты отъ смертныхъ кто либо, о коль блаженны суть отецъ и матерь родившіе тебя, сугубо блаженны такъ же и братья твои, коихъ сердца несказанною радостію наслаждаются, зря въ тебѣ толикое порожденіе, приспѣвающее къ веселому торжеству! Но щастливѣйшій паче всѣхъ тотъ, кто безчисленнымъ украсивъ тебя вѣномъ, отведетъ въ домъ свой: ибо никогда я не видалъ еще подобнаго тебѣ смертнаго ниже мужа, ниже жены, но со изумленіемъ на тебя взираю. Недавно видѣлъ я на островѣ Дилѣ близь Аполлонова требища молодое возрастающее масличное дерево (ибо и въ сіе мѣсто со многимъ моимъ народомъ совершилъ я путешествіе, которое было мнѣ причиною великихъ злоключеній), тогда узрѣвъ я оное дерево, долго пребылъ во удивленіи и изумленіи: ибо никогда толь прекраснаго земля не произращала. Такъ и на тебя, прекрасная, взирая, удивляюся, недоумѣваю и трепещу обнять колѣна твои: ибо нестерпимая скорбь одер-

житъ духъ мой. Вчерась въ двадесятый день плаванія моего отъ острова Огигіи, по кораблекрушеніи моемъ, долго носимъ я былъ волнами и свирѣпыми бурями, нынѣ же нѣкіимъ богомъ принесенъ въ страну сію, да и здѣсь испытаю новыя напасти: ибо не уповаю видѣть конца оныхъ, но еще готовятъ мнѣ боги множество золъ. И такъ яви надо мною, царица! милость: къ тебѣ первой пришелъ я по претерпѣніи многихъ бѣдствій, никого не зная живущихъ въ землѣ сей: надѣли меня рубищемъ, и покажи мнѣ путь къ городу: тебѣ же боги за сіе да воздадутъ все, что только сердце твое желаетъ: мужа, чадъ и доброе согласіе: ибо нѣтъ драгоцѣннѣе и лучше ничего, какъ когда мужъ и жена согласными совѣтами управляютъ хозяйствомъ своимъ: злымъ людямъ сіе въ болѣзнь бываетъ, а благодѣтельнымъ служитъ къ утѣшенію.

Странникъ! отвѣтствовала Навсикая ему: ты мнѣ кажешся мужемъ несмысленнымъ. Впрочемъ великій Дій надѣляетъ дарами своими людей добрыхъ и злыхъ всякаго по своему произволенію. И такъ надлежитъ и тебѣ все сносить терпѣливо. Но нынѣ, когда пришелъ ты въ нашу землю и къ нашему народу, не будешь имѣть недостатка ни въ одеждѣ, ниже въ иномъ чемъ либо, что нужно человѣку бѣдствіями угнѣтаемому. Покажу тебѣ и нашъ городъ, и не сокрою имени народа сего: Феакіяне населяютъ землю сію, и отецъ мой знаменитый царь Алкиной, съ великою похвалою царствуя, обладаетъ симъ народомъ.

Сіе сказавъ, зоветъ рабынь своихъ: удержитеся отъ страха вашего и куда бѣжите, увидѣвъ мужа сего, почитая его за нѣкоего отъ враговъ пришедшаго. Нѣтъ здѣсь человѣка, ниже быть можетъ, которой бы пришедши въ землю Феакіянъ, врагомъ содѣлался: ибо они паче всѣхъ богамъ суть любезны. Къ тому же обитаемъ мы далеко на самомъ краю моря, и никакой народъ не имѣетъ съ нами сообщенія. Сей же нѣкто странникъ пришелъ сюда удрученный злополучіемъ, о которомъ надлежитъ нынѣ приложить намъ всякое попеченіе: ибо всѣ мы отъ всесильнаго Дія поставлены здѣсь страннопріимцами и странниками: подаяніе всякое, хотя и малѣйшее, пріятно ему есть: и такъ снабдите сего странника пищею и питіемъ.

Такъ рекла: и рабыни повинуяся, посадили Одиссея подъ тѣнію, положили близь его чистыя одежды, подали ему золотый сосудъ съ елеемъ и повелѣли измыться въ рѣкѣ. Одиссей отвѣтствовалъ имъ: возлюбленныя мои! отступите отсюда недалеко, да омою отъ тѣла моего всю сланость морскую, и помажуся елеемъ: ибо чрезъ многое время лишено было тѣло мое помазанія; въ присутствіи же вашемъ не могу учинить сего.

Исполняя его желаніе, они немедленно удаляются и возвѣщаютъ о семъ госпожѣ своей. Одиссей же вшедши въ рѣку, началъ мыть голову и все тѣло, и отерши всю сланость морскую, изходитъ изъ рѣки, умащается елеемъ, по семъ возлагаетъ на себя одежды, данныя ему

Навсикаею. Тогда Аѳинская богиня, дщерь Діева, содѣлала лице его величественнѣйшимъ и все тѣло утучненнымъ, съ головы его распростерлися волосы, подобные цвѣту іакинѳу. Одиссей сѣлъ на берегу морскомъ, сіяя красотою и величіемъ. Навсикая воззрѣвъ на него, удивилася, и такъ говоритъ рабынямъ своимъ: внемлите, что хочу повѣдать вамъ: поистиннѣ мужъ сей пришелъ въ землю нашу по произволенію боговъ, обитающихъ на Олимпѣ: ибо прежде я ни во что его вмѣняла: нынѣ же во всемъ кажется подобенъ бессмертнымъ. О когда бы таковъ мнѣ мужъ избранъ былъ между здѣшними гражданами, или когда бы и сей согласился здѣсь остаться! Теперь подайте странному сему пищу и питіе.

Они со тщаніемъ исполнили ея волю: Одиссей же съ жадностію насыщался оною: ибо чрезъ долгое время не вкушалъ пищи. Впрочемъ Навсикая иное предумыслила о немъ. Собравъ одежды, положила оныя на колесницу, и сѣдши сама на оную, говоритъ Одиссею: теперь слѣдуй, странникъ, за мною въ городъ: я введу тебя тамо въ домъ отца моего, гдѣ, уповаю, узришь всѣхъ знаменитыхъ Феакіянъ. Но поступи по сему совѣту моему: когда возвращаться въ домъ я буду по полямъ и нивамъ, тогда и ты съ моими рабынями спѣшно слѣдуй за моею колесницею до самаго того мѣста, гдѣ стоятъ высокія стражницы, съ обѣихъ же сторонъ города зрится красивое пристанище, куда корабли вводятся тѣснымъ входомъ, и всякой имѣетъ свое мѣсто: тамъ находится вокругъ Посидонова храма великолѣпное и про-

странное изъ камней высѣченное устроеніе, гдѣ всякія сооруженія корабельныя приготовляются: ибо феакіяне не имѣютъ попеченія ни о лукахъ, ни о тулахъ, но о единыхъ токмо корабляхъ, на которые уповая, далеко пущаются въ ярящееся море: ихъ боюся я злорѣчія, дабы кто нибудь злобный не помыслилъ сіе: кто сей величественный и лѣпообразный странникъ, слѣдующій за Навсикаею, и гдѣ она обрѣла сего человѣка? Поистиннѣ мужемъ своимъ имѣть его хочетъ, привлекши его отъ иныхъ народовъ на кораблѣ своемъ, или нѣкто по ея молепію изъ боговъ низшелъ съ неба на землю къ ней, да въ бракъ съ нею вступитъ? Добро совѣщала, когда вездѣ обходя, избрала себѣ мужа страннопришельца, феакіянъ же, между коими многіе весьма знаменитые юноши всемѣрно желаютъ имѣть ее женою своею, презрѣла. Такъ помыслятъ, и мнѣ обратится сіе въ поношеніе. Но я и сама огорчилась бы на такую, которая при жизни отца и матери безъ ихъ согласія явно бракомъ сочеталася бы съ мужемъ. И такъ, дабы можно было тебѣ получить отъ отца моего скорую помощь къ возвращенію въ домъ свой, поступи симъ образомъ: вскорѣ узришь ты близъ Палладина пути прекрасную дубраву, въ коей растутъ сѣннолиственные тополы, вокругъ же ея находится зеленѣющееся поле: тамъ отецъ мой имѣетъ село и цвѣтущіе сады на толикое разстояніе отъ города, сколько голосъ вопіющаго можетъ быть слышанъ. Тамъ помедли нѣкое время, доколѣ мы приближився къ городу, не вступимъ въ домъ отца

моего. Когда же помыслишь въ умѣ своемъ, что мы уже возвратились въ оный, тогда вшедши въ городъ, вопроси о домѣ царя Алкиноя, который удобно познать всякъ, и самомалѣйшій отрокъ привести можетъ къ оному: ибо нѣтъ подобнаго ему во всемъ феакійскомъ народѣ. Вошедши же внутрь двора, всемѣрно тщися достигнуть чертоговъ матери моея, которая всегда сидитъ при огнѣ и упражняется подлѣ столпа въ пряденіи, окруженная рабынями: тамъ недалеко отъ нея находится и престолъ отца моего, гдѣ онъ наслаждаяся виномъ, возсѣдаетъ аки нѣкто отъ безсмертныхъ. Узрѣвъ же матерь мою, простри руки свои къ колѣнамъ ея, да благопоспѣшитъ помощію своею къ возвращенію твоему въ отечество твое, хотя оное и вельми отстоитъ далеко, и когда она явитъ тебѣ на то свое изволеніе, тогда имѣй несумнѣнную надежду, что скоро узришь возлюбленныхъ своихъ, домъ твой и отечественную землю твою. Сіе сказавъ, понуждаетъословъ къ бѣгу, а за нею поспѣшаютъ рабыни и Одиссей. Солнце уже сокрылося, когда они приближилися къ дубравѣ, посвященной Палладѣ. Одиссей оставшись тутъ одинъ, начинаетъ молить Аѳинскую богиню такъ: о неукротимая дщерь сильнаго Дія! когда прежде ты не внушала моленію моему во время бури, которую воздвигъ на меня сильный царь Посидонъ, допусти по крайней мѣрѣ нынѣ явиться мнѣ предъ Феакіянами и обрѣсти отъ нихъ милосердіе.

Симъ образомъ умоляющаго его услышала Аѳинская Паллада, сама же не явилася ему: ибо

страшилася Посидона, который весьма огорченъ былъ на Одиссея и гнѣвался дотолѣ, доколѣ онъ не возвратился въ свою землю.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Тѣмъ временемъ Навсикая приходитъ въ домъ свой, и входящей ей текутъ на встрѣчу братья ея, кои вскорѣ выпряглиословъ изъ колесницы, и одежды внесли внутрь хранилища, Навсикая же идетъ въ чертогъ свой, гдѣ престарѣлая Евримедуса смотрительница онаго и питательница ея возжгла огонь и приготовила ужинъ. Тогда Одиссей предпріемлетъ путь къ городу, и Паллада покровительствуя ему, оградила его великимъ мракомъ, дабы кто либо неисповый отъ Феакіянъ узрѣвъ его, не нанесъ обиды, и не вопросилъ бы: откуда онъ идетъ? Когда же достигъ онаго, тогда Аѳина приннявъ на себя образъ юныя дѣвицы, несущія воду, идетъ къ нему на встрѣчу, а Одиссей вопрошаетъ ее: чадо мое! можешь ли ты мнѣ показать домъ царя здѣшняго

Алкиноя, ибо я странникъ есмь, по претерпѣніи многихъ золъ пришедшій сюда отъ дальнія земли, и не знаю ниединаго изъ гражданъ, здѣсь обитающихъ?

Паллада отвѣчала ему: поистиннѣ покажу тебѣ домъ желаемый тобою; ибо и отецъ мой живетъ близь его. Но слѣдуй съ молчаніемъ, не разглагольствуй ни съ кѣмъ, ниже вопрошай о чемъ либо: ибо здѣшніе жители не охотно принимаютъ приходящихъ отъ иныя земли странниковъ, уповая на быстроту кораблей своихъ, на коихъ плаваютъ по неизмѣримому пространству моря, и кои какъ перо или помышленія скоры.

Сіе сказавъ, предшествуетъ Одиссею; онъ же скорыми стопами слѣдуетъ за нею. Со удивленіемъ взираетъ на пристанище, на корабли, на знаменитые домы, на великую твердыню и на огражденные холмы высокіе. Когда приближилися къ чертогамъ царскимъ, тогда паки вѣщаетъ богиня: странникъ! вотъ тотъ домъ, о которомъ вопрошалъ ты меня, и внутрь коего обрящешь знаменитыхъ здѣшнихъ мужей, совершающихъ пиршество: но твое сердце да не устрашается сего: ибо смѣлый мужъ во всѣхъ дѣлахъ успѣхъ получаетъ, хотя бы и отъ иной земли пришелъ: но прежде всего узришь тамъ царицу, коей имя Арита и отъ тѣхъ же родителей происходитъ, отъ коихъ родился и царь Алкиной: ибо вопервыхъ Навсиѳоя родилъ Посидонъ отъ Перивіи меншія дочери Евримедонтовой; отъ Навсиѳоя же родились Рикси-

норъ и Алкиной. Но перваго убилъ стрѣломещущій Аполлонъ ; осталась же токмо одна дочерь Арита, которую понялъ въ жену себѣ Алкиной, и столько чтитъ ее, что ниедина жена во всемъ свѣтѣ не была почтена отъ мужа своего, любима отъ всѣхъ дѣшей и отъ всѣхъ гражданъ, которые на нее, когда шествуетъ куда либо, взираютъ аки на безсмертную. Сія когда явитъ тебѣ свою милость, то можешь имѣть несумнѣнную надѣжду возвратиться въ отечественную землю и въ городъ свой Ѳаку. Сіе сказавъ, богиня оставляетъ Схерію, и пускается по морю къ Марабону и къ знаменитымъ Аѳинамъ, направляя путь въ домъ царя Ерихѳея. Одиссей же идетъ въ чертоги Алкиноя, и многими мятущійся помышленіями приближается къ мѣдному помосту, отъ коего блескъ, аки отъ солнца или луны, по всему дому разносился; отповсюду была мѣдная ограда ; входъ затворялся золотыми воротами; серебреныя вереи утверждены были въ мѣдномъ порогѣ ; золотые и серебреные съ обѣихъ сторонъ стояли псы, устроенные чуднымъ Ифестомъ, во охраненіе дому Алкиноева; внутрь же вокругъ мѣдной ограды утверждены были сѣдалища, гдѣ видимы были являющія хитрость женскаго рукодѣлія тончайшія завѣсы ; тамъ феакійскіе знаменитые мужи имѣли свои засѣданія и отправляли свои пиршества; тутъ стояли златыя изображенія юношей при хитроустроенныхъ жертвенникахъ, держа въ рукахъ горящія чрезъ всю ночь и по всему дому сіяющія свѣчи для пиршествующихъ: въ домѣ было пятдесять служитель-

ницъ, изъ коихъ иныя упражнялися въ жерновахъ, другія пряли и ткали волну: ибо сколько феакійскіе жители совершенно искусными почитаются въ быстрѣйшемъ мореплаваніи, столько и ихъ жены искусны въ ткаціи волны. Внѣ же двора сего находился пространный садъ, огражденный отовсюду стѣною, въ коемъ высокія и зеленѣющіяся произрастали дерева: груши, яблони, смоковницы и маслины, кои въ плодахъ своихъ никогда ни зимою, ни лѣтомъ не оскудѣвали, но чрезъ цѣлый годъ оные приносили: ибо дышущій тамо всегда зефиръ произращалъ ихъ и приводилъ къ созрѣнію. Груша спарѣлася послѣ груши, яблоко послѣ яблока, ягода послѣ другой ягоды и смоква послѣ смоквы. Тамо были два источника: одинъ протекалъ чрезъ все пространство сада, другой же отъ противной стороны скрывалъ теченіе свое подъ помостомъ двора сего, гдѣ всѣ граждане довольствовалися водою сею. Таково было благоволеніе боговъ къ царю Алкиною. Одиссей насладився зрѣніемъ, ускоряетъ входомъ своимъ внутрь дома, гдѣ обрѣтаетъ феакійскихъ вождей и совѣтниковъ, творящихъ приношеніе мудрому созерцателю и Аргоубійцѣ Ермію: ибо послѣдняго его молили, когда уже помышляли о снѣ. Бѣдствующій странникъ огражденъ бывъ отъ Паллады непроницаемымъ мракомъ, предсталъ предъ царицу Арипу и царя Алкиноя. Тогда отступило отъ него оное облако, и онъ объемлетъ колѣна царицы, которая внезапно узрѣвъ незнаемаго мужа, много ему удивилася. Одиссей же такъ начинаетъ

вѣщать къ нимъ: о дщерь добльственнаго Риксинора, и вы феакійскіе вожди! къ вашимъ стопамъ повергаюся по претерпѣніи величайшихъ золъ: да подадутъ вамъ боги блаженную жизнь и чадамъ вашимъ всякое благо въ домѣ и честь отъ всего народа. Молю васъ, явите мнѣ вашу помощь и препроводите меня въ отечество мое, отъ котораго многое время будучи отлученъ, претерпѣваю напасти. Сіе сказавъ, сѣлъ близь огня на пескѣ: они же всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ престарѣлый ирой Эхеней, который между всѣми феакіянами и лѣтами, и краснорѣчіемъ, и искуствомъ многихъ знаній первымъ почитался, начинаетъ говорить такъ: державный царь Алкиной! поистиннѣ неприлично тебѣ, дабы странникъ сей сидѣлъ близь огня на пескѣ; мы же ожидаемъ твоего повелѣнія: и такъ посади его на сѣдалищѣ, и повели провозвѣстникамъ наполнить чаши виномъ, да воздадимъ честь молніеносному Дію, который страннымъ и требующимъ помощи всегда сопутствуетъ, и да предложитъ пищу страннику домостроительница. Алкиной взялъ Одиссея за руку, и посадилъ его на сѣдалищѣ, на коемъ сидѣлъ тогда сынъ его Лаодамантъ; воду принесла раба въ золотой умывальницѣ; послѣ чего поставили предъ него столъ наполненный многими яствами, которыми Одиссей насыщался, сколько желалъ. По семъ Алкиной вѣщаетъ провозвѣстнику: Протоной! наполни всѣмъ чаши виномъ, да принесемъ великому Дію благодареніе.

Когда всѣ насытилися онымъ, Алкиной паки говорить начинаетъ: внемлите, феакійскіе

вожди и совѣтники, что хочу возвѣстить вамъ: теперь возвратитесь въ домы свои, и приимите даръ сна; на утро же множайшихъ приглашу градоначальниковъ, угощу съ подобающею честію страннопришельца сего, и сотворивъ жертву богамъ, положимъ совѣтъ о возвращеніи его, дабы онъ подъ нашимъ препровожденіемъ безболѣзненно и съ радостію могъ достигнуть своего отечества, и да не постраждетъ никакого зла въ пути, возвращаяся въ землю свою. Послѣ же сего паки пусть претерпѣваетъ то, что судьба при рожденіи его положила ему. Ежели же отъ безсмертныхъ кто во образѣ его пришелъ къ намъ, то поистиннѣ нѣчто иное боги о насъ промышляютъ: ибо и прежде они всегда намъ являлися, и когда приносили имъ священныя жертвы, они соприсутствовали при оныхъ съ нами. Одиссей отвѣтствовалъ ему: о великоименитый царь Алкиной! отложи сіе помышленіе: ибо я неподобенъ безсмертнымъ ни тѣломъ, ниже лицемъ, но такой же смертный, какъ и прочіе всѣ люди, жизнь свою провождающіе въ болѣзняхъ и напастяхъ: имъ и я подобенъ. Возвѣстилъ бы я вамъ нынѣ многія мои злоключенія, по изволенію боговъ претерпѣнныя мною; но оставьте меня теперь насытиться пищею: ибо ничто столько не причиняетъ безпокойства, какъ чрево, которое даже во всѣхъ напастяхъ и болѣзняхъ понуждаетъ воспоминать о себѣ, такъ, что когда оно желаетъ пищи, тогда всѣ страданія забываются: такъ и меня голодное мое чрево нудитъ ко удовлетворенію

его, не смотря на сокрушающія и угнѣшающія печали мое сердце. Васъ же нынѣ молю, ускорите съ наступающею утреннею зарею положить въ совѣтѣ вашемъ о препровожденіи меня въ отечество мое, на которое хотя единожды взглянувъ, съ радостію оставлю животъ мой, то есть, все мое стяжаніе, рабовъ и домъ великолѣпный. Такъ говорилъ онъ, и всѣ похвалили слова его, и положили препроводить въ домъ его. По окончаніи же вечерняго пиршества всѣ отходятъ въ домы свои ко сну, одинъ токмо Одиссей остался съ царемъ Алкиноемъ и Аритою. Тѣмъ временемъ рабыни убирали пиршественные сосуды. Арита усмотрѣвъ на немъ одежды свои, надъ коими сама съ рабынями трудилася, говоритъ Одиссею такъ: странникъ! возвѣсти намъ, кто ты таковъ? отъ какихъ народовъ пришелъ къ намъ, и кто далъ тебѣ сіи одежды? Ты намъ повѣдалъ, что заблуждая по морю, пришелъ сюда. — Одиссей отвѣтствовалъ ей: о великоименитая царица! поистиннѣ неудобно нынѣ всѣ исчислить напасти, которыя на меня отъ боговъ ниспосланы. Но кратко повѣдаю нынѣ, о чемъ меня вопрошаешь: далеко отсюда лежитъ на морѣ нѣкоторый островъ, нарицаемый Огигія, гдѣ дщерь пресловутаго Атланта хитрая и лѣпообразная богиня Калипса обитаетъ, и ниже изъ боговъ кто, ниже отъ смертныхъ имѣютъ съ нею обращеніе; одного меня злополучнаго привелъ къ ней нѣкій богъ: ибо молніеносный Дій сокрушилъ корабль мой палящею молніею посреди моря, гдѣ прочіе мои всѣ сопутники

въ водахъ погибли; я же на одной доскѣ сокрушенаго моего корабля по пучинамъ пространнаго моря носимъ былъ девять дней, въ десятую же ночь принесли меня боги къ острову Огигіи, гдѣ сія богиня обитаетъ. Она принявъ меня и угощая со всякою любовію, обѣщалася содѣлать безсмертнымъ и во всю жизнь непричастнымъ старости, но сердца моего ничѣмъ не могла поколебать. Тамъ пробылъ я седмь лѣтъ, орошая всегда слезами данныя ею мнѣ одежды. Съ наступленіемъ же осмаго года повелѣла мнѣ по соизволенію ли Дія, или сама собою перемѣнивъ сердце, отплыть въ отечество, отпустила меня на кораблѣ, и снабдивъ меня довольно пищею, сладкимъ виномъ и одеждами, послала мнѣ благополучный и безвредный вѣтръ. Такимъ образомъ я десять и седмь дней совершалъ путь мой по морю, въ осьмый же надесять день явилися темныя горы земли вашея: тогда возрадовалося злополучное сердце мое, какъ бы предвѣщая, что еще предлежатъ мнѣ многія напасти, которыя сотрясающій землю Посидонъ вскорѣ и послалъ на меня и пресѣкъ путь мой: ибо навелъ яростные вѣтры, возмутилъ морскія воды страшными бурями, и никоимъ образомъ судно мое не могло противуборствовать по срединѣ обуреваемаго моря, но скоро волны разсыпали оное. На конецъ утишилася буря, я же плаваніемъ спасаяся, вѣтромъ и водою принесенъ былъ къ вашей землѣ, гдѣ страшная волна меня повергла на землю близь великихъ камней на открытомъ мѣстѣ. Но я оставивъ сіе мѣсто, предался паки плаванію, доколѣ не

достигъ рѣки, гдѣ мѣсто было спокойнѣйшее, не имѣющее камней и защищенное отъ вѣтровъ: тамо ободрился духъ во мнѣ. Наконецъ приближилася тихая ночь, и я удалился въ лѣсъ, гдѣ собравъ многія листья, легъ между деревьями, и богъ послалъ на меня глубокій сонъ. Такимъ образомъ имѣя ослабѣвшее сердце, спалъ я чрезъ всю ночь до полудня. Уже солнце преклонялося, какъ сонъ меня оставилъ, и я внезапно узрѣлъ играющихъ рабынь дщери твоея, сама же она между ими являлася подобною богинѣ. Къ ней тогда пришелъ я, и излилъ предъ нею мольбу мою, которую она яко благое изчадіе и не отринула, но насытивъ меня изобильно пищею и сладкимъ виномъ, снабдила сими одеждами. Вотъ тебѣ всю истинну я повѣдалъ. Алкиной отвѣтствовалъ на сіе: поистиннѣ неблагоразумно поступила дочь моя, когда купно съ рабынями не привела и тебя въ домъ нашъ.

Мудрый Одиссей отвѣтствовалъ ему: великодушный царь! не обвиняй въ семъ невинную дщерь свою: ибо она повелѣла мнѣ купно съ рабынями слѣдовать, но я отъ сего отрекся, боясь, дабы не раздражилося сердце твое, когда бы ты увидѣлъ страннаго человѣка, идущаго съ юными дѣвицами: ибо родъ человѣческій удобопреклоненъ къ подозрѣнію.

Алкиной сказалъ на сіе: ахъ странникъ! сердце мое не такъ легкомысленно и удобопреклонно ко гнѣву, и я всякое честное дѣло почитаю приличнымъ во всякомъ случаѣ. О

Дій, Паллада и Аполлонъ! — когда бы и ты тоже мыслилъ, что и я, поистинѣ имѣлъ бы ты дочь мою женою себѣ, и пребывая здѣсь, нарицался бы моимъ ближайшимъ родственникомъ, далъ бы я тебѣ домъ и многое стяжаніе; но противъ воли твоей никто тебя здѣсь удержать не можетъ, да сіе и отцу боговъ Дію есть противно: препровожденіе же тебѣ во отечество потщусь устроить наутро, а нынѣ иди и насладися сномъ, между тѣмъ я мореплавателямъ повелю наблюдать тишину времени, дабы безвредно привести тебя въ домъ твой, который хотя и далѣе отстоитъ Еввейскія земли, лежащія, какъ повѣствуютъ видѣвшіе оную, вельми въ далекомъ разстояніи отъ насъ — возвѣстили же мнѣ о семъ наши граждане, которые отвозили царя Радаманѳа, желавшаго увидѣть Титія сына земли, и совершили путь сей въ одинъ день безъ всякаго труда, и того же дня привезли его въ домъ обратно. Познаешь и самъ ты, сколь легки корабли наши, и сколь искусны гребцы въ мореплаваніи. Такъ говорилъ Алкиной. Одиссей же радуяся духомъ, сказалъ: отецъ боговъ Дій! молю тебя, да совершитъ Алкиной все сказанное имъ, и да пронесется имя его по всей земли, я же да узрю отечество мое!

Такъ разглагольствовали они: царица же Арита между тѣмъ повелѣла рабынямъ приготовить ему постелю, кои исполнивъ повелѣнное и зажегши свѣтильникъ, пришли возвѣстить о семъ: тогда Одиссей оттедши, успокоился

крѣпкимъ сномъ. Такъ же и Алкиной отшелъ въ свой чертогъ, а съ нимъ купно и царица Арита.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Когда явилася багрянообразная утренняя заря, тогда возсталъ Алкиной, возсталъ и Одиссей, и идутъ совокупно къ Ѳеакійскому собранію, которое было составлено близъ кораблей, куда пришедши, сѣли на камняхъ. Тогда Аѳинская Паллада во образѣ провозвѣстника Алкиноева, обтекая всѣхъ гражданъ и помышляя о устроеніи отшествія Одиссею, такъ вѣщаетъ: феакійскіе вожди и начальники! слѣдуйтэ на сонмъ: тамъ узрите нѣкоего странника, который заблуждая по морю, недавно пришелъ въ домъ царя Алкиноя, образомъ же подобенъ есть безсмертнымъ. Такимъ образомъ возбудила во всѣхъ сердца: наполнилися всѣ улицы и сѣдалища народомъ, и взирали со удивленіемъ на Одиссея, на котораго тогда Паллада излила благодать свою, дабы любезнѣйшій, почтеннѣйшій и величественнѣйшій явился

предъ всѣми Феакіянами и совершилъ бы подвиги, въ коихъ искуснѣйшими тогда они почиталися. Собравшемуся великому множеству народа Алкиной начинаетъ говорить такъ: внемлите, Феакійскіе судіи и совѣтники, что возвѣщу вамъ: странникъ сей не знаю откуда пришелъ въ домъ мой, отъ восточныхъ или отъ западныхъ народовъ, и проситъ отпущенія въ домъ свой: и для того потщимся исполнить его желаніе: ибо никто никогда не приходилъ ко мнѣ, кто бы долго ожидалъ со слезами отпущенія. Пусть приготовятъ для отвезенія его новый корабль на морѣ съ пятьюдесятью двумя избранными гребцами: да будетъ такъ же вскорѣ приготовлено и веселое угощеніе: юношамъ сіе повелѣваю: вы же, знаменитые старцы! идите со мною въ домъ мой, и тамо угостимъ страннопришельца сего: да не отречется ни единъ: призовите и пѣвца Димодока, коего Аполлонъ научилъ воспѣвать пѣсни ко утѣшенію сердецъ нашихъ.

Сіе сказавъ, предшествуетъ имъ: старѣйшины же градскіе за нимъ слѣдуютъ. Тѣмъ временемъ провозвѣстникъ поспѣшно идетъ призвать пѣвца, а избранные пятдесять два юноши по повелѣнію царя идутъ на морскій берегъ къ кораблю, который вскорѣ сведши на глубину, утвердили на немъ вѣтрильное дерево, привязали вѣтрила, положили гребла на мѣста ихъ, и поставили его далеко отъ берега. По семъ возвращаются къ царю Алкиною, гдѣ всѣ мѣста и преграды уже наполнилися множествомъ собравшихся мужей, между коими находились такъ же многіе пре-

старѣлые и юноши Алкиной повелѣлъ заколоть двѣнадцать овецъ, восемь свиней и двухъ воловъ къ назначенному пиршеству.

Между тѣмъ провозвѣстникъ привелъ пѣвца, коего божественная Муза надѣлила двумя дарами благимъ и злымъ, то есть лишила его зрѣнія и научила воспѣвать сладостныя пѣсни. Провозвѣстникъ поставилъ ему сѣдалище близь столпа посреди пиршествующихъ, цѣвницу же его повѣсилъ на гвоздѣ, и показалъ, какъ можетъ оную осязать руками; поставилъ такъ же предъ него столъ, сосудъ съ пищею и чашу съ виномъ, да насыщается, сколько сердце его желаетъ. Все собраніе простерло руки къ пищѣ. Когда же насытилися всѣ предложеннымъ предъ ними, тогда божественная Муза возбудила пѣвца, да воспоетъ славу мужей, которые тогда прославилися дѣлами своими до небесъ. Димодокъ воспѣваетъ раздоръ, бывшій нѣкогда между Одиссеемъ и Пелеевымъ сыномъ Ахилломъ: царь же Агамемнонъ радовался сердцемъ, когда первые военачальники Ахейскіе между собою были несогласны: ибо такъ Пиѳійскій Аполлонъ предрекъ ему, когда приходилъ къ нему вопросить у него отвѣта, и тогда открылося начало злоключеній Данайскихъ и Троянскихъ по изволенію великаго Дія. О семъ тогда воспѣвалъ Димодокъ. Одиссей же слушая сіе, проливалъ слезы, закрывая лице одеждою, дабы сокрыть отъ Феакіянъ печаль свою. Когда же переставалъ Димодокъ пѣть, тогда и онъ отнималъ оную отъ лица своего. Алкиной усмотрѣвъ сіе, сѣлъ близь его, и услы-

шавъ тяжкіе испускающаго Одиссея вздохи, такъ говоритъ: внемлите, Феакійскіе мужи! уповаю, что уже насытилися всѣ пищею и насладилися пѣніемъ: теперь пойдемъ и покажемъ свои подвиги, дабы страннопришелецъ сей возвратясь въ отечество свое, повѣдалъ тамъ, сколь мы превосходимъ прочихъ народовъ борьбою, крѣпостію рукъ, плясаніемъ и бѣганіемъ.

Сіе сказавъ, предшествуетъ всѣмъ: Димодока же взявъ за руку, ведутъ на назначенное для подвиговъ мѣсто. Великое множество сильныхъ юношей за царемъ слѣдовало. Тамъ возсталъ Акроней, Окіалъ, Елатрей, Навтей, Примней, Анхіалъ, Ерешмей, Понтей, Прорей, Ѳоонъ, Анависиней, Амфіалъ сынъ Полиніевъ, возсталъ и Эвріалъ, подобный человѣкогубителю Арею, который по Лаодамантѣ возрастомъ и красотою превосходилъ всѣхъ Феакіянъ; возстали также и три сына Алкиноевы, Лаодомантъ, Алій и Клитоней. Сіи первые начали подвигъ отъ положеннаго мѣста бѣганіемъ, и отъ ногъ ихъ возносится прахъ аки отъ вѣтра по всему полю: посемъ начали борьбу, въ коей побѣдилъ всѣхъ Эвріалъ, въ плясаніи же превзошелъ всѣхъ Амфіалъ, въ метаніи круга сильнѣйшій явился Лаодамантъ сынъ Алкиноевъ. Когда же всѣ удовольствовалися сими забавами, Лаодамантъ вѣщаетъ: други мои! пригласимъ и сего страннаго мужа, дабы показалъ, ежели знаетъ, какій либо подвигъ, надѣяся или на крѣпкія рамена свои, или на бедра, или на твердость рукъ, или на непреодолимую силу выи; но мнѣ кажется, что юность его измождена многими напастьми: ибо по мнѣнію моему

ничто не можетъ столько привести человѣка въ безсиліе, какъ морскія злоключенія, которыя и самаго крѣпчайшаго мужа сокрушаютъ. Эвріалъ отвѣтствовалъ ему: ты говоришь справедливо, Лаодамантъ! и такъ поди пригласи его самъ. — Лаодамантъ, ставъ предъ Одиссеемъ, говоритъ ему: странникъ, повѣдай намъ, въ какихъ ты искусился подвигахъ? ибо поистиннѣ не неприлично знать тебѣ оные, и нѣтъ вящшей славы человѣку въ жизни его, какъ показать твердость рукъ и ногъ своихъ. И такъ изгнавъ печаль изъ сердца своего, иди испытать силы твои: отшествіе же твое въ отечество уже близко есть: ибо и корабль стоитъ готовъ на морѣ и сопутники избраны.

Одиссей отвѣтствовалъ ему: Лаодамантъ! почто искушаете меня съ посмѣяніемъ? Болѣзни сердце мое, а не подвиги объемлютъ. Ибо прежде, нежели пришелъ сюда, претерпѣлъ я неисчетныя напасти, и много зла пострадалъ: нынѣ же сижу въ вашемъ собраніи, ожидая отпущенія себѣ, о коемъ прошу царя и несь народъ сей. — Эвріалъ въ отвѣтъ ему съ явнымъ посмѣяніемъ сказалъ: вижу я, странникъ! что ты безпечному мужу уподобляешся, которому никакіе подвиги неизвѣстны, какіе токмо между людями употребляются, и догадываюся, что ты изъ числа тѣхъ кораблеводителей, которые плаваютъ по морямъ, желая обрѣсти пользу только отъ единаго купечества.

Одиссей воззрѣвъ на него свирѣпымъ окомъ, отвѣтствовалъ: говоришь ты, юноша,

неправедно, и я зрю, что ты подобишся человѣку строптивоязычному. Боги не всѣхъ равно надѣляютъ дарами своими. Иной лицемъ неблагообразенъ, но богъ наградилъ его краснорѣчіемъ, на лице коего взираютъ съ отвращеніемъ, но за то слушаютъ мудрыхъ и кротькихъ словъ его со удивленіемъ и сладостію, и во всѣхъ собраніяхъ чудное нѣчто услышать отъ него уповаютъ: шествуетъ ли онъ куда, всѣ на него взираютъ, какъ на достоуважаемаго мужа. Иной паки благолѣпіемъ лица подобится безсмертнымъ, но сладости словъ нималѣйшей не имѣетъ. Такъ и твоего лица лѣпота зрится аки безсмертная, но разумъ твой исполненъ строптивости. Ты раздражилъ сердце мое необузданнымъ языкомъ твоимъ; но вскорѣ познаешь, что подвиги ваши давно мнѣ извѣстны, и уповаю, что былъ бы я первый между вами, когда бы надѣялся на крѣпость рукъ своихъ: но нынѣ одержатъ меня люты скорби, каковыя понесъ я на браняхъ противъ крѣпчайшихъ мужей и на свирѣпомъ морѣ. Но и при всѣхъ сихъ злоключеніяхъ испытаю силы свои: ибо невоздержный языкъ твой вельми раздражилъ болезненное мое сердце.

Сказавъ сіе, во всемъ одѣяніи устремляется и со гнѣвомъ подъемлетъ камень, много большій и тягчайшій того, который феакіяне въ подвигѣ своемъ употребляли. Одиссей удобно обращая его въ рукахъ нѣсколько времени подобно легкому шару, и напрягши твердыя рамена свои, вергаетъ гораздо далѣе всѣхъ феакійскихъ цѣлей. Паллада же во образѣ

мужа поставила знакъ, гдѣ стремленіе камня остановилося, и такъ говоритъ къ Одиссею: странникъ! и слѣпый можетъ осязаніемъ познать знакъ сей: ибо оный весьма далеко отстоитъ отъ прочихъ: ты же будь благодушенъ и уповай на подвиги свои: ибо никто изъ феакіянъ до сей меты не достигнетъ. Такъ рекла Паллада, Одиссей же возвеселился сердцемъ, познавъ, что столь благопріятствующаго себѣ видѣлъ друга, и говоритъ такъ феакіянамъ: вы нынѣ вергните камень сей, я же и другій тягчайшій перваго пущу руками моими: идите и испытайте силы ваши со мною: ибо много вы меня раздражили: испытайте, говорю, или руками, или борьбою, или стрѣляніемъ: не отрекуся отъ всѣхъ васъ, кромѣ токмо Лаодаманта: ибо онъ страннопріимецъ мой есть: кто же съ другомъ препираться хочетъ, тотъ безуменъ есть и несмысленъ: — отъ прочихъ мужей, сказалъ я вамъ, не отрицаюся и хочу предъ вами показать всѣ подвиги, какіе токмо на землѣ между людьми употребляются. Первый стрѣлою моею поразилъ я желаемаго мужа во множествѣ враговъ сопротивныхъ, хотя и многіе защищали его соратники и напрягали луки свои на меня. Одинъ токмо Филоктитъ превосходилъ меня въ стрѣляніи на Троянской брани, прочихъ же всѣхъ нынѣ сущихъ и хлѣбомъ питающихся на землѣ людей побѣдить уповаю. Но съ древними мужами не хочу претися, ниже со Иракломъ, ниже со Эвритомъ Охалійскимъ, которые дерзнули даже съ богами въ искуствѣ стрѣлянія препи-

раться, за что великаго Еврита недостигшаго старости вскорѣ смерть постигла: ибо раздраженный Аполлонъ за то, что онъ вызывалъ его на подвигъ стрѣлометанія, умертвилъ его. Не не похвалюся также и метаніемъ копья, такъ что едва ли кто иной сравнится въ томъ противъ меня стрѣлою. Единаго токмо бѣганія боюся, дабы кто изъ феакіянъ не побѣдилъ меня: ибо силы мои отъ волнъ морскихъ весьма изнурились, кпому же и пища на кораблѣ была весьма скудная, и потому несказанно ослабѣла твердость колѣнъ моихъ.

Такъ говорилъ Одиссей, и всѣ пребыли въ глубокомъ молчаніи, одинъ Алкиной отвѣтствовалъ ему: пріятно намъ слушать слова твои, когда желаешь показать мужество свое единственно для того, что тебя феакійскій мужъ раздражилъ, вызывая на подвигъ и уничижая крѣпость твою, которая всякаго бы смертнаго удивила. Но внуши и мои слова, да повѣдаешь прочимъ геройямъ, когда будешь въ домѣ твоемъ пиршествовать съ женою и чадами своими: тамо вспомяни и о нашемъ искуствѣ, какое всесильный Дій намъ предоставилъ отъ древнихъ временъ и предковъ: ибо не уповаемъ мы на твердость рукъ, ниже можемъ похвалиться борьбою, но единымъ легкимъ и скорымъ бѣганіемъ, также быстрымъ плаваніемъ по морю на корабляхъ, всегда обращаемся въ пиршествахъ, въ пѣніи, въ веселыхъ забавахъ, въ измѣненіи дорогихъ и тончайшихъ одеждъ, въ теплыхъ баняхъ, и почиваемъ на мягкихъ ложахъ. И такъ, феакіяне, начните подвиги нынѣ отъ искуства плясанія, да страннопришелецъ

сей возвратився въ отечество свое, возвѣститъ объ насъ всюду добрую славу, также и то, колико превосходимъ мы прочихъ въ знаніи бѣганія, пѣнія и мореплаванія: Димодоку же же скоро принесите изъ дому моего цѣвницу.

Такъ говорилъ Алкиной: и немедленно провозвѣстникъ идетъ въ домъ царя. Жребіемъ же избранные юноши и девять начальниковъ игръ очистили мѣсто для плясанія. Тѣмъ временемъ провозвѣстникъ принесъ цѣвницу Димодоку, выступившему съ оною на средину, вокругъ же его стали многіе юноши, изученные искуству всякаго рода плясанія, и уже къ мгновенному и мѣрному движенію возбуждали свои ноги. Одиссей со удивленіемъ взиралъ на приуготовленіе ногъ ихъ. Димодокъ началъ воспѣвать о любви Арея и златовласой Афродиты, какъ они другъ ко другу оною пылали въ дому Ифестовомъ, и какъ возвѣстило ему о семъ всевидящее солнце. Ифестъ услышавъ горестное сіе извѣщеніе, ускоряетъ въ свою кузницу, скрывая въ глубинѣ сердца жестокое мщеніе, утверждаетъ наковальну, сооружаетъ неразторгаемыя и неразрѣшимыя узы, устроивъ же хитрость сію, спѣшитъ въ чертогъ свой, гдѣ стояло его ложе, и тамъ распростираетъ надъ нимъ сѣть сію, которую никто изъ боговъ не могъ видѣть: ибо тончайшая была тенетъ паучинныхъ. Устроивъ ухищреніе сіе, притворяется идущимъ на островъ Лемнъ. Арей узнавъ о его отшествіи, ускоряетъ итти въ домъ его, желая насладиться любовію Афродиты, которая токмо что пришла отъ всесильнаго отца своего Дія, и сидя покоилася. Въ сіе самое

время входитъ въ чертогъ неистовый Арей, и взявъ ее за руку говоритъ ей: пойдемъ, возлюбленная моя! и обратимъ въ пользу сей случай: ибо нѣтъ здѣсь царя Ифеста, но отшелъ далеко во островъ Лемнъ къ Синтійскимъ жителямъ.

Такъ сказалъ Арей: равно непротивно сіе было и Афродитѣ. Когда же взошли въ спальный чертогъ, тогда сѣти Ифестовы начали разширяться надъ ними, и они никакъ не могли ни двигнуться, ни встать съ мѣста. Тогда познали явно, что нѣтъ надежды ко избѣжанію. Въ сіе самое время возвращается и знаменитый Ифестъ, недошедши до Лемна: ибо солнце назиряя дѣла ихъ, возвѣстило о всемъ ему: онъ ускоряетъ въ домъ съ раздраженнымъ сердцемъ, и ставши въ преддверіи, страшно возопилъ на небо, и жалобу его услышали всѣ боги. Всесильный Дій, и вы всѣ присносущные боги! говорилъ онъ, придите нынѣ и будьте свидѣтелями позорныхъ и нестерпимыхъ дѣлъ и той срамоты, какую нанесла мнѣ хромому мужу своему Афродита дщерь Діева, возлюбившая зловреднаго Арея за то, что онъ доброзраченъ и быстръ ногами, яже безсиленъ: но виновенъ въ семъ тотъ, кто родилъ меня. Посмотрите, какъ они наслаждаются любовію, я же терзаюся сердцемъ. Но уповаю, что съ сего времени не захотятъ умножать стыдъ мой: ибо отъ сѣтей сихъ не возмогутъ свободиться-ся долѣ, пока отецъ не возвратитъ мнѣ все вѣно, какое мною дано ему за его дочерь.

Такъ онъ произносилъ жалобу: и всѣ боги собралися къ мѣдному дому царя Ифеста.

Пришелъ туда Посидонъ и Ермій со Аполлономъ. Богини же пребывали въ своихъ чертогахъ. Прочіе боги ставъ въ преддверіи, воздвигли великій смѣхъ, взирая на хитрость мудраго Ифеста, и нѣкто изъ нихъ сказалъ: не всегда съ успѣхомъ совершаются злыя дѣла, но иногда хромый настигаетъ крѣпкаго ногами, какъ-то и нынѣ Ифестъ уловилъ Арея, паче всѣхъ боговъ быстрѣйшаго.

Такъ между собою разглагольствовали боги, и Аполлонъ сказалъ Ермію: вѣстникъ боговъ! рѣшился ли бы ты послѣ сего въ сихъ крѣпкихъ узахъ быть въ объятіяхъ златозарной Афродиты? — Ермій на сіе отвѣчалъ: о когда бы мнѣ сіе случилось, державный Аполлонъ! и хотя бы сіи неразторгаемыя узы еще крѣпче были устроены, вы бы узрѣли, что я не отрѣкся бы опочить со златою Афродитою.

Такъ сказалъ Ермій: и всѣ великій смѣхъ воздвигли. Одинъ токмо Посидонъ не смѣялся, и многократно просилъ Ифеста, да разрѣшитъ виновныхъ, такъ говоря: прошу тебя, освободи Арея и Афродиту отъ оковъ сихъ: я же учиню тебѣ воздаяніе, какое требуешь, предъ всѣми богами.

Ифестъ отвѣтствовалъ ему: не могу я исполнить сего: ибо трудно получить обѣщанное, когда имѣешь дѣло съ сильнымъ споручителемъ, да и могу ли я тебя связать, толико могущественнаго между безсмертными? — Посидонъ сказалъ на сіе: когда Арей убѣжитъ, не сдѣлавъ тебѣ удовлетворенія; то я все сіе на себя пріемлю. — Ифестъ отвѣтствовалъ ему: когда сіе даешь увѣреніе, то неприлично бы было от-

ринуть твое ходатайство. Сіе сказавъ, освободилъ узниковъ, и Марсъ получивъ свободу, отходитъ во Ѳракію, Афродита же во островъ Кипръ и Паѳъ, гдѣ стоитъ дубрава отъ деревъ благовонныхъ, ей посвященная. Тамо Хариты умывъ обладательницу свою и умастивъ безсмертными мастьми, облекли въ свѣтлыя одежды.

Сіе димодокъ воспѣвалъ. Одиссей и прочіе всѣ со услажденіемъ слушали. По семъ Алкиной повелѣлъ Алію и Лаодаманту къ подвигамъ приступить: ибо никто ихъ не могъ побѣдить въ игрѣ мячемъ. Одинъ изъ нихъ взявъ мячъ, пустилъ вельми высоко; другій же поднявся отъ земли вверхъ, ловилъ его низпадающаго, не касаясь до земли ногами. Тогда Одиссей сказалъ: поистиннѣ неложно есть твое обѣщаніе, и я со изумленіемъ взираю на искуство сихъ юношей.

Слыша сіе Алкиной и радуяся сердцемъ, вѣщаетъ къ феакіянамъ: внемлите, вожди и князи феакійскіе! странный гость сей зрится мнѣ весьма благоразуменъ: и такъ снабдимъ его дарами сшраннопріимства по числу двѣнадцати знаменитыхъ царей, которыхъ вы представляете, владычествуя надъ симъ народомъ, я же числюсь трепійнадесять. Принесите каждый изъ дому своего по одной драгоцѣнной одеждѣ и по одному таланту чиспаго золота, и всѣ сіе собравъ, отнесите въ домъ мой, да гость сей съ нами пиршествуетъ съ веселымъ духомъ. Эвріалъ же пусшь самъ примиришся съ нимъ словами и дарами за нанесенное ему оскорбленіе.

Такъ рекъ царь, и всѣ похвалили совѣтъ его. По семъ повелѣли провозвѣстнику̀ приготовить дары. Эвріалъ же отвѣтствуя, сказалъ: великоименитый царь Алкиной! симъ мечемъ по повелѣнію твоему хочу отъ него приобрѣсть примиреніе. Онъ весь устроенъ изъ мѣди, рукоять его серебреная, а влагалище изъ слоновой кости. Сіе сказавъ, вручаетъ оный Одиссею съ сими словами: радуйся, странный мужъ! ежели какое противное слово сказано мною, да унесутъ его вскорѣ вихри на воздухъ; тебѣ же да подадутъ боги по многихъ злостраданіяхъ твоихъ благополучно возвратиться въ свою отчизну и узрѣть искреннихъ своихъ.

Радуйся и ты, возлюбленное чадо! Одиссей отвѣчалъ ему: боги да подадутъ и тебѣ всякое благо: меча же сего не имѣй отселѣ желанія видѣть въ рукахъ твоихъ, когда его въ знакъ примиренія мнѣ отдалъ. По сихъ словахъ возлагаетъ на себя оный.

Солнце уже сокрылося, когда знаменитые дары принесены были въ домъ Алкиноевъ, кои положены были близь царицы Ариты, къ которой такъ вѣщаетъ Алкиной: принеси сюда драгоцѣнный ковчегъ, и вложи въ него богатую и чистую одежду; повели на огонь поставить котелъ съ водою, да учинятъ измовеніе страннику сему, и да узритъ онъ всѣ дары, феакіянами принесенные, и послѣ да насладится пиршествомъ и пѣніемъ. Я же ему въ знакъ моей дружбы подарю сію золотую чашу, да воспоминаетъ о мнѣ во

всю жизнь, вкушая изъ оной въ честь великаго Дія и прочихъ боговъ въ дому своемъ.

Такъ сказалъ: и царица повелѣла прислужницамъ приготовить теплую воду, сама же принесла изъ чертога своего драгоцѣнный ковчегъ, въ который вложила принесенные феакіянами дары: золото и свои двѣ одежды, такъ вѣщая къ Одиссею: самъ тогда имѣй о немъ попеченіе, когда въ путь отправишся, дабы кто не похитилъ его, когда крѣпкій сонъ въ кораблѣ нападетъ на тебя. — Одиссей заперъ ковчегъ ключемъ. По семъ Арита повелѣла рабынямъ обмыть его: Одиссей съ радостію сему повиновался: ибо съ самаго того времени не наслаждался теплою мыльницею, когда оставилъ островъ прекрасныя Калипсы. Рабыни обмывъ Одиссея, облекли въ чистыя одежды, въ которыхъ идетъ онъ въ собраніе пиршествующихъ. Тогда Навсикая дщерь Алкиноева, стоя у дверей и увидѣвъ идущаго Одиссея, удивилася величественному виду его, и такъ привѣтствуетъ: радуйся странникъ! когда возвратишся въ отечественную землю свою, воспомяни и обо мнѣ, что ты за спасеніе жизни твоей долженъ мнѣ воздаяніемъ. — Одиссей отвѣтствовалъ ей: о великодушная дщерь великодушнаго царя Алкиноя! да подастъ мнѣ облакодвижитель Дій увидѣть отечество мое и домъ! поистиннѣ не престану во всю жизнь благодарить тебя: ибо ты, любезное чадо, сохранило животъ мой. Сказавъ сіе, сѣлъ на сѣдалищѣ близь царя Алкиноя. Пиршествующіе тогда уже мяса раздѣляли и растворяли вино. Тѣмъ временемъ

провозвѣстникъ привелъ и пѣвца Димодока, коего посадилъ близь стола посреди всѣхъ. Одиссей вѣщаетъ провозвѣстнику: прими сію тучную свинаго мяса часть и подай Димодоку, да насыщается: ибо всѣ пѣвцы на землѣ въ великомъ суть у людей почтеніи и любви, и ихъ сама божественная Муза научила пѣнію. Провозвѣстникъ повинуяся, подалъ мясо Димодоку, который принялъ оное съ благодареніемъ.

Когда пищею и виномъ всѣ насытилися, тогда Одиссей паки вѣщаетъ къ пѣвцу: я сужу тебя достойнымъ похвалы паче прочихъ смертныхъ: поистиннѣ или Муза, или самъ Аполлонъ научили тебя пѣнію: ибо весьма услаждаешь повѣствованіемъ своимъ о всѣхъ дѣяніяхъ и трудахъ Ахейскихъ, какъ бы самъ при томъ былъ, или отъ кого подробно слышалъ. И такъ прошу тебя, воспой нынѣ о уготованномъ тогда деревянномъ конѣ, коего устроилъ хитрый Эпей при помощи Паллады, а Одиссей ввелъ внутрь Троянской твердыни, посадивъ въ него храбрѣйшихъ Ахейскихъ мужей, опровергшихъ стѣны Илійскія. Когда о семъ возвѣстишь мнѣ неложно, тогда поистиннѣ славу о тебѣ возвѣщу повсюду, колико наградилъ тебя богъ знаніемъ пѣнія.

Димодокъ повинуяся ему, настроилъ цѣвницу, и началъ пѣніе съ того произшествія, какъ Ахеяне сѣдши на корабли, отплыли отъ береговъ, оставя на оныхъ многіе горящіе огни, прочіе же со Одиссеемъ сокровенны сидѣли внутрь коня, коего сами Трояне вовлекли внутрь твердыни: по семъ какія совѣща-

нія о немъ полагали: иные совѣтовали разсѣчь его на части; другіе возвести на высоту горы и низринуть въ море; нѣкоторые настояли оставить его какъ великое чудо для умилостивленія боговъ, при коемъ мнѣніи всѣ утвердилися: ибо судьбою предопредѣлено было, да погибнетъ градъ сей отъ онаго чуднаго коня. По семъ воспѣвалъ, какъ Пріамовъ градъ вконецъ раззоренъ былъ, какъ Одиссей съ Менелаемъ взошли въ домъ Діифова, и какое учинили тамъ пораженіе при помощи Паллады.

О семъ воспѣвалъ Димодокъ: Одиссей же терзался сердцемъ и проливалъ слезы, подобно плачущей женѣ о возлюбленномъ своемъ супругѣ, который при стѣнахъ города и предъ народомъ палъ мертвъ, защищая чадъ своихъ и отечество отъ неистовства сопротивныхъ-- тогда она видя или умирающаго, или еще трепещущаго ошъ смертоносныя язвы, жалостно надъ нимъ рыдаетъ и стонетъ. Такъ Одиссей плакалъ, воспоминая прежніе труды, чего никто не могъ познать, кромѣ единаго Алкиноя, который сѣдши близь его, вѣщаетъ къ Феакіянамъ: вожди и совѣтники Феакійскіе! возвѣстите Димодоку, да осшавитъ свою цѣвницу: ибо вижу я, не всѣмъ равно служитъ ко утѣшенію пѣніе его; но съ того самаго времени, какъ начали мы вкушать пищу, а Димодокъ свое пѣніе, странный сей гость не преставаль плакать: и такъ да воздержится, говорю, отъ пѣнія, но мы сами собою поищемъ способа къ увеселенію своему: ибо единственно для сего мужа сіе угощеніе и дары приготовлены: тебя же

о чемъ вопрошу, повѣдай мнѣ, истинну. Скажи мнѣ имя, данное тебѣ отъ родителей твоихъ: ибо нѣтъ ниединаго человѣка безъ имени, но едва токмо родится кто либо, тогда же налагается оное: возвѣсти намъ такъ же землю твою, городъ и народъ твой, да отвезутъ тебя въ желаемое тобою мѣсто корабли наши, на которыхъ хотя нѣтъ кормчіевъ, однакожъ феакіяне разумомъ своимъ постигаютъ то, что нужно къ мореплаванію: имъ свѣдомы всѣ города и мѣста: весьма быстро совершаютъ путь морскій, и ни единожды еще не приключилося, чтобы когда либо отъ мрака на морѣ заблудили или погибли. Впрочемъ отецъ мой Навсиѳой повѣдалъ мнѣ, что царь Посидонъ огорчается на насъ за то, что мы имѣемъ толико искусныхъ путеводителей: повѣдалъ также и сіе, что онъ обѣтъ положилъ корабль нашъ, возвращающійся отъ препровожденія, погубить среди волнъ морскихъ, вокругъ же города сего воздвигнуть высочайшую гору. Сіе возвѣстилъ мнѣ престарѣлый родитель мой, но исполнитъ ли сіе Дій, или оставитъ, въ его состоитъ волѣ. И такъ повѣдай намъ истинну, молю тебя, въ какихъ заблуждалъ ты земляхъ? въ какихъ былъ городахъ? какіе видѣлъ народы? гдѣ находятся люди благодѣтельные, странноприіимные и боящіеся бога, и гдѣ напротивъ того безчеловѣчные, звѣроподобные и неправедные? Возвѣсти намъ такъ же и то, о чемъ ты плакалъ, и что тогда помышлялъ, когда слушалъ воспѣваемые труды и напасти Ахейскіе, такъ же опроверженіе стѣнъ

Илійскихъ? Ибо боги такъ благоустроили, дабы градъ сей принялъ конечную пагубу, и да потомственныя всѣ времена о томъ воспоминаютъ. Или предъ градомъ симъ палъ мертвъ кто либо отъ ближайшихъ твоихъ родственниковъ, или нѣкто отъ друзей любезнѣйшій ради мудрыхъ совѣтовъ паче единоутробнаго брата?

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Добродѣтельный Одиссей отвѣтствовалъ Алкиною: препрославленный царь! поистиннѣ великое есть утѣшеніе слушать такого пѣвца, и по мнѣнію моему нѣтъ ничего усладительнѣе въ жизни нашей, какъ видѣть весь народъ веселящійся, пиршества сопровождаемыя сладкимъ пѣніемъ, столы наполненные яствами, вино со изобиліемъ изливаемое въ сосуды и раздаваемое всѣмъ полными чашами. Сіе мнѣ величайшимъ кажется утѣшеніемъ. Но теперь приближилося время открыть горестныя мои злоключенія къ вящшей скорби сердца моего. Имя мое есть Одиссей, извѣстный всѣмъ земнородным ради дивныхъ ухищреній, и слава о мнѣ даже до небесъ возноси-

ся. Обитаю въ знаменитой Ѳакѣ, въ коей находится главная гора Ниритъ, украшенная деревами многими, которую окружаютъ острова: Дулихій, Самъ и Закинѳъ. Ѳака соединяется съ твердою землею, и лежитъ на сѣверъ, а острова оные на востокъ и полдень. Страна моя хотя камениста и малоплодна, но народъ въ ней крѣпокъ, и нѣтъ земли пріятнѣе ея. Здѣсь мое отечество, мой городъ и мой домъ. Сколько богиня Калипса и богиня Кирка отъ сего сладчайшаго и любезнѣйшаго моего жилища ни тщилися мысль мою отвратить, но никогда не возмогли успѣть въ томъ. И такъ нѣтъ на свѣтѣ ничего вожделѣннѣе земли отечественной и родителей. Теперь повѣдаю плачевное мое отъ Трои возвращеніе. Оставивъ Троянскіе берега, принесены мы были въ горѣ Исмару, къ народу нарицаемому Киконы. Тамъ раззоривъ городъ, предали всѣхъ смерти, женъ же и все стяжаніе раздѣлили по себѣ. По семъ повелѣлъ я скоро моимъ сопутникамъ спасаяся оттуда бѣжать: но они не повинуяся моимъ совѣтамъ, начали закалать овецъ и воловъ и съ жадностію упиваться виномъ. Киконы же разсѣянные отъ страха скоро возвѣстили сосѣдамъ своимъ, которые обитали на твердой землѣ, и были множайшіе, крѣпчайшіе и изученные на коняхъ и пѣшіе рашовать. Всѣ они собралися въ несчетномъ множествѣ подобно листьямъ во время весны. Тогда поистиннѣ великій гнѣвъ Діевъ низлился на насъ: ибо они притекши къ кораблямъ нашимъ, содѣлали жестокую сѣчу, поражая насъ

мѣдными копьями. Доколѣ было утро и продолжался день, дополѣ могли мы противустоять ихъ множеству: когда же день началъ преклоняться къ вечеру, тогда Киконы преодолѣли Ахеянъ, и отъ каждаго корабля погибло оныхъ по шести человѣкъ. Оттуда пускаемся далѣе съ печальнымъ сердцемъ, но радуяся, что сами спаслися отъ смерти. Погоняющій облаки Дій послалъ кораблямъ нашимъ свирѣпый вѣтръ съ жестокою бурею, море и землю вдругъ покрылъ мрачными облаками, такъ какъ бы ночь ниспала съ неба. Корабли разсѣялися повсюду: вѣтрила на три и на четыре части силою вѣтра расторжены: но мы собравъ ихъ, положили въ свои мѣста, корабли же отвели къ твердой землѣ, гдѣ пробыли два дня и двѣ ночи, изнемогая отъ трудовъ и печали.

Когда же въ третій день заря явилася, тогда мы утвердивъ дерева къ щегламъ и разпростерши вѣтрила, паки предаемся плаванію. Вѣтръ и кормчіе управляли кораблями нашими, и поистиннѣ тогда пришелъ бы я безвредно въ свою отчизну: но волны и вѣтръ борей при Малейскомъ мысѣ отгнали насъ къ Киѳирѣ, и мы девять дней носимы были вѣтрами, а въ десятый доспигли земли Лотофаговъ. Тамъ вышедши на берегъ, наполнили мѣхи свѣжею водою, и укрѣпилися пищею. Потомъ послалъ я двоихъ вѣрныхъ своихъ сопутниковъ и провозвѣстника испытать, какой тамъ народъ обитаетъ. Они пришедши въ землю сію, познали, что народъ сей никакого зла причинить имъ не мыслилъ,

и называется отъ нѣкоего сладчайшаго плода, Лотъ именуемаго, который ежели вкусишь, то мгновенно забудешь отечество свое, и не помыслишь уже возвратиться въ оное, но тамъ навсегда съ Лотоядцами останешься. Сопутниковъ моихъ я силою оттуда извлекъ, связавъ посадилъ на корабли, и повелѣлъ немедленно пуститься въ море, бояся, дабы и послѣдніе не прикоснулися къ оному плоду. Оттуда приходимъ въ землю кичливыхъ и жестоковыйныхъ Киклоповъ, которые надѣяся на боговъ, ни сѣютъ, ни разводятъ садовъ, но сама земля не оранная и не воздѣланная приноситъ имъ всякіе плоды, пшеницу, жито и вино, а Дій посылаетъ на оную дождь къ плодородію. Они не имѣютъ ниже собраній, ниже законовъ; обитаютъ на высотахъ горъ, во глубинахъ пещерныхъ, и каждый даетъ уставъ токмо въ дому своемъ женамъ и дѣтямъ, не имѣя вовсе о взаимствѣ помышленія. Островъ отъ пристанища простирается къ землѣ Киклоповъ невеликъ, такъ же не съ лишкомъ далеко и не близко; наполненъ весь лѣсомъ; безчисленное множество находится тамъ сернъ: ибо не препятствуютъ ихъ умноженію ни прихожденіе туда людей, ниже насиліе ловцовъ. Вся, говорю, сія земля пребываетъ не воздѣлываема, питая токмо козъ однихъ. Киклопы ни кораблей, ни древодѣлателей, ни сообщенія съ прочими народами не имѣютъ. Земля ихъ могла бы приносить и другіе всякаго рода плоды и злаки: ибо находятся тамъ орошенные и влажные луга, наипаче же всего были бы тамо во изобиліи зеленѣ-

ющіяся виноградныя лозы: земля для насѣванія тучна и глубока: пристань толико спокойна, что не нужно метать ни якорей, ни укрѣплять кораблей веревками, и когда кто пристанетъ къ оной, безъ всякаго страха пребывать можетъ, сколько хочетъ, и доколѣ вѣтры благопоспѣшные явятся: при входѣ въ оную течетъ вода свѣтлая, коея истокъ скрывается въ пещерѣ. Здѣсь пристали мы, и нѣкій богъ былъ намъ путеводителемъ во время ночи темной: ибо распространился тогда вокругъ кораблей нашихъ мракъ густый, все небо было наполнено облаками, и луна свѣтъ свой скрывала, такъ что не могли мы ниже самаго острова видѣть. Приставши же къ оному съ кораблями нашими и вышедши на морской берегъ, собрали всѣ вѣтрила и опочили сномъ сладкимъ, лучезарныя зари ожидая.

Когда явилася денница, тогда пробудившся мы, входимъ внутрь острова и удивляемся всему. Нимфы же дщери Діевы голосомъ своимъ возбудили сернъ горныхъ, и мы взявъ луки и копья, и раздѣлився на три части, пускаемъ стрѣлы, и богъ послалъ намъ обильную ловитву. Всѣхъ тогда находилося при мнѣ двѣнадцать кораблей, изъ коихъ каждый получилъ себѣ въ добычу по девяти козъ, мнѣ же одному дали десять козъ. И такъ весь оный день до захожденія солнца препровели мы, насыщаяся мясомъ и сладкимъ виномъ, коего со изобиліемъ взяли при разореніи жилища Киконовъ. По семъ простираемъ взоръ къ землѣ Киклоповъ, которая

отъ насъ была невдалекѣ, видимъ восходящій дымъ, и слышимъ шумъ ихъ и блеяніе овецъ и козъ. По захожденіи солнца паки наслаждалися мы сномъ на берегу моря. Когда же златозарная денница явилася, тогда я собравъ моихъ сопутниковъ, говорилъ имъ: всѣ вы пребудьте здѣсь, возлюбленные други! я же на кораблѣ своемъ съ моими сотрудниками пойду и испытаю, какіе обитаютъ здѣсь мужи, склонные ли къ обидамъ, строптивые и неправедные, или странноприемные и благодѣтельные? Сіе сказавши, вошелъ я въ корабль мой съ своими сопутниками, и приставъ къ берегу, усмотрѣли при морѣ высокую пещеру, огражденную лаврами, гдѣ великое множество находилось воловъ, овецъ и козъ, близъ коея стояло высокое зданіе, устроенное изъ высѣченныхъ камней, изъ сосенъ и дуба. Здѣсь обиталъ чудный мужъ, который стада свои пасъ далеко отъ прочихъ, и ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщенія: ибо то было страшное чудовище, и ниже подобное человѣку хлѣбомъ питающемуся, но вершинѣ высокихъ горъ, высотою своею отъ прочихъ отличающейся. Тогда я повелѣлъ сопутникамъ моимъ пребывать при кораблѣ, самъ же избравъ двѣнадцать мужей, и взявъ мѣхъ краснаго сладкаго вина и нѣсколько пищи, иду въ домъ того дивнаго, крѣпкаго и не знающаго законовъ, ниже истинны мужа. Вскорѣ приближилися мы къ пещерѣ, гдѣ самаго его не обрѣли: ибо пасъ стада свои на тучной пажити. Стоя внутрь пещеры, удивляемся сосудамъ полнымъ сыра: стойла наполнены были овцами икозлами, кои

были заперты особо: молодыя находились въ одномъ, а старыя въ другомъ мѣстѣ. Тогда сопутники мои умоляли меня, да взявъ нѣсколько сыровъ и похитивъ изъ стойлъ козловъ и овецъ, возвратимся къ кораблю и спасемся плаваніемъ: но я не внималъ ихъ совѣту, хотя поистиннѣ полезнѣе было бы повинуться оному, и рѣшился дотолѣ остаться, доколѣ самаго его не узрю, и не приму отъ него дары и угощеніе. И такъ зажегши огонь, пребывали мы въ пещерѣ и ѣли сыръ, ожидая его пришествія. И се идетъ съ шумомъ странноприіимецъ нашъ, неся невѣроятное бремя сухихъ дровъ, кои повергъ на землѣ пещеры съ ужаснымъ стукомъ: мы же устрашенные всѣ по угламъ разсѣялися. Онъ пригнавъ насыщенныхъ козъ, доилъ по порядку: овновъ же и козловъ оставилъ внѣ ограды. По семъ устіе пещеры заградилъ великимъ камнемъ, коего двадцать двѣ крѣпкія колесницы не могли бы поднять съ земли. Одну часть молока оставилъ на заквашеніе, а другую розлилъ въ сосуды для питья во время вечера. Когда всѣ сіи дѣла окончилъ, зажегши огонь, спросилъ насъ: странники! кто вы таковы? откуда плывете? торговлю ли отправляете, или безумно странствуете подъ именемъ разбойниковъ, которые животъ свой предаютъ великимъ напастямъ?

Такъ говорилъ онъ: и наши сердца отъ страха содрогнулися, слыша ужасный голосъ его, и видя самое чудовище. Но при всемъ томъ дерзнулъ я отвѣчать ему: родомъ мы Ахеяне, возвращаемся отъ Трои, ищемъ въ

домы пуши, заблуждаемъ по морю, бывъ разсѣяны повсюду, и нарицаемся воины царя Агамемнона, коего слава до небесъ простирается. Тебя же умоляемъ со смиреніемъ, припадая къ ногамъ твоимъ, да подашь намъ даръ угощенія, какой есть приличенъ странным, и да воздашь славу богамъ: мы же во всемъ тебѣ повиноваться готовы. Великій Дій есть сильный отмститель за странныхъ, требующихъ помощи.

Онъ мнѣ отвѣтствовалъ жестокимъ сердцемъ: несмысленъ, вижу, ты странникъ, когда боговъ своихъ совѣтуешь мнѣ бояться и почитать. Киклопы не знаютъ вашего Дія, козою воспитаннаго, ниже на прочихъ боговъ они взираютъ, будучи много превосходнѣе ихъ. Нестрашенъ мнѣ гнѣвъ Дієвъ, и я не пощажу ни тебя, ни сопутниковъ твоихъ, когда душа моя возжелаетъ погубить васъ. Но скажи мнѣ, гдѣ стоитъ корабль твой и далеко ли отсюда?

Такъ искушалъ меня: но я познавъ лесть его, отвѣчалъ ему съ лукавствомъ: сотрясающій землю царь Посидонъ сокрушилъ его о камни близь земли вашей, насъ же вѣтръ принесъ сюда, и избѣжали мы пагубы.

Такъ сказалъ я. Онъ же ничего не говоря, устремился на моихъ сопутниковъ, и двоихъ похитивъ, ударяетъ о землю. Сокрушилися головы у нещастныхъ и течетъ мозгъ на землю. По семъ разсѣкши на части, приготовилъ себѣ ужинъ, и аки свирѣпый левъ пожиралъ ихъ, не оставивъ ниже внутреннихъ частей, ниже костей, мозгомъ наполненныхъ. Мы же

плача, простираемъ руки къ великому Дію, и видя страшныя дѣла, приходимъ въ отчаяніе. Киклопъ наполнивъ свое ненасытное чрево человѣческою плотію и утоливъ жажду молокомъ, повергся по срединѣ пещеры между стадомъ. Тогда я хотѣлъ устремиться мужественно и пронзить мечемъ сердце его: но другое обстоятельство учинить сіе мнѣ воспрепятствовало: ибо по умерщвленіи его никакъ не могли бы отъ устья пещеры отвалить камень: и такъ люттѣйшею бы смертію погибли. Въ воздыханіяхъ и безъ сна препроводили мы ночь оную.

Когда же утренняя заря явилася, чудовище пробудившись, начало доить стада свои, какъ надлежало, и подпустило дѣтей къ матерямъ для сосанія молока. Посемъ паки двоихъ отъ насъ похитивъ, равнымъ же образомъ приготовило яству, а насытився отвалило отъ дверей камень, и погнало стада на пастьву, заградивъ паки онымъ входъ въ пещеру. Я пребывая тамъ вкупѣ съ моими сопутниками, совѣщалъ ему пагубу и отмщеніе, шокмо бы Паллада помощь свою послала, признавъ же лучшимъ сей совѣтъ: стояла нѣгдѣ въ пещерѣ Киклопова дебелая сырая масличная палица толикой толстоты, какъ щегла на кораблѣ. Отъ сей я на одинъ локоть отсѣкши, повелѣлъ сопутникамъ своимъ очистить ее, потомъ самъ заостривъ оную, положилъ въ горящій огонь, и послѣ сокрылъ въ скошскомъ помети, коимъ вся пещера была наполнена; на конецъ велѣлъ метнуть жребій, кто изъ нихъ долженъ былъ со мною оное

обожженное дерево вонзить въ око чудовищу, когда оное объято будетъ сномъ крѣпкимъ. И такъ четыре сопутника мои явились избранные, я же между ими пятый. Съ наступленіемъ вечера идетъ страшилище наше, и вогнавъ все стадо свое (такъ ли ему угодно явилось, или того богъ восхотѣлъ), и заградивъ пещеру, сѣло доить скотъ млеконосящій. По окончаніи дѣла своего похитивъ еще двоихъ изъ насъ и ударивъ о землю, приготовило себѣ ужинъ изъ сокрушенныхъ ихъ членовъ. Тогда я наполнивъ чашу виномъ моимъ и приближився къ нему, вѣщаю: немилосердый Киклопъ! прими вино въ чашѣ сей и пей оное, насытився человѣческою плотію: познай, какое питіе въ кораблѣ нашемъ хранилося: я же въ знакъ благодаренія послѣ вкушу, дабы ты явивъ надъ нами милосердіе, отпустилъ въ домъ безвредныхъ. Почто такъ неистово свирѣпствуешь надъ нами, и кто можетъ въ предбудущія времена притти къ тебѣ? Такъ говорилъ я: онъ же взявъ чашу съ виномъ, и выпивъ оное все, весьма обрадовался. Потомъ просилъ еще пѣмъ же виномъ наполнить сосудъ, говоря: дай мнѣ еще пить вина сего, и скажи имя твое, дабы могъ я наградить тебя даромъ угощенія, который умножитъ твою радость: ибо наша плодоносная земля хотя приноситъ вино Киклопамъ, но сіе вино есть небесное и безсмертное. И такъ наполнивъ вторую чашу и третью, я подалъ ему: онъ же отъ безумія съ жадностію поглощалъ оное. Когда же Киклоповъ разумъ обуялъ отъ силы

вина, тогда я пришедши къ нему, вѣщаю веселымъ лицемъ: познай, имя мнѣ есть *Утисъ*. Такъ называли меня отецъ, мать и всѣ ближніе. Онъ же на сіе отвѣчалъ мнѣ жестокимъ голосомъ: я Утія послѣ всѣхъ его сопутниковъ пожру послѣдняго: вотъ тебѣ будетъ даръ угощенія!

Сказавъ сіе, распростерся на землѣ, склонивъ на одну сторону дебелую свою шею. Когда же одолѣлъ его сонъ, и началъ онъ изрыгать пожранное имъ; тогда взялъ я оное приготовленное дерево, и положивъ въ огонь, сопутниковъ своихъ укрѣпилъ совѣтами, дабы кто не устрашился. Когда же дерево въ огнѣ раскалилося и сдѣлалося пламенно, тогда вынувъ его оттуда, принесли съ спящему Киклопу, и вонзивъ ему въ око, обращали всѣ мы съ великою силою. Кипитъ кровь на горячемъ деревѣ, горитъ зеница, огонь пожираетъ вѣжди, и шрескъ издаетъ корень ока. Страшнымъ голосомъ возопилъ Киклопъ, возстенала гора, и мы ужаснувся, разсѣялися въ пещерѣ. Онъ же извлекши изъ ока многою кровію обагренное дерево, повергъ оное на землю, и съ великимъ воплемъ созываетъ прочихъ Киклоповъ, по высотамъ горъ въ пещерахъ обитавшихъ. Они стекаются отвсюду, и ставъ вокругъ его жилища, вопрошаютъ: почто Полиѳимъ! призываешь насъ къ себѣ ночью, нарушая покой нашъ? кто тебя озлобилъ? не изъ смертныхъ ли кто угналъ овецъ твоихъ, или самаго тебя погубилъ лестію, а не силою? — Полиѳемъ изъ пещеры отвѣтствовалъ имъ: други мои! *Утисъ* погубилъ ме-

ня лестію. — Они сказали ему: дивно ли сіе, когда одинъ, удалясь отъ всѣхъ, пребываешь, и тогда кто не можетъ нанести обиду тебѣ? но и кто гнѣва Діева избѣжать можетъ? Сего ради обратись съ мольбою своею къ отцу твоему царю Посидону.

Сказавъ сіе, паки всѣ разсѣялися. Сердце же мое возрадовалося, что совѣтъ и имя мое его прельстили. Киклопъ, мучимый болѣзнію, стонетъ и воздыхаетъ. Вскорѣ по семъ отваливши камень отъ дверей, сѣлъ на одной сторонѣ оныхъ, осязая руками, не уловитъ ли кого изъ насъ съ овцами выходящихъ, уповая найти меня толико несмысленнаго. Но я тогда помышлялъ о спасеніи себя самаго и моихъ сопутниковъ. Употреблены же мною были для сохраненія нашего всѣ совѣты и ухищренія: ибо великая напасть предстояла. И вотъ какое средство избралъ я за лучшее въ сердцѣ своемъ. Въ стадѣ его были тучные, великорунные и крѣпкіе овны, которыхъ связалъ я по три вкупѣ, дабы могла нести каждая стая по одному человѣку: по сторонамъ же сихъ трехъ еще шли по одному овну къ большей безопасности. А самъ я избравши себѣ лучшаго и тучнѣйшаго изъ всѣхъ овновъ, легъ подъ чрево ему, держася крѣпко руками за густую его шерсть. Такимъ образомъ въ горести препровели мы остатокъ ночи.

Когда утренняя заря явилася, Киклопъ началъ выпущать овновъ и козловъ на пастиву. Козы же и овцы недоенные блеяли въ пещерѣ: ибо сосцы ихъ молокомъ обременены были, а пасущій ихъ мучимъ былъ не-

стерпимою болѣзнію. Такимъ образомъ всѣхъ овецъ осязалъ онъ руками. Но безумный того не могъ познать, что нѣкоторые овны между собою были связаны, а послѣдній изъ нихъ шелъ мой овенъ, который несъ меня подъ собою, различными помышленіями мятущагося. Сего Полиѳемъ ощупавъ руками, говоритъ ему: ахъ возлюбленный мой овенъ! что такъ послѣдній изъ пещеры выходишь? Прежде всегда шелъ ты на паству первый; съ зеленыя травы и мягкихъ цвѣтовъ къ потоку текъ ты первый; и въ вечернее время въ сіи стойла возвращался ты первый; нынѣ же почто послѣдній оставляешь пещеру, или болѣзнуешь о окѣ хозяина твоего, которое пагубный нѣкій мужъ съ своими сопутниками изторгъ, обольстивъ прежде виномъ разумъ мой? — человѣкъ, говорю, называемый *Утисъ*, но не уповаю, чтобы онъ избѣжалъ отъ рукъ моихъ. О когда бы ты имѣлъ такой же разумъ и голосъ, каковъ я; поистиннѣ открылъ бы мнѣ, гдѣ онъ отъ крѣпости моей скрывается: вскорѣ увидѣлъ бы ты текущій по сей пещерѣ мозгъ изъ головы его: тогда сердце мое успокоилося бы отъ сего постигшаго меня злоключенія. Сіе сказавъ, отпустилъ отъ себя овна. Когда же онъ отъ пещеры и ограды удалился, тогда я первый разрѣшився, освободилъ и моихъ товарищей, съ коими вкупѣ многія тучныя стада Киклоповы отгнали мы къ кораблю нашему, гдѣ съ безмѣрною радостію узрѣли насъ сопутники наши, что мы спаслися отъ смерти: о поглощенныхъ же плакали и воздыхали. Но я повелѣлъ имъ удер-

жаться отъ слезъ, и вогнавъ стада въ корабли, отъ береговъ сихъ удалиться. Вскорѣ все было исполнено, и море уже разсѣкалося веслами. Когда на толикое разстояніе отъ пристани удалилися, колико голосъ громко вопіющаго слышать можно, тогда начинаю я чудовище раздражать сими словами: о Киклопъ! такъ ли сладко было пожирать тебѣ въ пещерѣ сопутниковъ мужа безсильнаго? Поистиннѣ должны были неминуемо постигнуть тебя сіи злоключенія: поелику ты не убоялся страннопришельцевъ пожирать въ дому своемъ. Вотъ тебѣ возмездіе отъ великаго Дія и прочихъ боговъ. Такъ кричалъ я ему. Онъ же наипаче огорчився, отторгаетъ немедленно верхъ отъ великія горы, и вергаетъ его на насъ, едва не улучивъ кормила. Отъ низпадшей громады наводнилося море, и волны паки понесли корабль нашъ къ берегу: но я взявъ великое дерево, отрѣялъ оный отъ земли, повелѣвъ сопутникамъ всѣми силами ко избѣжанію опасности налечь на весла. Когда отплыли довольно далеко, то снова начинаю огорчать Киклопа, сколько сопутники ни убѣждали меня сего не дѣлать, такъ говоря: о злополучный! еще ли не перестаешь ты раздражать мужа люпаго, который едва не погубилъ корабль нашъ верженною имъ громадою, и тогда несумнѣнно всѣ бы мы погибли? Нынѣ же паки услышавъ посмѣяніе твое, всеконечно сокрушитъ наши главы и корабль нашъ. Или не видѣлъ ты, коль далеко бросаетъ онъ невѣроятную тяжесть? Но великаго моего духа не могли укротить, и я возвысивъ голосъ

свой, гордымъ сердцемъ возопилъ: о Киклопъ! когда кто изъ земнородныхъ спроситъ тебя о лишеніи ока твоего, то скажи, что устроилъ тебѣ сіе градоразрушитель Одиссей сынъ Лаертовъ, родомъ изъ Ѳаки.

Услышавъ сіе Киклопъ, ужасно возстеналъ, и такъ говорилъ: увы мнѣ! нынѣ древнія предсказанія совершилися надо мною. Былъ нѣкто здѣсь мужъ прорицатель именемъ Тилемъ сынъ Эвримовъ, всѣхъ предсказаніями превосходившій и въ семъ испытаніи состарѣвшійся, который мнѣ предвозвѣстилъ, что лишенъ буду зрѣнія отъ рукъ Одиссея, и я всегда уповалъ, что придетъ сюда нѣкто мужъ величественнымъ возрастомъ и чудною крѣпостію силъ одаренный: нынѣ же вижу, что недостойный человѣческимъ именемъ нарицаться, малый и вовсе безсильный прельстивъ силою сладкаго вина, лишилъ меня зрѣнія. Но молю тебя, возвратися ко мнѣ Одиссей! да воздамъ тебѣ дары странноприіимства, и да упрошу великоименитаго Посидона, коего я сыномъ нарицаюся, о благоуспѣшномъ твоемъ плаваніи. Онъ, когда угодно явится ему, уврачуетъ мое око, чего никто отъ прочихъ боговъ и безсмертныхъ учинить не можетъ.

Я отвѣчалъ: о когда бы возможно было, поистинѣ не оставилъ бы лишить тебя и живота твоего, низведши въ мрачныя жилища. Ока же твоего, говорю тебѣ, никто не возвратитъ, ниже самъ Посидонъ.

Киклопъ поднявъ руки на небо, молилъ отца своего Посидона такъ: о содержа-

щій землю царь ПосидонЪ! внемли мольбу мою, когда ты отецЪ мнѣ, а я сынЪ твой, да градоразрушитель Одиссей не узритЪ своего отечества Ѳаки. Но когда судьбою ему опредѣлено видѣть искренних Ъ своихЪ и притти въ домЪ и отечественную землю; то да возвратится поздно въ чужемЪ кораблѣ по претерпѣніи многихЪ бѣдЪ и по лишеніи всѣхЪ своихЪ сопутниковЪ; но и въ самомЪ домѣ да зло постигнетЪ его. ТакЪ онЪ молилЪ, и услышанЪ былЪ отЪ царя Посидона. По семЪ паки отторгнувЪ отЪ горы большій прежняго камень, всѣми силами вергнулЪ его въ слѣдЪ намЪ, и едва не сокрушилЪ кормила. Паки закипѣли волны отЪ многаго наводненія, но корабль несенЪ былЪ уже вдаль, и приближался кЪ противулежащей землѣ. ТакимЪ образомЪ приставЪ кЪ острову, гдѣ стояли прочіе корабль наши сЪ сопутниками, ожидавшими насЪ со слезами, и вшедши въ пристанище, постановили корабль при самомЪ берегѣ, сЪ коего изведши стада Киклоповы, раздѣлили по равной части, и ни одинЪ не остался лишенЪ своей доли: великаго же онаго овна дали мнѣ, коего тучныя бедра принесЪ я въ жертву Кронову сыну великому Дію, свѣтомЪ обладающему: но онЪ не внималЪ нашему моленію, и помышлялЪ токмо о пагубѣ нашихЪ кораблей и сопутниковЪ.

ТакЪ весь оный день до захожденія солнечнаго препровели мы, насыщаяся тучными мясами и сладкимЪ виномЪ. Когда же солнце лучи свои сокрыло, и наступила мрачная ночь;

погда мы легли и спали на берегу морскомъ. А по восходѣ денницы велѣлъ я сопутникамъ моимъ садиться на корабли, и всѣ пустились купно въ путь по глубинамъ морскимъ, сокрушаяся сердцемъ о погибели поглощенныхъ Киклопомъ друзей нашихъ, радуяся же душею, что сами спаслися отъ смерти.

О МИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Оттуда приплыли мы на островъ Эолійскій, въ коемъ обиталъ царь Эолъ сынъ Ипотовъ, любезный безсмертнымъ. Островъ сей есть движущійся и огражденъ желѣзною твердынею. Царь имѣетъ у себя шесть сыновъ и столько же юныхъ дщерей, сопряженныхъ съ своими братьями, кои всегда купно съ отцемъ и матерію пиршествуютъ въ веселіи, насыщаяся сладкими снѣдями и наслаждаяся пѣснями, нощію же почивая съ своими женами на мягкихъ посте яхъ. Цѣлый мѣсяцъ мы были тамо угощаемы, и вопрошаемы о всемъ, что касалося до Троянскаго царства, кораблей Ахейскихъ и о воз-

вращеніи оныхъ. Я же на все отвѣтствовалъ, какъ приличествовало. Напослѣдокъ молилъ царя о отпущеніи меня въ отечество, который ни въ чемъ и не отрекся подать помощь, вручивъ мнѣ великій мѣхъ, въ коемъ заключены были всѣхъ бурныхъ вѣтровъ дыханія: ибо всесильный Дій поставилъ его надъ оными повелителемъ, и которыхъ хочетъ, смиряетъ, которыхъ же хочетъ, возставляетъ. Мѣхъ оный привязалъ я на кораблѣ золотою веревкою, дабы не дулъ ни самомалѣйшій вѣтръ: для препровожденія же нашего послалъ намъ дыханіе зефира: но мы сами погибли отъ своего безумія. По девятидеснонощномъ непрестанномъ плаваніи нашемъ въ десятый день явилася уже отечественная земля наша, и во время ночи видимы были люди, съ огнемъ ходящіе: тогда я изнемогши отъ трудовъ, уснулъ крѣпкимъ сномъ: ибо непрестанно понуждалъ корабль къ скорѣйшему плаванію въ отечество. Въ то время сопутники мои подозрѣвая, что я везу золото и серебро, отъ Эола царя мнѣ данное, такъ между собою разглагольствовали: о боги! колико человѣкъ сей отъ всѣхъ любимъ есть и въ великомъ почтеніи находится, въ какую землю ни придетъ! Онъ многія сокровища и драгоцѣнныя вещи изъ корыстей Троянскихъ везетъ въ домъ свой, мы же возвращаемся, пусты имѣя руки: и царь Эолъ также по дружеству далъ ему дары. Разрѣшимъ мѣхъ сей и посмотримъ, для коликаго числа воиновъ хранится въ немъ серебро и золото. Такъ разглагольствовали, и превозмогъ совѣтъ вре-

доносный. Едва мѣхъ раскрыли, какъ всѣ вѣтры ринулися оттуда, и устремився на море, воздвигли волны аки горы, которыя насъ плачущихъ далеко отнесли отъ отечества. Я пробудившись отъ сна, не зналъ что о семъ мыслить: низринуться ли въ глубину водъ и тамъ погибнуть, или съ молчаніемъ сносить, доколѣ между живыми обрѣтаюся? Великодушно снесъ я сію досаду, и не погубилъ живота своего: токмо сокрывшися отъ всѣхъ, лежалъ въ кораблѣ, сокрушаяся печалію. Сопутники же мои плачущіе неслися паки къ острову Эолійскому. Тамъ вышедши на берегъ, и почерпнувъ воды, укрѣпили сердца пищіемъ и пищею. Тогда изобравъ я двоихъ изъ сопутниковъ, иду въ домъ царя Эола, и обрѣтаю его внутрь чертоговъ пиршествующаго съ царицею и съ чадами своими. Они увидѣвъ насъ, недоумѣвали и вопрошали: какимъ случаемъ паки возвратился сюда Одиссей, и какій непріязненный духъ напалъ на тебя? Ибо мы отпустили тебя со всякимъ дружелюбіемъ, да достигнешь безбѣдно отечества, или куда тебѣ угодно было. Такъ вопрошали: я же съ сокрушеннымъ сердцемъ отвѣчалъ имъ: злонамѣренные сопутники и пагубный сонъ устроили сіе мнѣ: и такъ молю васъ паки, явите намъ помощь, коея отъ васъ однихъ мы уповаемъ. Сими словами хотѣлъ я преклонить ихъ. Всѣ пребывали въ молчаніи. По семъ царь воззрѣвъ на насъ гордымъ окомъ, отвѣтствовалъ: скоро удались отъ острова нашего изъ всѣхъ человѣкъ неблагодарнѣйшій: ибо не подобаетъ угощать

*

и отпущать съ дарами такого странника, который безсмертнымъ богамъ противенъ: удалися, говорю тебѣ, скоро: ибо противъ воли боговъ пришелъ сюда.

Мы оставляемъ черпоги съ воздыханіемъ, и предаемся плаванію съ сокрушеніемъ сердецъ и въ отчаяніи: ибо совсѣмъ уже изчезла надежда къ нашему возвращенію. Шесть дней и столько же ночей плавали мы по морю. Въ седьмый день пристали къ высокому городу Ламу, имѣющему ворота свои въ великомъ отдаленіи, гдѣ пастухъ пастуха на череду свою вызываетъ, другой же слыша, выходитъ на оную, и тщательный и бдительный изъ нихъ сугубую получаетъ мзду, одну за воловъ и коней, а другую за овецъ и козъ: ибо переходъ ночи ко дню тамъ весьма есть кратковременъ. Приближився же туда, входимъ въ пристанище, огражденное съ обѣихъ сторонъ высокими камнями: берега далеко начинающіеся совокупляются наподобіе устія, и такимъ образомъ входъ въ пристань дѣлаютъ труднымъ. Тамъ они корабли свои держали: тамъ и мы свои привязали: ибо въ мѣстѣ семъ никогда не бываетъ волнъ ни малыхъ, ниже великихъ, но непрестанно вождельнная тишина пребываетъ. Я одинъ токмо велѣлъ постановить корабль свой внѣ пристани на краю берега. По семъ взойдя на возвышенное мѣсто, обзиралъ я всѣ окрестности, но не могъ примѣтить никакихъ слѣдовъ упражненій человѣческихъ, токмо увидѣлъ дымъ отъ земли исходящій. Тогда послалъ я троихъ изъ сопутниковъ моихъ для согляда-

нія, какіе тамъ обитаютъ люди, кои отшедши нѣкое разстояніе, приближилися къ ровному пути, гдѣ возятъ съ горъ лѣсъ высокій. Тамъ увидѣвъ они дѣвицу дочь сильнаго Антифата царя Лестригонскаго, на встрѣчу шедшую къ источнику за водою, спросили у нея: какой народъ здѣсь обитаетъ, и какой царь владычествуетъ надъ онымъ? Дѣвица немедленно показала высокій домъ отца своего, куда вшедши мои сопутники и обрѣтши царицу сидящую, аки нѣкія высокія горы великій верхъ, устрашилися взора ея. Она тотчасъ отъ града призываетъ мужа своего Антифата, который возвратившися и одного изъ нихъ похитивъ, приготовилъ себѣ пищу; двое же устремилися въ бѣгство и пришли къ кораблямъ. Антифатъ возноситъ вопль по всему городу. Лестригоны услышавъ голосъ его, стекаются отвсюда въ безчисленномъ множествѣ, не людямъ, но исполинамъ подобные, и отторгая великіе отъ горъ камни, вергаютъ на корабли наши. Возстаетъ шумъ и трескъ погибающихъ мужей и сокрушающихся кораблей, несутся злополучные мои сопутники, какъ рыбы уловленныя на горестную снѣдь. Доколѣ сія жестокая пагуба свирѣпствовала внутрь пристаница, тѣмъ временемъ я извлекши мечъ, отсѣкъ онымъ ужище корабельное, и повелѣлъ всѣми силами налечь на весла, дабы избѣжать предстоящаго злоключенія. Такимъ образомъ принуждаемые страхомъ смерти узрѣли скоро корабль нашъ на глубинѣ моря, прочіе же погибли всѣ тамо безъ изъятія. Отсюда паки предаемся пла-

ванію съ печальнымъ сердцемъ, и по нѣсколькихъ дняхъ пристали къ острову Эейскому, гдѣ обитала прекрасная и достопочтенная богиня Кирка, единоутробная сестра царя Эипы, рожденные тотъ и другая отъ Солнца и матери Персы дщери Океановой, гдѣ тайно вшедши въ присшанище (поистинѣ нѣкій богъ намъ былъ путеводителемъ), лежали два дня и двѣ ночи удрученные печалію и трудами. Въ третій день, когда явилася заря, я взявъ мечъ и копье, всхожу на высокое мѣсто, дабы узрѣть дѣла человѣческія и услышать голосъ кого либо изъ смертныхъ. Долго стоялъ я, обращая взоръ свой повсюду. По семъ увидѣлъ чрезъ густыя деревья и лѣсъ изъ жилища богини Кирки дымъ исходящій: долго помышлялъ я въ умѣ своемъ, итти ли туда: но за лучшее призналъ, избравши кого либо изъ сопутниковъ, напередъ послать для испытанія. Когда недалеко уже я находился отъ корабля, тогда всеконечно нѣкто милосердуя изъ боговъ, послалъ мнѣ на пути великаго оленя, который отъ зноя солнечнаго текъ утолить жажду свою, и коего пронзилъ я копьемъ по срединѣ хребта сквозь ребра; острое желѣзо проходитъ на другую сторону: звѣрь упадаетъ съ ревомъ и испущаетъ духъ, къ коему я приближась, извлекъ копье, и положивъ его на землѣ, сплелъ изъ тонкихъ вѣтвей веревку, которою связавъ ноги его, по семъ взявъ его на плечо, влеку, упираяся о копье свое. Пришедши же къ кораблю, повергъ его на землю предъ моими сопутниками, говоря имъ съ умиленнымъ сердцемъ: друзья мои! хотя несперпимая печаль насъ одер-

житъ, но еще насъ не постигла смерть: и такъ помыслимъ о пищѣ, да не испощитъ голодъ силы наши. Сопутники мои немедленно повинулися совѣту моему, и сошедши на берегъ, со удивленіемъ взирали на оленя, который былъ величины безмѣрной, по семъ умывъ руки, приготовили обычную пищу. Такъ весь оный день до захожденія солнца препровели мы, укрѣпляяся пищею и виномъ сладкимъ. Когда же солнце сокрылося и наступила ночь, тогда легши на берегу, сну предалися. По восхожденіи денницы, собравъ я сопутниковъ, такъ имъ вѣщаю: други мои! мы нынѣ не вѣдаемъ, гдѣ востокъ, гдѣ западъ, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ: и такъ помыслимъ, что въ такомъ злообстоятельствѣ намъ дѣлать. Видѣлъ я съ высокаго мѣста островъ, отвсюду окруженный моремъ и лежащій въ долинѣ; видѣлъ также и дымъ по срединѣ онаго чрезъ густыя дерева и дубраву восходящій. Такъ сказалъ я, и всѣ встревожилися сердцемъ, воспоминая жестокость Лестригонскаго Антифата и безчеловѣчіе Киклопа. Всѣ плакали неутѣшно, но слезы никакой не принесли помощи. Я раздѣлилъ на двѣ части сопутниковъ, и каждой далъ путеводителя: надъ одною былъ я, а надъ другою мужественный Эврилохъ. По семъ начали метать жеребей въ мѣдномъ шлемѣ: палъ оный на Эврилоха, который пускается въ путь немедленно, ему послѣдуютъ двадцать два сопутника со слезами: плакали также и мы, при кораблѣ оставаяся. Они вскорѣ обрѣтаютъ жилище богини Кирки, стоящее въ долинѣ и сооруженное изъ тесаныхъ камней

на открытомъ мѣстѣ. Вокругъ его лежали львы и волки, коихъ она смирила своимъ чародѣйствомъ. Они не устремились на идущихъ, но токмо вставъ, махали ошибами своими подобно псамъ, когда видятъ они своего господина въ домъ идущаго. Сопутники мои видя ихъ, устрашилися: потомъ ставъ въ дверяхъ храмины, слышатъ богиню поющую и ткущую тончайшее прядение. Наконецъ Политъ старѣйшій между ими, коего я паче всѣхъ моихъ сопутниковъ любилъ и почиталъ, говоритъ прочимъ: други мои! поистинѣ должна быть какая нибудь богиня или земнородная, которую мы слышимъ ткущую и поющую: и такъ толкнемъ въ ея двери. Они съ кротостію сіе учинили. Богиня вышедши, приглашаетъ ихъ войти внутрь чертога. Всѣ послѣдуютъ ей безъ разсужденія: одинъ только Эврилохъ остался внѣ онаго, подозрѣвая въ томъ нѣкую хитрость. Кирка введши ихъ, посадила на сѣдалищахъ, и предложила хлѣбъ, сыръ, медъ, вино, молоко и вредоносный ядъ, дабы вовсе забыли землю отечественную. Когда они вина напилися, тогда богиня взявъ нѣкій жезлъ, ударяетъ каждаго единожды, и всѣ превращаюшся въ свиней, имѣющихъ головы, голосъ, тѣло и волосы свиные, одинъ только разумъ человѣческій остался. По семъ заперла ихъ въ стойла, и положила предъ ними пищу, какою питаются сіи животныя. Тѣмъ временемъ Эврилохъ возвратился къ кораблю своему съ возвѣщеніемъ о горестномъ приключеніи своихъ сопутниковъ, отъ страха и печали долго не

могши произнести ниодного слова, и проливая токмо одни слезы. Наконецъ по многомъ нашемъ настояніи открылъ все по порядку. Тогда я возложивъ на себя мечъ, и взявъ лукъ съ стрѣлами, велѣлъ ему слѣдовать съ собою для показанія пути. Эврилохъ обѣими руками обнявъ мои колѣна и проливая слезы, умолялъ такъ: ахъ великодушный Одиссей! прошу тебя, не веди меня туда, но оставь здѣсь: ибо я увѣренъ, что ниже самъ ты возвратишься оттуда, ниже изъ сопутниковъ кого либо приведешь сюда: но поспѣшимся скоро спасаться бѣгствомъ отсюда съ оставшимися товарищами: ибо есть еще время къ спасенію отъ злообстоятельства. На сіе отвѣчалъ я: Эврилохъ оставайся здѣсь и насыщайся пищею и виномъ при кораблѣ, я же иду, куда влечетъ меня необходимая нужда.

Сіе сказавъ, оставляю корабль, и прошедъ лѣса и священные холмы, уже приближаюся къ обиталищу богини: и се внезапно зрю Эрмія, идущаго ко мнѣ на встрѣчу во образѣ молодаго и прекраснаго юноши, который взявъ меня за руку, вопрошаетъ: злополучный! куда идешь одинъ, не вѣдая пути здѣсь? Всѣ сопутники твои превращены въ свиней въ дому Кирки, и заперты лежатъ въ стойлахъ. Для освобожденія ли ихъ идешь? Но я не уповаю, чтобы и самъ ты цѣлъ оттуда возвратился, и чтобы не случилось съ тобою того же, что и съ прочими твоими сопутниками, когда не сохраню и не спасу тебя отъ предстоящихъ бѣдствій. Прими предохранительное сіе средство, съ коимъ предстать

можешь предъ богиню, и которое отвратитъ отъ тебя пагубу. Открою тебѣ и всѣ зловредныя ея намѣренія: она приготовитъ тебѣ питье, и хлѣбъ напитаетъ ядомъ. Но ничѣмъ не можетъ преодолѣть, когда употребишь сіе средство: ибо всѣ вредоносныя силы отъ онаго уничтожаются. И такъ послѣдуй сему совѣту: когда Кирка ударитъ тебя жезломъ своимъ, тогда ты извлекши мечъ, устремися на нее, какъ бы убить желаешь. Она устрашившся, будетъ тебя приглашать къ любви своей: ты не отрекайся отъ сего для спасенія сопутниковъ твоихъ, да дружелюбно и самъ отъ нея приятъ будешь: но прежде принудь ее дать великую клятву, что никакого зла не причинитъ тебѣ, ниже содѣлаетъ тебя лишеннымъ всякой надежды, безсильнымъ и вовсе изнеможеннымъ.

По сихъ словахъ выдернулъ изъ земли нѣкій черный корень, коего сокъ подобенъ молоку, и называется отъ боговъ *моли*. Никакой земнородный не можетъ достать сего корня, богамъ же все возможно. Ермій давъ мнѣ его, отходитъ на пресвѣтлый Олимпъ. Я же иду въ домъ богини, имѣя въ сердцѣ многія помышленія, къ коей пришедши и ставъ при дверяхъ, зову ее: богиня же услышавъ голосъ мой, отворила двери, и вводитъ внутрь чертога, по томъ посадивъ меня на великолѣпномъ сѣдалищѣ и подавъ подножіе, принесла приготовленное питье, дабы устроить мнѣ пагубу. Я же пивъ онаго столько, сколько хотѣлось, остался невредимъ. Посемъ ударяетъ меня жезломъ, говоря: иди и ты

вѣ стойла кѣ прочимѣ твоимѣ сопутникамѣ, и лежи сѣ ними тамо.

Такѣ рекла: я же извлекши мечѣ, устремился на нее, какѣ бы поразить ее желая. Она весьма устрашилася, и припекши ко мнѣ, обняла колѣна мои, и со слезами такѣ говорила: повѣдай мнѣ, кто таковѣ ты? отѣ какихѣ народовѣ пришелѣ? какѣ имя городу твоему и кто родители твои? Ибо недоумѣние обдержитѣ меня, какѣ люттѣйшія силы отравы не могли преодолѣть тебя: поистиннѣ силы твои непобѣдимы. Повѣдай мнѣ, не ты ли Одиссей, на кораблѣ отѣ Трои возвращающійся, о коемѣ мнѣ предрекѣ Ермій? Вложи во влагалище мечѣ твой: пойдемѣ и насладимся любовію.

Я отвѣчалѣ ей: о богиня! какѣ требуешь ты, чтобы я былѣ прошивѣ тебя кропокѣ и незлобивѣ, когда ты сопутниковѣ моихѣ преобратила вѣ свиней, да и меня самаго погубить вовсе желала, нынѣ же приглашаешь кѣ любви сѣ собою? Поистиннѣ никогда не учиню сего, доколѣ не дашь мнѣ великой кляпвы, что никакого зла не причинишь мнѣ.

Тогда она положила между мною священную кляпву, послѣ чего исполнилѣ я желаніе ея. Тѣмѣ временемѣ четыре рабы, бывшія вѣ дому ея, кои родилися отѣ источниковѣ, лѣсовѣ и рѣкѣ, упражнялися вѣ разныхѣ служеніяхѣ. Одна приготовила мягкую постелю, впорая учредила столѣ сѣ золотыми чашами и поставила серебреныя сѣдалища, трешія расптворила сладкое божеспвенное питіе вѣ

великой серебреной чашѣ, четвертая принесши воду, поставила на огонь, и когда оная согрѣлася, посадивъ меня во умывальницу, и возливая воду мнѣ на голову, омыла тѣло мое. Тогда болѣзни и труды, сердце мое сокрушавшіе, прочь отступили. По семъ умастивъ волосы мнѣ елеемъ и облекши въ чистыя одежды, посадила меня на сѣдалищѣ, и поставила яствы. Домостроительница же принесла хлѣбы, да насыщаюся предложенною пищею. Но все было противно сердцу моему: ибо я иное помышлялъ въ душѣ моей. Богиня уразумѣвъ, что я ни къ чему не прикасаюся, и сижу обремененъ великою печалію, такъ говорила мнѣ: почто Одиссей являешся подобенъ нѣмому, и сокрушаяся сердцемъ, не хочешь приснуться къ пищѣ, или боишься какого навѣта? Но не устрашайся сего: ибо я положила уже предъ тобою великую клятву. — Я отвѣчалъ ей: о богиня! можетъ ли богобоязненный и честный мужъ прикоснуться къ пищѣ, доколѣ не увидитъ своихъ сопутниковъ цѣлыхъ и освобожденныхъ? Но когда ты отъ чистаго сердца предлагаешь мнѣ угощеніе сіе, молю тебя, разрѣши моихъ сопутниковъ, да узрю ихъ невредимыхъ предъ очами моими. Кирка тотъ часъ взявъ жезлъ свой и отворивъ двери, гонитъ ихъ изъ стойлъ аки девятилѣшнихъ свиней, по семъ каждаго изъ нихъ мажетъ нѣкимъ масломъ, и мгновенно низпадаютъ свиные волосы, сами же они превращаются въ молодыхъ юношей, много лучшихъ и доброзрачнѣйшихъ про-

тивъ прежняго. Скоро познаютъ меня стоящаго предъ собою, мечутся и емлютъ за руки, текутъ у всѣхъ радостныя слезы, и рыданіе по всему дому разносится. Преклонилася къ милосердію и сама богиня, и такъ говоритъ мнѣ: нынѣ иди, Одиссей! къ кораблю своему, и вопервыхъ извлеките его на берегъ, а имѣніе ваше хранящееся въ немъ сокройте въ пещерахъ, и возвратившись сюда, приведи всѣхъ сопутниковъ.

Такъ сказала она: и непоколебимое мое сердце повиновалося совѣтамъ ея. Отхожу къ кораблю, и обрѣтаю тамъ сопутниковъ моихъ, ліющихъ обильныя слезы. Они узрѣвъ меня, окружили съ рыданіемъ, и такъ вѣщаютъ ко мнѣ: о колико сердца напи обрадованы возвращеніемъ твоимъ, аки бы нынѣ мы пришли въ отечественную землю! Но умоляемъ тебя, повѣдай намъ о злоключеніи другова нашихъ. Я отвѣщствовалъ имъ: вопервыхъ потщимся извлечь корабль на берегъ и стяжаніе свое и всѣ корабельныя потребности скрыть въ пещерахъ, по томъ всѣ слѣдуйте со мною къ обиталищу богини Кирки, гдѣ узрите сотоварищей вашихъ обильною пищею и виномъ насыщающихся.

Всѣ повиновалися словамъ моимъ: одинъ токмо Эврилохъ воспящая всѣмъ, такъ говорилъ: о злополучные! куда пойдемъ? почто желаете себѣ пагубы, которая постигнетъ насъ неминуемо въ домѣ Кирки? Когда богиня оная превратитъ всѣхъ насъ или въ свиней, или въ волковъ, или во львовъ; тогда будемъ блюсти домъ ея по неволѣ. Не такъ ли поступилъ

и Киклопъ, когда были въ его пещерѣ сопутники наши и съ ними Одиссей, коего неразумiемъ тамъ они погибли?

Я слышавъ сiе, толико раздраженъ былъ, что помышлялъ извлекши мечъ, отсѣчь ему голову, хотя весьма близкимъ родствомъ соединенъ былъ со мною, но сопутники мои умоляли меня такъ: возлюбленный Одиссей! оставимъ его здѣсь стеречь корабль нашъ, ты же будь намъ предводитель къ дому Кирки.

Сiе сказавъ, направляемъ путь свой отъ моря: но Эврилохъ не остался при кораблѣ, и слѣдовалъ за нами: ибо устрашился моего гнѣва. Тѣмъ временемъ служительницы богини Кирки оставшихся въ дому ея сопутниковъ нашихъ омывъ и умастивъ елеемъ, облекли въ чистыя одежды, коихъ обрѣтаемъ мы съ веселіемъ пиршествующихъ внутрь чертоговъ. Они увидѣвъ насъ, плакали отъ радости, и богиня мнѣ говорила: любезный Одиссей! воздержитеся нынѣ отъ слезъ вашихъ: ибо знаю я и сама, сколько вы претерпѣли напастей на морѣ, и сколько на землѣ неправедные мужи причинили вамъ озлобленiй: и для того укрѣпитеся нынѣ съ спокойнымъ духомъ пищею и виномъ, да сердца ваши ободрятся радостiю: поелику съ самаго того времени, какъ оставили вы отечество ваше Iѳаку, донынѣ непрестанно во изгнанiи и въ многотрудномъ странствованiи пребывая, не имѣете нималѣйшаго успокоенiя.

Такимъ образомъ цѣлый годъ мы тамъ пребывали, насыщаяся во изобилiи разными мясами и сладкимъ виномъ. Когда же наспалъ другiй

годъ, сопутники мои отведши меня особо, такъ говорили: мудрый Одиссей! нынѣ уже настало время воспомянуть о нашемъ отечествѣ, когда опредѣлено тебѣ судьбою спастися и видѣть домъ свой.

Сими словами подвигли сердце мое, и тогда весь оный день до захожденія солнца препровели мы въ пиршествѣ: когда же солнце лучи свои сокрыло и наст пила ночь, всѣ предалися сладкому сну. Я же приступивъ къ великолѣпному ложу Кирки и обнявъ колѣна ея (богиня услышала голосъ мой), вѣщаю къ ней: о великая богиня! исполни нынѣ обѣщаніе, каковое дала ты намъ: отпусти насъ въ домы отечественные: ибо сердце мое давно уже стремится, и всѣ сопутники мои во время твоего отсутствія сѣтуютъ, окружая меня.

Богиня отвѣчала мнѣ: ахъ мудрый Одиссей сынъ мудраго Лаерта! не хочу я нынѣ, да противу желанія вашего остаетесь здѣсь долѣе. Но прежде предлежитъ тебѣ совершить иный путь, то есть, видѣть домъ ада и знаменитыя Персефоны и вопросить душу Ѳивскаго слѣпаго прорицателя Тиресія, коего разсужденія всегда почитаются твердыми, и ему единому Персефона дала право внимать голосъ человѣческій: тебя же тамъ отвсюду окружатъ тѣни мертвыя.

Я услышавъ сіе, плакалъ неутѣшно, стоя подлѣ ложа ея, такъ, что сердце мое не хотѣло болѣе ни жить, ни видѣть солнечнаго свѣта. Когда же насытился я слезами, паки вѣщаю: о знаменитая Кирка! кто мнѣ покажетъ путь сей? Ибо никто изъ смертныхъ на кораблѣ

не приближался къ жилищамъ адовымъ. Она отвѣчала мнѣ: не имѣй попеченія о путеводителѣ: токмо поставь вѣтрильное дерево, и распростерши на немъ парусы, сиди: корабль твой самъ понесется дыханіемъ вѣтра борея: когда же минешь океанъ, тамо узришь невеликій берегъ и дубравы знаменитыя Персефоны, гдѣ растутъ безплодныя дерева и лежатъ негладкіе твердые камни: тамъ на глубинѣ океана остановись съ кораблемъ твоимъ, а самъ иди въ обитель темнаго ада, гдѣ во Ахеронтъ, Пирифлегеѳонтъ, Кокитъ исходище Стикса и прочія двѣ рѣки стекаются съ ужаснымъ шумомъ: здѣсь приступая къ оному мужу, выкопай яму глубиною и ширию на одинъ локоть, и сотвори приношеніе всѣмъ мертвымъ, во первыхъ отъ меда, по семъ отъ сладкаго вина, третіе отъ чистыя воды, и наконецъ присовокупи бѣлой муки. Послѣ сего моли души мертвыхъ и обѣщайся, когда возвратишься во Ивакуу, принести имъ въ жертву тучную безплодную корову и соорудить зданіе отъ богатыхъ стяжаній, а Тиресію особо принести въ жертву чернаго и избраннаго овна. Совершивъ мольбу, заколи чернаго овна и черную овцу, обратяся лицемъ ко Эреву, самъ же удалися прочь ко исходищамъ рѣки: тогда многія тамъ приступятъ души, и ты вскорѣ повели сопутникамъ своимъ закалать многихъ овецъ, и снявъ кожи ихъ, приносить въ жертву богамъ ада и Персефонѣ. Самъ же съ обнаженнымъ мечемъ сиди, и ниединой тѣни не допускай къ крови, пока не услышишь Тиресія. Сей

прорицатель и вождь народовъ скоро явится къ тебѣ, и возвѣститъ образъ пути твоего. Такое дѣлала богиня мнѣ наставленіе, и тѣмъ временемъ явилася златопрестольная деннища. Тогда Кирка облекла меня въ тонкія, чистыя и свѣтлыя одежды, опоясала золотымъ поясомъ, а на голову возложила покрывало. По семъ иду я будить моихъ сопутниковъ и такъ говорю: оставьте, други мои! сонъ вашъ, и будьте готовы къ пути намъ предлежащему: ибо уже сама богиня на сіе согласна. Они скоро оставили сонъ и приготовилися къ отшествію. Но и отсюда не могъ я отвезти всѣхъ безвредныхъ сопутниковъ. Нѣкто былъ Элпиноръ, юнѣйшій изъ всѣхъ лѣтами, который ни на брани храбрости, ни въ совѣтахъ разума не могъ показать: сей въ дому Кирки излишнимъ упився виномъ и желая обрѣсти нѣкое прохлажденіе, когда услышалъ шумъ и смятеніе приготовляющихся сопутниковъ, внезапно пробудился отъ сна, и позабывъ, что ему надлежало внизъ сойти по великой лѣстницѣ, упалъ съ высоты дома, и такимъ образомъ сокрушилъ себѣ голову, а душа низшла во адъ. Я собравшимся сопутникамъ моимъ сказалъ: вы мыслите, что мы отходимъ въ наше отечество, но Кирка предвозвѣстила намъ иный путь.

Они услышавъ сіе, начали рыдать и терзать свои волосы, но сѣтованіе сіе имъ никакой не принесло помощи. И такъ отходимъ мы къ кораблю нашему съ горькими слезами, въ тоже время пришла туда и богиня Кирка, и оставивъ на ономъ чернаго овна и овцу,

невидимо скрылася отъ очей нашихъ: ибо когда не хотятъ боги, никто не можетъ ихъ видѣть.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Когда мы достигли корабля нашего, вопервыхъ низвели оный на море, по семъ утвердивъ вѣтрильное дерево, распросперли на немъ вѣтрила, и вогнавъ внутрь стада наши, входимъ и сами, проливая обильные слезъ токи: и мгновенно благопоспѣшный вѣтръ по волѣ могущія богини Кирки наполнилъ вѣтрила, мы же всѣ корабельные снаряды приготовивъ, сѣли на мѣстахъ своихъ. И такъ весь оный день проводивъ въ благополучномъ плаваніи, наконецъ узрѣли мы зашедшее уже солнце и наступившую тьму. Въ то время корабль нашъ приближился къ предѣламъ неизмѣримаго океана, гдѣ ниже восходящее, ниже заходящее солнце озаряетъ ихъ лучами своими. Тамъ поставили мы корабль на сушѣ, стада же изведши вонъ, сами паки предпріяли путь къ той сторонѣ, которую показала намъ бо-

жественная Кирка. Жертвы несли ПеримидЪ и ЭврилохЪ. Я же обнаживши мечЪ, выкопалЪ онымЪ яму оповсюда на одинЪ локоть.

Сотворивши возліяніе по совѣтую богини Кирки всѣмЪ мертвымЪ, обѣщался я по возвращеніи вЪ домЪ мой принести душамЪ ихЪ вЪ жертву корову безплодную, Тиресію же особо черную избранную овцу. СовершивЪ моленіе и обѣтЪ сей, закололЪ я овецЪ, а кровь ихЪ источилЪ вЪ яму: и мгновенно души мертвыхЪ исходятЪ изЪ ада: невѣсты, юноши, многотрудные старцы, юныя дѣвы плачемЪ сокрушенныя, многія тамЪ были видимы и уязвленныя на кровавой брани отЪ руки сопротивныхЪ. Онѣ сЪ нестерпимымЪ воплемЪ обтекая яму, привели меня вЪ великій трепетЪ. Тогда повелѣлЪ я моимЪ сопутникамЪ сЪ закланныхЪ овецЪ снять кожи и сжечь мяса ихЪ вЪ жертву богамЪ, непобѣдимому аду и неумолимой Персефонѣ. ВЪ сіе же самое время обнаживЪ мечЪ, стоялЪ я близь ямы, и ниедину мертвую тѣнь не допущалЪ приближиться кЪ оной, доколѣ не услышу грядущую душу Тиресія. Но первая тѣнь пришла ко мнѣ Элпинора, коего тѣло не было еще сокрыто вЪ землю, но лежало вЪ домѣ богини Кирки неоплакано и непогребенно: ибо тогда другій предстоялЪ намЪ подвигЪ.

Я увидѣвЪ его, пролилЪ слезы и спросилЪ: ЭлпинорЪ! какимЪ случаемЪ ты предварилЪ насЪ здѣсь? — ОнЪ отвѣтствовалЪ мнѣ: вовлеченЪ бывЪ злымЪ рокомЪ и силою вина, спалЪ я на верху дома богинина, и пробуж-

денный внезапно отъ сна, обращаяся, упалъ съ высоты онаго и сокрушилъ голову, и симъ путемъ низшла сюда душа моя. Но я заклинаю тебя именемъ отца твоего, супруги твоей и сына твоего, оставленнаго тобою во Ѳиакѣ, когда возвратишься къ острову Эейскому, вспомяни и о мнѣ, и не оставь меня неоплаканнаго, да не прогнѣваются на тебя боги меня ради; тѣло же мое со всемъ моимъ оружіемъ предай землѣ, и воздвигнувъ высокую могилу, поставь надъ оною при морскомъ берегѣ весло, коимъ я въ жизни разсѣкалъ морскія волны. Я далъ ему обѣщаніе, что все сіе исполню. По семъ приходитъ душа матери моей Антиклеи дочери Автоликовой, на которую воззрѣвъ я, пролилъ слезы, но приближиться къ крови не допустилъ прежде прихода Тиресіева. По семъ идетъ душа Ѳивскаго прорицателя, имѣя въ рукахъ золотый скипетръ и познавъ меня, вопрошаетъ: почто пришелъ сюда, злополучный! оставя свѣтъ солнечный, видѣть мертвыя сѣни и страну плачевную? Но отступи отъ ямы и скрой мечъ твой во влагалище, да вкушу крови, и тогда истинну повѣдаю тебѣ.

Такъ сказалъ онъ: и я отступивъ прочь, вложилъ мечъ мой. Тиресій приступивъ, напился крови, и такъ говорить начинаетъ: о возвращеніи своемъ узнать желаешь, Одиссей! но боги тебѣ положили оное весьма многотруднымъ: ибо не уповаю, дабы Посидонъ успокоился отъ гнѣва за сына своего, у коего исторгъ ты око. Ты много претерпишь зла: однако возвратишься въ домъ свой: токмо ты

и сопутники твои да воздержитесь, когда пристанетъ корабль вашъ къ острову Фринакійскому, гдѣ обрящете пасущихся тучныхъ коровъ всевидящаго и всеслышащаго Солнца. Къ нимъ когда не прикоснетеся и оставите безвредныхъ, то поистиннѣ достигнете домовъ вашихъ: но когда причините имъ вредъ, то предвѣщаю тебѣ нагубу, всѣмъ твоимъ сопутникамъ смерть, а кораблю сокрушеніе. Ты самъ, повторяю тебѣ, хотя спасешся, но весьма по долгомъ времени, погубивъ всѣхъ сопутниковъ и претерпѣвъ многія напасти, достигнешь мѣста рожденія своего, гдѣ ожидаетъ тебя новое убійство: ибо узришь гордыхъ мужей расточающихъ стяжаніе твое и ищущихъ склонить дарами жену твою въ супружество себѣ. Но ты поистиннѣ учинишь отмщеніе имъ за обиды сіи: по избіеніи же ихъ паки долженъ предаться странствованію, доколѣ не достигнешь такого народа, который не имѣетъ понятія ни о морѣ, ни о корабляхъ, ни о веслахъ, ниже крыльяхъ корабельныхъ, и ниже вкушаетъ пищу растворенную солію. Къ познанію же того да будетъ тебѣ сіе знакомъ: увидишь идущаго на встрѣчу себѣ путника, который скажетъ тебѣ: *что ты на плечѣ твоемъ несешь лопату?* Тогда ты весло твое воткнувъ тамо въ землю, принеси въ жертву царю Посидону овна, барана и вепря, и обѣщайся по возвращеніи въ домъ свой принести всѣмъ богамъ сточисленную жертву. Самому же тебѣ смерть приключится отъ моря, которая сразитъ тебя изможденнаго глубокою старостію: но живущіе во-

кругъ тебя народы будутъ благополучны. Вотъ истинна тебѣ предреченная.

Такъ онъ возвѣстилъ мнѣ. Но я паки вопрошаю его: о Тиресій! поистиннѣ сіе такъ предустроили боги! но молю тебя, повѣдай мнѣ: я вижу здѣсь душу умершей матери моей, которая не хочетъ ниже воззрѣть на меня, ниже что провѣщать: скажи, какъ можетъ она познать меня?

Тиресій отвѣтствовалъ: всякъ пришедшій къ тебѣ и вкусивъ крови, повѣдаетъ истинну; кому же мечемъ возбранишь, и кто не вкуситъ оной, тотъ обратно отходитъ. По сихъ словахъ удаляется Тиресіева душа внутрь ада.

Я же сидѣлъ съ обнаженнымъ мечемъ, и по семъ пришла матерь моя, и вкусивъ крови, вскорѣ познала меня, и со слезами такъ вѣщаетъ: сынъ мой! какимъ образомъ живъ будучи, пришелъ ты въ мрачныя мѣста сіи? Ибо не могутъ сюда приходить живущіе на землѣ, коихъ раздѣляютъ отъ насъ великія рѣки, страшныя исходища и во первыхъ океанъ. Или отъ Тр и возвращаяся на кораблѣ, заблуждаешь по морямъ, и донынѣ не могъ еще видѣть Ивваки и возлюбленной жены твоей?—Я отвѣчалъ ей: нуждою завлеченный пришелъ я въ сіи мрачныя сѣни, да вопрошу Ѳивскаго Тиресія о пути моемъ: ибо и доднесь не зрѣлъ еще отечества моего, но странствую по морю, претерпѣвая напасти. Но молю тебя, повѣдай мнѣ, какъ пресѣкла смерть дни живота твоего? Повѣдай о отцѣ моемъ и о сынѣ, еще ли въ рукахъ ихъ со-

храняется достояніе мое, или иной кто обладаетъ онымъ? скажи мнѣ и о женѣ моей, еще ли пребываетъ съ сыномъ своимъ, и хранитъ мой домъ и всѣ стяжанія, или уже кому другому поручила ложе свое? Она о всемъ повѣдавъ мнѣ истинну, умолкла. Я же помышлялъ въ умѣ прикоснуться къ ней: прижды устремлялся обнять ее, и прижды исчезала отъ рукъ моихъ подобно тѣни, или призраку. Я болѣзнуя о семъ, спросилъ ее: возлюбленная матерь моя! почто не могу обнять тебя, дабы мы и въ сихъ мѣстахъ въ объятіяхъ взаимно насытилися плачемъ?

Ахъ! изъ всѣхъ злополучнѣйшій сынъ мой, сказала она мнѣ: таковъ есть законъ человѣческій, да по смерти нашей тѣло и кости его подвергнутся тлѣнію и сожгутся огнемъ, а душа излетѣвъ изъ тѣла, носится какъ призракъ. Но ты немедленно оставивъ мѣста сіи, возвратися во свѣтъ живущихъ, и возвѣсти о семъ женѣ твоей.

Тогда приступили ко мнѣ многія знаменитыя жены и дщери для вкушенія крови, но я извлекши мечъ, не допущалъ ихъ, желая вопросить о родѣ ихъ, и первую зрю идущую комнѣ Тиру дщерь Салмонея, жену же Крифея сына Эолова, которая влюбяся въ прекраснѣйшую рѣку Энипей, близь ея исходищъ всегда находилася. Царь водъ Посидонъ возлюбивъ ее, пребылъ съ нею при устьѣ сей рѣки, повелѣвъ единой отъ волнъ подобной великой горѣ оградить обоихъ. По семъ разрѣшивъ дѣвическій поясъ, излилъ на нее сладкій сонъ: по любовныхъ же удовольствіяхъ взявъ ее

за руку, такъ привѣтствуетъ ее: радуйся дщерь любви! по прошествіи года родишь двухъ сыновъ, коихъ воспитай со тщаніемъ: нынѣ же возвратися въ домъ свой, и блюдися сіе открыть кому либо.

Такъ сказавъ, низходитъ во глубины волнующагося моря. Тира же въ уреченное время родила Пелія и Нилея. Первый обиталъ во Іаолкѣ, изобилуя многими стадами, а вторый во градѣ Пилѣ. По семъ родила мужу своему Есона, Ферита и Амиѳаона. По ней видѣлъ Антіопу дщерь Асопову, которая повѣдала, что почила въ объятіяхъ отца боговъ Дія, и родила двухъ сыновъ, Амфіона и Зила, кои первые положили основаніе седмивратнымъ Ѳивамъ и соорудили высокія стражницы. По семъ видѣлъ Алкмену жену царя Амфитріона, которая такъ же пребывъ въ объятіяхъ сильнаго Дія, родила добледушнаго Иракла, имѣвшаго сердце львиное. Видѣлъ и Мегару дщерь Креонта, жену же сына Амфитріонова. Видѣлъ прекрасную Эпикасту матерь Эдипа, которая отъ неразумія своего содѣлала великое безстыдство, бывъ женою сына своего, убившаго отца и понявшаго ее въ супружество себѣ. Злодѣяніе сіе откры ли боги предъ всѣми людями. Эдипъ терпя великія скорби, владычествовалъ надъ Ѳивами, а матерь прекративъ удавленіемъ жизнь свою, низшла во адъ. Видѣлъ также Хлору юнѣйшую дщерь Амфіона, которую нѣкогда за красоту возлюбивъ Нилей, понялъ себѣ въ жену, и отъ нея родилися, Несторъ, Хромій и Периклименъ. Видѣлъ и знаменитую Лиду жену Тиндара, отъ коея

родилися КастворЪ и ПолидевкЪ: сіи имѣя равную честь сЪ богами, перемѣняли взаимно жизнь свою: ибо иногда обитали на землѣ, а иногда во адѣ. По семЪ видѣлЪ Ифимедію жену Алоееву, которая родила двухЪ сыновЪ краткожизненныхЪ, Ота и Эфіалта, прекраснѣйшихЪ изЪ всѣхЪ людей по Оріонѣ: земля ихЪ воспитала ко удивленію великихЪ возрастомЪ: ибо, когда минуло имЪ девять лѣтЪ, были вЪ широту девяти и вЪ высоту девяти локтей: они хотѣли нѣкогда воздвигнуть брань противЪ безсмертныхЪ, но ДіевЪ сынЪ отЪ Леты убилЪ ихЪ прежде, нежели достигли лѣтЪ совершенныхЪ. ВидѣлЪ Федру, Прокру и Аріадну дщерь премудраго Миноя, которую нѣкогда изЪ Крита увезЪ Ѳисей во Ѳивы. ВидѣлЪ Меру, Климену и ненавистную Эрифилу, которая за злато предала своего мужа. Но всѣхЪ знаменитыхЪ женЪ чрезЪ всю ночь не можно исчислить.

ТакЪ повѣствовалЪ Одиссей: и всѣ сидѣли вЪ глубокомЪ молчаніи, услаждаяся повѣстію его. Тогда царица Арита начинаетЪ говорить такЪ: феакійскіе вожди! каковЪ зрится вамЪ сей мужЪ разумомЪ, лицемЪ и величествомЪ? Но онЪ поистиннѣ мой есть страннопришелецЪ: и для того не ускоряйте отпускать его, но умножимЪ дары наши: ибо отЪ щедротЪ боговЪ многія мы имѣемЪ у себя стяжанія.

Престарѣлый мужЪ Эхеней сказалЪ на сіе: возлюбленные собесѣдники! мудрая наша царица говоритЪ истинну: и такЪ повинемся волѣ ея: о прочемЪ же царь Алкиной самЪ предусмот-

ритъ. — Алкиной отвѣтствовалъ ему: поистиннѣ слово сіе не останется тщетно, доколѣ я пребуду живъ, обладая надъ феакіянами. Странникъ сей хотя проситъ нынѣ объ отпускѣ своемъ въ отечество, но мы оставимъ сіе до наступающаго утра, доколѣ не соберемъ обѣщанные нами дары, а потомъ приложимъ общее наше попеченіе о препровожденіи его.

Одиссей отвѣтствовалъ: препрославленный паче всѣхъ царь Алкиной! когда приготовлено будетъ все нужное къ пути моему, и награжденъ буду отъ щедротъ вашихъ дарами: тогда исполняя волю вашу, не отрекуся хотя цѣлый годъ бесѣдовать съ вами: ибо гораздо полезнѣе будетъ явиться во отечествѣ съ полными руками: отъ сего вящшее возрастетъ уваженіе и любовь отъ всѣхъ, когда увидятъ обогащеннаго меня возвратившагося во Ѳаку.

Алкиной отвѣтствовалъ ему: Одиссей! поистиннѣ мы взирая на тебя, не уповаемъ, чтобы ты былъ изъ числа тѣхъ лжесоплетателей, въ праздности губящихъ дни свои, коихъ много земля питаетъ на себѣ, и коихъ всякъ удобно познать можетъ. Но лице и великій разумъ показываютъ истинну твоихъ сказаній. И такъ возвѣсти намъ и о своихъ сподвижникахъ, которые совокупно были съ тобою при Илійскихъ стѣнахъ, и отъ остраго меча или копья смерть пріяли: повѣдай о нихъ, видѣлъ ли кого между мертвыхъ тѣней? Ибо весьма продолжительна ночь еще, и время сна не приближилося: я же готовъ слушать повѣствуемое тобою до самой зари утренней.

Одиссей сказалъ ему: великій царь Алкиной! на все есть время, и наслаждаться сномъ и наслаждаться бесѣдою: и такъ когда желаешь слушать меня, конечно не отрекуся повѣдать о моихъ сопутникахъ, которые возвращаяся отъ брани въ домы, коварствомъ злохитрыхъ женъ умерщвлены невинно. Когда царица Персефона прогнала души знаменитыхъ женъ, тогда приближилась ко мнѣ душа царя Агамемнона и прочихъ погибшихъ съ нимъ въ дому Эгисѳа. Она вкусивъ крови, скоро меня познала, и проливая слезы, простираетъ ко мнѣ руки, желая обнять меня: но уже не было въ нихъ нималѣйшей твердости и дѣйствія. Прослезившись и я, вопросилъ его: о царь Агамемнонъ! какой рокъ зловредныя смерти сокрушилъ крѣпость твою? Посидонъ ли, воздвигши жестокія волны, погрузилъ тебя во глубинѣ, или неправедные мужи убили на брани защищающаго градъ, жену и чадъ?

Ахъ мудрый Одиссей! отвѣтствовалъ онъ мнѣ, ни Посидонъ на морѣ, ни мужи неправедные на землѣ крѣпость мою сокрушили, но неистовый Эгисѳъ и злохитрая жена моя Клитемнестра устроили мнѣ пагубу, пригласивъ меня въ домъ на пиршество, гдѣ погибъ я всякаго плача достойнѣйшею смертію: вокругъ меня лежали и прочіе мои сопутники, умученные такъ же люттѣйшею смертію. Знаю, что весьма многихъ видѣлъ ты сраженныхъ на брани мужей: но когда бы былъ при ономъ жалостнѣйшемъ нашемъ убіеніи, колико бы тягчайшихъ испустилъ отъ

сердца вздоховъ! какъ бы вострепетала душа твоя, видя при наполненныхъ яствами столахъ и сосудахъ съ виномъ поверженныя наши тѣла и по всему помосту протекающую горячую кровь! Тамо слышалъ я печальнѣйшій и плачевный голосъ Пріамовой дщери прекрасныя Кассандры, которую равнымъ образомъ сидѣвшую близъ меня поразила злокозненная жена моя Клитемнестра. Тогда я, уже умирающій, поднявъ руки, искалъ меча къ отмщенію: но безстыдная моя жена отходитъ прочь, и ниже при самой смерти закрыла очи мои, ниже затворила отверзтыя уста мои. И такъ нѣтъ ничего вредоноснѣе и наглѣе безстыдныя жены, которая предпріиметъ подобное злодѣяніе, такъ какъ и моя жена убійствомъ своего мужа поставляется омерзѣніемъ предъ всѣми благонравными женами.

Я отвѣчалъ ему: увы! и такъ родъ Атреевъ погубленъ отъ громомещущаго Дія ради пагубныхъ навѣтовъ женъ, и вопервыхъ за Елену погибли столь многіе мужи, а по томъ и тебѣ смерть предуготовила Клитемнестра, еще далеко бывшему отъ отечества. — На сіе Агамемнонъ сказалъ: такъ и ты Одиссей никогда не полагай всея надежды на жену, и не открывай всѣхъ мыслей твоихъ: но иное повѣдай, иное же сокрой на сердцѣ твоемъ: — но твоя, Одиссей, жена не попустится на такое злодѣяніе: ибо почитается весьма разумною и украшается благонравіемъ. Самъ ты вѣдаешь, въ какихъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ ее, когда мы отходили на брань, и сынъ ея тогда питался еще сосцами, а нынѣ обрѣтается

нѣгдѣ между премудрыми мужами. И такъ возвеселится щасплливый отецъ сыномъ своимъ, и радостію возрадуется сынъ, узрѣвъ отца возвратившагося въ домъ свой: меня же злобная жена послала преждевременно съ сіи мѣста, и не допустила насладиться зрѣніемъ сына. Но ты начертай на сердцѣ слова мои: не явно, но тайно совѣтую тебѣ возвратиться на кораблѣ своемъ въ отечество: ибо не льзя во всемъ полагаться на вѣрность женъ. Но молю тебя, повѣдай мнѣ, ежели слышалъ что о сынѣ моемъ Орестѣ, гдѣ онъ нынѣ обрѣтается, въ Орхоменѣ ли, или въ Пилѣ, или у Менелая царя въ Спартѣ? Токмо знаю, что еще не умеръ.

Я отвѣчалъ ему: сынъ Атреевъ! почто вопрошаешь меня о семъ? ибо и самъ я не знаю, живъ ли онъ, или умеръ: сказывать же о томъ, чего не знаешь, есть поступокъ безстыдный. Такъ разглагольствовали мы, проливая слезы: и по семъ приближилися души, Ахиллова, Патроклова, Антилохова и Аяксова. Тогда первая душа Ахиллова познавъ меня, вопрошаетъ: Одиссей! какое еще важное дѣло предумышляя, пришелъ ты сюда, и какъ дерзнулъ приближиться къ симъ мѣстамъ, гдѣ одни токмо тѣни и подобія умершихъ человѣковъ обитаютъ?

Я отвѣтствовалъ ему: знаменитѣйшій Ахейскій сынъ Пилеевъ! пришелъ я сюда испросить совѣта у Тиресія, какимъ образомъ могу достигнуть безвредно отечества моего: ибо донынѣ по всѣмъ странамъ заблуждая, претерпѣваю великія напасти. Тебя, зна-

менитѣйшій Ахиллъ! почитаю блаженнѣйшимъ паче всѣхъ смертныхъ, которые были и которые будутъ: ибо и въ жизни ты славился храбрѣйшимъ брановосцемъ, нынѣ же и по смерти властительствуешь надъ мертвыми. — Ахиллъ сказалъ мнѣ: ахъ! не воспоминай мнѣ о смерти: ибо лучше бы я согласился быть простымъ поселяниномъ и изъ платы работать убогому человѣку, который и самъ едва имѣетъ пропитаніе, нежели обладать мертвыми: но молю тебя, повѣдай о сынѣ моемъ, уже ли достигъ онъ того возраста, что можетъ являться на брани и носить имя доблественнаго воина? Повѣдай также и о Пелеѣ отцѣ моемъ, еще ли хранятъ Мирмидоняне къ нему почтеніе свое, или уже во всей Θессаліи и Фтіи всѣ его презираютъ за то едино, что старость овладѣла его членами, меня же отмстителя его уже не видятъ подъ солнцемъ какъ нѣкогда находясь при Троянскихъ стѣнахъ, сокрушилъ все избранное воинство, защищая возлюбленныхъ Аргивянъ? О когда бы я таковъ же возвратился въ домъ къ отцу моему, поистинѣ показалъ бы крѣпость мою и брановосныя мышцы тѣмъ, которые причиняютъ ему обиды и не воздаютъ почтенія!

Я ему отвѣчалъ: о отцѣ твоемъ Пелеѣ поистиннѣ ничего я не слыхалъ: сына же твоего Неоптолема самъ я отъ острова Скира привезъ на кораблѣ ко Ахейскому ополченію, гдѣ, когда военоначальники вступали въ совѣты, онъ первый тогда предъ всѣми открывалъ свои мнѣнія: одинъ токмо Несторъ и я ему противорѣчили, прочимъ же никому

не уступалъ: сколько же отъ руки его пало на брани знаменитыхъ мужей, поистиннѣ исчислить сего не можно. Но о коль великое явилъ онъ дѣло, когда убилъ преславнаго вождя Эврипила сына Тилефова, вокругъ коего многіе повержены лежали Китеяне! Когда же мы, избранные отъ всѣхъ Ахеянъ, сокрыты были внутрь онаго коня, котораго соорудилъ Эпей: тогда всѣ вожди трепетали и плакали: но въ немъ я не примѣтилъ ниже малѣйшаго страха, а токмо многократно убѣждалъ всѣхъ выпти изъ коня, потрясая мечемъ своимъ и острымъ копьемъ на пагубу Троянамъ. Когда раззорили градъ Пріамовъ, тогда онъ получивъ достойную часть отъ корыстей, вступилъ на корабль цѣлъ и нимало невредимъ, какъ бываетъ на брани, гдѣ безъ разбора Арей неистовствуетъ.

Такъ повѣдалъ я ему: онъ же обрадованный отходитъ по зеленому полю. Многія тамъ стояли и иныя печальныя души, возвѣщая свои наказанія. Единаго токмо Аякса сына Теламонова душа стояла далеко отъ меня, гнѣваяся за приобрѣтенное мною Ахиллово оружіе по суду, предложенному сынами Ахейскими, матерью его Θетидою и Аѳинскою Палладою. Поистиннѣ лучше бы мнѣ было лишиться сея побѣды, нежели толикаго зрѣть мужа прежде времени низшедшаго во адъ, каковъ былъ Аяксъ, который благолѣпіемъ лица, крѣпостію силъ и мужественною отвагою превосходилъ всѣхъ Ахеянъ, кромѣ единаго Ахилла. Но я вѣщалъ ему: храбрый сынъ Теламоновъ! или ты и по смерти не хочешь

оставить своего гнѣва на меня за зловредное оружіе, которое было послѣ причиною великихъ злоключеній Ахеянамъ, лишившимся твоего защищенія? ибо ты одинъ всѣмъ намъ былъ крѣпкое забрало. Сего ради равною какъ о Ахиллѣ, такъ и о тебѣ сокрушаемся печалію: Дій же ужасно возненавидѣлъ Ахеянъ, какъ и тебѣ послалъ смерть лютую. И такъ приближся ко мнѣ, да насытимся взаимнымъ разглагольствіемъ: смири непреодолимую суровость твою, и отринь досады чувствуемыя великою душею твоею.

Такъ я умолялъ его: но Аяксъ ничего не отвѣчая, удаляется къ прочимъ душамъ въ мрачныя тѣни. По семъ видѣлъ Миноя сына Діева, держащаго въ рукахъ златый скипетръ и дающаго судъ мертвымъ, кои въ великомъ множествѣ стояли вокругъ его. Позналъ я тамъ и чуднаго Оріона съ желѣзнымъ несокрушимымъ жезломъ ловца звѣрей по горамъ и полямъ. По семъ видѣлъ я и Титія сына земли, который распростертъ лежалъ на помостѣ длиною въ д е в я т ь десятинъ, вокругъ же его стояли плотоядныя птицы, терзающія внутреннія его части въ наказаніе за то, что хотѣлъ опорочить непозволенною любовію богиню Лету шедшую къ Панопеянамъ: но птицъ оныхъ не могъ онъ отгнать отъ себя. Видѣлъ тамо и Тантала, мучимаго люты̀ми болѣзнями, который стоялъ въ водѣ по самыя уста, и желалъ безмѣрно напиться оной, но не могъ: ибо сколько разъ ни наклонялъ голову для утоленія жажды, вода всегда отъ него скрывалася, а

подъ ногами его видима была сухая земля, близь его стояли дерева, а надъ головою висѣли созрѣвшіе плоды, груши, разновидныя яблоки, смоквы и зеленыя маслины, къ коимъ когда Танталъ простиралъ руки, желая вкусить отъ нихъ, тогда они вдругъ вѣтромъ подъемлемы были на воздухъ. По семъ узрѣлъ Сизифа, носящаго на гору съ безмѣрнымъ трудомъ великій камень, который, когда бываетъ уже взнесенъ на самый верхъ горы, мгновенно исторгается изъ рукъ его, и со стремленіемъ низпадаетъ въ низъ: Сизифъ тѣже труды снова начинаетъ, и непрестанно обращается въ оныхъ. По семъ видѣлъ подобіе Иракла, который самъ сидѣлъ между безсмертными, наслаждаяся божественнымъ пиршествомъ и имѣя жену прекрасную Иву дщерь великаго Дія и прекрасныя Иры: вокругъ его слышался крикъ мрачныхъ тѣней, аки птицъ стремящихся отвсюда: самъ же подобенъ былъ темной ночи, въ рукѣ имѣлъ лукъ и стрѣлу, на груди простирался золотый ремень, на коемъ изображены были чудныя дѣла, страшные вепри, великіе медвѣди, ужасные львы, сраженія, смертоносныя брани и человѣкоубійства. Онъ скоро познавъ меня, вопрошаетъ со слезами: мужественный Одиссей! или и ты также терпишь напасти, каковыя и я понесъ нѣкогда, находяся подъ солнцемъ? Я именовался сыномъ великаго Дія, но подвиги совершилъ несказанные: ибо повинуяся безсильнѣйшему мужу, отягченъ былъ отъ него несносными трудами, какъ нѣкогда по егоже по велѣнію извелъ я отсюда неукротимаго пса

ибо не обрѣталъ онъ инаго многотруднѣйшаго подвига; однако же я совершилъ и оный, руководствуемъ въ томъ будучи Эрміемъ и Палладою.

Сіе сказавъ, отходитъ внутрь ада, я же пребывалъ съ терпѣніемъ, ожидая прихода прочихъ древнихъ ироевъ, Ѳисея, Пириѳоя и иныхъ прославленныхъ мужей: но прежде начали собираться иныя души въ несчетномъ множествѣ и со ужаснымъ шумомъ: тогда я устрашася весьма, дабы не послала ко мнѣ изъ ада Персефона страшное чудовище главу Горгоны, и возвратясь къ кораблю моему, повелѣлъ немедленно сопутникамъ предаться плаванію, и путь мы совершали по рѣкѣ веслами, но приближився къ океану, благопоспѣшнымъ вѣтромъ были управляемы.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

И такъ окончивъ мореплаваніе наше, паки пристали къ острову Эейскому, гдѣ денницы священное находится обиталище, ея лики и солнца восхожденіе: тамо мы вышли на берегъ, и корабль свой извлекли на сушу. Когда явилася утренняя заря, тогда послалъ я сопутниковъ моихъ, дабы взяли изъ дому богини Кирки тѣло умершаго Элпинора, которое на берегу морскомъ предавъ огню, соорудили надъ нимъ высокую могилу, а надъ гробомъ весло поставили. Богиня Кирка узнавъ о нашемъ

возвращеніи отъ ада, немедленно пришла къ намъ, сопровождаемая двумя рабынями, хлѣбъ, мясо и вино принесшими, и такъ насъ привѣтствовала: злополучные! поелику вы живы будучи, низходили въ жилище ада: то двоекратно почтетеся мертвыми, когда всѣ единожды токмо умираютъ. Сядьте нынѣ и укрѣпитеся пищею и виномъ: въ наступающее же утро, когда явится заря, отправитеся въ путь вашъ, о которомъ я возвѣщу вамъ, и открою все, да не погибнете на морѣ или на землѣ отъ злыхъ вашихъ совѣтовъ или отъ неразумія.

Такъ говорила намъ богиня: и мы по ея совѣту препроводили весь день, насыщаяся изобильно пищею и сладкимъ виномъ. Когда же наступила ночь, и всѣ мои сопутники предалися сну при кораблѣ; тогда меня богиня взявъ за руку, и устранився со мною, вопрошала о всемъ: я же все видѣнное мною во адѣ повѣдалъ ей подробно. Богиня паки начинаетъ говорить: возлюбленный Одиссей! хотя уже все тобою испытано: но внемли — я повѣдаю тебѣ нѣчто новое, и самъ богъ приведетъ тебѣ то на память: вопервыхъ придешь ты къ Сиринамъ, которыя всѣхъ людей прельщаютъ такъ, что всякъ приставшій тамо и услышавъ голосъ ихъ и пѣніе, толико услажденъ бываетъ, что не узритъ жену и чадъ, веселящихся о возвращеніи его. Они сидятъ на зеленомъ полѣ, близъ ихъ стоитъ высокій холмъ изъ согнившихъ костей и труповъ человѣческихъ. Ты не останавливай тамъ корабля своего, но смяг-

чивъ воскъ, вложи его въ уши сопутникамъ своимъ, дабы никто не могъ слышать ихъ пѣніе. Самъ же ты, когда хочешь, слушай оное: токмо прежде вели привязать руки и ноги твои къ вѣтрильному дереву крѣпкими веревками, и когда будешь умолять сопутниковъ твоихъ о своемъ отрѣшеніи, тогда еще крѣпче пусть свяжутъ тебя. Миновавъ сихъ зловредныхъ женъ, увидишь два пути, о коихъ такъ же возвѣщу тебѣ, ты же слова мои сохрани на сердцѣ твоемъ: тамъ стоятъ двѣ высокія каменныя горы, гдѣ съ нестерпимымъ шумомъ ударяются морскія волны. Горы сіи отъ боговъ именуются *заблуждательными*, гдѣ никакія птицы пролетать не могутъ, ниже сами голуби, которые отцу боговъ Дію носятъ безсмертное питіе: но всегда одинъ изъ нихъ похищается горою, и на мѣсто имѣющаго погибнуть всегда великій Дій посылаетъ излишняго голубя въ дополненіе числа. Тамъ ниодинъ корабль не проходилъ безъ пагубы, но все твердое онаго сооруженіе мгновенно разрушается, такъ же и тѣла мужей поглощаются внезапно свирѣпыми волнами и кипящею бурею. Одинъ токмо корабль, нарицаемый Арго, миновалъ безъ вреда, совершая путь отъ Эеты: но поистиннѣ погибъ бы и онъ, когда бы Ира его не сопровождала по любви своей къ Ясону. Едина изъ сихъ горъ высотою своею касается небесъ и окружена темными облаками, на верхъ ея никогда не восходитъ свѣтлость небесная, ниже во время лѣта, ниже во время осени никакой смертный не можетъ взойти на нее,

ниже сойши оттуда для ея безмѣрной гладкости: по срединѣ горы есть темная пещера, отверзтіемъ стоящая на западъ. Туда направь стремленіе корабля своего на такое разстояніе, сколько человѣкъ стрѣлою досягнуть можетъ. Тамъ обитаетъ Скилла, страшный вопль испускающая, коея голосъ есть акиревъ молодаго львичища, сама же она есть ужасное чудовище, на которое никто не можетъ воззрѣть безъ возмятенія, хотя бы то былъ кто либо изъ боговъ. Двѣнадцать имѣетъ ногъ, но видомъ всѣ отвратительныя, шесть головъ на весьма длинныхъ шеяхъ, у коихъ зіянія ограждены тремя рядами великихъ зубовъ, угрожающихъ страшною смертію. Одна часть тѣла ея погружена лежитъ въ пещерѣ, а головы на длинныхъ шеяхъ протяженныя съ отверзтыми челюстями всегда зрятся на открытомъ воздухѣ: ибо погружая ихъ непрестанно во глубину моря, ищетъ вокругъ горы на пищу себѣ делфиновъ, морскихъ псовъ, страшныхъ китовъ и иныхъ разныхъ чудовищъ, коихъ въ безчисленномъ множествѣ питаетъ Амфитрита. Здѣсь ниодинъ корабль безъ вреда не проходилъ мимо, но всегда каждою головою своею сіе чудовище похищало по одному человѣку. Другую гору усмотришь меньшую сей, отстоящую на столько же, сколько можетъ человѣкъ изъ лука досягнуть стрѣлою. На ней стоитъ великое сѣнолиственное смоковное дерево: тутъ обитаетъ неумолимая богиня Харивда, которая трижды изрыгаетъ изъ себя морскія воды, и паки трижды оныя поглощаетъ съ необычайнымъ

шумомъ. Блюдися къ ней приближиться, а наипаче когда поглощаетъ воды: ибо тогда уже и самъ Посидонъ не возможетъ избавить тебя отъ пагубы. Но сколько можно приближаяся къ Скиллѣ, старайся наискорѣе миновать ее съ кораблемъ твоимъ: ибо лучше лишиться шести сопутниковъ, нежели всѣмъ погибнуть невозвратно.

Таковъ совѣтъ мнѣ подала богиня: я же отвѣчалъ ей: но молю тебя, великодушная Кирка! повѣдай мнѣ, какъ избѣгнувъ отъ Харивды, могу учинить достойное отмщеніе Скиллѣ за смерть сопутниковъ моихъ? — Она сказала мнѣ: о злополучный Одиссей! еще ли ты о ратныхъ помышляешь дѣлахъ, или и противъ безсмертныхъ брань хочешь воздвигнуть? Скилла, увѣряю тебя, не боится смерти: она есть безсмертное, нестерпимое, величайшее и непреодолимое смертоносное зло. Но дабы она не учинила новое устремленіе и не пожрала толикое же число сопутниковъ твоихъ, ты проходя тамо, громкимъ голосомъ призывай имя *Кратеи* матери ея, которая родила сіе чудовище: она токмо можетъ одна укротить ее. По семъ достигнешь острова Фринакійскаго, гдѣ многія Солнцевы коровы и тучныя овцы пасутся. Тамъ увидите седмь стадъ овецъ и столько же коровъ: каждое стадо содержитъ въ себѣ по пятидесяти. Нѣтъ въ нихъ порожденія: ибо никогда не умираютъ. Пасутъ же ихъ Фаеѳуса и Лампетія дщери Солнца отъ Нееры, коихъ родивъ и воспитавъ божественная матерь, послала на островъ сей

блюсти стада отеческія, къ которымъ ежели вы не прикоснетеся, то достигнете отечества своего Ивваки: когда же нанесете имъ вредъ, предвѣщаю всѣмъ неизбѣжную пагубу. Ты самъ хотя спасешся, но въ домъ свойвоз вратишся по долговременномъ странствованіи, погубивъ всѣхъ сопутниковъ. — Между тѣмъ, какъ богиня разглагольствовала такимъ образомъ, восходитъ златозрачная денница. Тогда она оставивъ меня, въ домъ отходитъ. Я же велѣлъ отъ сна вставать сопутникамъ моимъ и къ пути готовиться. Они скоро исполнили повелѣнное мною, восходятъ на корабль, и расположивъ на немъ все оружіе, сѣдши по мѣстамъ, начали разсѣкать морскія воды веслами. Богиня въ слѣдъ намъ послала благополучный вѣтръ, который наполнивъ вѣтрила, несъ корабль нашъ управляемый кормчимъ съ великою скоростію.

Тогда я сопутникамъ моимъ начинаю такъ говорить: други мои! не одному или двоимъ токмо полезно знать предсказанія, которыя возвѣстила мнѣ богиня Кирка, но истинну повѣдаю предъ всѣми вами, да или умремъ, или спасемся всѣ совокупно. Вопервыхъ придемъ мы къ сладкопѣсненнымъ Сиринамъ, коихъ голоса и испещреннаго цвѣтами поля ихъ подобаетъ всѣми мѣрами бѣжать намъ: мнѣ одному позволила богиня слушать пѣніе ихъ: токмо прежде привяжите меня крѣпкими веревками къ вѣтрильному дереву, и когда буду умолять васъ объ отрѣшеніи своемъ, тогда еще крѣпче меня привяжите. Такъ говорилъ я: корабль же нашъ благоноспѣшнымъ вѣтромъ

несомый приближался къ острову Сиринъ: тогда настала вдругъ тишина великая и вѣтръ успокоился. Сопутники мои собравъ парусы, положили оные въ кораблѣ, который къ плаванію понуждали веслами. Тогда я отсѣкъ великую часть воску и мялъ руками: когда же онъ отъ солнечнаго зноя сдѣлался мягкимъ, тогда запкнулъ всѣмъ сопутникамъ моимъ уши, а они руки и ноги мои привязавъ къ вѣтрильному дереву крѣпкими веревками, сами начали паки продолжать путь греблею веселъ. Когда уже находились мы недалеко отъ острова, сколько голосъ вопіющаго слышанъ быть можетъ: тогда они познавъ плаваніе корабля нашего, начали пѣть такъ: о великая слава Ахеянъ! о знаменитый Одиссей! оставь здѣсь корабль твой: пришедши къ намъ, насладися пѣніемъ нашимъ: ибо никоторый корабль не отходилъ отсюда, не бывъ услажденъ онымъ, и не познавъ многихъ отъ насъ тайностей. Знаемъ мы, колико злоключеній изволеніемъ боговъ претерпѣли Аргивяне и Трояне. Извѣстно намъ все, что ни происходитъ на многонаселенной землѣ.

Такъ они воспѣвали: и мое сердце несказанно услаждалося ихъ голосомъ. Тогда я давалъ глазами моими знать, дабы отпрѣшили меня, но Перемидъ и Эврилохъ вставши, еще крѣпче меня связали такъ, что нисколько не могъ двигнуться. Когда миновали островъ сей, и уже неслышно было голоса Сиринъ; тогда сопутники мои вынувъ изъ ушей своихъ воскъ, и меня развязали. По семъ вскорѣ усмотрѣлъ я дымъ и великія восходя-

щія волны, услышалъ также и нестерпимый шумъ, которымъ сопутники мои приведены бывъ въ великій страхъ, опустили изъ рукъ весла, и корабль остановился отъ теченія своего.

Тогда я ходя по оному, увѣщевалъ ихъ сими словами: други мои! уже мы многія злоключенія испытали: но богиня повѣдала, что злѣйшаго противу того не будетъ, когда заключены мы были въ темной пещерѣ люта́го Киклопа, но и оттуда мудрыми моими совѣтами и хитростію освободилися. Такъ и нынѣ не ослабѣвайте духомъ и не теряйте вашей бодрости, но повинуяся словамъ моимъ, возмите опять весла, и напрягши всѣ ваши силы, понудите корабль къ скорѣйшему бѣгу: тогда поможетъ намъ великій Дій спастися и отъ сего зла. Ты же кормчій, коего руками вся сила корабля управляется, твердо помни приказаніе мое: видишь ли всходящій дымъ и великія волны: туда направь корабль твой, и прилѣжно примѣчая камни, тщися избѣжать отъ сей гибели. Такъ я увѣщевалъ, и сопутники мои повинулися совѣтамъ моимъ. Но о Скиллѣ сказать имъ убоялся, дабы устрашився, отъ трудовъ не ослабѣли. Но и самъ я забылъ слово богини Кирки, которая запретила мнѣ быть тогда въ оружіи, напротивъ того былъ я вооруженъ отвсюду, и имѣя въ рукахъ два великія копья, стоялъ на самомъ верху корабельнаго носа, уповая узрѣть оттуда Скиллу, долженствовавшую содѣлать моимъ сопутникамъ конечную пагубу. Всюду простиралъ взоръ мой вокругъ горы, но нигдѣ не могъ видѣть: и такъ со

трепетомъ и со слезами проходили мы тѣсное сіе мѣсто. Въ сіе самое время бурная Харивда съ несказаннымъ ужасомъ поглощала морскія соленыя воды: потомъ же когда паки изрыгала оныя, вся возмущена была подобно конобу съ клокощущею водою стоящему на великомъ огнѣ, и возметаемыми плесками верхи высочайшихъ камней окроплялися отвсюду, гора же самая наполнялася нестерпимымъ шумомъ и громомъ, а съ отступленіемъ воды видима была земля и песокъ: тогда вострепетали наши сердца отъ страха предстоящія бѣды, и мы уже не помышляли о Скиллѣ, которая въ то самое время похитила мгновенно шесть сопушниковъ, крѣпостію и мужествомъ превосходившихъ прочихъ. Я оборотяся, увидѣлъ токмо руки и ноги ихъ, въ воздухѣ трепещущія въ челюстяхъ Скиллы. Тогда (о плачевное зрѣлище!) въ послѣдніе услышалъ я призывающихъ имя мое на помощь къ себѣ. Какъ рыбы, лестною уловленныя приманкою и повержены на пескѣ, трепещутъ, силяся низринуться паки въ воду: такія же употребляли усилія и сопутники мои влекомые къ горѣ, гдѣ въ самомъ жерлѣ пещеры терзало чудовище ихъ вопіющихъ и простирающихъ ко мнѣ руки. Многія я понесъ злоключенія на землѣ и на морѣ, но толь бѣдственнаго и толь жалостнаго никогда еще не видалъ.

Миновавъ сіи злопагубныя мѣста, приближилися къ прекрасному острову Солнца, гдѣ многія на тучной пажити питалися стада его. Я бывъ еще на морѣ, издалека слышалъ ревущихъ коровъ и блеяніе овецъ. Тогда

вспомнилъ я предсказаніе слѣпаго Ѳивскаго прорицателя и Эейскія богини Кирки, которая настоятельно совѣтовала мнѣ бѣжать отъ острова сего и не приставать къ оному.

Когда уже недалеко были мы отъ онаго, тогда я начинаю говорить сопутникамъ моимъ: други мои! хочу я открыть вамъ тайну: возвѣстилъ мнѣ Ѳивскій Тиресій и богиня Кирка, что отъ острова сего, надъ коимъ владычествуетъ всѣхъ освѣщающее солнце, постигнетъ насъ неминуемая и смертоносная пагуба: и такъ по совѣту ихъ потщимся отъ онаго удалиться, ежели зла себѣ не желаете.

Такъ я говорилъ имъ, и всѣхъ объяло великое уныніе. Эврилохъ же отвѣтствовалъ мнѣ досадительными словами: о злощастный Одиссей! еще ли крѣпость твоя и твердость членовъ твоихъ не ослабѣли? Поистиннѣ всѣ составы твои суть желѣзные. Мы изнемогли нынѣ отъ великихъ трудовъ и безсонія: а ты не допущаешь насъ выттти на землю, гдѣ бы могли укрѣпиться пищею, и повелѣваешь слѣпо заблуждать по морю чрезъ всю ночь, когда наиболѣе свирѣпствуютъ вѣтры, возносятся волны, и самые корабли погибаютъ. Спасется ли тогда кто отъ смерти, когда поднимется буря отъ сѣвера или юга, но свирѣпыя тогда волны сокрушатъ корабль противъ воли боговъ? И такъ не предадимся мы темной ночи, но вышедъ на берегъ, приготовимъ себѣ пищу, наутро же паки на корабль вступимъ и въ путь отправимся.

Таковы были слова его: и всѣ признали совѣтъ его полезнымъ. Тогда я совершенно

уразумѣлъ, что нѣкто изъ боговъ предуст-рояетъ намъ пагубу, и видя непреклонность сопутниковъ, такъ вѣщаю имъ: когда всѣ вы совокупно одного меня нудите пристать для об-нощеванія къ сему острову, то умоляю васъ, со-творите священную клятву, что по изшествіи вашемъ на оный, когда увидите тамъ коровъ или овецъ, не прикоснетесь ни единыя изъ нихъ, но будете безмятежно насыщаться пищею, которою снабдила насъ Эейская Кирка.

Такъ говорилъ я имъ: и они по желанію моему учинивъ клятву, вошли въ пристани-ще, гдѣ сладкая текла вода. Тамъ поставя корабль, приготовили ужинъ, и насытив-ся пищею и виномъ, оплакивали своихъ сопутниковъ, коихъ поглотила ненасытная Скилла: послѣ чего объялъ всѣхъ сладкій сонъ. Когда была третія часть ночи, и уже звѣзды начали склоняться: тогда громомещущій Дій послалъ жестокій вѣтръ съ ужасною бурею, облаками покрылъ землю и море, и низпадшая тьма усугубила мракъ ночи. Съ восходомъ же утреннія зари ввели мы корабль въ приста-нище, гдѣ находилась пещера и обиталище Нимфъ. Тогда я паки повторяю сопутникамъ совѣтъ мой: други мои! пищи и вина довольно имѣемъ мы на кораблѣ нашемъ: и для того отъ пасущихся здѣсь стадъ сихъ воздер-жите руки ваши, да не постигнетъ насъ зло какое: ибо сіи стада принадлежатъ все-видящему и всеслышащему Солнцу.

Такъ я ихъ увѣщевалъ, и они обѣщали-ся быть мнѣ послушными. Цѣлый мѣсяцъ бурные отъ сѣвера и юга вѣтры препятство-

вали нашему пушешествію. Сопутники мои доколѣ имѣли хлѣбъ и вино на кораблѣ, спасая онымъ животъ свой, дотолѣ воздерживалися отъ воловъ: но когда все напутіе на кораблѣ истощилося, тогда они ловили рыбъ, птицъ и звѣрей: ибо голодъ началъ удручать ихъ чрево. Нѣкогда удалился я въ уединенное на островѣ мѣсто для принесенія богамъ мольбы, дабы показали мнѣ путь къ возвращенію въ домъ, и когда просилъ о томъ всѣхъ обитателей Олимпа, которые послали мнѣ на очи сладкій сонъ: въ то самое время паки возставъ Эврилохъ, яко начинатель пагубнаго совѣта, такъ говорилъ: ахъ злополучные сотоварищи мои! всякій родъ смерти несносенъ каждому человѣку, но нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ умереть съ голода. И такъ для отвращенія сего зла отведемъ изъ солнцевыхъ стадъ нѣсколько коровъ, и вопервыхъ принесемъ отъ нихъ жертву богамъ безсмертнымъ, а по семъ и сами насытимся, и когда возвратимся во Иѳаку, тогда немедленно высокотекущему божественному солнцу соорудимъ великолѣпный храмъ, и дадимъ въ оный многія драгоцѣнныя украшенія. Когда же оно раздражится за своихъ коровъ, и вознамѣрится погубить насъ: тогда защитятъ насъ другіе боги. Но я лучше желаю погибнуть среди морской глубины, нежели на пустомъ островѣ истаевать отъ голода. Такимъ образомъ Эврилохъ къ пагубному совѣту своему преклонилъ и всѣхъ прочихъ сопутниковъ, и они немедленно отгнали коровъ: ибо недалеко паслися отъ корабля. По томъ, за неимѣніемъ пшеницы, собравъ листья

молодаго дуба, сотворили богамъ моленіе, послѣ чего заколовши коровъ и снявъ кожи ихъ, бедра покрытыя тукомъ принесли въ жертву богамъ, а прочія мяса и внутреннія части изжаривъ, сами съѣли. Въ сіе время сладкій сонъ отступилъ отъ очей моихъ, спѣшу къ кораблю моему, приближаюся къ берегу, слышу сладкое обоняніе: тогда со слезами возопилъ я на небо: о великій Дій, и вы всѣ прочіе безсмертные боги! поистиннѣ къ великой моей пагубѣ низпослали вы сонъ на меня, и я зрю, что сопутники мои пребывая одни, содѣлали великое зло. Тогда Лампетія приходитъ къ отцу своему съ возвѣщеніемъ о похищенныхъ коровахъ, и Фебъ услышавъ сіе, съ раздраженнымъ сердцемъ вопіетъ: отецъ боговъ Дій и вы всѣ безсмертные боги! отмстите сопутникамъ Одиссеевымъ, убившимъ коровъ моихъ, коими я утѣшался, восходя на небо, или оттуду нисходя на землю: когда же останутся они неотмщенны за обиду мою, я удалюся въ жилища адовы, и тамъ буду освѣщать мертвыхъ.

Собирающій во единъ сонмъ облаки отецъ боговъ Дій отвѣчалъ ему: о Солнце! поистиннѣ безсмертныхъ боговъ и смертныхъ людей обитающихъ на землѣ не престанешь освѣщать: ибо я сихъ дерзновенныхъ плавателей скоро накажу, и низвергнувъ десницею моею палящую молнію, сокрушу корабль ихъ, самихъ же потоплю во глубинѣ моря. — Сіе слышалъ я отъ богини Калипсы, а ей возвѣстилъ о семъ вѣстникъ боговъ Эрмій. Я пришедши къ сопутникамъ, каждаго поносилъ недостой-

ными словами, не видя ниоткуда нималѣйшей помощи: ибо коровы уже были заколоты. Боги послали страшныя имъ предзнаменованія: ползали кожи убитыхъ коровъ, и вонзенныя на рожнахъ мяса, также жареныя и сырыя издавали мычаніе, аки живыя коровы. Шесть дней злополучные мои сопутники насыщалися мясами тучныхъ солнцевыхъ коровъ. Когда же настaлъ седмый день, переставъ вѣтръ и бури утихли: тогда мы вступивъ на корабль, утвердили вѣтрильное дерево, распустили на немъ вѣтрила, и оставили островъ, ниоткуда не видя земли, кромѣ неба и моря. Тогда молніеносный Дій воздвигъ надъ кораблемъ нашимъ великое облако: потемнѣло море предъ нами, прекратилося и плаваніе наше: ибо свирѣпствующій зефиръ стремительно низпалъ на насъ, воздвигнувъ бурный вихрь: прерываются крѣпкія ужища, сокрушается вѣтрильное дерево, падаетъ все устроеніе внутрь корабля, кормчій поражается въ голову громомъ сокрушившимъ и всѣ кости его, и падаетъ во глубину моря. Дій паки возгремѣвъ, мещетъ на корабль палящую молнію: все твердое его сооруженіе поколебалося: падаютъ въ море бѣдствующіе мои сопутники, и подобно птицамъ ищущимъ рыбъ плаваютъ вокругъ корабля, и поглощаются пучиною. Я же недоумѣніемъ и страхомъ одержимый ходилъ по кораблю, доколѣ части его отъ силы волнъ разсыпалися: едино токмо дно осталося и вѣтрильное дерево, на коемъ была веревка привязана. Я оба сіи дерева связавъ крѣпко, сѣлъ на нихъ, и носимъ былъ жестокими вѣт-

рами. Тогда бурнодышущій зефиръ утихъ, на мѣсто же его возсталъ нотъ, несущій сердцу моему нестерпимыя болѣзни. И такъ всю ночь оную носимъ я былъ по волнамъ. Когда же явилося солнце, я увидѣлъ паки страшную Скиллу и поглощавшую морскія воды смертоносную Харивду: тогда предавъ корабельное дно и райну на поглощеніе ей, самъ же ухватившись за одинъ великій сукъ стоявшія тамо смоковницы, и держася за оный всѣми силами, висѣлъ неприкосновенно ни къ чему ногами, и ниже могъ подняться выше: ибо вѣтви одна отъ другой въ великомъ были разстояніи. Въ семъ положеніи былъ я дотолѣ, пока Харивда паки не извергла корабельное дно и вѣтрильное дерево около того времени, когда мужъ дающій судъ встаешъ отъ сонма, и идетъ въ домъ обѣдать: въ сіе время явилися оныя дерева изринутыя Харивдою: тогда я низпустился на оныя, и покрыла меня бездна водъ: но я паки сѣдши, направлялъ плаваніе вмѣсто весла руками. Скиллу же отецъ боговъ не допустилъ узрѣть меня: ибо поистинѣ не избѣжалъ бы тогда конечныя пагубы. И такъ девять дней носимъ я былъ вѣтрами по морю, а въ десятый принесли меня боги къ острову Огигіи, гдѣ обитала знаменитая богиня Калипса, которая возлюбила меня, и со тщаніемъ угощала. Но почто о семъ вспоминать? Ибо я повѣдалъ уже вамъ сіе, да и самому мнѣ непріятно повторять возвѣщенное.

Конецъ части первой.

Погрѣшности въ Iй части.

стр:	строк:	напечатано:	читай.
20.	15.	двадцатый	двадесятый
22.	9.	помышляя	помышляя
23.	8.	ссбѣ	себѣ
24.	15.	Антиноевы	Антиноевой
—	29.	соблюдаемымъ	соблюдаемымъ
25.	18.	пагубы	пагубу
29.	32.	Иоаки	Иѳаки
31.	10.	во свои	въ свои
—	31.	нѣколикое	нѣкое
32.	27.	сему	ему
38.	34.	нэсъ	несъ
43.	5.	мое	моего
44.	20.	хошѣлъ	хотѣлъ
47.	6.	голову	главу
66.	20.	оставляетъ,	оставляетъ
74.	28.	пробыть	пребыть
81.	21.	несмысленнымъ	не несмыслен-нымъ
82.	22.	отвѣдшвовалъ	отвѣтствовалъ
83.	12.	беесмертнымъ	безсмертнымъ
96.	14.	слѣдуйтэ	слѣдуйте
98.	1.	юноши	юноши.
—	10.	на гвоздѣ	на гвоздь
101.	26.	болезненное	болѣзненное
102.	30.	сушихъ	сущихъ
105.	2.	за руку	за руку,
107.	13.	вельми	весьма
—	29.	всѣ	все
—	31.	пусшь	пусть
110.	12.	къ пѣвцу	пѣвцу
114.	22.	сопутникамъ	сопутникамъ,
116.	10.	жесщоковыйныхъ	жестоковый-ныхъ
118.	1.	невдалекѣ	недалеко
121.	26.	дебелая сырая	дебелая и сырая
—	32.	скошскомъ	скопскомъ

стр:	*строк:*	*напечатано:*	*читай.*
128.	10.	да зло	зло да
131.	5.	не зналъ что	не зналъ, что
146.	20.	озаряетъ	не озаряетъ
147.	4.	по совѣтную	по совѣту
148.	19.	золотый	златый
154.	15.	во отечествѣ	въ отечествѣ
—	28.	при	при
158.	19.	подъ солнцемъ	подъ солнцемъ,
162.	27.	морскóмѣ	морскомъ.
164.	22.	не проходилъ	не проходитъ
—	33.	осени	осени,
168.	18.	никоторый корабль	никоторый плаватель
170.	15.	тесть	шесть
173.	1.	пушешествію	путешествію
175.	31.	разсыпалися	не разсыпалися

ОДИССЕЯ

ИЛИ

СТРАНСТВОВАНІЯ УЛИССА.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ТВОРЕНІЕ

ГОМЕРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

ВЪ типографіи В. Плавильщикова.

1815 года.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Такъ окончилъ Одиссей свое повѣствованіе, и всѣ слушавшіе его пребывали въ глубокомъ молчаніи. Послѣ чего Алкиной начинаетъ такъ говорить: неустрашимый Одиссей! когда боги привели тебя въ домъ мой, то не уповаю я, чтобы странствованія твои долѣе продолжились по морю, но прямо препровожденъ будешь въ отечество твое. Вамъ же, знаменитые Феакіяне, которые всегда пиршествуя въ домѣ моемъ, собесѣдуете со мною, насыщаетеся сладкимъ виномъ со изобиліёмъ и услаждаетесь пѣніемъ пѣвца, сіе совѣщаю: къ дарамъ вашимъ, состоящимъ въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, въ различныхъ утвареяхъ золотыхъ и многихъ другихъ сокровищахъ, которые уже для сохраненія въ ковчегъ положены, присовокупимъ нынѣ ему еще каждый изъ насъ по одному треногу и по одному котлу, и соберемъ все сіе изъ общаго нашего народнаго имущества: ибо одному мнѣ наградить толикимъ числомъ даровъ не возможно.

Такъ рекъ Алкиной: и всѣмъ угоденъ явился совѣтъ его: послѣ чего всѣ удаляются въ домы свои сномъ насладишься. Въ слѣду-

ющій день съ восходомъ зари несутъ отвсюда къ кораблю треноги и коплы, которые Алкиной приказалъ положить внизу скамей, дабы не препятствовали дѣйствовать веслами: оттуда шествуютъ всѣ въ домъ царя на пиршество, гдѣ Алкиной самъ заклавши вола, принесъ въ жертву всѣми обладающему Кронову сыну Дію: за симъ приступили всѣ къ пиршеству съ радостными сердцами при пѣніи Димодока. Неутомимый Одиссей, желая скораго отшествія въ домъ свой, часто обращалъ взоръ свой на солнце, подобно земледѣльцу, орющему волами своими новое поле, который утомяся и желая успокоиться отъ трудовъ своихъ, съ радостію взираетъ на заходящее солнце, и у него колѣна подгибаются, когда въ домъ возвращается. Такъ Одиссей увидѣвъ скрывающійся свѣтъ солнечный, начинаетъ Феакіянъ, пачеже всѣхъ умолять Алкиноя: великодушный царь и знаменитые феакійскіе старѣйшины! молю васъ, отпустите нынѣ меня въ домъ мой, сами же увеселяйтеся здѣсь: ибо уже исполнилося то, чего желало сердце мое: — стоитъ готовъ и корабль для моего препровожденія, и положены въ него уже знаменитые дары данные мнѣ вами: что все и да сохранятъ боги невредимо, и такъ же да узрю жену мою и всѣхъ друзей моихъ благополучныхъ! — вы же, говорю, пребывая здѣсь, утѣшайтеся женами и чадами вашими: боги да подадутъ вамъ всякое благо, и да ни едино зло не прикоснется странѣ вашей.

Такъ рекъ Одиссей: и всѣ единогласно положили отпустить его. Тогда Алкиной вѣщаетъ провозвѣстнику: Понтоной, наполни чашу виномъ и подай всѣмъ, да принеся мольбу великому Дію, отпустимъ сего страннопришельца въ отечество его.

Понтоной исполняя повелѣніе царя, подалъ чашу съ виномъ, и когда всѣ вкусили отъ нея, тогда Одиссей подавъ оную царицѣ Аритѣ, такъ привѣтствовалъ ее: великоименитая царица, наслаждайся благополучіемъ во всѣ дни до позднія твоей старости и до послѣдняго конца жизни твоей, съ которыми жребій человѣческій неразлученъ, и пребывая въ дому своемъ, радуйся о царѣ Алкиноѣ, о чадахъ своихъ и о всемъ народѣ: я же отправляюся въ путь мой. Сіе сказавъ, идетъ къ кораблю, куда Алкиной впередъ его послалъ провозвѣстника, царица же Арита послала въ слѣдъ за нимъ служительницъ своихъ, изъ коихъ одна несла чистыя одежды, другая ковчегъ, а третья хлѣбъ и красное вино. И когда все сіе положено было въ кораблѣ, и Одиссею приготовили постелю: тогда онъ вшедши въ него, сѣлъ на своемъ мѣстѣ, а сопутники отвязавъ корабль, начали разсѣкать морскія воды веслами. Вдругъ на Одиссея послѣ сего нападаетъ сладкій, крѣпкій и подобный смерти сонъ: корабль же, несущій на себѣ неустрашимаго мужа, летѣлъ какъ самобыстрѣйшая птица. Когда явилася денница предвозвѣстница солнца, тогда легкій корабль феакійскій приближился къ острову Иѳакѣ. Одиссей же забывъ всѣ напасти, спалъ подобно мертвому. Тамо

есть морскаго старца Форкина пристанище, гдѣ обѣ стороны берега кажутся простершимися въ море, какъ будто бы искуствомъ изсѣчены, и какъ бы объемлютъ себя взаимно руками: тамъ не прикасается вѣтръ, ниже колеблются корабли отъ волнъ, но стоятъ какъ бы были привязаны: на утѣсистомъ берегѣ сего пристанища стоитъ сѣнолиственное масличное дерево: недалеко оттуда зрится мрачная, но пріятная пещера, гдѣ обитаютъ священныя нимфы именуемыя Наяды, внутрь коея находятся каменныя чаши и водоносы: тамо недалеко гнѣздятся пчелы: тамъ дѣлаютъ Нимфы удивленія достойное тканіе: тамъ же обрѣтаются и два студенца воды вѣчныя, и находятся двои врата, одни на востокъ, а другія на западъ: въ первыя входятъ безсмертные токмо боги, а вторыя служатъ для входа человѣковъ. Здѣсь феакійскіе мореплаватели корабль свой постановили, и Одиссея отягченнаго крѣпкимъ сномъ съ постелею его на пескѣ положили, дары же данные ему отъ феакіянъ сокрыли при корнѣ масличнаго дерева, далеко отъ пути отстоящаго, дабы кто отъ мимоходящихъ не похитилъ оные, доколѣ Одиссей отъ сна не пробудится: сами же паки возвращаются въ свою отчизну.

Тогда Посидонъ воспомянувъ о прещеніяхъ своихъ, которыми угрожалъ Одиссею, принесъ отцу боговъ сію жалобу: о всесильный Дій! уже между безсмертными не вижу я нынѣ къ себѣ почтенія, когда и смертные Феакіяне, ведущіе отъ меня родъ свой, не хра-

нятъ ко мнѣ онаго : ибо я положилъ въ сердцѣ моемъ, дабы Одиссей по претерпѣніи величайшихъ напастей и въ крайней нищетѣ возвратился въ домъ свой, не имѣлъ однакожъ въ мысли погубить его вопреки воли твоей и обѣщанія, даннаго тобою въ разсужденіи его возвращенія. Но нынѣ Феакіяне препроводили его въ отечество , положили его спящаго на берегѣ, и обогатили несчетными дарами, состоящими въ золотѣ, мѣди и великолѣпныхъ одеждахъ, коликаго числа не принесъ бы онъ даже отъ корыстей Троянскихъ, хотя бы и невредимъ возвратился. — Молніеносный Дій отвѣтствовалъ ему : о сотрясающій морскія бездны Посидонъ! почто произносишь сіи жалобы, и какъ могутъ боги презирать тебя древнѣйшаго и могущественнѣйшаго царя? Когда же кто изъ смертныхъ не воздастъ тебѣ должнаго почтенія, предаю въ волю твою : поступай съ нимъ по твоему благоусмотрѣнію.

Посидонъ рекъ ему на сіе: давно бы я сдѣлалъ отмщеніе, но тебя чту и страшуся: нынѣ же хочу корабль феакійскій погубить на морѣ, да воздержатся отъ препровожденія людей, и воздвигну предъ градомъ ихъ высокую гору. — Громомещущій Дій отвѣтствовалъ ему : обладатель глубины морскія! я признаю за лучшее : пусть весь феакійскій народъ узритъ корабль приближившійся къ землѣ, тогда преврати его въ великій камень , подобный во всемъ кораблю , да всѣ взирая на него, удивляются , и потомъ предъ градомъ воздвигни высокую гору.

Посидонъ внявъ сему, отходитъ къ Феакіянамъ, и узрѣвъ приближившійся корабль, внезапно превращаетъ его въ камень, и самъ отходитъ. — Тогда видѣвшіе сіе дивилися, и такъ между собою говорили: что сіе зримъ, и почто корабль нашъ, приставшій къ берегу, недвижимъ пребываетъ на морѣ?

Тогда Алкиной отвѣчалъ имъ: други мои! поистиннѣ древнія отца моего предсказанія нынѣ совершаются, который возвѣстилъ, что нѣкогда Посидонъ прогнѣвается на Феакіянъ за препровожденіе странниковъ, и погубивъ корабль на морѣ, предъ градомъ воздвигнетъ великую гору. Все сіе нынѣ, говорю, исполнилося надъ нами. И такъ послушайте моего совѣта: оставимъ отъ сего времени препровождать людей, приходящихъ сюда: Посидону же принесемъ двѣнадцать овновъ, дабы помиловалъ насъ, и не заградилъ бы нашего жилища каменною горою.

Исполняя волю царя, отъ страха тотчасъ привели овновъ, и заклавши оныхъ, принесли въ жертву царю Посидону.

Тѣмъ временемъ пробудился отъ сна добледушный Одиссей, и лежа на отечественной землѣ своей, отъ коея столь долгое время отлученъ былъ, не могъ познать ее, да и божественная Паллада оградила его густымъ облакомъ, чтобы все сокрыть отъ очей его, и дабы не познала его жена, ниже иной кто либо, прежде нежели содѣлаетъ отмщеніе женихамъ за несносныя ихъ оскорбленія. Все Одиссею казалося въ превратномъ видѣ: пути, пристани, горы и вертограды. По шомъ

встаетъ, обзираетъ всѣ мѣста, и проливъ слезы, ударяетъ въ грудь себя и такъ говоритъ: увы! въ какую паки принесенъ я землю, и неизвѣстно мнѣ, какіе населяютъ ее люди, правдулюбящіе и добродѣтельные, или склонные къ обидамъ и насилію? Куда несу всѣ сіи вещи, и гдѣ я самъ заблуждаю? О когда бы Феакіяне паче все сіе оставили у себя, а меня отвезли бы ко иному царю, который по любви къ правотѣ препроводилъ бы меня въ отчизну мою! Но теперь не знаю, гдѣ сохраню сіи сокровища: ежели оставитъ ихъ здѣсь, то боюся, да не будутъ въ корысть другимъ. О населяющіе небеса! такъ ли Феакіяне справедливы, разумны и о другихъ попечительны? Они дали мнѣ обѣщаніе препроводить меня въ отечество мое Ѳаку, но сего не исполнили, и отвезли меня въ незнаемую землю. О милосердый отецъ Дій! ты на всѣхъ земнородныхъ призираешь и всѣхъ предъ тобою согрѣшающихъ наказуешь, накажи нынѣ и Феакіянъ обидѣвшихъ меня. Но я осмотрю вещи мои, всѣ ли они цѣлы, или что либо похитивъ изъ нихъ, сокрылись мои путеводители?

Сіе сказавъ, осматриваетъ золото, мѣдь, треноги, котлы и одежды, и все находитъ въ цѣлости, и ходя по морскому берегу, проливаетъ токи слезъ о своемъ отечествѣ. И се является ему Паллада, принявшая на себя образъ юнаго и доброзрачнаго пастуха овецъ, имѣющаго на плечахъ своихъ тонкую двойную одежду, на ногахъ же красные сапоги, и копье въ рукахъ держащаго. Одиссей увидѣвъ

ее, обрадовался, идетъ на встрѣчу и такъ говоритъ: другъ возлюбленный! я перваго еще тебя обрѣтаю на семъ мѣстѣ, много тому радуяся: и такъ встрѣча твоя да будетъ мнѣ благимъ предзнаменованіемъ. Молю тебя, сохрани сіи мои сокровища и меня самаго соблюди: къ тебѣ прибѣгаю какъ къ моему благодѣтелю, и объемля колена твои, умоляю, повѣдай мнѣ истинну, какъ называется страна сія, и какой народъ населяетъ ее? Островъ ли то есть, или твердая и плодоносная земля, берегами касающаяся морю?

Аѳинская Паллада отвѣтствовала ему: вижу, странникъ, что или ты несмысленъ, или издалека пришелъ сюда, когда вопрошаешь о землѣ сей, которая извѣстна какъ обитающимъ на востокѣ, такъ на полудни и на западѣ: она есть земля твердая, хотя не весьма плодоносная и не можетъ содержать коней, но пшеницу и вино родитъ со изобиліемъ, а роса и дождь окропляютъ ее всегда на пажить козамъ и воламъ: находится здѣсь и лѣсъ разнаго рода, для коего обильныя и всегдашнія содержатся напоенія. И такъ имя Ѳакійской земли извѣстно есть и въ странѣ Троянской, которая, какъ повѣдаютъ, отъ Ахаіи весьма отстоитъ далеко.

Одиссей услышавъ объ отечественной землѣ своей, весьма тому обрадовался, однакоже въ умѣ своемъ помыслилъ такъ: ниже сей повѣдалъ мнѣ истинну: и для того съ хитростію обращая помышленія свои, такъ говоритъ: слышалъ и я о Ѳакѣ, бывъ въ отдаленномъ отсюда и пространномъ остро-

вѣ Критѣ, откуда нынѣ пришелъ я съ симъ стяжаніемъ, оставя столько же сыновьямъ своимъ, и теперь заблуждаю въ чужихъ странахъ: ибо убилъ я Идоменеева сына быстраго Орсилоха, который легкостію ногъ своихъ побѣждалъ всѣхъ Критскихъ мужей въ бѣганіи. Умертвилъ же его острымъ оружіемъ за то, что хотѣлъ меня лишить всѣхъ корыстей Троянскихъ, за которыя я понесъ въ сердцѣ моемъ несчетныя болѣзни, творя жестокія брани съ мужами и боряся съ пагубными волнами морскими. Былъ же я въ странѣ Троянской не за отца моего, но самъ повелѣвалъ воинствомъ. Когда убилъ я Орсилоха острымъ копьемъ своимъ, наблюдая его на селѣ въ тайномъ мѣстѣ съ другомъ моимъ: тогда была ночь весьма темная, и мы не были никѣмъ усмотрѣны: одинъ только Орсилохъ позналъ меня, когда я исторгалъ уже душу отъ тѣла его. Учинивъ убійство сіе, немедленно пошелъ я на корабль Финикійскій, коего мореплавателямъ обѣщавъ довольную мзду, просилъ ихъ препроводить меня въ страну Илидскую, гдѣ владычествуютъ Эпеяне, или во островъ Пилъ: но сильные вѣтры и свирѣпыя волны отгнали насъ оттуда, противъ воли нашей. Такимъ образомъ ночью мы заблуждая по морю, достигли со многимъ трудомъ сего пристанища, гдѣ, хотя и весьма были голодны, ибо совсѣмъ не помышляли о пищѣ, оставивъ корабль, повергшися всѣ на землѣ. Тогда утружденнаго меня объялъ весьма сладкій и крѣпкій сонъ. Сопутники мои взявши съ корабля всѣ мои

сокровища, положили ихъ на пескѣ, гдѣ и самъ лежалъ, и отвязавъ корабль, оставили одного меня, сами же направили путь въ страну Сидонскую.

Когда Одиссей пересталъ говорить, тогда премудрая Паллада паки пріемлетъ на себя образъ лѣпообразныя и величественныя жены, и такъ вѣщаетъ ему: поистиннѣ нѣтъ подобнаго тебѣ, злокозненный Одиссей, лжесплетателя, и еще ли ты не хочешь удержаться отъ ухищреній и престать отъ лжи твоея, находяся даже въ землѣ отечественной? Но оставимъ сіе: ибо я, такъ равно и ты совершенно умѣемъ употреблять всякаго рода козни: ты прочихъ смертныхъ превосходишь красными и льстивыми словами, а я прочихъ боговъ могу побѣдить мудростію и совѣтами. Однакожъ ты не могъ познать во мнѣ Аѳинскую Палладу дщерь Діеву, которая во всѣхъ подвигахъ твоихъ неотступно присутствуя, сохраняла всегда тебя, какъ и недавно предъ всѣми Феакіянами содѣлала тебя любезнымъ, и нынѣ паки пришла сюда наставить тебя, какъ можешь соблюсти сокровища, данныя тебѣ ими по вдохновенію моему, и повѣдать, какія предлежатъ еще тебѣ въ дому твоемъ искушенія и оскорбленія, которыя должно тебѣ претерпѣть противъ желанія, и о возвращеніи своемъ ни отъ мужей, ниже отъ женъ кому либо повѣдать, но съ молчаніемъ снеси всѣ обиды, наносимыя тебѣ. — Одиссей отвѣтствовалъ ей: о великая богиня! кто изъ смертныхъ удобно можетъ познать тебя, когда

ты всякіе образы пріемлешь? Вѣдаю такъ же и то, что ты несказанное прежде являла мнѣ благоволеніе, когда сыны Ахейскіе творили брань въ страяѣ Троянской, и когда разрушивъ градъ царя Пріама, воспріяли оттуда путь на корабляхъ въ домы свои: но богъ разсѣялъ всѣхъ Ахеянъ: съ того времени я уже не зрѣлъ тебя болѣе, о дщерь Діева! ниже когда либо видѣлъ присутствующую на кораблѣ моемъ, да отвратишь отъ меня злоключенія, но всегда имѣя сокрушенное печалію сердце, собственными своими силами преодолѣвалъ всѣ напасти, доколѣ боги не положили инаго о мнѣ совѣта. Нынѣ заклинаю тебя отцемъ твоимъ и молю тебя, повѣдай мнѣ истинну, уже ли я обрѣтаюся въ отечественной странѣ моей: ибо мнится мнѣ, что я обращаюсь еще въ чужой землѣ, а не Ѳеакѣ, ты же разумъ мой прельщаешь словами своими.

Аѳинская богиня Паллада отвѣтствовала ему: ты ни въ какомъ случаѣ не предавался легковѣрію, и одаренъ великою мудростію, разумомъ и краснорѣчіемъ: и для того всегда будешь имѣть меня помощницею себѣ. Иной по толикомъ отсутствіи возвратясь въ домъ свой, устремлялъ бы все желаніе къ тому, дабы увидѣть жену и чадъ своихъ, но твое сердце не ищетъ сего, но паче желаетъ испытать вѣрность супруги твоей, которая всегда пребываетъ въ дому своемъ, дни и ночи въ непрестанныхъ слезахъ провождая. Мнѣ совершенно было извѣстно, что ты лишився всѣхъ сопутниковъ своихъ, непремѣнно возвратишся въ домъ свой: но я не хотѣ-

ла прошивоборствовать царю Посидону, который весьма раздраженъ противъ тебя, что лишилъ зрѣнія любимаго его сына. Но дабы ты не сумнѣвался болѣе въ словахъ моихъ, я покажу тебѣ всѣ градскія предмѣстія: вотъ та пристань морскаго старца Форкина, надъ коею стоитъ масличное дерево: вотъ и та пещера священныхъ нимфъ Наядъ, гдѣ ты многократно приносилъ сточисленныя жертвы: а вотъ здѣсь находится та великая гора, которую ограждаетъ густый лѣсъ. Сіе сказавъ Паллада, прогнала отъ очей его темное облако, и вдругъ земля открылася.

Одиссей узрѣвъ отечественную страну, весьма обрадовался, и облобызавъ землю, яко питательницу всѣхъ, такъ молитъ Нимфъ, распростерши руки: божественныя дѣвы Наяды дщери великаго Дія! я никогда уже не уповалъ васъ видѣть: но нынѣ паки здѣсь взываю къ вамъ: радуйтеся — поистиннѣ не оставлю должныя вамъ принести жертвы, ежели токмо дщерь Діева Паллада продлитъ жизнь мою и сподобитъ увидѣть возлюбленнаго моего сына.

Паллада рекла ему: не унывай и будь благодушенъ, мужественный Одиссей! Но нынѣ приложимъ паче попеченіе скрыть сіе твое пріобрѣтеніе внутрь пещеры, да останется тамъ невредимо, и положимъ между собою совѣщаніе, да обратится все во благо.

Сіе сказавъ, шествуетъ къ пещерѣ, внутрь коея внесши Одиссей всѣ дары свои, золото, мѣдь и драгоцѣнныя феакійскія одежды, положилъ тамо, и заградилъ камнемъ пе-

щерное устіе. По семъ сѣдши оба подъ масличнымъ деревомъ, совѣщали, какъ неистовымъ женихамъ нанести пагубу, и богиня говорила ему: мудрый Одиссей! помысли нынѣ, какъ вознести крѣпкія твои руки на безстыдныхъ жениховъ, которые три года уже властвуютъ въ дому твоемъ, желая склонить великими дарами въ жену себѣ возлюбленную твою супругу Пинелопу: но ея всегда сокрушается сердце печалію, ожидая твоего возвращенія: всѣхъ ободряетъ надеждою, и каждому даетъ обѣщаніе: но сердце ея отстоитъ отъ того далеко.

Одиссей отвѣтствовалъ ей: всеконечно погибъ бы я злою смертію въ дому царя Агамемнона, ежели бы ты покровительствомъ твоимъ не спасла меня: такъ и нынѣ подай мнѣ совѣтъ твой и научи меня, какъ могу наказать оныхъ дерзновенныхъ юношей, и умоляю пребыть неотступно, ободряя мое сердце къ мужеству, какъ и при разрушеніи стѣнъ Троянскихъ. При твоемъ соприсутствіи, о всесильная богиня! поистиннѣ не отрекуся противустать тремъ стамъ крѣпкихъ мужей, надѣяся на твое заступленіе.

Аѳинская Паллада рекла ему: имѣй несумнѣнную надежду на мое покровительство, и когда устроимъ отмщеніе, тогда помостъ дому твоего омочится кровію и мозгомъ жениховъ оныхъ, которые расточаютъ нынѣ твое стяжаніе. Но прежде содѣлаю тебя предъ всѣми людьми незнаемымъ, изсушу кожу на всѣхъ членахъ твоихъ, спадутъ волосы съ головы твоей, облеку тебя въ раздран-

ное рубище, на которое всякъ воззрѣвъ, отвратитъ отъ тебя очи твои, превращу такъ же и лице твое въ лице безобразное. Такъ явишься ты предъ женихами, предъ супругою твоею и сыномъ, котораго ты младенцемъ въ дому своемъ оставилъ. Теперь иди во первыхъ къ пастуху своему, свиней стрегущему и всѣхъ благъ тебѣ желающему, любящему и сына твоего Тилемаха и чтущему царицу Пинелопу, котораго увидишь сидящаго при стадѣ, пасущемся при Вороновомъ камнѣ и при источникѣ Аріѳусѣ: у него останься и испытай о всемъ подробно. Я же отхожу въ Спарту, красными женами богатую, привести оттуда возлюбленнаго сына твоего, который отлучился изъ дому твоего къ царю Менелаю, желая узнать отъ него, еще ли ты въ живыхъ обрѣтаешься.

Одиссей отвѣтствовалъ ей: богиня! почто не открыла ему о возвращеніи моемъ, или желала паче, дабы и онъ заблуждая по морю, испыталъ напасти, и стяжаніе мое отъ странныхъ мужей было расхищаемо?

Премудрая богиня рекла ему: не скорби о немъ: я за благо признала послать его туда, да снищетъ о себѣ добрую славу: никакое зло не прикоснется ему, но спокоенъ пребываетъ въ дому царя Менелая, имѣя во всемъ всякое довольство. Хотя же и блюдутъ его нѣгдѣ тайно съ кораблемъ многіе юноши, желая погубить его при возвращеніи во Ѳаку: но сіе не исполнится, но паче сами погибнутъ и снидутъ въ жилища мертвыхъ за насилія наносимыя дому твоему.

Сіе сказавъ, касается его жезломъ: и мгновенно на всѣхъ членахъ кожа изсыхаетъ, голова лишается волосовъ, лице и всѣ черты превращаются во образъ глубокою старостію сляченнаго старца, очи его кажутся какъ бы гнусною слѣпотою помраченныя, по семъ возлагаетъ на него ветхое рубище, плеча покрываетъ голою оленьею кожею, и вручаетъ жезлъ и ветхую плетеницу. — Такое положивъ совѣщаніе между собою, разлучаются, и богиня удаляется въ Лакедемонъ къ его сыну.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Добродѣтельный Одиссей оставя пристань, идетъ по многотрудному пути чрезъ непроходимыя дебри и чрезъ хребты холмовъ туда, гдѣ Паллада показала ему мѣсто обрѣсти пастуха, который о стяжаніяхъ его имѣлъ прилѣжное наблюденіе, и коего обрѣтаетъ сидящаго при домѣ на высокой стражницѣ, сооруженной имъ отъ великихъ камней во время отсутствія царя, не свѣдущей ни Пинелопѣ, ни престарѣлому Лаерту, которую оградилъ терновыми кустами, утвердилъ съ

обѣихъ сторонъ многими и крѣпкими дубовыми столпами, внутрь же устроилъ двѣнадцать вертеповъ со стойлами, гдѣ въ каждомъ находилось по пятидесяти свиней, вепри же оставались внѣ ограды и были несравненно въ меньшемъ числѣ: ибо каждодневно пастухъ по одному тучному и лучшему вепрю долженъ былъ отсылать на пиршество женихамъ; всѣхъ же было триста шестьдесять вепрей. При вратахъ всегда лежали четыре пса, подобные неукротимымъ звѣрямъ, самимъ пастухомъ воспитанные. Тогда готовилъ онъ себѣ сапоги, разрѣзывая на части кожу воловью: прочіе же товарищи его отлучились въ разныя мѣста: трое ушли пасти свиней, четвертаго же послалъ, хотя и сверхъ своего хотѣнія, отвести вепря на пищу гордымъ женихамъ. Псы усмотрѣвъ идущаго Одиссея, устремляются на него съ яростію и ревомъ. Одиссей прибѣгнувъ къ хитрости, сѣлъ, и какъ бы отъ страха повергъ свой посохъ на землю. Но пастухъ притекши скоро, прогоняетъ псовъ камнями, и такъ говоритъ Одиссею: ахъ старецъ! всеконечно сіи псы разтерзали бы тебя внезапно, и тогда обратилось бы мнѣ сіе въ укоризну и поношеніе, хотя и кромѣ сего боги обременили меня неутѣшною печалію и скорбію: ибо непрестанно сокрушаюся и плачу о возлюбленномъ царѣ моемъ, питая свиней сихъ для чуждаго чрева: а онъ, кто вѣдаетъ? едва ли не испаеваетъ гладомъ, заблуждая у чуждыхъ народовъ и въ отдаленныхъ странахъ, ежели еще живъ обрѣтается и наслаж-

дается солнечнымъ сіяніемъ? Слѣдуй за мною, странникъ, да укрѣпишся пищею и питіемъ, и послѣ повѣдаешь, откуда пришелъ сюда и какимъ привлеченъ случаемъ? Сіе сказавъ, ведетъ его внутрь дома и сажаетъ на мягкой кожѣ дикія серны. Одиссей несказанно будучи обрадованъ приемомъ раба своего, сказалъ ему: да подадутъ тебѣ боги, страннопріимный мужъ, все, чего покмо желаешь, когда столь дружелюбно принялъ меня!

Пастухъ Эвмей отвѣчалъ ему: хотя бы кто и еще бѣднѣйшій тебя пришелъ сюда, поистинѣ презрѣнъ бы не былъ: ибо всѣ мы богатые и убогіе отъ единаго сотворены Дія: угощеніе же наше хотя и скудно, но отъ сердца происходитъ. Сія есть должность рабовъ боящихся и чтущихъ своихъ царей и обладателей. Но я поистинѣ лишенъ уже всякой надежды узрѣть возвращеніе царя моего, который весьма любилъ и наградилъ меня обильнымъ стяжаніемъ, прилично милосердому обладателю, который даетъ любящему его домъ, участокъ земли и вожделѣнную жену; и какъ Дій во всѣхъ дѣлахъ успѣхъ подаетъ по трудамъ каждаго, такъ и мои труды умножаются изобильно. Поистинѣ немалую имѣлъ бы я отраду, когда бы господинъ мой въ дому своемъ состарѣлся, но вижу, что онъ погибъ. О когда бы весь родъ Елены исчезъ со всемъ его корнемъ, за которую толь многихъ мужей крѣпость сокрушилася, такъ какъ и возлюбленный царь мой за честь Атридовъ пошелъ на брань противъ мужей Троянскихъ!

Сіе сказавъ, опоясывается и идетъ къ

оградѣ дома, гдѣ содержалися вепри, приводитъ оттуда двоихъ, закалаетъ ихъ, и разсѣкши на части, огонь возгнѣщаетъ, и на рожны вонзаетъ оныя. Когда же мяса изжарились, тогда посыпавъ чистою мукою, кладетъ ихъ предъ Одиссея и подаетъ чашу съ виномъ, самъ же ставъ въ отдаленіи, говоритъ Одиссею: странный мужъ! вкушай теперь предложенное предъ тобою, что ѣдятъ рабы: ибо тучныхъ вепрей пожираютъ безъ всякой пощады безстыдные женихи. Боги хотя не любятъ злыхъ дѣлъ и чтятъ истинну и добродѣтели человѣческія: но Дій и неправедныхъ людей милуетъ и посылаетъ имъ въ чуждей землѣ пищу: они же наполнивъ корабли свои сокровищами, отходятъ въ домы свои: но страхъ терзающій сердца ихъ всюду за ними слѣдуетъ. Женихи же царицы моей Пинелопы поистиннѣ, какъ мнится мнѣ, знаютъ о приключившейся смерти царю моему: ибо нехотятъ требовать ее въ замужство пристойнымъ образомъ, ниже итти въ домы свои: но безсовѣстно расточаютъ имущество его безъ всякой жалости, каждый день и каждую ночь не по единой и по двѣ, но многія купно закалая жертвы и упиваясь виномъ безъ всякой мѣры. Поистиннѣ многія онъ имѣлъ стяжанія, въ коликомъ числѣ ни единъ отъ знаменитыхъ мужей на землѣ не могъ стяжать оныхъ, въ самой же Иѳакѣ ниже двадесять мужей не имѣли толикаго богатства. Внимай, я тебѣ изчислю: двадцать стадъ было воловъ, столько же овецъ, свиней и козъ: пастухи же иные были наемные,

иные царя моего: тамъ при концѣ села пасутся десять и одно стадо козъ подъ надзоромъ вѣрныхъ служителей, изъ коихъ ежедневно приноситъ каждый по одной тучной и лучшей козѣ къ женихамъ, а я посылаю къ нимъ по одному лучшему вепрю. Такъ говорилъ Эвмей: Одиссей же съ жадностію насыщаясь мясомъ и виномъ, терзался сердцемъ, помышляя о нанесеніи пагубы своимъ сопротивникамъ.

Укрѣпився пищею и принявъ изъ рукъ Эвмеевыхъ наполненную виномъ чашу, Одиссей вѣщаетъ къ нему: возлюбленный мой другъ! повѣдай мнѣ имя купившаго тебя, столь богатаго стяжаніями и сильнаго мужа, и за честь Атридовъ, по словамъ твоимъ, погибшаго: ибо Дій и прочіе безсмертные боги, надѣюсь, помогутъ возвѣстить о немъ, ежели я его видѣлъ: ибо весьма много я странствовалъ.

Эвмей отвѣтствовалъ: ниединъ доселѣ изъ странниковъ приходившихъ во Иѳаку не повѣдалъ истинны супругѣ его Пинелопѣ и возлюбленному сыну Тилемаху, но всѣ желая снискать благосклонное угощеніе, безстыдно ложь соплетали, отнюдь не зная истинны. Всякъ, говорю, изъ нихъ, пришедши сюда, старается госпожу мою обольстить хитрыми обманами: она же емля всему вѣру, угощаетъ ихъ дружелюбно, вопрошая о супругѣ своемъ и проливая непрестанно слезы. Вотъ долгъ жены, когда супругъ ея погибъ въ чужой странѣ. Такъ и тебя, странствующій старецъ! зрю готовящагося соплести нѣкую ложь, да снабдятъ тебя одеждою. Но я вѣ-

даю, что давно уже, можетъ быть, хищныя птицы растерзали плоть его, а душа низшла во адъ, или рыбы пожрали его въ морѣ, а кости лежатъ на берегѣ многимъ пескомъ покрытыя. Такъ, повторяю, погибъ царь мой, оставя всѣмъ друзьямъ своимъ нестерпимую скорбь и сѣтованіе, наипаче же всѣхъ мнѣ: ибо куда ни пойду, не обрѣту уже инаго столь милостиваго и кроткаго господина: когда бы случилось мнѣ узрѣть въ домѣ моемъ отца и матерь мою, гдѣ рожденъ я и воспитанъ, не столько бы я прослезился отъ радости, хотя и весьма увидѣть ихъ желаю, сколько сѣтую о смерти царя моего Одиссея. Ахъ странникъ! о имени его я и въ отсутствіи съ благоговѣніемъ воспоминаю: ибо онъ любилъ меня отъ всего сердца.

Добледушный Одиссей отвѣтствовалъ: другъ мой! хотя ты и стараешся утверждать, что не придетъ уже сюда Одиссей: но я съ клятвою увѣряю тебя, что уже возвращается царь твой, и когда мои слова сбудутся, тогда за предсказаніе мое ты обязанъ даръ мнѣ дать и сверхъ онаго цѣлыя и новыя одежды: а прежде того, хотя и многою буду убѣждаемъ нуждою, ничего не приму: ибо паче смертныхъ враговъ противенъ мнѣ тотъ, кто угнѣтаемъ будучи нищетою, приноситъ ложныя возвѣщенія. И такъ да будетъ нынѣ свидѣтель всесильный Дій, страннопріимный сей столъ и домъ Одиссея, къ коему я тогда явлюся, что все сіе, какъ я сказалъ, скоро сбудется. Сего самаго года, увѣряю тебя, прибудетъ въ отечество Одиссей, и въ исхо-

дѣ сего текущаго или вѣ началѣ слѣдующаго мѣсяца пришедши вѣ домѣ свой, накажетѣ всѣхѣ творящихѣ озлобленіе женѣ его и сыну.

Эвмей сказалѣ на сіе: странникѣ! ниже я за радость сію не воздамѣ тебѣ дара, ниже Одиссей возвратится вѣ домѣ свой. — Но ты насыщайся виномѣ вѣ молчаніи, сіе же оставь и не упоминай болѣе: ибо сердце мое раздирается несносною скорбію, когда кто приводитѣ мнѣ на память милосердаго царя моего. Клятву твою я буду чтить священною для себя. О когда бы возвратился Одиссей, чего престарѣлый Лаертѣ, мудрая Пинелопа сѣ мужественнымѣ Тилемахомѣ и я жаждемѣ всемѣ сердцемѣ! Но я паки начинаю сѣтовать о сынѣ Одиссеевомѣ, который воспитанѣ богами подобно младому насажденію, и о коемѣ я мнилѣ, что онѣ между мужами неменшій будетѣ отца своего какѣ совѣтами, такѣ и дивными дѣлами: но нынѣ познаю, что нѣкто изѣ боговѣ или человѣковѣ совратилѣ разумѣ его отѣ истинны: ибо не повѣдавѣ даже матери своей, удалился во островѣ Пилѣ извѣститься о отцѣ своемѣ, и теперь неистовые женихи назирая, ищутѣ погубить его вѣ домѣ возвращающагося, да все сѣмя славнаго Аркисія во Ивакѣ истребится. Но оставимѣ и о немѣ воспоминать: погибнетѣ или спасется, покмо да покроетѣ его всесильный Дій мощною рукою своею. Нынѣ повѣдай мнѣ о своихѣ злоключеніяхѣ и открой самую истинну: кто ты таковѣ? отѣ какихѣ странѣ пришелѣ сюда? какѣ имя городу твоему? кто

твои родители? въ какомъ кораблѣ прибылъ на островъ сей, и какіе именуются мореплаватели, привезшіе тебя? Ибо знаю я, что не пѣшій пришелъ сюда.

Мудрый Одиссей отвѣтствовалъ: повѣдаю тебѣ все подробно, токмо да будетъ довольно пищи и вина, дабы пребывая въ семъ жилищѣ, могли мы насыщаться спокойно: прочіе же товарищи твои пусть исполняютъ обыкновенныя дѣла свои: ибо мало бы было и цѣлаго года для повѣствованія о всѣхъ моихъ злоключеніяхъ, каковыя изволеніемъ боговъ понесъ я въ сердцѣ моемъ. Внимай: отечество мое есть знаменитый островъ Критъ: отецъ мой былъ весьма богатый мужъ, у коего находилось много и иныхъ сыновъ, рожденныхъ отъ законныя жены, кромѣ меня, прижитаго отъ купленныя наложницы, однакожъ равно, какъ и прочіе, ему любезнаго. Имя ему было Кастеръ сынъ Илаковъ: онъ Критянами ради богатства и добродѣтельныхъ дѣтей своихъ аки благодѣтель нѣкій былъ почитаемъ: но смерть рушительница всего низвела его въ мрачныя жилища. Тогда прочіе сыновья его раздѣлили имѣніе по жребію, мнѣ же удѣлили весьма мало каждый отъ собственной части. Я понялъ за себя жену ради мужества моего изъ весьма знаменитаго и богатаго дому: ибо былъ я въ трудахъ нелѣностенъ и не страшился брани: но нынѣ все сіе оскудѣло, и ты взирая на меня, уповаю, можешь судить о моей доблести: поелику Арей и Аѳинская Паллада поистиннѣ одарили меня неустрашимымъ духомъ и крѣпостію силъ, паче же когда из-

биралъ я въ засаду мужей сильныхъ, устрояя сопротивнымъ пагубу, тогда мужественное сердце мое нимало не представляло очамъ смерти, но первый наступая, остріемъ копья поражалъ сопротивлявшихся мнѣ. Таковъ былъ я во брани: и для того домашнія попеченія, труды и воспитаніе дѣтей были противны моему сердцу: ибо всегда помышлялъ я токмо о мореплаваніи, о сраженіяхъ и оружіи, и все, что другимъ казалося страшно, мнѣ было пріятно. Таково Дій вложилъ въ мое сердце расположеніе. Иной увеселяется домостроительствомъ, напротивъ того я, доколѣ сыны Ахейскіе пребывали въ странѣ Троянской, господствовалъ надъ девятью языками и надъ ихъ кораблями, ополчаяся противъ чуждыхъ мужей. Тогда всего у меня было изобильно, чего сердце мое ни желало: много пріобрѣталъ я и послѣ. И такъ вскорѣ домъ мой прославился богатствомъ, самъ же я честію и почтеніемъ превознесенъ былъ отъ Критянъ. Но великій Дій предназначилъ и мнѣ путь непріятный туда, гдѣ многіе пали мужи: ибо повелѣно было мнѣ и знаменитому Идоменею вести корабли къ Троѣ, отъ чего отречься не имѣлъ я никакой праведной причины, а при томъ боялся и безславія. И такъ девять лѣтъ мы ратовали противъ Троянъ, въ десятый же годъ опровергнувъ царство Пріамово, паки на корабляхъ въ домы свои отправилися. Но Дій разсыпалъ всѣхъ Ахеянъ, и мнѣ предустроилъ новыя напасти: ибо одинъ токмо мѣсяцъ былъ я въ домѣ своемъ, утѣшаяся дѣтями своими,

юною супругою и своимъ стяжаніемъ: послѣ же сего возжелалось мнѣ видѣть Египетъ: и для того приготовилъ я девять кораблей и собралъ многихъ мореплавателей и сопутниковъ, которые предъ отъѣздомъ своимъ провели шесть дней въ пиршествахъ, я же въ то время многія приносилъ богамъ жертвы, а въ седьмый день оставя Критъ, предаемся плаванію, споспѣшествуемые вѣяніемъ борея, такъ что ниединъ корабль не претерпѣлъ повреженія, но всѣ совершали путь благополучно по направленію вѣтровъ и кормчихъ. Въ пятый день плаванія нашего узрѣли мы водоворошаемый Египетъ: тогда повелѣлъ я сопутникамъ своимъ остановиться съ кораблями въ рѣкѣ Египетской и не отлучаться отъ оныхъ: по семъ послалъ я нѣсколько мужей для соглядания тамошней земли, которые уповая на свою силу, отъ невоздержанія начали грабить жилища, похищать женъ и дѣтей, и умерщвлять противящихся: о чемъ пронеслася слава во градъ, и Египтяне услышавъ о томъ, текутъ купно съ восходящею зарею: все поле наполнилося пѣшими и конниками. Тогда отецъ боговъ Дій поселилъ въ сердце сопутниковъ моихъ страхъ и бѣгство, и ниединъ изъ нихъ не могъ противостоять Египтянамъ: ибо отвсюда ихъ смерть обстояла. Многіе поражены были острымъ оружіемъ, иные въ плѣнъ отведены живые, а мнѣ Дій иное въ сердце вложилъ помышленіе. (О когда бы тамо я умеръ! ибо новая по семъ печаль меня объяла.) Скоро сложилъ я съ головы моей шлемъ, отъ ра-

менъ щитъ, и копье повергъ на землю, по томъ вышедши царю на встрѣчу, объемлю и лобызаю его колѣна. Онъ же явивъ милость, спасъ меня отъ смерти, и посадивъ на колѣсницу свою, привезъ въ домъ свой плачущаго. Многіе тогда изъ Египтянъ устремляли противъ меня оружіе свое, убить желая: но царь защитилъ мепя, боясь гнѣва Дія, который злыхъ дѣлъ терпѣть не можетъ. Тамъ препроводилъ я седмь лѣтъ и собралъ много золота, которымъ послѣ надѣленъ былъ.

Когда насталъ осмый годъ, тогда нѣкто Финикіянинъ мужъ, соплетатель всякія лжи и древній льстецъ, который уже многое людямъ причинилъ зло, пришедши ко мнѣ, обольстилъ меня своими совѣтами ѣхать въ Финикію, гдѣ домъ его и все имѣніе обрѣталося. Тамъ пробылъ я у него цѣлое лѣто, по прошествіи коего паки онъ взялъ меня съ собою на корабль въ Ливію, аки бы для отвезенія нѣкоего груза, въ самой же вещи продать меня вознамѣрился и получить великую мзду. Хотя я подозрѣвалъ его, но слѣдовалъ за нимъ по нехотѣнію. Корабль нашъ при благополучномъ вѣтрѣ успѣшное имѣлъ плаваніе, и уже былъ противъ острова Крита, какъ угодно явилося Дію внезапно устроить мнѣ пагубу: ибо когда миновали мы Критъ, и совсѣмъ стало не видно земли, тогда Кроновъ сынъ воздвигъ надъ кораблемъ темное облако, помрачилося предъ нами море, страшно возгремѣлъ отецъ боговъ, вергнулъ на корабль молнію, отъ которой оный мгновенно разсыпался, плаватели же погрязли въ морѣ, и такъ богъ отъялъ

ихъ возвращеніе, а мнѣ ко избѣжанію смерти послалъ вѣтрильное дерево, за которое я ухватяся обѣими руками и держася крѣпко, носимъ былъ по морю девять дней, а въ десятую ночь принесли меня волны къ землѣ Ѳеспротской, гдѣ царевъ сынъ узрѣвъ меня изнемогшаго отъ голода и прудовъ, привелъ въ домъ къ отцу своему Фидону, который принявъ меня милостиво, надѣлилъ чистыми одеждами. Тамъ слышалъ я объ Одиссеѣ, котораго угощалъ царь страннопріимствомъ и обѣщался препроводить его въ отечественную землю: показаны мнѣ были и сокровища, имъ собранныя, золото, мѣдь и чистое желѣзо, которыхъ столько лежитъ въ дому царя Ѳеспротскаго, что и до десятаго колѣна обильно онаго станетъ. О самомъ же Одиссеѣ повѣдалъ царь, что онъ отшелъ въ городъ Додонъ услышать тамо отвѣтъ отъ дуба Діева, тайно ли ему или явно возвратиться во Ѳаку. Даже самъ царь Фидонъ, вкушая въ честь боговъ вино, клялся предо мною, что корабль уже и мореплаватели готовы для отвезенія его въ отечество: меня же онъ отпустилъ прежде: ибо случился корабль Ѳеспротскій отходящій къ острову Дулихію, на коемъ повелѣлъ онъ меня отвезти со всякимъ попеченіемъ къ царю Акасту. Но сопутники мои умыслили противу меня пагубный совѣтъ, дабы еще навести злоключеніе.

Когда корабль нашъ отплылъ въ море, тогда сопровождавшіе причисливъ меня къ рабамъ, сняли богатыя съ меня одежды, и дали гнусное и раздранное сіе рубище, кото-

рое на мнѣ теперь ты видишь: при захожденіи же солнца доспигли мы веселыхъ Иѳакійскихъ береговъ, гдѣ они связавъ меня крѣпко веревкою, сами насыщалися на берегу пищею. Но я при помощи боговъ освободился отъ узъ сихъ, и закрывъ голову свою рубищемъ, спустился тайно съ корабля въ море, и предался плаванію, напрягая обѣ руки. Такимъ образомъ достигши берега, повергся я подъ густымъ деревомъ въ далекомъ разстояніи отъ зломышленниковъ и лежалъ подъ онымъ. Они же не видя меня, не тужили, ниже искать мыслили, но предалися обратному плаванію. Такъ сохранивъ меня боги, сподобили быть въ дому добродѣтельнаго мужа и наслаждаться еще сіяніемъ солнечнымъ.

Тогда Эвмей сказалъ: о злополучный странникъ! признаюся тебѣ, что ты совершенно подвигнулъ сердце мое къ состраданію, повѣдавъ мнѣ всѣ свои злоключенія: но что возвѣстилъ о царѣ моемъ, словамъ твоимъ никогда не иму вѣры. Прилично ли тебѣ лгать, находяся въ такой крайности? Впрочемъ совершенно извѣстно мнѣ, колико Одиссей противенъ богамъ ради мудрыхъ его совѣщаній и дѣлъ, явленныхъ на брани противъ Троянъ, гдѣ когда бы смерть ему приключилась, или бы на рукахъ ближайшихъ друговъ своихъ скончался, тогда Ахеяне всеконечно соорудили бы ему великолѣпную гробницу, отъ чего въ позднія времена пронеслась бы о немъ великая слава: но нынѣ, мню, расперзали его съ срамомъ Гарпіи. Я всегда уединенъ пребываю при стадахъ, и въ городъ

никогда не вхожу, развѣ когда призываетъ меня мудрая царица Пинелопа, услышавъ о немъ какое либо извѣщеніе: ибо всѣ и у всякаго тамъ о немъ любопытствуютъ, всюду разглагольствуютъ и сокрушаются печалію о долговременномъ отсутствіи царя: напротивъ того нечестивые женихи радуются, расточая ненаказанно стяжаніе его. Съ самаго того времени переставъ я вопрошать и любопытствовать о царѣ моемъ, какъ нѣкто Этоліянинъ прельстилъ меня ложною вѣстію сказывая, что онъ убивъ нѣкоего знаменитаго мужа, скрывался отъ наказанія во многихъ странахъ, и наконецъ пришелъ ко мнѣ, коего и принялъ я дружелюбно: онъ повѣдалъ мнѣ, что видѣлъ Одиссея въ Критѣ у царя Идоменея, возобновляющаго корабли жестокою бурею поврежденные, и что возвратится или лѣтомъ или осенью со многимъ богатствомъ и многими сопутниками. Такъ и ты, странникъ! пришедши въ домъ мой, не мни возблагодарить за угощеніе ложью и лестію: ибо не окажу я за сіе ни чести, ни любви, но милосердую единственно о тебѣ изъ почтенія къ страннопріемлющему Дію.

Одиссей отвѣчалъ ему: вижу я, что сердце твое совсѣмъ неимовѣрно, когда и клятвѣ моей не вѣришь: и для того положимъ между собою завѣтъ, и боги на Олимпѣ обитающіе да будутъ между нами свидѣтелями: когда царь твой возвратится въ домъ свой, тогда да наградишь меня лучшими одеждами и препроводишь во островъ Дулихій: когда же не придетъ, какъ повѣдалъ я тебѣ,

тогда вели рабамъ твоимъ низринуть меня съ высоты горы въ море, да всякъ убогій воздержится отъ ложнаго возвѣщенія.

Эвмей сказалъ на сіе: ахъ странствующій старецъ! желаю паче, да сохранится какъ нынѣ, такъ и въ послѣдующія времена во всѣхъ людяхъ добрая слава о мнѣ и о моихъ малыхъ благотвореніяхъ. Какъ могу, приведши тебя въ домъ свой и предложивъ дары угощенія, или бить тебя, или лишить жизни, и послѣ обратить руки свои къ мольбѣ Дія сына Кронова? Но время уже приготовить ужинъ: ибо скоро возвратятся прочіе мои сотрудники.

Такъ между собою они разглагольствовали, и въ тоже время пришли пастухи со стадами, которыя по обыкновенію вогнали въ ограды. По семъ Эвмей сказалъ имъ: приведите сюда лучшаго изъ вепрей, да въ честь сего страннопришельца приготовимъ себѣ пиршество: ибо мы блюдя стада, терпимъ многія заботы, другіе же ненаказанно пожираютъ труды наши.

По сихъ словахъ, началъ сѣчь дрова, а прочіе привели тучнаго пятилѣтняго вепря. Тогда Одиссей не забылъ принести мольбу богамъ, и отрѣзавъ отъ его головы волосы, молитъ всѣхъ боговъ о возвращеніи Одиссея въ домъ свой: по семъ ударяетъ вепря въ голову дубовою дебелою палицею, пастухи же заклавъ его, приготовили въ пищу. Одиссей раздѣлилъ вепря на седмь частей, одну Нимфамъ, другую Эрмію, а прочія части инымъ богамъ: хозяина же

самаго почтилъ цѣлымъ хребтомъ, сказавъ ему такъ: о дабы, ты Эвмей! толико возлюбленъ былъ отцу боговъ Дію, какъ почтилъ меня нынѣ въ толь уничиженномъ состояніи отъ стяжаній твоихъ!

Эвмей отвѣчалъ ему: насыщайся нынѣ, странникъ, всемъ, что имѣемъ у себя: богъ же всемогущъ есть, и онъ иное подаетъ, а другое оставляетъ, какъ ему угодно явится. Сказавъ сіе, начатки вина посвятилъ богамъ безсмертнымъ, и потомъ вкусивъ самъ отъ него, подалъ чашу Одиссею, подлѣ него сидѣвшему: яству же раздѣлилъ всѣмъ Месавлій, котораго купилъ Эвмей въ отсутствіе царя своего у Тафіянъ, о чемъ не вѣдала ни Пинелопа, ни престарѣлый Лаертъ. Наконецъ насытившись пищею и виномъ, ко сну отходятъ. Ночь тогда была бурная, мрачная и дождливая, вѣтръ же дулъ зефиръ. Одиссей искушая Эвмея, не дастъ ли ему онъ или кто либо изъ пастуховъ одежду къ защищенію отъ холода, такъ вѣщаетъ: хочу вамъ нѣчто повѣдать въ похвалу себѣ: ибо вино доводитъ всякаго до обуянія, и часто самыхъ мудрыхъ побуждаетъ пѣть, смѣяться, плясать и говорить нелѣпыя рѣчи. Но когда уже сталъ предъ вами я быть велерѣчивымъ, то не утаю ничего: о когда бы такъ же былъ я молодъ и столько же имѣлъ силы, когда на брани Троянской подъ предводженіемъ Одиссея, яко прочихъ наставника, и Менелая сына Атреева, въ чѣмъ и я участвовалъ, приготовлена была засада, и мы приближився къ высокой градской твердынѣ, лежали въ сокрытіи во-

оруженные въ болотномъ поростѣ. Ночь тогда была самая несносная по причинѣ бурнаго вѣянія борея и снѣга претворившагося въ гололедицу, и наши щиты содѣлавшаго какъ бы кристальные. Всѣ прочіе имѣли верхнія одежды и спали спокойно, бывъ покрыты щитами. Я же отходя, оставилъ одежду свою безразсудно: ибо не уповалъ быть столь сильному холоду, и взялъ съ собою токмо одинъ щитъ и тонкую одежду. Когда уже наступила третія стража ночи, и звѣзды начали склоняться, тогда толкнувъ я Одиссея локтемъ, такъ сказалъ: возлюбленный Одиссей! скоро уже я не буду живъ: ибо холодъ сей погубитъ меня безъ верхнія одежды, которую оставилъ по неразумію: и такъ не обрѣтаю теперь средства къ спасенію.

Онъ отвѣтствовалъ мнѣ тихимъ голосомъ: умолчи теперь, да не услышитъ кто либо о семъ изъ Ахеянъ. По семъ вѣщаетъ къ прочимъ сподвижникамъ: любезные други! нѣкоторое сновидѣніе мнѣ нынѣ явилося: отъ кораблей мы далеко находимся: и такъ да идетъ кто нибудь изъ васъ и возвѣститъ царю Агамемнону, дабы прислалъ сюда большее число мужей.

Такъ сказалъ, и въ тожъ время встаетъ Θоантъ сынъ Андремоновъ, и снявъ съ себя верхнюю одежду, спѣшитъ къ кораблямъ. Я же взявъ оную, спалъ сладко до самаго восхода денницы. О когда бы и нынѣ кто изъ васъ далъ мнѣ какую либо одежду, храня дружбу, и почтеніе къ презираемому всѣми страннику, ви-

дя его одѣтаго въ гнусныя рубища! — Эвмей отвѣчалъ: ахъ странный пришелецъ! разумная бесѣда твоя поистиннѣ дѣлаетъ тебя похвалы достойнымъ, которая тебя и не допуститъ нужду терпѣть ни въ одѣяніи, ниже въ иномъ чемъ либо потребномъ странному и убогому мужу: но въ наступающее утро ты долженъ будешь паки удовольствоваться прежнею твоею одеждою: ибо всѣ мы имѣемъ у себя токмо по одной одеждѣ. Когда же возвратится возлюбленный сынъ Одиссеевъ, тогда наградитъ тебя приличнымъ одѣяніемъ, и отпуститъ, куда сердце твое желаетъ.

По сихъ словахъ встаетъ и близъ него раскладываетъ огонь, постелю же ему приготовляетъ изъ мягкихъ козьихъ и овечьихъ кожъ, и покрываетъ его густошерстною и теплою одеждою, которую самъ надѣвалъ при наступленіи зимы. Такъ Одиссей и всѣ прочіе пастухи наслаждалися сномъ. Одинъ токмо Эвмей не спалъ, но вооруженный стерегъ свиней. Одиссей радовался сердцемъ, видя, что мужъ сей толикое прилагаетъ попеченіе и усердіе о сохраненіи стяжанія царя своего, находящагося въ отсутствіи: ибо возложивъ на себя мечъ, защитившись отъ бури одеждою и взявъ въ руки копье въ помощь псамъ прошивъ злонамѣренныхъ людей, бдѣлъ о безопасности вепрей, лежавшихъ въ твердой оградѣ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Между тѣмъ премудрая Паллада идетъ къ Одиссееву сыну, неся ему совѣщаніе о возвращеніи въ домъ; и обрѣтаетъ его съ Пизистратомъ въ чертогахъ царя Менелая почивающаго. Сынъ Несторовъ сладкимъ сномъ покоился; Тилемахъ же не могъ даромъ симъ чрезъ всю ночь наслаждаться, смущаяся мыслями объ отцѣ своемъ. Тогда Аѳинская богиня представъ предъ него, такъ говоритъ: неблагоразумно дѣлаешь, Тилемахъ! что толь долгое время отлученъ находишься отъ дому твоего, оставя все свое стяжаніе мужамъ, какъ и самъ ты знаешь, надменнымъ и расточителямъ твоего имущества. Пусть твой тщетно былъ предпринятъ: и для того моли царя Менелая, дабы отпустилъ тебя немедленно: ибо неизвѣстно, застанешь ли матерь твою въ домѣ, которую уже отецъ ея и братья убѣждаютъ быть женою Эвримаха, превосходящаго всѣхъ прочихъ жениховъ богатствомъ. И такъ блюдися, да не лишишся чрезъ сіе всего твоего наслѣдія. Самъ ты вѣдаешь, какой имѣютъ разумъ жены, и всегда тщатся умножать домъ того, кто пойметъ ихъ въ супружество; прежнихъ же дѣтей и мертваго мужа совсѣмъ забываютъ. Возвратися въ домъ свой, препоручи надзоръ за до-

мостроительствомъ тѣмъ изъ рабынь, которыхъ самъ усмотришь добра тебѣ желающихъ-доколѣ не пошлютъ самому тебѣ боги вожделѣнную жену. Что жъ повѣдаю тебѣ, сохрани то насердцѣ твоемъ: нѣгдѣ въ тѣсномъ мѣ, стѣ между Иѳакою и Самомъ избранные и сильнѣйшіе юноши по совѣщанію жениховъ матери твоей блюдутъ, дабы погубить тебя при возвращеніи твоемъ въ отечество: но они не успѣютъ въ томъ, и прежде сами погибнутъ. И для того потщися мѣсто сіе миновать ночью и держать корабль свой далѣе отъ острововъ оныхъ: тогда при содѣйствіи нѣкоего божества, покровительствующаго и всегда хранящаго тебя, пошлется тебѣ вѣтръ благопоспѣшный, и когда достигнешь Иѳакійскихъ береговъ, тогда корабль и всѣхъ сопутниковъ отпусти въ городъ, самъ же для отдохновенія уклонись къ пастуху Эвмею, желающему тебѣ всякаго успѣха, и пошли оттуда возвѣстить матери своей Пинелопѣ, что ты отъ Пила невредимъ возвратился.

По сихъ словахъ богиня удаляется на пресвѣтлый Олимпъ. Тилемахъ же будитъ отъ сна Несторова сына, и такъ говоритъ ему: оставь твой сонъ, любезный Пизистратъ! но потщимся приготовить коней и въ путь отправимся.

Пизистратъ сказалъ ему: почто столь преждевременно, Тилемахъ! ускоряешь отходомъ своимъ въ темную ночь? Но потерпи, доколѣ явится свѣтлая заря, и когда Менелай вставъ отъ сна, почтитъ тебя дарами, и дружелюбно самъ отпуститъ: ибо стран-

ствующіе всегда воспоминаютъ о тѣхъ; кто ихъ почтитъ особливыми знаками дружества.

Сей былъ отвѣтъ Пизистрата. Вскорѣ по семъ явилася и златовидная утренняя денница. Тогда царь Менелай оставивъ ложе, на коемъ покоился съ прекрасною Еленою, идетъ къ нимъ: Тилемахъ же поспѣшая ему на встрѣчу, такъ говоритъ ему: великоименитый царь! умоляю тебя, отпусти меня нынѣ въ отечество мое: ибо великое обдержитъ меня желаніе видѣть домъ мой. — Царь отвѣтствовалъ ему: любезный Тилемахъ! не буду я тебя удерживать здѣсь противъ желанія твоего: ибо самому мнѣ противенъ такой гостепріимецъ, который или усердствуетъ безъ мѣры пребывающему у него страннику, или дѣлаетъ разныя огорченія, но во всякомъ случаѣ нужно держаться средины: равно поступаетъ неблагоразумно, когда кто изгоняетъ пришельца, или удерживаетъ противъ воли его. И такъ посѣщающихъ должно угощать дружелюбно, доколѣ пожелаютъ остаться, и не должно удерживать пребывающихъ отпущенія. Но ты пребудь здѣсь еще краткое время, доколѣ не будутъ приготовлены тебѣ приличные дары и угощеніе, дабы укрѣпившись пищею, могъ ты предпріять путь столь далекій. Ежели же ты видѣть желаешь Элладу и среднюю часть Арга, то не отрекуся самъ слѣдовать съ тобою, и скоро велю приготовивъ колесницы и коней, поведу тебя по градамъ знаменитыхъ мужей, гдѣ никто не отпуститъ тебя безъ даровъ, но каждый дастъ или

мостроительствомъ тѣмъ изъ рабынь, которыхъ самъ усмотришь добра тебѣ желающихъ-доколѣ не пошлютъ самому тебѣ боги вождельѣнную жену. Чтожъ повѣдаю тебѣ, сохрани то насердцѣ твоемъ: нѣгдѣ въ тѣсномъ мѣ, стѣ между Иѳакою и Самомъ избранные и сильнѣйшіе юноши по совѣщанію жениховъ матери твоей блюдутъ, дабы погубить тебя при возвращеніи твоемъ въ отечество: но они не успѣютъ въ томъ, и прежде сами погибнутъ. И для того потщися мѣсто сіе миновать ночью и держать корабль свой далѣе отъ острововъ оныхъ: тогда при содѣйствіи нѣкоего божества, покровительствующаго и всегда хранящаго тебя, пошлется тебѣ вѣтръ благопоспѣшный, и когда достигнешь Иѳакійскихъ береговъ, тогда корабль и всѣхъ сопутниковъ отпусти въ городъ, самъ же для отдохновенія уклонись къ пастуху Эвмею, желающему тебѣ всякаго успѣха, и пошли оттуда возвѣстить матери своей Пинелопѣ, что ты отъ Пила невредимъ возвратился.

По сихъ словахъ богиня удаляется на пресвѣтлый Олимпъ. Тилемахъ же будитъ отъ сна Несторова сына, и такъ говоритъ ему: оставь твой сонъ, любезный Пизистратъ! но потщимся приготовить коней и въ путь отправимся.

Пизистратъ сказалъ ему: почто споль преждевременно, Тилемахъ! ускоряешь отходомъ своимъ въ темную ночь? Но потерпи, доколѣ явится свѣтлая заря, и когда Менелай вставъ отъ сна, почтитъ тебя дарами, и дружелюбно самъ отпуститъ: ибо спран-

ствующіе всегда воспоминаютъ о тѣхъ; кто ихъ почтитъ особливыми знаками дружества.

Сей былъ отвѣтъ Пизистрата. Вскорѣ по семъ явилася и златовидная утренняя денница. Тогда царь Менелай оставивъ ложе, на коемъ покоился съ прекрасною Еленою, идетъ къ нимъ: Тилемахъ же поспѣшая ему на встрѣчу, такъ говоритъ ему: великоименитый царь! умоляю тебя, отпусти меня нынѣ въ отечество мое: ибо великое обдержитъ меня желаніе видѣть домъ мой. — Царь отвѣтствовалъ ему: любезный Тилемахъ! не буду я тебя удерживать здѣсь противъ желанія твоего: ибо самому мнѣ противенъ такой гостепріимецъ, который или усердствуетъ безъ мѣры пребывающему у него страннику, или дѣлаетъ разныя огорченія, но во всякомъ случаѣ нужно держаться средины: равно поступаетъ неблагоразумно, когда кто изгоняетъ пришельца, или удерживаетъ противъ воли его. И такъ посѣщающихъ должно угощать дружелюбно, доколѣ пожелаютъ остаться, и не должно удерживать пребывающихъ отпущенія. Но ты пребудь здѣсь еще краткое время, доколѣ не будутъ приготовлены тебѣ приличные дары и угощеніе, дабы укрѣпившись пищею, могъ ты предпріять путь столь далекій. Ежели же ты видѣть желаешь Элладу и среднюю часть Арга, то не отрекуся самъ слѣдовать съ тобою, и скоро велю приготовивъ колесницы и коней, поведу тебя по градамъ знаменитыхъ мужей, гдѣ никто не отпуститъ тебя безъ даровъ, но каждый дастъ или

мѣдный треногъ, или котелъ, или златую чашу, или двухъословъ.

Тилемахъ отвѣществовалъ ему: о великоименитый царь! я уже сказалъ тебѣ, что безмѣрно желаю возвратиться въ отечество мое: ибо оставилъ я домъ свой и все имѣніе безъ всякаго надзора, и боюся, дабы любопытствуя объ отцѣ своемъ, самому не погибнуть: и тогда все мое стяжаніе будетъ расхищено. Въ тожъ самое время пришелъ и Этеоней сынъ Воиѳіевъ, недалеко обитавшій отъ дому царскаго, которому велѣлъ царь приготовить все нужное для угощенія. Самъ же съ царицею Еленою и съ Мегапенѳомъ входитъ въ сокровищницу, и тамъ взявъ серебреную чашу, вручаетъ своему сыну, а Елена вынимаетъ изъ ковчега великую, испещренную и сіяющую подобно свѣту одежду, и входятъ всѣ паки въ чертогъ. Тогда Менелай такъ привѣтствуетъ Одиссеева сына: великій Дій супругъ божественныя Иры да совершитъ путь твой по желанію твоему! Нынѣ прими отъ меня сію драгоцѣнную чашу, у коей края устроены изъ чистаго золота, дѣлалъ же оную знаменитый Ифестъ, и подарена мнѣ оная Сидонскимъ царемъ, когда пребывалъ я въ дому его, возвращаяся отъ брани. Сказавъ сіе, велѣлъ подать чашу Мегапенѳу, и вручилъ оную Тилемаху. По семъ царица Елена, имѣя въ рукахъ одежду, такъ говорила: возлюбленное чадо Тилемахъ! хочу и я почтить тебя даромъ: прими его въ память отъ рукъ царицы Елены, и соблюди женѣ твоей до времени с пружества, отдавъ въ сохраненіе ма-

шери своей. Нынѣ иди съ миромъ въ домъ свой, да благополучно достигнешь онаго. По сихъ словахъ вручаетъ ему одежду, которую Пизистратъ съ чашею вложилъ во влагалище. Послѣ чего Менелай вшедши со всѣми въ пиршественный чертогъ, посадилъ на сѣдалища. Служительница принесла въ золотой умывальницѣ воду съ серебреною лоханью для измовенія рукъ, и приготовила столъ: домостроительница же поставила разныя яствы и принесла хлѣбъ: Этеоней раздѣлилъ мяса на части, а Мегапенѳъ роздалъ оныя: по семъ всѣ простирают рукиъ пищѣ, и насытився оною, встаютъ отъ стола. Тогда Тилемахъ и Пизистратъ запрягши коней, садятся на колесницу, и оставляютъ домъ царя Менелая, который предшествуя имъ и держа въ рукахъ золотую чашу наполненную виномъ, да принеся благодареніе богамъ, предпріимутъ путь свой, такъ говорилъ имъ: да благоустроятъ боги путь вашъ, знаменитые юноши! вы же возвѣстите наше усердное желаніе здравія царю Нестору начальнику народовъ, который во все время продолжавшейся брани въ странѣ Троянской особенное являлъ ко мнѣ снисхождéніе и дружбу, подобно отцу чадолюбивому.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: сію волю твою всеконечно возвѣстимъ, когда придемъ къ нему. О когда бы возвратяся такъ же во Иѳаку, могъ я повѣдать отцу моему, колико милостиво и дружелюбно былъ я отъ тебя принятъ, и коликими почтенъ дарами! Между тѣмъ, какъ онъ сіе говорилъ, летитъ съ правой стороны орелъ, неся въ когтяхъ

домовоспитаннаго гуся, за которымъ гнался мужи и жены съ воплемъ, и оный приближився, спускается въ низъ предъ конями ихъ. Всѣ взирали на сіе съ радостію. Пизистратъ же говорилъ: о державный царь Менелай! разсуди и возвѣсти, намъ ли сіе предзнаменованіе богъ послалъ, или тебѣ самому? Царь долго размышлялъ, какое бы дать тому изъясненіе. Но царица Елена предваривъ его, рекла: я хочу быть истолкователь ницею сего предвѣщанія, и уповаю, что оное такъ сбудется, какъ боги полагаютъ на сердцѣ моемъ. Какъ орелъ родившійся въ горахъ и тамъ имѣющій дѣтей своихъ прилетѣлъ оттуда въ сіе мѣсто и похитилъ гуся въ дому воспитаннаго: такъ Одиссей по долговременномъ странствованіи и претерпѣніи великихъ напастей придетъ внезапно въ домъ свой, и накажетъ за наглость неистовыхъ жениховъ, или уже и нынѣ скрываяся въ отечествѣ, предуспрояетъ имъ пагубу.

Тилемахъ сказалъ ей: о когда бы все тобою возвѣщенное исполнилъ всесильный Дій, поистиннѣ достойную я принесъ бы тебѣ благодарность, аки богинѣ. По семъ ударяетъ коней бичемъ, и понуждаетъ ихъ къ скорому бѣжанію. Такимъ образомъ Тилемахъ съ Пизистратомъ совершали путь чрезъ цѣлый день. Но когда солнце уже сокрылося, и помрачилися всѣ стези, тогда они достигли дому Діоклея сына Орсилохова, родившагося отъ Алфея, коимъ угощены были дружелюбно, и сладкимъ сномъ успокоилися. Съ восходомъ

ноденницы впрягши коней, паки емлющея пути
ни скоро по семъ достигаютъ пространнаго
города Пила.

Тогда Тилемахъ такъ говоритъ Пизистра-
шу: возлюбленный другъ! прошу тебя, ис-
полни свое обѣщаніе, и отложи попеченіе о
упощеніи меня. Ежели отцы наши связаны
были неразрывнымъ союзомъ, то кольми паче
мы будучи равнолѣтны, потщимся соблюсти
между собою дружбу, и когда искренно лю-
бишь, не отлучай меня отъ корабля мо-
его, но оставь здѣсь: ибо я опасаюся, дабы
престарѣлый отецъ твой, желая изъявить
мнѣ знаки дружества своего, не удержалъ
меня пропивъ желанія моего, когда домашнія
обстоятельства требуютъ скораго моего воз-
вращенія во Иѳаку.

Такъ говорилъ Тилемахъ. Пизистратъ
же помышлялъ, какъ бы съ большимъ прили-
чіемъ исполнить предъ нимъ обѣщаніе свое,
и признавъ за лучшее, обращаетъ коней къ
морскому берегу, и тамъ относитъ на ко-
рабль дары Менелаевы, по семъ вѣщаетъ Ти-
лемаху: между тѣмъ, какъ я отправлюся въ
домъ свой съ возвѣщеніемъ отцу моему о на-
шемъ возвращеніи, ты немедленно вступи
на корабль свой и сопутникамъ твоимъ вели
быть готовымъ къ отплытію: ибо совершенно
мнѣ извѣстно безпримѣрное сердце его: онъ
не отпуститъ тебя отсюда, но самъ пришед-
ши, отведетъ тебя въ домъ свой и ущедритъ
отъ даровъ своихъ: въ противномъ же слу-
чаѣ много огорчится. Сіе сказавъ, по-

нуждаетъ коней къ бѣгу, и вскорѣ достигаетъ своего дома.

Тѣмъ временемъ Тилемахъ побуждая сопутниковъ своихъ, говоритъ имъ: други мои! приготовите наискорѣе къ отплытію корабль нашъ, да немедленно возвратимся въ домы свои. Они въ самой скорости исполняютъ повелѣнное имъ и на корабль вступаютъ.

Когда Тилемахъ приносилъ мольбу Палладѣ, въ то время является предъ нимъ внезапно нѣкоторый странникъ, носящій имя прорицателя и убѣгающій изъ Аргивскія страны за убіеніе нѣкоего нарочитаго мужа: родъ же свой велъ онъ отъ колѣна Меламподова, обитавшаго нѣкогда во градѣ Пилѣ, и имѣвшаго тамъ домъ обилующій великимъ богатствомъ: но тогда укрывался у чуждыхъ народовъ, убѣгая знаменитаго царя Нилея, который все его єтяжаніе взявъ насильственно, повелѣлъ самаго его въ тяжкихъ узахъ блюсти въ городѣ Филакѣ за содѣланное имъ дщери его великое поруганіе, каковое вложила въ сердце его люта́я богиня Эриннія; но онъ спасшися отъ смерти, отгналъ стада воловъ изъ Филаки, и приведши оныя и жену брата его въ домъ къ Нилею, учинилъ неприличное дѣло: послѣ же отшелъ къ другому народу въ пространный Аргъ, гдѣ ему предопредѣлено было судьбою пребываніе, и тамъ устроивъ себѣ домъ, понялъ жену, отъ которой родилъ сыновъ Анцифата и Мантея; отъ Анцифата же родился Эклей, а отъ Эклея Амфіарай, коего отецъ боговъ Дій и Аполлонъ безмѣрно любили, но онъ не достигнувъ старости, по-

гибъ въ городѣ Ѳивахъ, отъ сего же родился Алкмеонъ и Амфилохъ: Мантей же съ своей стороны произвелъ Полифидея и Клита, но сего послѣдняго за красоту его похитила златосіянная богиня Іоя, да между безсмертными обрѣтается, а Аполифидея по смерти Амфіараевой Аполлонъ содѣлалъ великимъ жрецомъ. Сего тогда сынъ Феоклименъ пришедши къ Телемаху, жертву близь корабля приносящему, и ставъ предъ нимъ, вѣщаетъ: возлюбленный другъ! когда я обрѣлъ тебя жертву приносящаго: то сею самою жертвою, твоею главою и твоими сопутниками заклинаю тебя, повѣдай мнѣ истинну; кто ты таковъ, изъ какой страны, какъ имя городу твоему и кто таковы родители твои?

Телемахъ отвѣщствовалъ; скажу тебѣ подробно: родина моя есть островъ Ѳиака: отецъ мой Одиссей: но нынѣ погибъ онъ неизвѣстною смертію: сего ради я съ сими сопутниками, желая услышать о немъ, всюду странствую.

Ѳеоклименъ сказалъ ему: такъ и я бѣгу изъ отечества моего, умертвивъ нѣкоего знаменитаго мужа. У меня много находится братей и друговъ въ странѣ Аргивской, однакоже опредѣлено мнѣ нынѣ судьбою заблуждать въ чужихъ странахъ. И такъ прими меня на корабль свой, и не отринь моего прошенія, да не умертвятъ меня гонящіеся за мною. — Телемахъ отвѣчалъ: даю тебѣ мѣсто на кораблѣ моемъ; слѣдуй за мною, и пріимешь отъ меня дружелюбное угощеніе.

Сіе сказавъ Телемахъ, беретъ копье Ѳе-

оклименово, и положивъ оное на кораблѣ, по томъ введши и самаго прорицателя, посадилъ его близь себя, и велѣлъ сопутникамъ корабль ошвалить въ скорости. Они постановивъ щеглу и утвердивъ райну, распростерли вѣтрила и предалися плаванію. Божественная Аѳина послала имъ сильный вѣтръ, да наискорѣе совершаютъ путь свой, и съ захожденіемъ солнца достигаютъ они въ Эолидской сторонѣ города Феры, гдѣ обитаютъ Эпеяне, а отсюда всемѣрно тщатся преминуть встрѣчавшіеся острова, бояся, да не уловятъ стрегущіе ихъ, и не нанесутъ внезапной пагубы.

Въ то время Одиссей и Эвмей ужинали съ другими пастухами, и когда насытилися пищею, тогда Одиссей искушая старшаго изъ нихъ, такъ говорилъ: другъ мой! я имѣю намѣреніе въ наступающее утро итти въ городъ Ѳоаку для испрошенія себѣ подаянія, да не буду въ тягость тебѣ и прочимъ твоимъ товарищамъ: и для того дай мнѣ наставленіе и снабди добрымъ путеводителемъ, который меня проводитъ туда, гдѣ и буду я скитаться, и не уже ли никто не окажетъ надо мною милосердія? Я принесу извѣщеніе мудрой Пинелопѣ, явлюся такъ же и въ собраніе жениховъ, которые изобилуя многими яствами, надѣлятъ и меня оными; я же потщуся имъ оказывать по желанію ихъ возможныя услуги при помощи Ермія, который никакихъ трудовъ человѣческихъ не оставляетъ безъ воздаянія и чести: въ проворствѣ со мною едва ли кто можетъ сравниться: возгнести ли огонь, рубить ли дрова сухія, жарить ли мя-

ça, подать ли чашу и наливать вино: все гостіовъ исполняшь, что дѣлаютъ худородные для знаменитыхъ.

Эвмей отвѣчалъ ему съ негодованіемъ: злополучный странникъ! откуда сія мысль вселилась тебѣ въ голову? или желаешь паче погибнуть тамъ, когда дерзнешь явиться предъ множествомъ жениховъ, коихъ насильство и обиды даже до небесъ восходятъ? Не таковы у нихъ тамъ слуги, каковъ ты теперь кажешся, но юноши носящіе на себѣ драгоцѣнныя одежды, всегда украшающіеся и лицемъ доброзрачные: да и полы тамъ всегда зрятся чистыя, наполненные хлѣбомъ, мясомъ и сосудами съ виномъ. И такъ лучше совѣтую тебѣ здѣсь пребывать; ибо никто присутствіемъ твоимъ не отягощается, ниже я, ниже иной кто либо изъ моихъ сотрудниковъ! Когда же возвратится сынъ Одиссеевъ, онъ снабдитъ тебя приличными одеждами, и отпуститъ, куда сердце твое желаетъ. — Одиссей отвѣчалъ ему: да будешь толико же любезенъ отцу боговъ Дію, сколько и мнѣ, когда освобождаешь меня нынѣ отъ излишняго труда и заботы: ибо нѣтъ ничего несноснѣе, какъ влачиться по чужимъ странамъ: часто угождая пагубному нашему чреву, сплетаемъ злыя предпріятія, для произведенія которыхъ предаемся странствованію, а странствованіе бываетъ причиною многихъ скорбей и несказанныхъ безпокойствъ. Нынѣ, когда угодно тебѣ, чтобы я здѣсь остался, прошу тебя, повѣдай мнѣ о матери Одиссея и отцѣ его, котораго онъ оставилъ въ глубокой старости,

еще ли они наслаждаются солнечнымъ сіяніемъ, или уже умерли и низшли въ домы адовы? — Эвмей отвѣществовалъ ему: Лаертъ еще и донынѣ живъ, но всегда молитъ Дія, дабы изъялъ душу его ощъ тѣла; ибо неутѣшно сокрушается о сынѣ своемъ и о женѣ, которую понялъ за себя весьма юную, и которая смертію своею причинила ему великую печаль, и тѣмъ паче ускорила болѣзненную его старость, какъ и сама отъ непрестанныя горести о сынѣ животъ свой скончала. Но да не постраждетъ подобною смертію всякъ любящій творить добро и правду! Доколѣ она была жива, хотя печаль ее и сокрушала, но всегда пріятно мнѣ было вопрошать ее обо всемъ и любопытствовать у нея: ибо сама она воспитала меня вмѣстѣ со дщерію своею Ктименою, которую мало чѣмъ больше отъ меня отличала. Когда пришли мы оба въ совершенный возрастъ: тогда Ктимену отдали въ супружество во островъ Самосъ, а меня отличивъ избранными одеждами, послали на село, но и тогда не преставала оказывать мнѣ любовь свою; нынѣ же я лишенъ всего того, хотя праведные боги день отъ дня и умножаютъ ко мнѣ свою милость за труды мои, на коихъ всегда возлагаю свою надежду, и отъ нихъ приемлю ежедневно себѣ пищу. Отъ царицы же моей я не вижу, ниже слышу что либо къ утѣшенію моему: поелику великое зло постигло домъ ея, и ищутъ разглагольствовать съ нею не токмо высокомѣрные мужи, но и самые рабы обременяютъ разными вопросами, и спу-

жаютъ ей о пищи, винѣ и о всемъ томъ, что можетъ только доставлять веселіе сердцу.

Одиссей сказалъ ему: и такъ съ юныхъ лѣтъ ты отлученъ былъ отъ отечества твоего и родителей! Но скажи мнѣ: раззоренъ ли отъ руки сопротивныхъ городъ оный, въ которомъ обитаютъ твои родители, или одного тебя, при стадахъ оставленнаго, похитили небогобоязненные люди на корабли свои, и проѣавъ здѣсь, получили довольную мзду?

Эвмей отвѣчалъ ему: оставь теперь разглагольствіе, свое и насыщайся виномъ спокойно: ибо и очи сіи продолжительны, и на все есть время, и сномъ наслаждаться и взаимною бесѣдою: такъ и тебѣ неприлично безвременно сну предаваться: поелику и покой излишній причиняетъ болѣзнь человѣку. Пусть прочіе мои сотрудники идутъ ко сну, когда желаютъ, которымъ съ наступленіемъ утреннія зари, укрѣпившись пищею, должно гнать стада на паству: мы же напротивъ того оставаяся здѣсь, будемъ услаждаться взаимнымъ повѣствованіемъ о печальныхъ нашихъ злоключеніяхъ: ибо нерѣдко воспоминаніе о претерпѣнныхъ печаляхъ доставляетъ отраду сердцу. Теперь возвѣщу тебѣ, о чемъ знать желаешь: есть островъ именуемый Сиросъ, лежащій выше Ортигіи, гдѣ солнце измѣняетъ свое шествіе. Хотя онъ не слишкомъ великъ, но весьма способенъ къ пастьбѣ всякаго скота и овецъ, и обилуетъ всякимъ хлѣбомъ и виномъ: по сему самому никогда не бываетъ тамъ недостатка, ниже

иныя какія раждаются тамъ вредныя болѣзни: но когда состарѣются люди, тогда стрѣломещущій Аполлонъ и Аршемида пришедши туда, поражаютъ оныхъ легкими своими стрѣлами. Тамъ находятся два города, надъ коими владычествовалъ отецъ мой Кписій сынъ Орменовъ. Нѣкогда пришли туда на кораблях знаменитые финикіяне, привезшіе съ собою многія рѣдкія и дивныя вещи. Тогда находилась въ домѣ отца моего нѣкая жена финикіянка, которая красотою, величественнымъ возрастомъ и искуствомъ рукодѣлія всѣмъ въ странѣ нашей была извѣстна. Сію пришедшіе финикіяне узрѣвъ нѣкогда моющую, прельстили ее: ибо одинъ изъ нихъ познакомившись съ нею, увѣдалъ отъ нея, кто она такова и откуда родомъ? Она показавъ домъ отца моего, объявила о себѣ, что отечество ея есть городъ Сидонъ, она же есть дщерь богатаго тамошняго жителя именемъ Ариванта, и бывъ похищена Тафійскими разбойниками шедшая съ поля, продана отцу моему, давшему за нея достойную мзду.

Финикіянинъ сказалъ ей: когда желаешь паки увидѣть родителей своихъ, слѣдуй за нами въ кораблѣ нашемъ: ибо они и донынѣ еще въ живыхъ находятся и обладаютъ великимъ богатствомъ. Жена оная отвѣчала ему: я готова слѣдовать съ вами, когда мнѣ добра желаете: токмо дайте мнѣ клятву, что безвредно въ домъ мой приведете меня. Они исполнили желаніе ея. Тогда она сказала имъ: нынѣ умолчите о семъ, и да никто со мною ниже на пути, ниже при рѣкѣ не вступаетъ въ

бесѣду, дабы кто усмотрѣвъ, не повѣдалъ господину моему, который тогда обременитъ меня тяжкими оковами, а вамъ пагубу преду-строитъ. И такъ совѣщаніе наше скройте въ сердцѣ вашемъ, а между тѣмъ ускорите купить все потребное къ пути вашему, и когда корабль вашъ будетъ снабдѣнъ довольнымъ напутіемъ, тогда пришлите кого либо въ домъ мой съ возвѣщеніемъ: я же взявъ довольно золота и иныхъ драгоцѣнныхъ вещей, сколько нести будетъ можно, приду немедленно къ вамъ и съ сыномъ мужа того, уже ходитъ могущимъ, за котораго пріобрѣтете себѣ немалую корысть, въ какую страну ни придете. Сіе сказавъ, возвращается въ домъ свой.

Финикіяне цѣлый годъ купечествуя у насъ, собрали великую корысть, и когда корабль свой наполнили многими товарами: тогда прислали съ возвѣщеніемъ къ женѣ оной. Финикіянинъ пришедшій въ домъ отца моего, и принесшій съ собою золотое ожерелье, украшенное многими илектрами, которое мать моя съ прочими служительницами долго разсматривала, удивляясь великому отъ него исходящему блеску, далъ тайный знакъ матери моей, и по семъ отходитъ къ кораблю своему. Тогда она взявъ меня за руку, оставляетъ домъ, и обрѣтши въ чертогѣ серебреные на столахъ сосуды, гдѣ прочіе мужи съ отцемъ моимъ пиршествовали, и въ то время на сонмъ отлучился, похитила три чаши, и скрывъ оныя подъ одеждою своею, унесла съ собою, я же слѣдовалъ съ нею по неразумію моему. Когда

скрылося солнце и наступила ночь, мы пришли къ пристани, и тамо обрѣли корабль, на который принявъ насъ финикіяне; немедленно предалися плаванію при вѣяніи благопоспѣшнаго вѣтра. Шесть дней и столько же ночей въ пути мы находились, а въ седьмый день внезапно явяся Артемида, поразила матерь мою стрѣлами, и низвергла на дно корабля. Финикіяне извлекши ее отт да, бросили въ море на снѣденіе рыбамъ. Тогда я остался одинъ и неутѣшно сокрушался о потерѣ матери моей. Финикіяне же повинуяся вѣтру и волнамъ, принесены были къ острову Ѳоакѣ, гдѣ престарѣлый Лаертъ купилъ меня на свое стяжаніе, и съ того времени нахожусь въ землѣ здѣшней.

Одиссей сказалъ ему: ты повѣстію о напастяхъ твоихъ весьма подвигъ сердце мое въ жалости: но великій Дій предуготовилъ тебѣ за оныя воздаяніе, пославъ тебя въ домъ кротkаго и щедраго царя, который довольствуетъ тебя во избыткѣ пищею и одеждою, и ты провождаешь здѣсь жизнь свою въ спокойствіи: напротивъ того я заблуждая въ чужихъ земляхъ, пришелъ сюда паки въ страну невѣдомую.

Послѣ взаимной сей бесѣды наслаждались они сномъ до восхожденія зари. Тѣмъ временемъ Тилемахъ возвратился въ отечественную землю: сопутники его собравъ вѣтрила и снявъ дерево, на коемъ оныя привязываются, ввели корабль въ пристанище веслами, и бросивъ якори, привязали оный крѣпкими веревками, потомъ сами сошедши на берегъ, при-

готовили себѣ пищу, и когда оною и виномъ насытилися, тогда Тилемахъ сказалъ имъ: вы теперь съ кораблемъ своимъ возвратитеся во Ѳаку, я же пойду къ стадамъ моимъ обозрѣвъ труды и упражненія пастуховъ моихъ, а въ наступающій день сдѣлаю вамъ веселое угощеніе съ обильною пищею и виномъ. — Тогда Ѳеоклименъ вопрошаетъ его: возлюбленный сынъ! гдѣ я обрѣту себѣ прибѣжище, во Ѳакѣ, или прямо велишь итти въ домъ свой?

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: итти въ домъ мой я не совѣтую тебѣ, не по тому, чтобы ты не снискалъ тамъ угощенія, но въ отсутствіе мое испытаешь многія огорченія: при томъ же не увидитъ тебя и матерь моя, которая мало является предъ женихами, но пребывая непрестанно въ отдаленной храминѣ, упражняется въ дѣлахъ своихъ. Покажу же тебѣ домъ инаго мужа, гдѣ ты найдешь себѣ пристанище: оный мужъ есть знаменитый Эвримахъ сынъ Поливіевъ, къ которому Ѳакіяне, ради скромнаго его предъ прочими сверстниками обращенія, имѣютъ уваженіе, и который отъ всего сердца желаетъ понять матерь мою въ супружество себѣ и заступить право отца моего Одиссея. Хотя все происходитъ здѣсь по устроенію обитающаго на пресвѣтломъ Олимпѣ Дія; однакожъ я уповаю, что прежде брака постигнетъ ихъ день пагубы.

Какъ они разглагольствовали симъ образомъ, внезапно прилетѣлъ съ правой стороны ястребъ, птица почитающаяся скорымъ

вѣстникомъ Аполлона, который держа въ когтяхъ голубя и терзая его, металъ перья по срединѣ корабля и самаго Тилемаха. Тогда Ѳеоклименъ взявъ за руку Тилемаха, говоритъ ему и прочимъ сопутникамъ: другъ мой! не безъ промысла боговъ прилетѣла сія птица съ правой стороны, усмотрѣнная мною еще издалека: но сіе служитъ знакомъ, что нѣтъ знаменитѣе вашего рода во всей Иѳакѣ, и вы всегда надъ оною будете владычествовать.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: странникъ! о когда бы предсказаніе твое исполнили всесильные боги, поистиннѣ вскорѣ бы ты позналъ нашу въ себѣ дружбу, и увидѣлъ бы себя обогащеннаго многими дарами: тогда всякъ бы почелъ тебя благополучнымъ!

По семъ обратився къ Пирею, такъ ему говоритъ: вѣрный другъ мой Пирей! ты изъ всѣхъ сопутниковъ моихъ являлъ всегда мнѣ болѣе послушанія: яви и нынѣ усердіе свое, и принявъ странника сего въ домъ свой, угощай его тщательно и съ честію, доколѣ я не возвращуся во Иѳаку.

Пирей отвѣтствовалъ ему: возлюбленный Тилемахъ! хотя бы ты надолго при стадахъ остался: но и тогда не откажуся я имѣть о странникѣ семъ всякое попеченіе, и готовъ угощать его всемъ, что у себя ни имѣю.

Сіе сказавъ Пирей, съ сопутниками плыветъ на корабль ко Иѳакѣ, а Тилемахъ подвязавъ себѣ подъ ноги сапоги и взявъ копье, идетъ къ стадамъ, гдѣ обиталъ усердный и вѣрный пастухъ Эвмей.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Когда златозарная денница явилася, неся свѣтъ земнороднымъ: тогда Одиссей со Эвмеемъ возгнѣщши огонь, приготовили пастухамъ пищу, которые насытився, немедленно пошли со стадами на пастьву. Тѣмъ временемъ пришелъ и Тилемахъ къ жилищу Эвмееву. Псы увидѣвъ его идущаго, не лаяли, но токмо приближився къ нему, махали своими ошибами. Видя сіе Одиссей, сказалъ Эвмею: любезный другъ Эвмей! конечно идетъ сюда нѣкто изъ друзей твоихъ или знакомыхъ тебѣ, на коего псы не лаютъ, но токмо являютъ ласку ошибами своими, и я слышу уже топотъ ногъ входящаго сюда человѣка.

Едва сказалъ сіе Одиссей, и въ тоже время является Тилемахъ въ преддверіи, котораго увидѣвъ Эвмей, стремится къ нему съ трепетомъ, и падаетъ изъ рукъ его чаша, въ которой вино расторялъ. Притекши же къ юному царю, лобызаетъ его главу, глаза и руки, проливая радостныя слезы. Какъ отецъ, находяся въ глубокой старости и имѣя у себя токмо одного сына, когда судьба отвлечетъ сего въ далечайшія страны, узрѣвъ же его по десятилѣтней разлукѣ возвратившагося въ домъ свой, объемлетъ съ неизрѣченною радостію: такъ

Эвмей обнималъ Тилемаха и со слезами говорилъ ему: наконецъ пришелъ ты, дражайшій Тилемахъ, возжделѣнный свѣтъ очей моихъ! Могъ ли я уповать, что увижу тебя возвратившагося изъ Пила? И такъ войди сюда и дай насладиться зрѣніемъ на себя: ибо весьма рѣдко посѣщаешь насъ, но всегда пребываешь во Иѳакѣ съ гордыми женихами, которые тамъ удерживаютъ тебя, предуспрояя тебѣ пагубу.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: войдемъ, другъ мой, въ жилище твое: ибо пришелъ я сюда для того, чтобы увидѣть тебя и узнать о происходящемъ въ домѣ моемъ: и такъ повѣдай мнѣ, еще ли матерь моя пребываетъ въ ономъ, или уже кто нибудь изъ жениховъ понялъ ее въ жену себѣ, и ложе Одиссеево не имѣя возлежащихъ на себѣ, осквернено паутиною?

Эвмей сказалъ ему: матерь твоя еще веледушствуетъ, и провождая дни и ночи въ слезахъ и сѣтованіи, пребываетъ въ домѣ своемъ. По семъ взявъ у него копье, ввелъ внутрь своей хижины. Тогда Одиссей вставъ, уступилъ мѣсто Тилемаху; но сей удержавъ его, сказалъ: сиди, почтенный странникъ! я могу избрать себѣ другое мѣсто, и есть здѣсь человѣкъ, который приготовитъ мнѣ оное. Тогда Одиссей сѣлъ на своемъ мѣстѣ: Эвмей же наславъ зеленой травы и покрывъ оную мягкою кожею, приготовилъ мѣсто сыну Одиссееву, по семъ принесъ сосуды съ жареными мясами и поставилъ въ плетеницахъ хлѣбъ и чашу съ виномъ. И такъ Тилемахъ садится противъ

отца своего: послѣ сего простираютъ руки къ пищѣ, которою Тилемахъ насытився, вопрошаетъ у Эвмея: повѣдай, другъ мой, откуда пришелъ сей странный старецъ, и на какомъ кораблѣ привезенъ во Ѳаку?

Эвмей отвѣтствовалъ ему: онъ повѣдалъ мнѣ, что родомъ изъ острова Крита, и странствовалъ во многихъ земляхъ по предопредѣленію боговъ: пришелъ же сюда, ушедши тайно съ корабля Ѳеспротскаго, коего и препоручаю тебѣ: ибо онъ ищетъ милосердія отъ тебя.

Тогда сказалъ Тилемахъ: поистиннѣ много ты опечалилъ меня симъ. Какъ могу я принять въ домъ мой странника сего, когда я самъ молодъ, и неимѣю столько силъ, чтобы могъ изгнать изъ онаго жениховъ, обиды мнѣ причиняющихъ: маперь же моя двоякою мятется мыслію, оставаться ли ей въ домѣ своемъ и блюсти стяжаніе, чтя ложе мужа своего, моего же отца, и храня славу народа, или вступить въ бракъ съ тѣмъ, кто превосходитъ всѣхъ прочихъ, и кто больше дастъ даровъ. Но странника сего, пришедшаго къ тебѣ въ домъ, я снабжу добрыми одеждами, обоюду острымъ мечемъ и сапогами, и отпущу, куда сердце его желаетъ. Но когда ты хочешь, держи его у себя, я же буду снабжать обильно всякою пищею и хлѣбомъ, да не будетъ тебѣ и прочимъ сотрудникамъ твоимъ въ тягость: въ домъ же мой принять его не могу, боясь, да не нанесутъ ему обиду насильственные мужи наполняющіе оный, и тогда сердцу моему будетъ великая печаль: поелику ни-

какъ не могу сдѣлать отмщеніе одинъ толикому множеству сильныхъ юношей.

Тогда добледушный Одиссей сказалъ: возлюбленный другъ! да позволено будетъ и мнѣ сказать нѣчто: поистиннѣ и мое сердце раздирается несказанною досадою, когда слышу, что неистовые женихи причиняютъ толикое насиліе въ домѣ твоемъ Но повѣдай мнѣ, по своей ли волѣ ты все сіе терпишь, или не возлюбилъ тебя народъ, внемля гласу божескому, или не происходитъ ли сіе отъ твоихъ сродниковъ, которые ради могущей родиться великой вражды не допущаются отъ сопротивной стороны подать тебѣ помощь? О когда бы я въ сихъ напастяхъ былъ столько же молодъ, или былъ бы сынъ Одиссеевъ, или и самъ Одиссей возвратившійся послѣ долгаго странствованія, поистиннѣ бы далъ сію мою голову на отсѣченіе, ежели бы пришедши въ домъ Одиссеевъ, не воздалъ отмщеніе мужамъ онымъ: когда же бы они преодолѣли меня своимъ множествомъ, тогда всеконечно пожелалъ бы паче быть убитъ въ дому моемъ, нежели зрѣть сколь срамныя дѣла и безъ всякой мѣры въ поруганіе странниковъ истощаемое вино и пожираемую пищу безъ всякаго зазора!

Тилемахъ отвѣтствовалъ: не зависитъ сіе ни отъ одной изъ тѣхъ причинъ, о которыхъ вопрошаешь ты у меня, но такъ великій Дій устроилъ о нашемъ родѣ: ибо Аркисій родилъ одного токмо Лаерта, сей съ своей стороны родилъ одного Одиссея, а Одиссей родилъ меня единаго. И такъ лишенъ я всякой другой помощи: въ дому же моемъ пре-

бываютъ многочисленные мнѣ сопротивники: ибо сколько находится знаменитыхъ мужей въ Дулихіи, въ Самосѣ, Закинѳѣ и во всей Иѳакѣ, всѣ они требуютъ матери моей въ супружество себѣ: но она ниже отрицается отъ сего брака, ниже конецъ положить тому можетъ: между тѣмъ безстыдные искатели ея вконецъ раззоряютъ домъ мой, и въ скоромъ времени, думаю, самаго меня погубятъ. Но все сіе состоитъ во власти боговъ. Ты же любезный другъ Эвмей! поди и возвѣсти возлюбленной моей матери Пинелопѣ, что я здоровъ здѣсь обрѣтаюся и изъ Пила возвратился благополучно, а я между тѣмъ здѣсь останусь. Однако блюдися, да не узнаютъ прочіе Ахеяне: ибо всѣ они пагубу мнѣ совѣщаютъ: токмо матерь моя о семъ да будетъ извѣстна.

Эвмей отвѣчалъ: довольно я сіе знаю: но скажи мнѣ, могу ли я извѣстить о тебѣ злополучнаго Лаэрта, который хотя печалился объ Одиссеѣ, однако же не оставлялъ попеченія своего обще съ служительницами о домѣ своемъ, употреблялъ и пищу, сколько было нужно: нынѣ же съ того самаго времени, какъ ты, возлюбленное чадо, отлучился въ островъ Пилъ, сказываютъ, ничего не вкушаетъ и не надзираетъ за дѣлами своими, но непрестанно сѣтуетъ, плачетъ и печалію сокрушается.

Тилемахъ сказалъ ему: хотя прискорбно сіе сердцу моему, но оставимъ Лаерта до времени: ибо когда бы смертнымъ можно было все вѣдать по ихъ произволу, то поистинѣ имѣли бы мы надежду видѣть и возвраще-

ніе Одиссеево. И такъ поди и возвѣсти о семъ токмо матери моей, и не совращайся къ Лаерту: ибо я увѣренъ, что Пинелопа не оставитъ его съ своей стороны вскорѣ увѣдомить. Такимъ образомъ Эвмей отходитъ въ путь свой.

Тѣмъ временемъ Паллада принявъ на себя образъ величественныя и доброзрачныя жены и ставъ у дверей жилища Эвмеева, чего Тилемахъ не могъ видѣть, ниже разумѣть (ибо боги не всѣмъ являются смертнымъ), сдѣлала знакъ Одиссею, который познавъ богиню, выходитъ къ ней внѣ ограды. Тогда Паллада вѣщаетъ ему: нынѣ Одиссей, наступило тебѣ время открыться предъ сыномъ твоимъ, да положивъ вкупѣ совѣщаніе, возвратитесь въ домъ вашъ: я же всегда готова защищать васъ.

Сіе сказавъ, касается жезломъ Одиссею, и мгновенно гнусное рубище премѣняется въ свѣтлыя одежды, возвращается тѣло его и величественный образъ, наполняются ланиты, и простираются отъ головы и бороды долгіе и черные волосы. Послѣ чего отходитъ на Олимпъ, а Одиссей возвращается въ храмину. Тилемахъ увидѣвъ его, устрашился, и обращая на него отвсюду взоръ свой, помышлялъ, не отъ боговъ ли кто предъ нимъ явился, и вѣщаетъ къ нему такъ: странникъ! что сіе значитъ? Я вижу тебя превращеннаго въ иный образъ: вижу и одежды твои измѣненныя и все тѣло иное. Поистиннѣ ты нѣкто изъ боговъ обитающихъ на Олимпѣ сошелъ сюда на землю. И такъ преклонись на милость, да принесемъ тебѣ жертву и дары отъ злата.

Одиссей отвѣтствовалъ ему: не богъ я, и почто уподобляешь меня безсмертнымъ? но отецъ твой, о которомъ ты непрестанно сокрушаешся, терпя отъ злыхъ людей великія обиды.

Сіе сказавъ, облобызалъ сына своего, и пролилъ на землю многія слезы, которыя прежде никогда не являлися на очахъ его. Тилемахъ же недоумѣвая, отвѣчалъ ему: сіе кажется мнѣ неимовѣрнымъ и вовсе невозможнымъ дѣломъ: поистиннѣ нѣкій богъ прельщаетъ меня къ вящшему усугубленію печали моей: ибо никакій смертный человѣкъ при всемъ усиліи разума не можетъ стараго сдѣлать молодымъ, ежели не самъ богъ пришедши, явитъ сіе чудо: и не зрѣлъ ли я тебя недавно сляченнаго старостію и въ гнусной одеждѣ, а нынѣ зрю подобнаго богамъ обитающимъ на небесахъ?

Одиссей отвѣтствовалъ ему: возлюбленный Тилемахъ! не удивляйся сему, ниже недоумѣвай, видя отца своего купно съ тобою находящагося и разглагольствующаго: ибо не придетъ уже сюда послѣ сего другой Одиссей, но ты видишь во мнѣ того самаго, который претерпѣвъ величайшія напасти, по двадесятилѣтнемъ странствованіи паки возвратился въ отечественную землю. Превращеніе же сіе есть дѣло богини Паллады, которая все можетъ дѣлать по своему произволенію, и иногда украшеннаго въ драгоцѣнныя одежды юношу преобразуетъ въ нищаго старика, иногда же напротивъ сего дѣлаетъ: ибо боги безъ всякаго труда могутъ и про-

славить смертнаго человѣка и паки уничижить его.

Такъ говорилъ Одиссей: тогда Тилемахъ устремляется на выю любезнаго своего родителя и проливаетъ слезы. Паки возобновляется умилительное рыданіе, въ коемъ поистиннѣ застигла бы ихъ ночь, когда бы Тилемахъ предваривъ отца, не вопросилъ его: дражайшій родитель! какіе мореплаватели и ошкуда привезли тебя сюда? — Одиссей отвѣтствовалъ: сынъ мой возлюбленный! повѣдаю тебѣ истинну: знаменитые Феакіяне привезли меня въ отечество мое, которые и иныхъ многихъ странниковъ приходящихъ къ нимъ препровождаютъ всюду. Они привезши меня сюда, спящаго положили на берегѣ: данные же отъ нихъ богатые дары лежатъ въ пещерѣ сокрыты при помощи боговъ. Въ жилище сіе пришелъ я по совѣту богини Аѳинскія, дабы помыслить намъ вкупѣ объ отмщеніи за обиды жениховъ. И такъ изчисли мнѣ всѣхъ ихъ, да положу совѣтъ во умѣ моемъ, возможемъ ли мы одни стать противъ ихъ, или другой помощи искать будетъ потребно?

Тилемахъ сказалъ ему: возлюбленный родитель мой! весьма много наслышался я о великомъ мужествѣ твоемъ и премудрыхъ совѣтахъ; но нѣчто превыше дѣлъ человѣческихъ вѣщаешь нынѣ: меня недоумѣніе одержитъ, какъ возможно двумъ мужамъ сражаться съ великимъ множествомъ: ибо жениховъ не десять и не двадцать, но много больше. Я тебѣ изчислю ихъ: отъ острова Дулихія пятьдесять два, отъ острова Самоса двадцать

четыре, отъ Закинѳа двадцать, отъ Иѳаки двѣнадцать: кромѣ сего числа имѣютъ они у себя шесть рабовъ, одного провозвѣстника Медонта, одного пѣвца и двухъ рабовъ изученныхъ готовить сладкія яствы. Когда со всѣми сими сразимся мы, разсуди, не подвергнемся ли сами горькой смерши: но когда можешь, призови въ помощь, кого за благоразсудишь: ибо кто отречется и не будетъ готовъ защищать насъ?

Одиссей отвѣчалъ: повѣдаю тебѣ нѣчто, ты же внуши и разсуждай: довольно ли намъ помощниковъ будетъ всесильнаго Дія и Аѳинской богини Паллады, или еще кто нуженъ къ защитѣ нашей?

Тилемахъ рекъ: непреоборимы суть сіи помощники, которые возсѣдаютъ превыше облаковъ, и владычествуютъ надъ всѣми смертными и богами безсмершными.

Они не укоснятъ явиться къ намъ на помощь, сказалъ Одиссей, когда брань и мщеніе Ареево противъ женіховъ воздвигнемъ. И такъ въ наступающее утро съ восходомъ зари иди ты въ домъ нашъ, и тамъ съ дерзновеніемъ разглагольствуй съ жестоковыйными оными мужами: меня же послѣ туда приведетъ Эвмей во образѣ нищаго странника, и когда будутъ мнѣ дѣлать посмѣянія, все стерпи съ непоколебимымъ сердцемъ, даже ежели повлекутъ меня чрезъ домъ за ноги и нанесутъ побои, и тогда снеси все великодушно, увѣщевая ихъ мягкими словами, да воздержатся отъ безумія: ибо я знаю, что они не послушаютъ твоихъ совѣтовъ, и приближает-

ся уже день пагубы ихъ и мщенія. Что же возвѣщу тебѣ нынѣ, соблюди на сердцѣ своемъ: когда премудрая Паллада воздвигнетъ духъ мой ко брани, тогда дамъ тебѣ знакъ головою моею: ты же уразумѣвъ сіе, войди въ верхнюю храмину, и тамъ собравъ все ратное мое оружіе, постанови тщательно въ особливой храминѣ. Ежели увидятъ женихи дѣлающаго тебя сіе и спросятъ о причинѣ того, отвѣчай имъ, что для предохраненія опъ дыму дѣлаешь сіе, и что не въ такомъ порядкѣ усматриваешь все оружіе отца своего, въ какомъ было имъ оставлено при отходѣ въ Трою, но отъ куренія огня все потемнѣнное и ржею поѣдаемое. Присовокупи и сіе: боюся и того, да не воздвигнете нѣкогда распрю отягченные виномъ, и тогда уязвите онымъ другъ друга, и осквернните пиршество и брачныя приготовленія: ибо желѣзо само влечетъ къ себѣ мужа. По семъ поставь два меча, два копья и два щита. Такимъ образомъ какъ скоро потребуетъ нужда, мы тотчасъ можемъ обратиться къ приготовленному оружію, а Дій и Паллада помрачатъ ихъ разумъ. Прибавлю и сіе: когда ты сынъ мнѣ и отъ нашей рожденъ крови, да никто не увѣдаетъ, что я обрѣтаюся въ домѣ моемъ, ниже Лаертъ, ниже Эвмей, ниже отъ домашнихъ кто либо, ниже самая Пинелопа: но токмо ты и я испытаемъ правоту рабовъ и рабынь нашихъ, кто изъ нихъ чтитъ и боится насъ, и кто презираетъ и не воздаетъ тебѣ должнаго почтенія.

Тилемахъ отвѣтствовалъ : ахъ родитель мой! поистинѣ познаешь во мнѣ духъ свой и неустрашимую отважность: но сіе по мнѣнію моему не будетъ полезно для испытанія свойства рабовъ нашихъ чрезъ наблюденіе дѣлъ ихъ : ибо сами собою послѣ окажутся расточавшіе домъ нашъ безъ всякаго страха: о рабыняхъ же всеконечно совѣтую учинить разсмотрѣніе , которыя изъ нихъ не чтятъ тебя и стыда не знаютъ.

Такъ Тилемахъ и Одиссей разглагольствовали. Между тѣмъ корабль привезшій Тилемаха изъ Пила прибылъ во Ѳаку: мореплаватели ввели его въ пристанище, и вскорѣ по семъ послали въ домъ Одиссеевъ вѣстника увѣдомить Пинелопу о благополучномъ Тилемаха возвращеніи отъ путешествія , что онъ находится при стадахъ, дабы царица не проливала вотще слезъ о своемъ сынѣ. Вѣстникъ и Эвмей, несущіе одинакое возвѣщеніе другъ съ другомъ срѣтаются, и первый ускоривъ притти къ царицѣ, такъ вѣщаетъ: о царица Пинелопа! сынъ твой возвратился благополученъ изъ острова Пила. По семъ Эвмей представши, повѣдалъ все, что ни повелѣно было отъ Тилемаха. Исполнивъ же сіе , паки отходитъ на село. Женихи услышавъ о семъ , безмѣрно вознегодовали, и вышедши внѣ дома, сѣли при вратахъ онаго близь ограды. Тамъ Эвримахъ начинаетъ говорить предъ ними: други мои! мы были въ томъ чаяніи, что Тилемахъ не совершитъ путешествія своего благополучно ; но нынѣ послѣдовало вопреки нашимъ желаніямъ : и для того поспѣшимъ послать

вѣстника къ назирающимъ его, да возвратятся оттуда. Но Амфиномъ усмотрѣвъ корабль вшедшій въ пристань и плавателей вѣтрила собирающихъ, сказалъ: конечно сами они усмотрѣвъ корабль Тилемаховъ плывшій мимо, не могли настигнуть его. Такъ говорилъ онъ: плаватели же оставя мѣста свои и вышедши на берегъ, извлекли и корабль на оный, оружіе отнесли въ домы рабы ихъ, а сами собрался всѣ во единъ сонмъ, гдѣ Антиной сынъ Эвпиѳеевъ говоритъ имъ начинаетъ: когда Тилемахъ спасся нынѣ отъ пагубы, поистинѣ сами боги въ томъ ему покровительствовали: ибо по захожденіи солнца чрезъ всю ночь мы бодрствовали, разъѣзжая по морю до самыя зари, и наблюдая прилѣжно корабль Тилемаховъ, дабы погубить его въ немъ: но нѣкто, мню, изъ боговъ провелъ его безвредно. И такъ положимъ совѣтъ погубить его здѣсь, дабы никакъ не могъ спастися отъ рукъ нашихъ: доколѣ же онъ живъ будетъ, мы желанія своего не можемъ достигнуть: ибо и самъ онъ разумомъ и совѣтами предъ многими преуспѣваетъ, и народъ намъ не совсѣмъ благопріятствуетъ. Слѣдовательно благоразуміе требуетъ предварить его, доколѣ не соберетъ онъ Ахеянъ на сонмъ (ибо, думаю я, не оставитъ сего сдѣлать), и тамо весь народъ на гнѣвъ подвигнетъ, повѣдавъ предъ всѣми, что мы совѣщали ему смертную пагубу, но не могли исполнить сего. Тогда услышавъ о дѣлахъ нашихъ, вознегодуютъ на насъ, и мы послѣ должны страшиться, дабы не постигло насъ зло какое, или и совсѣмъ бы не изгнали ош-

сюда: тогда будемъ скитаться въ чужихъ странахъ. Говорю вамъ, предускоримъ сіе, лишивъ его жизни или на полѣ далеко отсюда или на пути: наслѣдство же его раздѣлимъ между собою по равной части, оставивъ прочее домашнее стяжаніе матери его и тому, кто пойметъ ее въ жену себѣ. Но ежели сей мой совѣтъ кажется вамъ непослезенъ, и вы желаете, дабы онъ живъ остался и обладалъ отеческимъ наслѣдіемъ: то совѣтую не расточать больше его имѣнія, и возвратяся въ домы свои, требовать Пинелопу въ супружество себѣ посредствомъ множайшихъ даровъ, оставаяся въ той надеждѣ, кому судьба опредѣлитъ обладать ею. Такъ говорилъ онъ, и всѣ пребывали въ глубокомъ молчаніи. По семъ Амфиномъ, сынъ знаменитаго царя Аритія, родомъ изъ острова Дулихія, который всѣмъ женихамъ былъ предводитель и Пинелопѣ за кроткій нравъ и здравыя разсужденія пріятенъ, такъ сказалъ: други мои! я не желаю убійства Тилемаху: ибо царская проліянная кровь не останется безъ отмщенія. Но прежде испытаемъ отвѣта божескаго, и когда будетъ на сіе воля Дія, я нетокмо подамъ совѣтъ прочимъ, но и самъ сіе исполню: ежели же намѣреніе наше противно богамъ, въ такомъ случаѣ лучше оставить сіе злое начинаніе.

Такъ сказалъ Амфиномъ: и всѣмъ угоденъ явился совѣтъ его. Послѣ чего пошли всѣ въ домъ Одиссеевъ. Тогда мудрая Пинелопа, вышедши изъ чертога своего съ двумя рабынями, стала въ дверяхъ храмины, гдѣ

женихи пребывали, и имѣя на головѣ покрывало, вѣщаетъ къ нимъ: Антиной! не почитаешся ли ты между знаменитыми Ѳеакіянами превосходнѣйшимъ во всѣхъ совѣтахъ и собесѣдованіяхъ? почто же Тилемаху устрояешь пагубу и смерть, и ниже взираешь на невинность, коея самъ великій Дій есть свидѣтель? Или не знаешь, какъ отецъ твой пришелъ сюда, убѣгая отъ раздраженнаго народа? Ибо гоняся за Тафійскими разбойниками, весьма раздражилъ Ѳеспротянъ, которые хотя были и дружелюбны ему, но хотѣли убить его и все многочисленное стяжаніе испребить: Одиссей же воспрепятствовалъ и удержалъ ихъ отъ буйнаго устремленія: а ты нынѣ домъ твоего благодѣтеля нагло раззоряешь, и желая понять меня въ жену себѣ, ищешь убить сына моего. И такъ совѣтую тебѣ отложить сіе злое намѣреніе, да и всѣмъ твоимъ единомышленникамъ о томъ же напоминаю.

Эвримахъ сынъ Поливіевъ отвѣтствовалъ на сіе: великоименитая царица Пинелопа дщерь Икаріева! да не смущается сердце твое сими мыслями. Доколѣ нахожуся я живъ и наслаждаюся свѣтомъ солнечнымъ, никто не вознесетъ рукъ на сына твоего. Что говорю, то и будетъ. Вскорѣ обагрится сіе копье кровію того, кто помыслитъ пагубу на Тилемаха: ибо помню я, какъ градораззоритель Одиссей многократно малолѣтнаго меня держа на коленахъ своихъ, подавалъ мнѣ жареныя мяса и поилъ сладкимъ виномъ: для сего Тилемахъ паче всѣхъ мнѣ есть любезенъ. И такъ да не устрашается онъ

навѣтовъ и смерти отъ жениховъ, отъ бога же не можно избѣжать оной.

Такъ говорилъ Эвримахъ, утѣшая ее: въ самой же вещи первый былъ виновникъ совѣщаемой Тилемаху пагубы. Пинелопа удалясь въ горнюю свою храмину, снова предается горести о возлюбленномъ супругѣ своемъ Одиссеѣ, доколѣ Аѳинская богиня не излила сладкій сонъ на вѣжди ея. Тѣмъ временемъ, когда день уже преклонился къ вечеру, Эвмей пришелъ обратно къ Одиссею и Тилемаху, которые тогда готовили ужинъ, и закололи одно-лѣтняго вепря. Божественная Паллада паки претворяетъ Одиссея въ нищаго старика, дабы Эвмей не позналъ и не возвѣстилъ Пинелопѣ.

Тогда Тилемахъ вопрошаетъ его: повѣдай, любезный Эвмей! какой носится слухъ во Иѳакѣ, уже ли возвратилися женихи отъ соглядания ихъ, или еще наблюдаютъ въ домъ мое возвращеніе?

Пастухъ отвѣчалъ: не имѣлъ я попеченія любопытствовать о семъ, но пришедши въ городъ и извѣстивъ матерь твою, о чемъ надлежало, паки тщился возвратиться поспѣшно сюда, и въ тоже время увидѣлъ я идущаго мнѣ на встрѣчу вѣстника отъ твоихъ сопутниковъ, который ей повѣдалъ первый о тебѣ. Кромѣ сего, бывъ уже на пути, гдѣ четвероугольная зрится могила, видѣлъ я вшедшій въ пристань корабль, на коемъ многіе находились плаватели и блистали многіе щиты и копья: сихъ мню быть пагубныхъ твоихъ соглядатаевъ: а болѣе ничего не знаю.

Тилемахъ слыша сіе, взглянулъ на отца своего съ усмѣшкою. По семъ насытився пищею и вномъ, ко сну всѣ отходятъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ СЕДМАЯНАДЕСЯТЬ.

Когда явилася багряновидная денница, тогда Тилемахъ подвязавъ сапоги подъ ноги, беретъ копье рукамъ его способное, готовится итти въ городъ и такъ говоритъ Эвмею: любезный другъ! теперь я отхожу во Иѳаку, да увидитъ меня матерь моя, которая, думаю, не престанетъ отъ слезъ и сѣтованія, доколѣ меня не узритъ очами своими. Тебѣ же препоручаю отвести сего страннаго мужа въ городъ, гдѣ всякъ снабдитъ его, кто расположенъ будетъ, или хлѣбомъ или чашею вина: ибо мнѣ, имѣющему на сердцѣ толикія горести, не можно питать всѣхъ странныхъ. Хотя же онъ и оскорбится симъ, не буду смотрѣть на то: поелику я всегда люблю откры-вать истинну.

Одиссей отвѣчалъ на сіе: возлюбленный другъ мой! не хочу я и самъ болѣе здѣсь

жить: ибо нищему полезнѣе быть въ городѣ, нежели на селѣ. И такъ иди, любезное чадо! въ путь свой: меня же по препорученію твоему отведетъ сей мужъ, когда согрѣюся и взойдутъ теплотворные лучи солнечные: поелику сія моя одежда малую мнѣ подаетъ защиту отъ стужи: городъ же, какъ сами вы сказывали, отстоитъ отсюда далеко.

Такъ говорилъ Одиссей: Тилемахъ же спѣшитъ итти въ путь, совѣщая женихамъ пагубу. По возвращеніи въ домъ, копье поставивъ при столпѣ, входитъ въ чертоги, гдѣ первая увидѣла его питательница Эвриклея съ прочими рабынями, и приближась къ нему со слезами, лобызаютъ главу и рамена. Пинелопа такъ же услышавъ о приходѣ сына, идетъ изъ чертога своего, подобясь Артемидѣ или златовидной Афродитѣ, и притекши къ нему, емлетъ въ свои объятія, лобызаетъ главу и очи, и проливая слезы, вѣщаетъ: Ахъ возлюбленный Тилемахъ! наконецъ возвратился ты сладчайшій свѣтъ очей моихъ! Могла ли я уповать, что увижу тебя, когда тайно оставивъ меня, удалился въ островъ Пилъ извѣститься объ отцѣ твоемъ?

Тилемахъ отвѣтствовалъ: возлюбленная матерь! не приводи меня къ слезамъ, и не возмущай сердца моего, ежели я спасся отъ погибели; но вшедши въ чертогъ свой, умойся, и возложивъ на себя свѣтлыя одежды, обѣщай богамъ принести сточисленную жертву, да благоволитъ всесильный Дій воздать отмщеніе. Я же иду въ сонмъ народный обрѣсти тамъ нѣкоего странника со мною пришедша-

го, коего я напередъ себя послалъ на корабль въ домъ къ Пирею, возложивъ на него попеченіе угощать его.

Пинелопа возвратясь въ чертогъ свой, исполнила по совѣту сына своего, который имѣя въ рукахъ копье и сопровождаемый псами, оставляетъ домъ свой. Тогда божественная Паллада излила на него благодать свою. Народъ увидѣвъ его идущаго, безмѣрно удивился, и всѣ женихи собралися вокругъ его, устами желая всякаго блага, въ сердцахъ же совѣщевая пагубу. Онъ изшедши изъ средины многочисленнаго народа, входитъ въ собраніе. Тутъ сидѣли Ментторъ, Антифъ и Алиферсъ, древніе други отца его, которые о всемъ вопрошали его по единому. Тамъ явился и Пирей, приведшій помянутаго странника Θеоклимена, и говорилъ такъ Тилемаху: возлюбленный другъ! пошли рабовъ своихъ въ домъ мой, да возмутъ оттуда дары данные тебѣ Менелаемъ.

Тилемахъ сказалъ: другъ мой Пирей! еще неизвѣстно, какое дѣла мои примутъ окончаніе: ибо когда гордые женихи погубятъ меня тайно, тогда раздѣлятъ и все мое стяжаніе. И для того лучше я желаю, чтобы ты оными дарами наслаждался, нежели кто нибудь изъ нихъ. Когда же я ихъ низведу въ жилища смертныя, тогда принеси ихъ въ домъ ко мнѣ, и я въ то время приму ихъ съ радостію.

Сіе сказавъ, ведетъ въ домъ свой странника, гдѣ рабыни обоихъ умыли и умастили елеемъ. Когда же насытилися предложенными брашнами, царица говоритъ начинаетъ такъ:

любезный Тилемахъ! нынѣ я имѣю желаніе успокоиться на ложѣ моемъ, которое призываетъ меня къ размышленію о горестяхъ моихъ, и всегда слезами моими орошается съ самаго того дня, какъ возлюбленный мой Одиссей пошелъ со Атреевыми сынами на брань Троянскую: ты же ничего о немъ возвѣстишь мнѣ не хочешь, ежели что слышалъ, доколѣ не придутъ сюда женихи нестерпимые.

Тилемахъ отвѣтствовалъ: возлюбленная матерь моя! повѣдаю тебѣ всю истинну: оставя мы Ѳеакійскіе берега, направили путь нашъ во островъ Пилъ къ царю народовъ Нестору, который со всякимъ дружелюбіемъ принявъ меня, прилагалъ попеченіе о мнѣ, какъ отецъ о сынѣ: но о Одиссеѣ ничего не могъ повѣдать, живъ ли обрѣтается, или уже погибъ, и отпустилъ меня къ Менелаю сыну Атрееву, снабдивъ меня конями и колесницею. Тамъ видѣлъ я Аргивскую царицу Елену, за которую многіе Ахеяне и Трояне по волѣ боговъ пали. Тогда вопросилъ меня Менелай о причинѣ моего въ Лакедемонъ путешествія, коему я возвѣстилъ всю истинну. На что сказалъ онъ мнѣ: увы, какъ сполъ слабые юноши дерзаютъ возлечь на ложѣ сполъ крѣпкаго и сильнаго мужа? Какъ молодая лань съ оленемъ похитивъ дѣтей у сильнаго льва, усыпляютъ ихъ на холмѣ въ густой дебри, сами же пасутся въ злачной долинѣ; но сей пришедши и не видя дѣтищъ своихъ, протекаетъ повсюду, по семъ обрѣтши оленя съ ланью, и обѣихъ растерзавъ, пожираетъ: такъ Одиссей возвратившися, горькую женихамъ

содѣлаетъ пагубу. Отецъ боговъ Дій, Паллада и Аполлонъ! о когда бы таковъ нынѣ пришедши Одиссей, явился предъ гордыми женихами, каковъ былъ въ Лесвосѣ, когда сражался съ сыномъ Филомила, коего сокрушивъ, низложилъ мужественно: тогда всѣ Ахеяне возрадовалися: такъ нынѣ женихи поистиннѣ узрѣли бы конецъ горестнаго своего брака. О чемъ же знать желаешь и меня вопрошаешь, не скрою ничего, но повѣдаю тебѣ все, что возвѣстилъ мнѣ морскій старецъ любящій истинну.

Повѣдалъ мнѣ онъ, что видѣлъ Одиссея снѣдаемаго печалію, обитающаго въ домѣ богини Калипсы, которая противъ воли удерживаетъ его въ своемъ островѣ: ибо не имѣя ни корабля, ни сопутниковъ, не можетъ отшуда возвратиться въ отечественную землю. Сіе токмо повѣдалъ мнѣ Менелай: а я услышавъ сіе отъ него, оставилъ Лакедемонъ, и богиославъ мнѣ поспѣшный вѣтръ, благоволили увидѣть паки отечество.

Симъ возвѣщеніемъ возбудилъ сердце матери своей къ вящшему сѣтованію. Тогда Θеоклименъ начинаетъ рѣчь свою: почтенная царица! всеконечно Менелай не можетъ быть извѣстенъ о прочемъ; но внуши, что я хочу сказать тебѣ: да будутъ нынѣ свидѣтелями отецъ боговъ Дій, страннопріимный столъ и домъ сей, въ коемъ теперь обрѣтаюся, что Одиссей истинно пришелъ уже во отечественную страну, и нѣгдѣ сокровенно пребывая, испытываетъ о дѣлахъ неистовыхъ жениховъ и имъ совѣщеваетъ пагубу. Сіе по-

зналъ я, когда еще былъ въ кораблѣ, и открылъ сію тайну Тилемаху.

Пинелопа отвѣтствовала ему: о когда бы исполнилися слова твои, поистиннѣ позналъ бы ты мою дружбу и получилъ бы толикіе дары, что всякъ видя такое воздаяніе, назвалъ бы тебя благополучнымъ!

Такъ Пинелопа, Тилемахъ и Θеоклименъ разглагольствовали. Между тѣмъ женихи предъ домомъ Одиссеевымъ на помостѣ разными забавами утѣшалися. Когда же наступило время ужинать и уже приведены были изъ стадъ овцы, тогда Медонтъ вѣщаетъ имъ: знаменитые юноши! приближилось время ужинать: и такъ идите для уготовленія себѣ яствъ: ибо вкушать пищу полезно есть во время.

Тогда всѣ вставъ отъ мѣстъ своихъ, пришли въ домъ и насыпилися приготовленною пищею.

Эвмей же пребывая на селѣ своемъ, вѣщаетъ Одиссею: странникъ! время уже и намъ итти въ городъ, дабы исполнить велѣніе Тилемаха. Желалъ бы я отъ всего сердца оставить тебя стражемъ въ домѣ семъ, но боюся, да не раздражится царь мой: ибо неудобосносимъ есть гнѣвъ властителей. И такъ пойдемъ теперь: поелику день уже преклонился, и скоро настанетъ суровое время.

Одиссей отвѣчалъ: я уже готовъ итти съ тобою, веди меня; но прежде дай мнѣ посохъ, да не упаду на пути, о которомъ сами

вы повѣдали, что весьма неудобенъ для путешествующихъ.

Сказавъ сіе, возлагаетъ на плеча ветхую суму, Эвмей вручаетъ ему посохъ, и по семъ емлются пути. Наконецъ приближились къ городу и находилися уже близь источника, устроеннаго Иѳакомъ, Ниритомъ и Поликторомъ и окруженнаго дебрію, въ который ниспадала съ высокія горы всегдашняя вода, и всѣ граждане почерпали оную: тамъ на верху сооруженъ былъ жертвенникъ, гдѣ всѣ путешествующіе приносили Нимфамъ моленіе. Тамъ срѣтаетъ ихъ Меланѳій сынъ Долиевъ, ведя на пищу женихамъ козъ, съ коимъ слѣдовали еще другіе два пастуха. Онъ увидѣвъ Эвмея и Одиссея идущихъ, съ гордостію и уничиженіемъ сказалъ: вотъ безумный ведетъ другаго безумнаго: такъ всегда боги равнаго къ равному посылаютъ. Несмысленный пастухъ! куда ведешь сего нищаго, тунеядца и досадителя пиршествующихъ, который на хребетъ себѣ поистинѣ многіе соберетъ удары? И такъ отдай мнѣ его, я учиню его стражемъ и надзирателемъ стада моего, и будетъ носить сѣно въ пищу скотамъ. Но я усматриваю, что труды ему не нравятся: ибо привыкъ онъ къ праздности, трясяся просить въ народѣ мылостыню для ненасытнаго своего чрева. Все, что ни предвѣщаю, сбудется съ нимъ, и коль скоро явится въ домъ Одиссеевъ, многія тамъ отъ рукъ пиршествователей полетятъ на него подножія, и ребра его многими отягчены будутъ язвами. Сіе сказавъ, съ насмѣяніемъ поражаетъ

его по бедрѣ ногою. Тогда раздраженный Одиссей помышляетъ, устремиться ли на него, и поднявъ ударить головою о камень, или снести сіе поруганіе? Однакожъ терпѣливо понесъ на сердцѣ своемъ. Тогда Эвмей многого поносивъ Меланѳія, наконецъ прибѣгаетъ къ мольбѣ: о божественныя нимфы дщери Діевы! ежели когда вамъ Одиссей отъ овновъ или козловъ принесъ въ жертву тучныя бедра, да пріидетъ сюда руководимъ самимъ богомъ: тогда всѣ твои поношенія исчезнутъ, которыя теперь съ такимъ неистовствомъ произносишь, и скитаяся въ городѣ, оставляешь стада безполезно погибающія по нерадѣнію пастуховъ. — Меланѳій сказалъ: ахъ други мои! не слышите ли, какія слова говоритъ сей коварный песъ? Но нѣкогда и самъ я отправлю корабль для пріобрѣтенія многихъ сокровищъ. Тилемаха же да поразитъ самъ Аполлонъ въ домѣ его, или да погибнетъ отъ рукъ жениховъ, такъ какъ и день возвращенія Одиссеева!

Сіе сказавъ, оставилъ ихъ идущихъ въ молчаніи: самъ же скоро приближився къ дому Одиссея, и вшедши внутрь онаго, сѣлъ близь Эвримаха, коего любилъ изъ всѣхъ больше. Тамъ подали ему многія мяса, и рабыня предложила хлѣбъ. По семъ фимій началъ предъ ними играть на цѣвницѣ. Тогда и Одиссей приближився къ дому и слыша пѣніе, емлетъ Эвмея за руку и такъ вѣщаетъ: другъ мой! конечно сей домъ принадлежитъ Одиссею: ибо легко отличить его можно отъ всѣхъ прочихъ по великолѣпному украшенію, по оградѣ,

воротамъ и укрѣпленію: при томъ же познаю и то, что многіе обрѣтаются въ немъ пиршествователи, и запахъ отъ жареныхъ мясъ касается моего обонянія: слышу и голосъ играющаго на цѣвницѣ, низпосланной богами ко утѣшенію въ пиршествахъ.

Эвмей отвѣтствовалъ: ты въ томъ не обманываешся, какъ и самъ видишь. Но намъ должно помыслить, какъ поступить въ семъ случаѣ: или ты прежде явись предъ веселящимися женихами, а я здѣсь остануся: или когда хочешь, помедли здѣсь нѣкое время, токмо не такъ долго, дабы увидѣвъ кто изъ рабовъ, не нанесъ тебѣ обиды, или и совсѣмъ не изгналъ бы изъ дому: сего остерегашься тебѣ совѣтую.

Довольно понимаю, къ чему совѣтъ твой клонится, сказалъ Одиссей: но иди ты прежде, я же здѣсь остануся: ибо я уже пріобыкъ нетокмо къ досадамъ, но и къ самымъ побоямъ, къ тому же и сердцемъ одаренъ твердымъ, которое перенесло много золъ на моряхъ и на брани съ мужами. Но пагубнаго чрева, которое причиняетъ великія напасти людямъ, никто превозмочь не можетъ: ради его и корабли вооружаются, и предаются неукротимому морю, неся смерть сопротивнымъ.

Такъ они разглагольствовали. Тамо на сметищѣ при врашахъ лежалъ песъ, Аргъ зовомый, коего самъ Одиссей воспиталъ, и отходя на брань, оставилъ въ домѣ, коего рабы въ отсутствіе царя всегда брали на ловитву серн, оленей и дикихъ зайцевъ, и за старостію лѣтъ у всѣхъ былъ въ презрѣніи. Сей

увидѣвъ идущаго Одиссея, и познавъ въ немъ господина своего, опустилъ уши и махалъ ошибомъ, но не могъ приближиться къ царю отъ крайней слабости. Одиссей усмотрѣвъ его, испустилъ слезы и вопрошаетъ Эвмея: другъ мой! удивляюсь подлинно, видя пса сего въ небреженіи лежащаго на смѣтищѣ: не знаю, таковъ ли скоръ онъ былъ въ бѣганіи, каковъ зрится тѣломъ: или онъ изъ числа тѣхъ псовъ, которыхъ воспитываютъ при столахъ для забавы?

Эвмей отвѣтствовалъ: песъ сей есть давно умершаго царя моего. О когда бы таковъ былъ нынѣ онъ тѣломъ и проворствомъ, какова оставилъ Одиссей при отходѣ своемъ въ Трою, поистиннѣ удивился бы ты быстротѣ его! Ибо какого ни усматривалъ звѣря, всегда уловлялъ его, и хотя бы онъ укрывался въ мрачныхъ и дремучихъ лѣсахъ, немедленно по слѣдамъ отыскивалъ его: нынѣ же совсѣмъ презрѣнъ: ибо господинъ его далеко погибъ отъ отечества, и рабыни не даютъ ему никакой пищи, да и рабы когда не видятъ надъ собою повелѣвающаго, не исполняютъ дѣлъ своихъ. Цѣлую половину мужества и храбрости дій отъемлетъ, когда человѣка постигаетъ день ига и рабства.

По сихъ словахъ идетъ внутрь чертоговъ къ гордымъ женихамъ. Песъ же Аргъ, увидѣвъ царя своего въ двадесятый годъ, тутъ же испустилъ духъ свой. Тилемахъ усмотрѣвъ пришедшаго Эвмея, и призвавъ къ себѣ, велитъ ему избрать мѣсто, и онъ сѣлъ противъ Тилемаха. Провозвѣстникъ подалъ

ему многія мяса и хлѣбъ. Вскорѣ по семъ входитъ и Одиссей во образѣ нищаго старика, имѣя раздранныя рубища и опираяся о посохъ, и садится близь порога на помостѣ. Тогда Тилемахъ взявъ изъ сосуда мясо и хлѣбъ, сколько руки могли вмѣстить, говоритъ Эвмею: прими сіе и подай сему странному мужу, и скажи, дабы онъ и у всѣхъ прочихъ здѣсь пиршествующихъ просилъ себѣ пищи: ибо стыдъ непривиченъ питающемуся подаяніемъ. Эвмей взявъ пищу и пришедъ къ Одиссею, говоритъ: странный старецъ! прими сіе подаяніе отъ Тилемаха, который позволяетъ тебѣ просить пищи равномѣрно и у всѣхъ прочихъ здѣсь сопиршествующихъ.

Одиссей отвѣтствовалъ: о всесильный обладатель Дій! содѣлай Тилемаха между всѣми мужами блаженнымъ, и исполни всѣ его желанія, какія на сердцѣ своемъ онъ имѣетъ. Сіе сказавъ, беретъ данную ему пищу обѣими руками, и положивъ предъ собою на сумѣ своей, ѣстъ оную при играніи пѣвца на цѣвницѣ.

Между тѣмъ женихи воздвигли мятежъ и ропотъ. Паллада возбудила въ Одиссеѣ желаніе просить у каждаго изъ нихъ подаяніе, да увѣдаетъ, кто изъ нихъ держится правды, и кто склоненъ къ обидамъ, дабы ниединъ изъ сихъ не избѣгъ пагубы. И такъ вставши съ мѣста, идетъ къ каждому, и стоя предъ ними, простираетъ руки, аки бы многое время въ нищетѣ обрѣтался. Женихи же милосердуя, подавали ему яству, и взирая на него, дивилися и вопрошали другъ друга,

кто онъ таковъ и откуда пришелъ, коимъ Меланѳій объявилъ, что нищій сей приведенъ пастухомъ Эвмеемъ, откуда же и кто онъ таковъ, ему сіе неизвѣстно. Тогда слышавъ сіе Антиной, начинаетъ укорять Эвмея: несмысленный пастухъ! за чѣмъ ты привелъ къ намъ старика сего? Или мы мало видимъ въ домѣ семъ другихъ многихъ скитающихся нищихъ, кои токмо нарушаютъ наши забавы? Развѣ ни во что ты ставишь, когда тунеядцы сіи губятъ стяжаніе царя твоего? Но ты и сего привелъ сюда же.

Эвмей отвѣчалъ: Антиной! какъ разумнымъ почитаешся, а говоришь неправду? Призываетъ ли кто когда странниковъ откуда, развѣ кого либо изъ таковыхъ, кои обучены какому либо знанію, какъ напримѣръ или врача, или древодѣлателя, или искуснаго пѣвца? Ибо сіи люди на землѣ почитаются знаменитыми: нищаго же пришельца никто не призываетъ. Впрочемъ изъ всѣхъ женіховъ ты наиболѣе причиняешь озлобленія рабамъ дому Одиссеева, наипаче же всѣхъ мнѣ: но я не взираю на тебя, доколѣ царица моя Пинелопа и сынъ ея Тилемахъ въ дому своемъ пребудутъ.

Тилемахъ сказалъ Эвмею: воздержися отъ велерѣчія своего: Ибо Антиной самъ по себѣ склоненъ начинать распри и возмущать другихъ. По семъ обратяся къ Антиною, говоритъ ему: Антиной! когда ты равное о мнѣ имѣешь попеченіе, какъ отецъ о сынѣ, почто же гордымъ голосомъ повелѣваешь страннику сему оставить домъ мой? Да не будетъ сего: но паче подай ему, сколько тебѣ заблагоразсудит-

ся: я не возбраняю, напротивъ того совѣтую. Не взирай въ семъ случаѣ ни на матерь мою, ниже на прочихъ домочадцевъ Одиссея. Но я увѣренъ, что сердце твое мятется иными помышленіями: ибо ты желаешь паче самъ насытиться, нежели накормить другаго.

Антиной сказалъ на сіе: о колико велерѣчивъ и высокомѣренъ ты Тилемахъ! и пристойно ли тебѣ говорить сіе? Когда бы всѣ мы столько же дали ему пищи, сколько ты, поистиннѣ чрезъ три мѣсяца оную не пожралъ бы, пребывая неисходно въ домѣ своемъ. Сіе сказавъ и взявъ поданное, показалъ ему: прочіе же женихи всѣ наполнили хлѣбомъ и мясами суму нищаго, который вскорѣ имѣлъ явиться истиннымъ Одиссеемъ, и удалясь на свое мѣсто, такъ вѣщаетъ Антиною: другъ мой! подай мнѣ отъ пищи твоей, сколько тебѣ разсудится: ибо являешся ты подобенъ царю: чего ради паче прочихъ подобаетъ тебѣ быть великодушну: я же имя твое прославлю повсюду: ибо и я нѣкогда имѣя между людьми богатый домъ, нарицался благополучнымъ, и часто снабдѣвалъ странныхъ многими вещами, какія токмо потребны имъ были: имѣлъ такъ же многихъ рабовъ и изобиловалъ всякими благими: но великому Дію угодно было всего лишить меня, самаго же послать съ заблуждающими всюду плавателями въ отдаленную Египетскую страну, да погибну тамо. И такъ ставши съ кораблями своими въ Египетской рѣкѣ, повелѣлъ я сопутникамъ своимъ извлечь ихъ на сушу и пребывать при оныхъ; по томъ избравъ нѣсколько изъ нихъ,

послалъ соглядать тамошнюю землю : но сіи внемля безумію своему , начали опустошать села и похищать дѣтей или предавать ихъ смерти: Египтяне услышавъ о семъ насиліи, и съ восшедшею зарею стекшися отвсюду, наполнили все поле пѣшими и конными. Но молніеносный Дій не давъ крѣпости сопутникамъ моимъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, и ниединъ не могъ противостать Египтянамъ, насъ окружившимъ : тогда многіе избранные мои соплаватели сокрушены бывъ острымъ оружіемъ , пали на землѣ бездыханны , а иные отведены въ плѣнъ и рабство: меня же самаго продали Дмитору сыну Іазіеву, обладавшему тогда островомъ Кипромъ , откуда по многихъ напастяхъ пришелъ я наконецъ въ сію землю.

Антиной отвѣтствовалъ ему съ яростію: какой богъ послалъ намъ сіе неудобосносимое зло и съ тѣмъ вмѣстѣ рушителя нашихъ удовольствій ? Удалися , несмысленный старикъ, отъ стола нашего, да не увидишь паки горестный Египетъ и островъ Кипръ : ибо не хранишь ни къ кому уваженія, и безстыдно просишь милостыню , а сіи даютъ тебѣ невозбранно, и не щадятъ чужаго стяжанія, имѣя каждый предъ собою обильно пищи.

Мудрый Одиссей сказалъ ему: лице твое и сердце далеко отстоятъ другъ отъ друга: ибо ежели бы кто пришелъ въ домъ къ тебѣ для испрошенія милостыни, то мнится мнѣ, что не подалъ бы ты ему даже самыя ма-

лыя части соли, когда сидя за чужимъ столомъ и имѣя всего довольно, не хочешь удѣлить небольшаго куска хлѣба.

Слышавъ сіи укоризны Антиной, воспалился всемъ сердцемъ, и возрѣвъ съ яростію, сказалъ: вижу, что ты не хочешь цѣлъ отсюда выпти, когда еще и поношенія дѣлаешь.

Съ сими словами поднявъ подножіе, поражаетъ Одиссея въ правое плечо близъ хребта: но Одиссей и отъ сего пораженія не поколебался духомъ, но токмо покивавъ головою, совѣщевалъ пагубу. По семъ удалясь на свое мѣсто, поставилъ подлѣ себя плетеницу наполненную мясомъ, и сіе вѣщаетъ женихамъ: внушите слова мои, знаменитые юноши! досада и оскорбленіе бываютъ чувствительны, когда кто терпитъ сіе, защищая свое стяжаніе, овецъ, воловъ или иное что: но Антиной за что поразилъ меня? за враждебное чрево, которое всѣмъ людямъ причиняетъ напасти. Исполнь ежели нищіе имѣютъ своихъ боговъ и вѣщерей ада мучительницъ Эриній, молю ихъ, да обрящетъ онъ смерть прежде брака.

Антиной отвѣчалъ: насыщайся съ молчаніемъ, досадный старикъ! или скоро оставь сей домъ да не извлекутъ тебя рабы насильно за руки и за ноги и возложатъ многія язвы. Такъ говорилъ Антиной, и всѣ сопирцествующіе съ нимъ сильно на него возненодовали, и нѣкто сказалъ ему: Антиной, какой у тебя несносный и наглый нравъ! и за что ты бьешь странника сего? Ежели на небесахъ обитаютъ боги, то они суть всесильны,

и нерѣдко во образѣ страннопришельцевъ обращаяся между людями, назираютъ ихъ дѣла злыя и добрыя. Но онъ ничему не внималъ, и тѣмъ еще горшее нанесъ озлобленіе Тилемаху, который съ своей стороны соумышлялъ ему тайно въ сердцѣ своемъ мщеніе.

Цѣломудренная Пинелопа услышавъ о причиненномъ озлобленіи въ домѣ ея страннику, сказала рабынямъ возвѣстившимъ ей о семъ: такъ да поразитъ Антиноя стрѣломещущій Аполлонъ! — Домостроительница Эвринома отвѣтствовала ей: когда бы всѣ наши желанія исполнялись, поистиннѣ ни одинъ бы изъ жениховъ до утра цѣлъ не остался. — Любезная питательница! сказала ей Пинелопа, хотя всѣ они противны сердцу моему ради злыхъ ихъ совѣтовъ; но Антиной кажется мнѣ непріязненнѣе и ужаснѣе самой смерти, когда всѣ прочіе являютъ страннику милосердіе, а онъ одинъ бьетъ его. По семъ призвавъ Эвмея, говоритъ ему: иди и призови ко мнѣ онаго страннопришельца, у коего вопрошу я, неимѣлъ ли онъ случая гдѣ видѣть Одиссея, или не слышалъ ли что о немъ?

Эвмей отвѣтствовалъ ей: ахъ царица моя! поистиннѣ умолкли бы всѣ Ахеяне, когда сей старецъ говорить начнетъ, и усладилъ бы помящееся твое сердце: ибо три дня и три ночи я держалъ его въ дому своемъ, однако онъ не могъ дойти до конца, изчисляя напасти свои. Какъ искуснаго пѣвца всѣ готовы слушать чрезъ долгое время, и никто отъ сладкаго его пѣнія не отвращаетъ слуха: такъ и онъ услаждалъ, доколѣ пребывалъ у меня. Онъ

мнѣ тогда открылъ, что Одиссей издавна ему другъ, и обитаетъ въ Критѣ, что оттуда по претерпѣнiи многихъ напастей идетъ сюда, и слышалъ отъ царя Ѳеспротскаго, что въ скоромъ времени возвратится въ домъ свой съ великими сокровищами.

Тогда Пинелопа сказала паки: иди и приведи его сюда, да все самъ возвѣстишь предо мною: жениховъ же оставимъ утѣшаться, когда сердца ихъ склонны къ забавамъ, коихъ имущество остается цѣло, токмо нашъ домъ расточается, гдѣ каждый день закалаютъ они для своихъ пиршествъ воловъ, овецъ и козъ, и упиваются виномъ безъ мѣры: ибо не обрѣтается здѣсь мужа, каковъ былъ Одиссей, который бы изгналъ ихъ изъ дому. О когда бы онъ возвратился въ отчизну, вскорѣ бы съ сыномъ моимъ отмстилъ симъ юношамъ за наглость ихъ! Такъ говорила Пинелопа, и Тилемахъ въ то самое время чихнулъ столь громко, что по всей храминѣ голосъ его разнесся; тогда Пинелопа усмѣхнувшись, говорила Эвмею: еще повторяю тебѣ, иди скоро и призови ко мнѣ онаго странника: или не слышишь ты, что сынъ мой чихнулъ въ самое то время, когда я рѣчь свою оканчивала? Сіе заставляетъ меня надѣяться, что близка конечная пагуба жениховъ моихъ, и никто не избѣгнетъ отъ оныя. Когда же я увѣрюся, что онъ говоритъ истинну, тогда надѣлю его новыми одеждами.

Эвмей пришедши къ Одиссею, говоритъ ему: матерь Тилемахова, а моя царица, мудрая Пинелопа желаетъ, странникъ, видѣть тебя,

и хочетъ нѣчто увѣдать о супругѣ своемъ, и когда увидитъ возвѣщеніе твое неложно, снабдитъ тебя новыми одеждами, пищу же для пропитанія своего можешь доставлять себѣ отъ народнаго подаянія.

Одиссей отвѣтствовалъ ему: любезный Эвмей! всю истинну возвѣщу царицѣ: ибо я совершенно извѣстенъ объ Одиссеѣ, и мы равныя съ нимъ понесли напасти; но боюся множества надменныхъ жениховъ, коихъ насилія даже до небесъ восходятъ: ибо когда нынѣ Ангпиной пришедшему мнѣ въ домъ сей и никакого зла не учинившему нанесъ жестокіе побои, и ни Тилемахъ, ниже иный кто изъ пиршествующихъ не подали мнѣ нималой помощи: тогда же къ кому прибѣгну, когда женихи увидятъ меня предъ царицею сидящаго и съ нею разглагольствующаго? И такъ моли царицу, да потерпитъ до вечера, и тогда при огнѣ пусть вопрошаетъ о супругѣ своемъ, сколько ей будетъ угодно.

Эвмей съ симъ отвѣтомъ возвращается къ царицѣ, коего она увидѣвъ, говоритъ ему: почто не ведешь странника онаго, или онъ боится обидъ и стыдится явиться предо мною? Но страннымъ стыдъ отнюдь неприличенъ.

Эвмей отвѣтствовалъ: онъ отрицается нынѣ притти къ тебѣ по основательной причинѣ, что и всякой учинилъ бы разумный мужъ: ибо страшится обиды отъ неистовыхъ жениховъ твоихъ: и для того проситъ тебя потерпѣть до захожденія солнца: тогда всеконечно тебѣ, царица моя, удобнѣе будетъ съ нимъ бесѣдовать и наединѣ обо всемъ любопытствовать.

*

Пинелопа сказала на сіе: не несмысленъ мнѣ кажется странникъ сей: ибо не слыхано еще примѣра такой наглоєстии, каковая уєматривается въ оныхъ юношахъ.

По семъ Эвмей ошходитъ въ собраніе жениховъ, гдѣ увидѣвъ Тилемаха, говоритъ ему тайно: возлюбленный Тилемахъ! теперь я хочу паки возвратишиться въ жилище мое для надзиранія за твоимъ и моимъ стяжаніемъ: ты же оспаваясь здѣсь, прилагай о всемъ попеченіе свое, паче же всего блюдися и тщапельно предуємапривай, да не постраждешь зло какое: ибо многіе изъ пребывающихъ здѣсь неистовствуя, умышляютъ на тебя пагубу. Но да погубитъ ихъ всѣхъ великій Дій прежде, нежели какое зло насъ постигнетъ!

По семъ паки сѣдши на мѣстѣ своемъ, и насытившся пищею и виномъ, удаляется на село, оставивъ домъ полный пришествующихъ и жениховъ приступившихъ къ твою и пляскѣ: ибо тогда уже полдень приближался.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Въ самое сіе время пришелъ въ домъ Одиссеевъ нѣкто общенародный нищій, превосходившій во Иѳакѣ всѣхъ алчностію своею и ненасытнымъ чревомъ: ибо ѣлъ и пилъ безпрестанно, но крѣпости и мужества не имѣлъ нимало: былъ ростомъ и видомъ до удивленія великъ: имя ему при рожденіи дано было Арней, но народъ прозвалъ его Иромъ: ибо отовсюду приносилъ токмо вѣсти, кто они посылалъ оныя. Сей пришедши туда и увидѣвъ Одиссея, съ поношеніемъ говоритъ ему: скоро, несмысленный старикъ, оставь домъ сей. Или не видишь, что всѣ пиршествующіе здѣсь мужи желаютъ, чтобы я изгналъ тебя отсюда? Но я стыжусь сего. И такъ совѣтую тебѣ добровольно сіе сдѣлать, да не дойдетъ до распри между нами.

Одиссей воззрѣвъ на него съ яростію, отвѣчалъ: о злополучный! что я тебѣ сказалъ или сдѣлалъ досаднаго, и завидую ли кому въ подаяніи пищи? На помостѣ семъ оба мы удобно можемъ помѣститься: для чегожъ ты завидуешь чужему жребію, когда я вижу, что и ты такой же пресмыкающійся гадъ, какъ и я, и боги не подаютъ ли всякому потребное, и не равное ли о всѣхъ имѣютъ попеченіе? И такъ не возбуждай меня на гнѣвъ

да въ старости лѣтъ моихъ не обагрю устъ твоихъ руками моими: тогда я доставлю себѣ покой, и уповаю, что уже не придешь ты болѣе въ домъ Одиссеевъ.

Алчный Иръ отвѣчалъ: други мои! видите ли, какъ много превозносится сей влачащійся повсюду странникъ? Но скоро крѣпость сихъ рукъ моихъ познаютъ его челюсти и зубы. И такъ тебѣ говорю, вооружитесь нынѣ, да увидятъ всѣ, можешь ли ты противустоять младшему тебя лѣтами мужу.

Такъ Иръ и Одиссей близъ дверей препирался съ великою запальчивостію: Аншиной же взирая на то, радовался и говоритъ прочимъ женихамъ: други мои! поистинѣ прежде сего не было здѣсь подобнаго зрѣлища, какое нынѣ боги послали ко утѣшенію нашему. Не видите ли, какъ сей странникъ и Иръ состязуются между собою о мужествѣ: и такъ постараемся примирить ихъ.

По сихъ словахъ стали всѣ вокругъ состязующихся. Тогда Аншиной паки вѣщаетъ: мужественные Ахеяне! сіи козьи чрева на огнѣ лежащія наполнимъ жиромъ и кровью, и дадимъ тому, кто изъ нихъ явится побѣдителемъ: тотъ всегда съ нами будетъ пиршествовать: другой же никто изъ нищихъ не будетъ имѣть въ томъ участія.

Такъ сказалъ Аншиной, и совѣтъ его всѣмъ угоденъ явился. По семъ Одиссей отвѣтствовалъ: знаменитые юноши! хотя совсѣмъ невозможное есть дѣло угнѣтенному многими напастьми старику сражаться съ юнѣйшимъ себя; но къ сему приводитъ меня

непріязненное чрево. Но прежде вы съ своей стороны дайте мнѣ священную клятву, что никто изъ васъ не подастъ помощи Ирусу и не причинитъ мнѣ никакого оскорбленія.

Всѣ исполнили его желаніе. По семъ Тилемахъ говоритъ: злополучный странникъ! когда желаешь и надѣешся на свою силу, изгони отсюда сего тунеядца: сихъ же знаменитыхъ Ахейскихъ юношей никого не бойся: ибо кто коснется тебѣ, тотъ самъ увидитъ множайшихъ сражающихся противъ себя. Я обладатель дома сего: и такъ всѣ сіи князи мнѣ должны повиноваться, не изключая даже Эвримаха и Антиноя.

По сихъ словахъ Одиссей препоясался по раздранному рубищу, коего тѣло Паллада сне видимо содѣлала полнымъ. Женихи видя мущные его бедры, крѣпкія рамена и широкую грудь, много удивилися, и нѣкто изъ нихъ сказалъ: поистинѣ скоро нашъ Иръ сляченъ будетъ отъ пораженія сего странника, коего крѣпкія и дебелыя мышцы всѣ мы нынѣ видимъ. Иръ слыша сіе, содрогнулся всемъ сердцемъ. Но рабы и не хотящаго его препоясали и вывели на средину, отъ чего всѣ члены въ немъ паче вострепетали. Тогда Антиной сказалъ ему: поистинѣ лучше бы тебѣ не родиться, нежели толь тщетно превозноситься предъ согбеннымъ старикомъ, коего нынѣ столько страшишся. Но что скажу тебѣ, все то исполнится: когда сей мужъ изнуренный многими бѣдствіями явится предъ нами побѣдителемъ, пошлю тебя на корабль къ жесточайшему изъ всѣхъ смертныхъ и звѣроподобному царю Эхету, который отсѣчетъ тебѣ

уши, носъ и прочіе члены, и самаго повергнетъ псамъ на разтерзаніе.

Ошъ сихъ словъ Иръ еще болѣе содрогается. По семъ оба вышедъ на средину, распростираютъ руки. Одиссей же междутѣмъ размышляетъ, поразить ли его до смерти, или едва шокмо дышущаго повергнуть на землю? Но послѣднее признаетъ за лучшее, дабы Ахеяне вину на него не возложили. И такъ оба возносятъ руки: прежде ударяетъ Иръ Одиссея въ правое плечо, потомъ Одиссей поражаетъ Ира близъ уха, и сокрушаетъ ему челюсти и зубы. Злополучный Иръ изрыгаетъ изъ гортани своей черную кровь, упадаетъ на помостъ съ воплемъ, извергаетъ изъ устъ зубы и бьетъ ногами о землю. Женихи взирая на сіе, воздвигли великій смѣхъ. Одиссей же взявъ Ира за ногу, извлекаетъ на дворъ, и тамъ поставя его близъ ограды у воротъ, и давъ въ руки посохъ, такъ сказалъ: нынѣ стой здѣсь и отгоняй отъ дому свиней и псовъ, и не будь повелителемъ надъ странными и нищими, ежели не хочешь видѣть горшаго зла. По семъ входитъ паки внутрь дома, и надѣвъ на себя суму, садится на прежнемъ мѣстѣ. Тогда женихи ставъ вокругъ его, утѣшалися многимъ смѣхомъ, и нѣкто изъ нихъ такъ говорилъ: отецъ боговъ Дій и всѣ безсмертные боги да подадутъ тебѣ, что сердце твое желаетъ! ибо ты одинъ довелъ до того, что ненасытный Иръ скоро перестанетъ скитаться въ народѣ здѣшнемъ, коего мы вскорѣ отошлемъ къ царю Ахету.

Одиссей слыша сіи слова, радовался о побѣдѣ надъ Иромъ. Антиной же подалъ ему козье чрево жиромъ и кровью наполненное, а Амфиномъ принесъ два хлѣба, и подавая чашу съ виномъ, такъ привѣтствовалъ его: радуйся странникъ! боги да возвратятъ тебѣ все твое богатство, которымъ обладалъ ты прежде. Одиссей отвѣтствовалъ ему: возлюбленный Амфиномъ! я усматриваю, что ты паче всѣхъ здѣсь превосходишь благоразумiемъ, и слышу, что отъ такого отца происходишь, который обитая во островѣ Дулихiи, обилуетъ богатствомъ и хранитъ честность. И такъ внуши слова мои: нѣтъ ничего слабѣе на землѣ, какъ человѣкъ, изъ всѣхъ движущихся и пресмыкающихся животныхъ: совсѣмъ нѣмъ, доколѣ боги даютъ крѣпость и движутся ноги, онъ никогда не мыслитъ, что постигнетъ его злоключенiе: когда же срѣтаетъ его день рока, тогда и по нехотѣнiю все еноситъ. Таковы суть помыслы человѣческiе: ибо и я нѣкогда между людями почитался блаженнымъ, и тогда много дѣлалъ неправеднаго и злаго, уповая на крѣпость свою, на отца и на братьевъ своихъ: нынѣ же посмотри, въ какомъ я нахожуся состоянiи. И такъ всякъ неправедный человѣкъ да не уповаетъ на свое благоденствiе, но въ кротости сердца да облагаетъ стяжанiемъ отъ боговъ ему дарованныхъ. Не видишь ли и жениховъ сихъ, содруговъ твоихъ, не хранящихъ правду, которые насильственно расточаютъ чуждое имѣнiе, и не оказываютъ почтенiя женѣ мужа, который уже недалеко обрѣтается отъ отечества своего, въ

скоромъ времени и сверхъ всякаго чаянія здѣсь явится? Но тебя да избавятъ боги отсюда, и отведутъ въ домъ твой, да не увидишь его возвращенія: ибо мню, многихъ мужей сихъ проліется кровь отъ руки ищущія мщенія.

Сіе сказавъ, вкусилъ отъ вина, и паки подалъ Амфиному, который удаляется съ опечаленнымъ сердцемъ и поникшею головою: ибо сіе предвѣщало приближающуюся пагубу, коея и не избѣжалъ онъ и пріялъ месть отъ руки мужественнаго Тилемаха, воспященъ бывъ отъ Паллады.

Тѣмъ временемъ Аѳинская богиня вдохнула царицѣ Пинелопѣ явиться предъ женихами, дабы больше воспалить сердца ихъ къ неистовству, и да вящшею возвеличенна славою предстанетъ предъ сына и мужа, нежели какова была прежде. Для сего вѣщаетъ она домостроительницѣ своей: Эвринома! хотя женихи мнѣ и ненавистны, но сердце мое желаетъ предъ ними явиться и подать полезный совѣтъ сыну моему, дабы осторожно между ими обращался: ибо они вѣщаютъ устами сладкія слова, но въ сердцахъ сплетаютъ ковъ. — Эвринома отвѣтствовала ей: возлюбленная царица! ты говоришь весьма разумно: и такъ иди къ своему сыну и не скрывай ничего отъ него. Но прежде умой лице твое и помажь ланиты, да не увидятъ ихъ омоченныя слезами, которыя всегда проливать неприлично: ибо уже имѣешь въ такомъ возрастѣ сына, какого наипаче видѣть отъ боговъ просила.

Пинелопа отвѣчала: почто совѣтуешь мнѣ, Эвринома, явиться туда въ умащенномъ видѣ, когда боги погубили уже всю красоту мою съ того времени, какъ возлюбленный мой Одиссей отплылъ на кораблях въ Трою? И такъ призови ко мнѣ сюда Автоною и Ипподамію для сопровожденія меня въ собраніе жениховъ, предъ коими я предстать едина стыжуся.

Эвринома отходитъ исполнить ея повелѣніе. Между тѣмъ божественная Паллада ниспосылаетъ сонъ на очи царицы, отъ котораго восклонилася она на ложѣ, и всѣ члены ея ослабѣли: тогда богиня излила на нее безсмертныя прелести, дабы всѣ Ахеяне ей удивились, украсила лице ея небесною лѣпотою подобно Киѳерійской Афродитѣ, когда сія умащаетъся, отходя на веселое ликованіе, содѣлала ее величественнѣйшею, тучнѣйшею и бѣлѣйшею паче слоновой кости. Симъ образомъ устроивъ, паки на Олимпъ отходитъ. Тогда пришли двѣ рабыни въ чертогъ повелительницы своей, которую уже сладкій сонъ оставилъ, и она вставъ и отерши лаптыи свои, такъ вѣщаетъ: поистинѣ сладкій сонъ преодолѣлъ меня томящуюся печалію. О когда бы всечистая Артемида послала мнѣ вскорѣ столь же легкую смерть, да не сокрушается долѣе мое сердце сѣтованіемъ и непрестаннымъ желаніемъ видѣть возлюбленнаго супруга моего!

По семъ оставя свой чертогъ и вступивъ въ храмину къ женихамъ, стала на порогѣ, имѣя на лицѣ тончайшее покрывало, а предъ нею предстояли съ обѣихъ сторонъ

двѣ рабыни. Женихи возрѣвъ на царицу, восхищалися отъ радости и изумленія, и таяли отъ любви сердцемъ.

Пинелопа вѣщаетъ Тилемаху: сынъ мой, усматриваю я, что мысли твои поистинѣ нынѣ не столь шверды и сердце не такъ отважно. Когда ты былъ отрокъ, тогда совѣщевалъ лучшія дѣла: напротивъ того нынѣ достигнувъ совершеннаго возраста, не имѣешь мужественнаго духа. Какое въ дому нашемъ нынѣ учинилося злодѣяніе, и какое сему странному мужу нанесено отъ жениховъ озлобленіе? Можетъ ли порядъ сего кто изъ пришельцевъ явившся въ домѣ семъ, не испытавъ равной обиды, и тебѣ непослѣдуетъ ли отъ того срамъ и безславіе?

Тилемахъ отвѣтствовалъ: возлюбленная родительница! не стую, что праведно та меня огорчаешся. Хотя я весьма могу различить хорошее дѣло отъ худаго, но страшатъ меня Ахеяне отвсюду окружающіе и умышляющіе мнѣ пагубу, противъ которыхъ сяни откуда не имѣю помощи. Распря же между симъ странникомъ и Иромъ произошла не по совѣту женіховъ, но отъ нихъ самихъ, и сей побѣдителемъ явился. О отецъ боговъ Дій, Паллада и Аполлонъ устройте, да женіховъ такъ сокрушатся гордыя выи, и вси крѣпость ихъ мгновенно да изчезнетъ подобно Иру, который сидитъ нынѣ у воротъ, колебля головою своею аки пьяный, и не можетъ встать на ноги, ниже въ домъ свой возвратиться: ибо вся сила его изнемогла.

Такъ матерь съ сыномъ разглагольствовала. По семъ Эвримахъ такъ вѣщаетъ къ Пинело-

нѣ: премудрая царица дщерь Икаріева! когда бы всѣ Ахеяне нынѣ увидѣли тебя, поистинѣ еще бы множайшіе женихи собрались въ домъ сей на пиршество: ибо ты всѣхъ женъ превышаешь красотою, величіемъ и разумомъ.

Пинелопа отвѣтствовала: о Эвримахъ! поистинѣ тѣло мое, красоту и самый разумъ боги совсѣмъ помрачили съ самаго отбытія Одиссея моего въ Трою съ прочими Аргивянами. О когда бы онъ возвратившися, управлялъ жизнію моею, поистинѣ вящшую бы я пріобрѣла славу: напротивъ того нынѣ остается мнѣ борющься съ сокрушающими меня несказанными злоключеніями, отъ боговъ ниспосланными. Съ какою горестію непрестанно воспоминаю я о разлукѣ его со мною, когда онъ бывъ въ Карнѣ и взявъ меня за руку, такъ говорилъ: возлюбленная Пинелопа! надѣюся я, чтобы Ахеяне возвратившися отъ Трои благополучны и безвредны: ибо повѣствуютъ, что народъ сей весьма мужественъ во браняхъ, искусенъ въ метаніи стрѣлъ и отваженъ въ сраженіи: и такъ не знаю, благоволятъ ли мнѣ боги въ домъ мой возвратишься, или въ Троянской странѣ предадутъ меня сопротивнымъ: для сего все мое стяжаніе ввѣряю твоему попеченію. Помни отца и не забудь матерь мою какъ нынѣ, такъ и въ мое отсутствіе. Когда сынъ достигнетъ возраста, не возбраняю тебѣ, оставивъ домъ, поятнуть за инаго мужа. Такъ онъ завѣщевалъ мнѣ. Нынѣ все то сбывается: наступитъ оная пагубная ночь, когда ненавистный бракъ мой приближится. Бо-

ги отъ меня все блаженство отняли. Терзаетъ душу мою и сіе, чего прежде никогда не вѣдала, что вы домогаясь пригожей и богатой жены въ супружество себѣ, распри между собою возставляете, и пиршествуя здѣсь, пожираете чужихъ овецъ и воловъ. Но уповаю, что сія наглость не останется безъ наказанія.

Одиссей слыша сіе, радовался, что Пинелопа дары жениховъ отвергала, сердца ихъ услаждала пріятными словами: но разумъ ея совѣщевалъ иное.

Тогда Антиной отвѣтствовалъ ей: премудрая царица! кто изъ Ахеянъ принесетъ какіе либо дары, прими ихъ: ибо неприлично отвергать даемое. Мы же ни къ дѣламъ своимъ не приступимъ, ниже оставимъ домъ сей, доколѣ ты не посягнешь за кого либо изъ насъ, кого сердце твое изберетъ достойнѣйшимъ паче прочихъ.

Такъ говорилъ онъ: и всѣмъ понравился слова его. Каждый послалъ въ домъ провозвѣстника за дарами. Антиноевъ рабъ принесъ великую, драгоцѣнную и испещренную верхнюю одежду съ двѣнадцатью золотыми застежками: Эвримаху провозвѣстникъ подалъ золотое ожерелье, испускавшее отъ илектровъ блескъ подобный солнечному: Эвридаманту принесены были тройныя золотыя серьги, подобно звѣздамъ сіяющія: Пизандру сыну царя Поликтора драгоцѣнное зарукавіе. Такимъ образомъ каждый различными дарами тщился почтить царицу Пинелопу, которая по семъ удалялется въ чертогъ свой, и рабыни

несутъ дары за нею. Послѣ чего женихи приступили къ пѣнію и плясанію, и продолжали забавляться до самаго вечера. Тогда зажгли три свѣтильника и на огонь возложили сухія дрова, служительницы же держали предъ ними горящія свѣчи, коимъ Одиссей сказалъ: рабыни царя Одиссея, возвратитесь въ чертоги къ царицѣ своей, и тамъ утѣшая ее, собесѣдуйте съ нею, и упражняйтеся въ тканіи и прядѣніи волны, я же останусь здѣсь и готовъ свѣтить, когда то угодно будетъ, до утреннія зари: ибо никакой меня трудъ не преодолѣетъ.

Они слыша сіе, воздвигли великій смѣхъ. Меланѳа же дочь нѣкоего Долія, которую сама Пинелопа воспитала вмѣсто дѣтища своего и всемъ сердцемъ любила, но сія не хотѣла помышлять своимъ упѣшать царицу въ горести сущую, ибо любила Эвримаха, отвѣчала такъ Одиссею: жалкой странникъ! конечно отступилъ отъ тебя разумъ твой, когда не хочешь ни спать итти, ни въ подобное тебѣ собраніе, но пребывая здѣсь, дерзостію своею досаждаешь всякому, никого не боясь: или не вино ли обуяло разумъ твой, либо и совсѣмъ ты его не имѣешь, когда такъ далеко простираешь свое велерѣчіе? Или можетъ быть не превозносишся ли тѣмъ, что преодолѣлъ Ира? Но берегися, чтобы не нашелся кто сильнѣйшій побѣжденнаго тобою, который сокрушитъ тебѣ голову, обагритъ многою кровію, и выгонитъ тебя изъ дому сего.

Одиссей бросивъ на нее ярый взоръ, сказалъ: о безстыдная псица! развѣ ты хочешь,

чтобы я пошелъ и повѣдалъ все Телемаху, который всѣ члены твои растерзаетъ? Сими словами привелъ всѣхъ рабынь въ великій страхъ, которыя немедленно удалюшся въ свои мѣста робкими ногами. Одиссей же одинъ оставшись, держалъ свѣчи, и устремляя на жениховъ взоръ, совѣщалъ имъ всеконечную гибель, вскорѣ имѣющую совершиться, коихъ богиня Паллада не допускала воздержаться отъ несносныхъ досадъ, дабы тѣмъ паче воспалить сердце Одиссеево и возбудить къ отмщенію. Тогда Эвримахъ начинаетъ раздражать его сими словами: знаменитые юноши! всеконечно не безъ божіяго промысла пришелъ сей мужъ въ домъ Одиссеевъ, и мнѣ кажется что свѣчи сіи горятъ напрасно, когда отъ головы его, на которой нѣтъ ниединаго волоса, имѣемъ мы довольно сіянія. Но семъ оборотися къ Одиссею, сказалъ: странникъ! хочешь ли, я возьму тебя на село мое собирать хворостъ и садить деревья, за что получишь отъ меня довольную мзду, хлѣбъ и прочую пищу, такъ же одежду и кръпкіе сапоги? Но я вижу, что ты трудовъ не любишь, и лучше желаешь для насыщенія алчнаго своего чрева повсюду скитаться.

Эвримахъ, не будь о мнѣ такихъ мыслей, сказалъ Одиссей: но ежели бы мы съ тобою положили урокъ во время лѣта, когда бываютъ наипаче долгайшіе дни, одинакими косами одинаковую траву косить, не вкушая пищи до захожденія солнечнаго; тогда удостовѣрился бы ты въ моемъ терпѣніи и въ неудобосносимыхъ трудахъ моихъ: или ежели

бы рѣшился ты равно крѣпкими волами одинаковой твердости орать землю, тогда бы испыталъ ты мои неутомимыя силы; ежели бы такъ же всесильный Дій воздвигъ брань, и я былъ бы снабдѣнъ щитомъ, шлемомъ и двумя копьями, и тогда не назвалъ бы ты меня робкимъ бѣглецомъ, но увидѣлъ бы въ первыхъ рядахъ съ отвагою сражающаго-ся. И такъ безвременно не поноси меня злочестію врева, и не обнаруживай свой нравъ, причиняя мнѣ напрасно тяжкую обиду. Ты кажешся теперь великъ и мужественъ только потому, что обращаешся не во множествѣ людей, какъ-то на брани бываетъ. Но ежели бы Одиссей пришелъ сюда, скоро бы сіи широкія двери бѣгущему тебѣ отсюда показалися тѣсными.

Эвримахъ бросивъ на него презрительный взглядъ, сказалъ: о жалкій странникъ! за такое между толикимъ множествомъ знаменитыхъ юношей дерзкое твое велерѣчіе понесешь отъ меня скоро наказаніе. Откуда сіе происходитъ, что никакого въ тебѣ нѣтъ страха? Объялъ ли разумъ твой отъ вина, или говоришь все сіе по безумію своему, или тщеславишься тѣмъ, что удалося тебѣ одолѣть Ира? Сказавъ сіе, вергаетъ въ Одиссея подножіе, но не улучивъ въ него (ибо сей устрашився, сѣлъ у ногъ Амфинома), поражаетъ одного изъ рабовъ, изъ рукъ коего упадаетъ умывальница, и самъ повергается на землю. Тогда прочіе женихи воздвигли великое негодованіе, и нѣкто изъ нихъ такъ сказалъ: о когда бы странникъ сей погибъ, во все не

приходя сюда, поистинѣ не приключилось бы такого между нами смятенія: нынѣ же заводимъ распрю съ нищимъ, и не находимъ болѣе удовольствія въ своихъ забавахъ: поелику доброе превозмогается злымъ.

Тилемахъ женихамъ на сіе отвѣтствовалъ: злополучные! вижу я, что всѣ вы неистовствуете, и ни пища, ни вино въ васъ не вмѣщаются. Поистиннѣ нѣкто изъ боговъ приводитъ васъ къ сему. И такъ окончивъ съ веселіемъ пиршество ваше, возвратитеся въ домы свои, и тамъ, ежели хотите, предайтеся сну: но я никого не изгоняю.

Сими словами Тилемаха весьма огорчились, и одинъ на другаго взирая, дивились его дерзости.

Амфиномъ видя сіе ихъ огорченіе, говорилъ имъ: други мои! не совѣтую вамъ сими справедливыми словами обижаться, ниже отвѣчать что либо на оныя, кольми паче наносить озлобленіе сему страннику или рабамъ дому Одиссеева. Но да подастъ намъ виночерпецъ чашу съ виномъ, и мы вкусивъ онаго, сколько чье сердце желаетъ, возвратимся въ домы свои, и тамъ сномъ насладимся. Пришельца же сего оставимъ попеченію Тилемаха, къ коему онъ пришелъ.

Такъ сказалъ: и всѣмъ совѣтъ его угоденъ явился. Мулій провозвѣстникъ Дулихійскій разтворилъ въ чашѣ вино, а рабъ Амфиномовъ подалъ каждому оное, коимъ насытився всѣ, сколько чье сердце желало, и при-

шея благодареніе богамъ, возвращился въ домы свои.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ

Одиссей оставшись одинъ въ домѣ, совѣщевалъ съ Палладою о пагубѣ жениховъ, и по семъ Тилемаху сказалъ: возлюбленный сынъ, нынѣ наступило время приготовить оружіе для насъ потребное.

Тилемахъ повинуяся отцу и призвавъ Эвриклею, говоритъ ей: питательница! поди и запри всѣ двери, пусть пребываютъ рабыни наши всѣ въ жилищахъ ихъ, доколѣ не осмотрю я и не очищу въ хранилищѣ все оружіе отца моего, и не расположу его по мѣстамъ во всякой сохранности: ибо съ самаго его отбышія оное оставалось въ небреженіи, я же былъ молодъ и несмысленъ.

Эвриклея отвѣтствовала: чадо мое возлюбленное! да подадутъ тебѣ боги смыслъ и разумъ блюсти домъ свой и имѣть попеченіе о всемъ стяжаніи твоемъ! Но кто же будетъ держать предъ тобою огонь, когда не хочешь,

чтобы никоторая изъ служительницъ при тебѣ не находилася? — Тилемахъ отвѣчалъ: сей странникъ въ такомъ случаѣ мнѣ послужитъ: ибо я не хочу, чтобы онъ напрасно хлѣбомъ нашимъ питался, хотя пришелъ и издалека.

Эвриклея въ точности исполнила, что ей приказано было отъ Тилемаха. Одиссей же и Тилемахъ приготовили себѣ въ хранилищѣ шлемы, щиты и копья, при чемъ невидимо присутствовала и Паллада, которая отъ свѣтильника разливала повсюду прекрасное сіяніе, что видя Тилемахъ, такъ говорилъ отцу: родитель мой! поистинѣ я зрю здѣсь великое чудо: ибо всѣ стѣны и всѣ столпы сіяютъ аки отъ великаго пламени огненнаго: всеконечно нѣкто изъ боговъ здѣсь присутствуетъ.

Одиссей сказалъ ему: сокрытую паче молчать о семъ, а не любопытствовать: ибо дѣла боговъ обитающихъ на Олимпѣ суть непроницаемы. По сихъ словахъ возвращаются въ прежній чертогъ, тогда Одиссей сказалъ Тилемаху: теперь ты удались ко сну, а я останусь здѣсь, чтобы лучше испытать вѣрность рабынь и жены моей Пинелопы, которая, думаю, обо всемъ будетъ любопытствовать у меня.

Тилемахъ оставя его, наслаждался сномъ до зари утренней, а Одиссей пребывая наединѣ, паки предался размышленію о нанесеніи конечнаго женихамъ удара. Тогда царица Пинелопа идетъ изъ чертога своего подобно Артемидѣ или златообразной Афродитѣ въ со-

провожденіи двухъ рабынь, которыя немедленно поставили ей близъ огня сѣдалище, серебромъ и слоновою костію украшенное, подали подножіе, мягкою кожею покрытое, и царица сѣла на ономъ; по семъ скоро приготовили столъ, принесли хлѣбъ со многими яствами, поставили чашу съ виномъ, и погасивъ горящія свѣчи, зажгли вмѣсто оныхъ сухія дрова для освѣщенія.

Меланѳа увидѣвъ Одиссея, паки начинаетъ поносить его сими словами: о несносный странникъ! ты и ночью пришелъ въ домъ сей присматривать за нами. Скоро удались отсюда, или поражу тебя симъ горящимъ деревомъ, тогда и по нехотѣнію оставишь насъ въ покоѣ.

Одиссей принявъ свирѣпый видъ, отвѣчалъ: о злощастная! почто съ такимъ ожесточеніемъ наступаешь на меня, или для того, что гнуснымъ кажется тебѣ лице мое и раздранную видишь на мнѣ одежду? Но я нищъ, и скитаяся прошу пищи привлекамъ будучи къ тому нуждою, какъ и всѣ странные и неимущіе дѣлаютъ тоже самое. Имѣлъ нѣкогда и я богатый домъ, и почитался благополучнымъ, снабдѣвалъ странныхъ, чего отъ меня ни требовали, не взирая на лице ихъ; имѣлъ многихъ рабовъ и изобиловалъ многими благими, которыя составляютъ человѣческое богатство: но нынѣ по волѣ всесильнаго Дія всего лишился. Для того надлежитъ и тебѣ блюстися, да не мгновенно исчезнетъ твоя радость, которою ты предъ прочими подругами своими превозносишся. Блюдися, говорю, да не огорчишся на тебя прогнѣванная

царица, или и самъ Одиссей пришедши, учинитъ тебѣ наказаніе: ибо не погибла еще надежда къ его возвращенію. Кпому же и сынъ его Тилемахъ находится уже въ такомъ возрастѣ, что никоторая изъ рабынь въ домѣ семъ безчинствующая не можетъ отъ него утаиться.

Пинелопа слыша сіе, такъ же поносила Меланѳуса великимъ негодованіемъ сими словами: о дерзкая и безстыдная псица! мнѣ всѣ извѣстны твои безчинства, которыя вскорѣ очистишь своею головою. Не сказала ли я тебѣ, что намѣрена я отъ странника сего извѣститься о мужѣ своемъ, о которомъ толикое время слѣпую? По семъ оборотяся ко Эвриномъ, вѣщаетъ: подай мягкою кожею покрытое сѣдалище, пусть сядетъ на немъ странникъ сей, и возвѣститъ мнѣ, что знаетъ о мужѣ моемъ. Эвринома немедленно исполнила волю царицы, и когда Одиссей сѣлъ по желанію ея; тогда она вопросила его: странникъ! напередъ всего повѣдай мнѣ, кто ты таковъ, откуда родомъ, какъ имя городу твоему и кто таковы твои родители?

Знаменитая царица! отвѣтствовалъ Одиссей: поистинѣ никто изъ смертныхъ не превзойдетъ тебя въ мудрости: ибо громкая о тебѣ слава до небесъ возносится, какъ о нѣкоемъ премудромъ царѣ, который боясь боговъ и храня правду, обладаетъ многими и крѣпкими племенами; земля приноситъ ему во изобиліи пшеницу и вино, древа стоятъ обремененные плодами, скопы плодятся благовременно, море даетъ изобильно рыбы, на-

роды подъ его державою живутъ въ благоденствіи и радости: но все сіе проистекаетъ отъ мудраго его правленія. И такъ, блаженная въ женахъ! я готовъ тебѣ отвѣчать на всѣ прочіе вопросы, но о родѣ моемъ и отечествѣ позволь умолчать: ибо напоминаніемъ симъ боюся растрогать сердечное мое прискорбіе, въ чужемъ же домѣ сѣтовать и предаваться горести неприлично, да не огорчатся на меня служительницы, или паче и ты сама, и да не помыслятъ, что проливаю слезы опятненный виномъ многимъ.

Пинелопа отвѣтствовала: ахъ странникъ! съ того самаго времени, какъ Одиссей съ прочими Аргивянами отправился къ Троѣ, безсмертные боги лишили меня всей крѣпости. О когда бы онъ возвратился и располагалъ моею жизнію, тогда бы слава о мнѣ еще больше пронеслася! Напротивъ того нынѣ токмо снѣдаюсь безпрестанною скорбію, и скорбь сію боги на меня ниспослали: ибо сколько ни есть знаменитыхъ мужей обладающихъ островами Дуликіемъ, Самосомъ, Закинѳомъ и въ самой Иѳакѣ, всѣ они противъ желанія моего хотятъ имѣть меня женою своею и домъ сей расточаютъ: для сего самаго не могу я имѣть попеченія ни о странникахъ и нищихъ, ниже о провозвѣстникахъ, которые для общенародной пользы трудятся, но денно и нощно объ одномъ только Одиссеѣ помышляя, сокрушаюсь сердцемъ. Женихи ускоряютъ бракомъ, но я лесть имъ сплетаю. Вначалѣ вдохнулъ въ меня нѣкій богъ соткать тонкую и величайшую верхнюю одежду: тогда я сіе имъ

сказала: знаменитые юноши! ежели Одиссея моего уже нѣтъ въ живыхъ, то потерпите ускорять бракомъ, доколѣ не окончу я одежду на погребеніе престарѣлому Лаэрту, когда неминуемая смерть постигнетъ его, дабы не поругался мнѣ Ахейскія жены, ежели будетъ положенъ безъ новыя одежды тотъ, кто прежде многими обладалъ стяжаніями.

Сею лестію я преклонила сердца ихъ, и тогда что днемъ сплыкала, во время ночи оное паки распускала. Такимъ образомъ три года хитрость сію скрывала. Но когда наступилъ четвертый годъ, тогда по извѣщенію нѣкоторыхъ рабынь моихъ женихи узнали о моемъ коварствѣ, вшедши ко мнѣ, изобличили меня въ лукавствѣ, и угрожали мнѣ съ прещеніемъ: тогда я и по нехотѣнію окончила начатое мною дѣло. Нынѣ же не могу ни избѣжать противнаго мнѣ брака, ниже найти къ тому какое средство: ибо и родители мои понуждаютъ меня къ вступленію къ супружество, и самъ сынъ уже огорчается, видя расточаемое свое наслѣдство. Я думаю, видѣлъ ты его, какъ великъ возрастомъ и способенъ разумомъ къ соблюденію домостроительства, а Дій посылаетъ ему славу и добронравіе. Теперь паки прошу тебя, повѣдай мнѣ о своей родинѣ и происхожденіи: ибо думаю, родился ты не отъ древняго дуба, ниже отъ горы каменной.

Хитрый Одиссей отвѣтствовалъ: превознесенная царица, супруга храбраго Одиссея! почто толико желаешь знать о моемъ родѣ? Но я

удовлетворю твоему любопытству, хотя бы то мнѣ стоило и величайшей скорби. Внимай: есть на Чермномъ Морѣ прекрасный и плодоносный островъ Критъ, на которомъ безчисленное множество народа обитаетъ. Тамъ находится девяносто многолюдныхъ городовъ: населяютъ же островъ разныя и смѣшанныя племена, какъ то: Ахеяне, Этеокриты, Кидоняне, Трахейскіе Доріяне и Пеласги. Тамъ есть просторный и знаменитый городъ Кноссъ, въ которомъ девять лѣтъ царствовалъ собесѣдникъ великаго Дія правотолюбивый Миносъ, отецъ великодушнаго отца моего Девкаліона, который на свѣтъ произвелъ меня и царя Идоменея, но сей былъ старшій возрастомъ и храбрѣйшій мужествомъ, и для того пошелъ на брань со Атреевыми сынами, а я осталея въ домѣ своемъ, гдѣ и видѣлъ царя Одиссея и почтилъ его дарами странноприимства, когда онъ идя къ Троѣ и заблуждая отъ ущесовъ Малейскихъ, принесенъ былъ волѣнами въ островъ Критъ бурными вѣтрами, и едва спасшися отъ кораблекрушенія, остановился съ кораблемъ своимъ въ опасной пристани при Амнисѣ, гдѣ находится пещера богини Илиѳіи. Оттуда пришедши въ Критъ, хотѣлъ видѣть Идоменея, называяся другомъ и страннопріимцемъ его: но уже минуло девять дней тому, какъ сей въ купли находился. Я введши его въ домъ, принялъ дружелюбно и угостилъ отъ всего сердца, сопутникамъ же его въ пищу собралъ отъ народа муку, воловъ и вино. И такъ пребывалъ онъ съ Ахеянами въ Критѣ двѣнадцать дней: ибо борей столь жестоко вѣялъ, что

съ трудомъ могъ человѣкъ стоять на землѣ: но въ трепійнадесять день, когда вѣтръ упишился, вступили они на корабль и предалися плаванію.

Такимъ образомъ повѣствуя, соплеталъ ложь, подобную истиннѣ. Пинелопа же слушая сіе, проливала слезы аки градъ отъ зноя расплавляющій и съ высокихъ горъ текущій. Одиссей хотя жалѣлъ о плачущей женѣ своей; но очи его неподвижно стояли, аки твердые рога или желѣзо. Пинелопа насытившись слезами, нѣкако говорила ему: еще я хочу искусить тебя: когда ты дѣйствительно угощалъ у себя въ домѣ мужа моего, скажи мнѣ, какую онъ имѣлъ на себѣ одежду, каковъ лицемъ и возрастомъ, и какіе были его сопутники?

Одиссей отвѣтствовалъ: ахъ царица! по миновеніи толикаго времени одинъ разъ только въ двадцать лѣтъ видѣвши мужа твоего, неудобно описать въ подробности, однакожъ повѣдаю, сколько помню: одежду Одиссей имѣлъ тончайшую, двойную, багряную съ золотыми застежками, на которыхъ изображенъ былъ песъ, держащій въ переднихъ лапахъ трепещущаго оленя и желающаго избавиться отъ смерти. Видѣлъ такъ же и нижнюю одежду, цвѣтомъ подобную сухому луку, сіяющую аки солнце, на которую смотря многія изъ женъ, удивлялися: токмо сего не знаю, сіи ли имѣлъ онъ одежды, оставляя домъ свой, или кто ихъ далъ ему въ пути въ знакъ дружества? Ибо онъ многихъ имѣлъ у себя друзей, такъ какъ и я подаривъ мѣдный мечъ и двойную багряную коротшую одежду, отпустилъ его со всякимъ

дружелюбіемъ. Провозвѣстникъ у него былъ невеликъ ростомъ, сутуловатъ, чернъ тѣломъ, имѣлъ кудрявые волосы, имя ему было Эвриватъ, коего Одиссей отличалъ предъ всѣми сопутниками.

Сими словами паче растравилъ сердце царицы, познавшія неложность возвѣщенія, которая по многомъ сѣтованіи со вздохомъ сказала Одиссею: почтенный старецъ! прежде я жалѣла о тебѣ, какъ о злополучномъ странникѣ, а съ сего времени будешь всегда щитаться моимъ другомъ: ибо я сама изъ ковчега вынувъ оныя одежды, о которыхъ ты мнѣ повѣдалъ теперь, дала ему, и для большаго украшенія нашила золотыя застежки. Но я уже болѣе не увижу его въ домѣ семъ и не заключу въ своихъ объятіяхъ возвратившагося отъ Трои, которая недостойна того, чтобы и воспоминать объ ней.

Почтенная царица! отвѣчалъ Одиссей, не совѣтую болѣе изнурять тѣло твое печалію, ниже сокрушать сердце безпрестаннымъ плачемъ; однакожъ и не виню тебя въ семъ, когда иная изъ женъ погубивъ мужа, отъ коего родила дѣтей зазорныхъ, скорбитъ и плачетъ о немъ; кольми паче ты имѣешь причину сѣтовать объ Одиссеѣ, который былъ подобенъ безсмертнымъ. Но отри слезы твои и внуши слова мои, я же возвѣщу тебѣ истинну: недавно бывъ я у Ѳеспротскаго царя, слышалъ, что Одиссей въ живыхъ находится, и уже готовъ возвратиться въ отечество свое, имѣя при себѣ многія драгоцѣнныя сокровища; токмо погубилъ корабль и всѣхъ

сопутниковъ при Ѳриникійскомъ островѣ; ибо прогнѣвался на него Дій и всевидящее Солнце, котораго тучныхъ коровъ сопутники его не пощадили, и погибли всѣ въ волнахъ морскихъ, Одиссей же спасшися на корабельномъ днищѣ, достигъ земли феакійской, гдѣ почтенъ былъ отъ народа аки нѣкій изъ безсмертныхъ и награжденъ многими дарами. Сіе повѣдалъ мнѣ Ѳеспротскій царь Фидонъ и клялся, что корабль стоитъ уже на морѣ, и мореплаватели готовы для отвезенія его во Иѳаку: меня уже отпустилъ прежде: ибо прилучился идущій отту да корабль съ хлѣбомъ во островъ Дулихій. Онъ мнѣ показывалъ и имѣніе собранное Одиссеемъ, коего и до десятаго колѣна будетъ во избыткѣ, объявя при томъ, что самъ онъ отлучился въ городъ Додону услышать Діевъ отвѣтъ отъ дуба, тайно или явно ему возвратиться въ отчизну. Ежели онъ здравъ, то несомнѣнно отсюда недалеко обрѣтается, въ чемъ готовъ тебѣ учинить и священную сію кляпву: да будетъ свидѣтелемъ всесильный Дій и домъ мужественнаго Одиссея, въ коемъ нынѣ пребываю, что все сіе исполнится по словамъ моимъ сего самаго года, и въ исходѣ сего мѣсяца или въ началѣ слѣдующаго Одиссей сюда возвратится.

Пинелопа сказала ему: о когда бы исполнилось твое предвѣщаніе, любезный странникъ! поистинѣ позналъ бы ты мое дружество и получилъ бы великую награду. Но что я мышлю, такъ и будетъ, то есть ли Одиссей не возвратится обратно, ниже ты получишь препровожденіе: ибо домъ сей лишенъ обладателя

подобнаго Одиссею, который такъ же бы усердно принималъ и отпущалъ странниковъ. Вамъ же, служительницы мои, повелѣваю, омойте сего почтеннаго пришельца и приготовьте ему постелю съ теплымъ покровомъ, да насладится сномъ до восхода денницы, а на утро снова его омойте и умастите елеемъ, да пребываетъ вмѣстѣ съ Телемахомъ, пиршествуя въ чертогѣ, и дабы видя сіе, никто изъ злонравныхъ жениховъ не дерзнулъ и малѣйшую ему нанесть обиду въ домѣ нашемъ. Но и ты самъ странникъ можешь ли познать разумъ и совѣтъ каждаго, когда не имѣя богатой одежды, будешь пиршествовать въ раздранномъ рубищѣ съ знаменитыми мужами? Хотя всѣ мы смертны и ведемъ краткую и скоромину ющую жизнь, однакоже кто жестокосердъ и неумолимъ, того всѣ люди поносятъ, а наипаче по смерти его, а кто великодушенъ и кротокъ, имя его странные мужи прославятъ и возвеличатъ повсюду, какъ поистинѣ достойное сей чести.

Одиссей сказалъ ей: превознесенная царица! мягкія постели, богатые одежды и покровы истинно стали мнѣ ненавистны съ того самаго времени, какъ я оставилъ снѣгомъ покрытыя Критскія горы: и такъ могу я спать нынѣ, какъ и прежде проводилъ ночи безъ сна, на убогомъ одрѣ въ ожиданіи утреннія зари; не жаждетъ такъ же мое сердце и пріятнаго умовенія, и никоторая изъ сихъ рабынь не можетъ учинить мнѣ сего, развѣ токмо обрящется скромная и престарѣлая жена, сподобно же, сколько и

я, понесшая печалей: сія токмо пусть умоетъ мои ноги.

Пинелопа отвѣтствовала ему: дивлюся цѣломудрію твоему и скромности. Есть здѣсь въ домѣ моемъ престарѣлая и разумная жена, которая со всякимъ тщаніемъ и любовію вскормила царя своего Одиссея, принявъ его на свое попеченіе отъ самаго дня рожденія: пусть она умоетъ тебѣ ноги, хотя и слаба она отъ глубокой старости. И такъ, любезная Эвриклея! встань и умой сего странника, который и руками и ногами зрится подобенъ царю твоему Одиссею: ибо злоключенія ускоряютъ старость всякаго человѣка.

Такъ говорила Пинелопа: Эвриклея же закрывъ лице руками и проливая слезы, произноситъ сію жалобу: увы любезное мое чадо Одиссей! почто паче всѣхъ смертныхъ возненавидѣлъ всесильный Дій тебя имѣющаго богобоязненное сердце? Едва ли кто изъ живущихъ на землѣ столько сожегъ тучныхъ бедръ или принесъ ему сточисленныхъ жертвъ, сколько ты, злополучнѣйшій мой царь, умоляя его о достиженіи глубокой старости и о доставленіи сыну своему совершеннаго воспитанія: но онъ вовсе нынѣ отнялъ надежду къ твоему возвращенію. Кто вѣдаетъ, не такъ ли и тебѣ находящемуся въ отдаленности чужія рабыни дѣлаютъ посмѣянія, какую нынѣ сему страннику нанесли здѣсь обиду безстыдныя сіи служительницы, коихъ избѣгая поруганія, ты отринулъ умовеніе? Но я со всякимъ усердіемъ исполняя волю царицы, умою тебѣ ноги: ибо сердце мое несказанными мя-

тется болѣзнями. Но внуши, что скажу тебѣ: многіе злоключеніями привлеченные приходили въ домъ нашъ странники; однако никого изъ нихъ не видала я столь подобнаго Одиссею, какъ тебя: ибо имѣешь ты такой же станъ, голосъ и ноги, какъ и онъ.

Ахъ престарѣлая Эвриклея! Одиссей сказалъ ей, всѣ видѣвшіе насъ увѣряютъ, что мы весьма походимъ другъ на друга, какъ и ты нынѣ тоже самое утверждаешь.

По сихъ словахъ Эвриклея взявъ умывальницу, налила сперва воды студеной и потомъ теплой. Одиссей же сѣдши близь огня, оборотился лицемъ къ темному мѣсту въ томъ намѣреніи, дабы Эвриклея не усмотрѣла на ногѣ его извѣстную ей язву, и тѣмъ бы вся не открылась тайна. Рабыня начавъ мыть, скоро познала мѣсто язвы, которую нѣкогда причинилъ вепрь, поразившій зубомъ Одиссея, когда онъ былъ у дѣда своего Автолика, превосходившаго всѣхъ людей татьбою и кляпвою: что все ниспосылалъ ему Ермій, коему онъ многія отъ овновъ и козловъ приносилъ жертвы. Автоликъ нѣкогда пришелъ во Иѳаку, когда дочерь его родила сына, котораго Эвриклея, взявъ на руки и принесши къ нему, такъ говорила: мужественный Автоликъ! самъ ты дай имя сыну дочери своей: ибо онъ родился къ радости многихъ.

Автоликъ отвѣчалъ: пусть зять мой и дочь нарекутъ его Одиссеемъ: ибо многимъ мужамъ и женамъ въ пути моемъ назначалъ я сіе имя. Когда же онъ достигнетъ отроческаго возраста, тогда пусть придетъ ко

мнѣ въ страну Парнасскую, гдѣ я имѣю богатое стяжаніе, коимъ надѣлю его обильно, и отпущу въ домъ къ его удовольствію. По слову его Одиссей пришелъ къ нему для полученія даровъ, коего Автоликъ съ сынами своими принялъ съ радостію, а жена его Амфиѳея облобызала главу ему и очи. Тогда Автоликъ велѣлъ сынамъ своимъ заколоть пятилѣтняго вола, и приготовить пищу: такимъ образомъ весь оный день до захожденія солнца пиршествовали, и по томъ сну всѣ предалися. Съ наступленіемъ же утреннія зари сыновья Автоликовы пригласили Одиссея съ собою на ловлю звѣрей, и пришедши на гору Парнассъ, пускаютъ псовъ для отысканія оныхъ. Одиссей слѣдуетъ купно съ ними, потрясая острымъ копьемъ своимъ, и прилѣжно наблюдая всѣ глубокіе вертепы. Тамо въ нѣкоторой густой дебри, сквозь которую ни солнечные лучи не проницали, ниже великій снѣгъ не могъ пройти, токмо великое множество листьевъ ниспадшихъ съ деревъ повсюду было зримо, лежалъ великій вепрь, который услышавъ шумъ людей и лай псовъ, выходитъ изъ чащи, и страшно поднявъ щетины на дебелой своей выѣ, обращаетъ огненные свои взоры, и по томъ приближився, останавливается противъ ловцовъ: тогда первый Одиссей устремляется на него съ копьемъ своимъ, желая исторгнуть животъ его: но звѣрь предускоривъ, уязвляетъ его въ ногу выше колѣна, разодравъ зубомъ нарочитую часть тѣла, кости же повредить не могъ, коего однако Одиссей поражаетъ въ правое плечо, и

острое копье проходитъ на вылетъ: вепрь падаетъ распростертый на пескѣ, извергнувъ животъ свой. Послѣ чего сыны Автоликовы обратили все свое попеченіе объ Одиссеѣ, стараясь то нѣкими нашептываніями, то перевязаніемъ раны удержать текущую кровь; по семъ возвращаются въ домъ, гдѣ Автоликъ употребивъ все искуство, вскорѣ уврачевалъ его язву, и наградивъ многими дарами, отпустилъ его въ домъ съ радостію. Отецъ и мать видя возвратившагося его благополучно, много тому веселилися, и выпрошали его о путешествіи. Одиссей же поведавъ имъ о всемъ подробно, показалъ и язву вепремъ нанесенную, которую тогда Эвриклея познавъ, отъ изумленія опустила ногу, и удалившся на другую сторону, пролила воду изъ лохани. Внезапная радость и страхъ объяли ея душу, онѣмѣлъ языкъ въ устахъ, но посля пришедши въ себя, такъ говоритъ: тебя ли я вижу, любезный Одиссей? какъ не могла я узнать тебя прежде, доколѣ ноги тебѣ не умыла? По семъ взирая на Пинелопу, хотѣла ей объявить о присутствіи мужа: но царица тогда имѣла умъ и очи обращенные на другій предметъ по дѣйствію богини Паллады: Одиссей же между тѣмъ зажавъ уста Эвриклеѣ, тайно говорилъ ей: питательница моя! или ты хочешь погубить меня, коего сама сосцами своими вскормила? Не скрываюся уже предъ тобою: ты во мнѣ видишь Одиссея, который въ двадесятое лѣто, по претерпѣніи многихъ напастей, пришелъ нынѣ въ свою отчизну, и когда открыли о мнѣ боги

предъ тобою, молчи, да никто не увѣдаетъ въ дому семъ. Въ противномъ случаѣ ежели не исполнишь желанія моего, знай, что когда Дій поможетъ мнѣ отмстить женихамъ, и когда буду карать за безчинства прочихъ рабынь моихъ, тогда поистиннѣ и тебя не пощажу, но предамъ смерти.

Чадо мое! отвѣтствовала Эвриклея, извѣстенъ и ебѣ твердый мой разумъ: все сохраню въ молчаніи, и буду аки камень или желѣзо. Когда боги смирятъ гордыхъ женіховъ твоими руками, тогда извѣщу тебя и о рабыняхъ, наносящихъ развратомъ своимъ дому твоему безчестіе.

Одиссей сказалъ ей: не требую сего, питательница моя! но скоро самъ познаю и увѣрюсь о всемъ: ты же храни токмо сію тайну: прочія дѣла предоставимъ божескому провидѣнію.

Послѣ сего Эвриклея удаляется съ умывальницею изъ чертога. Одиссей же по измоленіи помазався елеемъ, паки сѣлъ близъ огня, желая согрѣться, и язву закрылъ рубищемъ. Тогда Пинелопа начинаетъ говорить: странникъ! уже наступаетъ время сна, который даже надъ опятненными печалію беретъ свою силу; но на меня боги послали толикую напасть, что днемъ нахожу одну отраду що въ слезахъ и тоскѣ, що надзирая за дѣлами прислужницъ моихъ, а ночи, когда прочіе всѣ покоятся, лежа на одрѣ, провождаю безъ сна, смущаяся различными помышленіями. Какъ Аидона дщерь Пиндаріева въ началѣ обновляющейся весны, сидя на зеленыхъ и гу-

стыхъ деревахъ, сладкій свой голосъ повсюду разливаетъ, призывая имя возлюбленнаго своего сына Ипила отъ Зиѳа царя рожденнаго, коего умертвила сама по заблужденію, объяша бывъ яростію и неистовствомъ: такъ и мое сердце сугубымъ мятется помышленіемъ, въ домѣ ли пребывать вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и блюсти стяжаніе, чтя ложе возлюбленнаго супруга моего, или посягнуть за кого либо избраннаго отъ Ахеянъ, кто множайшее давъ вѣно, пожелаетъ имѣть меня въ супружествѣ: ибо доколѣ сынъ мой былъ молодъ и несмысленъ, не можно мнѣ было оставить домъ и помышлять о бракѣ: нынѣ же достигнувъ онъ совершеннаго возраста и пришедши въ смыслъ, совѣтуетъ мнѣ оставить оный, негодуя, что расточается женихами наслѣдство его. Но оставя сіе, выслушай мое сновидѣніе и разсуди оное. Имѣю я въ домѣ у себя двадцать гусей, которыхъ всегда питаю плавающихъ въ водѣ пшеницею, и смотря на нихъ увеселяюся: но вдругъ вижу во снѣ прилетѣвшаго отъ горы орла, который спустившся съ высоты, и нападая каждому на шею, всѣхъ по единому убиваетъ, и паки устремляется на воздухъ: я же во снѣ плакала и рыдала, и видѣла собравшихся вокругъ меня многихъ Ахейскихъ женъ ради моего утѣшенія. По семъ увидѣла того же орла на верху дому моего сидящаго и сей голосъ ко мнѣ простирающаго: дщерь Икаріева! не унывай: не сновидѣніе есть сіе, но самая истинна, которая сбудется. Подъ образомъ гусей разумѣй ты жениховъ своихъ: я же, что былъ прежде

орелъ, познай во мнѣ мужа своего къ тебѣ пришедшаго. Таковъ былъ голосъ орла: и вскорѣ послѣ того сладкій сонъ меня оставилъ. Но проснувшись вижу въ самой вещи гусей клюющихъ пшеницу.

Одиссей отвѣчалъ: царица! сновидѣніе твое не требуетъ изъясненія, когда самъ Одиссей повѣдалъ тебѣ все, что онъ имѣетъ содѣлать, и какая женихамъ предстоитъ пагуба, отъ которой ни единъ изъ нихъ не избудетъ.

Странникъ! присовокупила Пинелопа, конечно случаются сновидѣнія, которыя предвѣщаютъ истинну, но есть и такія, кои не сбываются: поелику они имѣютъ двои ворота: одни устроены изъ роговъ, а другія изъ слоновой кости, и сны исходящіе сими послѣдними воротами обыкновенно бываютъ обманчивы и тщетны въ словахъ ихъ, напротивъ того исходящіе изъ роговыхъ воротъ предвѣщаютъ истинну: но мнѣ кажется, что мое сновидѣніе произошло не изъ роговыхъ воротъ: впрочемъ да не будетъ возмущено нимое ни сына моего спокойствіе. Не утаю я отъ тебя такъ же и сего: пагубная сія заря наступивъ, разлучитъ на вѣкъ меня отъ дому Одиссеева: ибо хочу я предложить подвигъ женихамъ, состоящій въ томъ, кто напрягши лукъ, пуститъ стрѣлу чрезъ двѣнадцать колецъ и окажетъ сіе искуство, въ которомъ Одиссей былъ весьма силенъ, за того выду въ замужство и вступлю въ его чертоги: сей же домъ, изобилующій всякимъ стяжаніемъ, въ коемъ я погубила свою юность, оставлю и уповаю увидѣть хотя въ сонномъ мечтаніи.

Одиссей отвѣтствовалъ: мудрая царица! поперпи женихамъ предлагать сей подвигъ: ибо Одиссей, какъ уже я повѣдалъ тебѣ, явится здѣсь прежде, нежели женихи твои напрягутъ лукъ, и стрѣла ихъ пролетитъ чрезъ всѣ кольца. — Пинелопа сказала на сіе: почтенный странникъ! ежели бы ты согласилося, пребывая въ дому моемъ, утѣшать меня бесѣдою своею, поистиннѣ была бы я готова слушать тебя всякую ночь, хотя и не можно человѣку всегда пробыть безъ сна: ибо таковъ жребій всѣмъ намъ положили боги: и такъ я отхожу теперь въ чертогъ свой ко сну, гдѣ безпрестанно орошаю слезами свое ложе съ того самаго часа, какъ возлюбленный мой Одиссей отправился въ недостойную воспоминанія Трою: такъ же и ты вели приготовить себѣ постелю или на землѣ, или одръ принести. По сихъ словахъ царица удаляется съ рабынями въ свою спальню, куда внедши, предается паки слезамъ о супругѣ своемъ Одиссеѣ, доколѣ божественная Паллада не излила на нее забвенія.

О МИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТАЯ.

Одиссей приготовивъ себѣ постелю изъ мягкихъ кожъ, легъ въ передней храминѣ, а Эвринома одѣла его покровомъ, гдѣ неустрашимый сей мужъ лежалъ безъ сна, размышляя о предстоящемъ ему подвигѣ. Въ то время рабыни, имѣвшія непозволенную любовь съ женихами, выходя отъ царицы, воздвигли невоздержный смѣхъ, изъявляя тѣмъ свою радость. Тогда Одиссей колебался въ мысляхъ, устремиться ли на нихъ и предать всѣхъ смерти, или оставить въ послѣдній разъ насладиться любовію? ибо сердце его разрывалося досадою, потомъ ударивъ себя въ грудь, такъ говорилъ: стерпи мужественно, непоколебимое сердце, когда ты нѣчто горшее перенесло, какъ неумолимый Киклопъ пожиралъ сильныхъ твоихъ сопутниковъ, но ты не лишилось и тогда бодрости, доколѣ мудрость не извела изъ пещеры. Такъ мысленно ободрялъ себя, и духъ его склонился къ твердости, напрягая весь умъ къ тому, какъ бы нанести рѣшительный ударъ женихамъ, числомъ множайшимъ.

Тогда божественная Паллада принявъ на себя видъ величественныя жены и ставши близъ возглавія его, вѣщаетъ: наконецъ не достигъ ли ты дома своего, не видѣлъ ли такъ же жену и сына, какого всякъ бы же-

лалъ имѣть? и чтоже еще мѣшаетъ тебѣ сномъ наслаждаться?

Одиссей отвѣтствовалъ: великая въ богиняхъ дщерь Діева! все сіе истинно есть сказанное тобою. Но я мышлю какъ могу одинъ противустать множеству жениховъ, которые всегда пребываютъ неразлучно: кромѣ сего умъ мой углубленъ такъ же и въ то, когда по волѣ Дія и при твоей помощи низложу ихъ, тогда гдѣ найду себѣ убѣжище отъ ярости народа? Симъ мятется мысль моя.

Злополучный! вѣщала Паллада, или не вѣдаешь, что и смертный надѣяся на другаго смертнаго, повинуется его совѣту и не имѣетъ толикой заботы? Я же не именуюся ли богинею и не хранила ли тебя во всѣхъ злообстоятельствахъ? Коротко скажу тебѣ: хотя бы пятдесять полковъ разноплеменныхъ народовъ возстали противъ тебя, поистинѣ и тогда въ силахъ будешь отгнать воловъ ихъ и овецъ тучныхъ. Ишакъ насладися нынѣ сномъ, безъ коего провести ночь болѣзнь бы приключило: о прочемъ же не пекися.

По сихъ словахъ изливъ сонъ на они ему, сама паки на пресвѣтлый Олимпъ удаляется. Когда Одиссей погрузился въ оный, тогда жена его Пинелопа оставя свой сонъ, плакала сидя на ложѣ своемъ, и насытився слезами, приноситъ богинѣ Артемидѣ сію жалобу: чистая и непорочная дщерь Діева богиня Артемида! вонзи въ грудь мою острую стрѣлу твою и исторгни томящійся духъ изъ тѣла сего, или пусть восхи-

нитъ меня вихрь и отнесетъ въ невѣдомыя страны, или повергнетъ при истокахъ волнующагося океана, подобно какъ нѣкогда Пиндаріевыхъ дщерей унесли вѣтры, а родителей ихъ погубили боги, послѣ коихъ они одни оставшись въ дому сиротами, питаемы были отъ Афродиты сыромъ, медомъ и сладкимъ виномъ: Ира послала имъ красоту паче всѣхъ женъ и одарила разумомъ, Артемида украсила величіемъ, а Паллада научила всякому женскому хитродѣлію, и когда Афродита отлучилася на Олимпъ для умоленія громомещущаго Дія, отъ коего благоденствіе и злополучіе смертныхъ всегда зависятъ, тѣмъ временемъ злобныя Гарпіи отроковицъ оныхъ похитивъ, предали въ руки неумолимымъ Эриніямъ: такъ пусть и меня погубятъ небесные боги, да низшедши въ смертныя жилища, узрю тамо возлюбленнаго моего Одиссея: но отнюдь не хочу возвеселить сердце инаго хуждшаго мужа. Всякая иная печаль бываетъ удобосносима, когда человѣкъ днемъ скорбитъ и сѣтуетъ, а ночи наслаждается сномъ, приводящимъ въ забвеніе всякое доброе и злое приключеніе: но мнѣ одной боги послали мучительное безсоніе. Сію ночь видѣла я во снѣ почивающаго со мною мужа подобнаго во всемъ Одиссею: какъ тогда сердце мое обрадовалося! но вышла изъ того мечта.

Какъ она жаловалася такимъ образомъ на свою участь, Одиссей слыша голосъ сѣтующія царицы, помыслилъ, что она увѣдавъ о немъ, стоитъ и рыдаетъ надъ нимъ. И для того скоро вставъ и убравъ постелю свою,

проспираетъ сію мольбу на небо: всесильный Дій и всѣ безсмертные боги! когда я пришелъ въ мое отечество по вашему изволенію, то да услышу отъ пробудившихся здѣсь людей какое либо благопріятное слово, и да явится нѣкое отъ всесильнаго Дія знаменіе!

Сію мольбу его внялъ отецъ боговъ и человѣковъ, и мгновенно возгремѣлъ отъ пресвѣтлаго своего жилища: тогда возрадовался Одиссей. По семъ услышалъ слова рабыни, мѣлющей муку въ жерновахъ, при коихъ всегда двѣнадцать прислужницъ обращалися, дѣлая пшеничную и ячменную муку. Она чувствуя изнемогшія свои силы и остановивъ жерновъ, такъ говорила: всесильный Дій! ты единъ владычествуешь надъ богами и смертными: ибо нынѣ возгремѣлъ отъ свѣтлаго и нималѣйшей тучи не имѣющаго неба, являя нѣкоему изъ смертныхъ свое чудо, исполни мое слово, которое реку предъ тобою: да будетъ сей день послѣдній пиршества женихова царицы моей: ибо всѣ уже мои силы отъ труда изнемогли ихъ ради: да будетъ имъ сіе послѣднее угощеніе!

Одиссей слыша сіи слова, еще болѣе обрадовался. Тѣмъ временемъ и прочія рабыни собрались въ домъ и приготовили великій огонь.

Тогда пробудился и Телемахъ, и надѣвъ одежды, а на ноги сапоги, возлагаетъ на себя мечъ, и беретъ въ руки крѣпкое и острое копье, по семъ ставъ въ дверяхъ чертога, такъ говорилъ Эвриклеѣ: во всемъ ли удовлетворенъ сей странникъ, или оставленъ вами въ небреженіи? ибо матерь моя хотя и

весьма есть разумна, но инаго худшаго пришельца принимаетъ милостиво, а сего почтеннаго странника оставляетъ безъ вниманія.

Престарѣлая Эвриклея отвѣтствовала: чадо мое! не вини напрасно матерь свою: ибо она угостила всемъ его изобильно и велѣла постелать ему мягкую постелю, но онъ почитая себя злополучнымъ и многобѣдствующимъ странникомъ, предпочелъ паче спать въ передней храминѣ на воловьей кожѣ, покрывшись сверху покмо покровомъ.

По семъ Тилемахъ идетъ на сонмъ къ мужественнымъ Ахеянамъ. Между тѣмъ Эвриклея назначаетъ рабынямъ слѣдующія дѣла, такъ говоря: идите скоро и окропите домъ, приготовьте на своихъ мѣстахъ приличныя украшенія, покройте сѣдалища разноцвѣтными коврами, очистите всѣ столы и омойте чаши и блюда; другія же пусть идутъ и принесутъ воду: ибо день сей есть всеобщаго праздника, и думаю женихи скоро и весьма рано сюда явятся. Такъ говорила, и всѣ повинуются ей. Двадцать рабыни пошли на источникъ за водою, прочія же всѣ упражнялися внутрь дома. Тѣмъ временемъ собрались женихи, и рабыни принесли отъ источника воду, вскорѣ по семъ пришелъ и пастухъ, приведшій съ собою трехъ тучнѣйшихъ вепрей, и пустилъ ихъ пастися въ ограду; увидѣвъ же Одиссея, такъ говорилъ ему: странникъ! или и доселѣ ты остаешся здѣсь такъ же презрѣнъ и безъ всякаго вниманія, какъ и прежде? — Одиссей отвѣтствовалъ: да воздадутъ отмщеніе сами боги за все поруганіе, какое

дѣлаютъ мнѣ въ чуждомъ домѣ нечестивые мужи, не имѣя нималѣйшаго стыда!

Въ тоже время пришелъ и другій пастухъ Меланѳій, приведшій съ собою лучшихъ изъ всего стада козъ женихамъ на пиршество, которыхъ привязалъ во дворѣ внутрь ограды, и увидѣвъ Одиссея, паки поносить его начинаетъ: о несносный тунеядецъ! ты и доселѣ еще здѣсь остаешься, нанося всѣмъ великія досады? Но я вижу, что ты не прежде оставишь здѣшній домъ, доколѣ не испытаешь рукъ нашихъ, когда безъ стыда здѣсь скитаешся и выпрашиваешь насильно пищу: развѣ въ другомъ мѣстѣ Ахаіи не можешь найти себѣ пропитаніе?

Одиссей на сіе его злорѣчіе ничего не отвѣчая, но изъявивъ токмо негодованіе движеніемъ головы, готовилъ всѣмъ пагубу. Наконецъ является третій пастухъ Филитій, приведшій съ собою безплодную корову и десять тучныхъ овецъ, который увидѣвъ Одиссея и приближився ко Эвмею, вопрошаетъ: кто таковъ сей странникъ недавно сюда пришедшій, изъ какой земли и что повѣдалъ о родѣ своемъ? ибо вижу его подобнаго видомъ царю: но боги въ великую погружаютъ бездну злополучій странствующихъ людей, когда и на царей посылаютъ напасти.

Сказавъ сіе и приближився къ Одиссею, такъ привѣтствуетъ его: радуйся странный мужъ! да учинишся паки обладателемъ того стяжанія, которымъ наслаждался прежде: ибо вижу тебя низверженнаго во многія напасти!

О отецъ боговъ Дій! нѣтъ жестокае тебя изъ безсмертныхъ: ибо не щадишь людей рожденныхъ отъ тебя, низвергая ихъ во всякія злоключенія. Не могу я отъ слезъ удержаться, когда вспомню объ Одиссеѣ, который, думаю, покрытый раздранными рубищами заблуждаетъ у чуждыхъ народовъ, ежели токмо въ живыхъ еще находится. Но когда уже онъ низшелъ въ жилища смертныя, о какъ много буду сѣтовать о возлюбленномъ царѣ моемъ, который отъ Кефалійскаго народа пріобрѣтши меня еще юнаго, послалъ на село пасти коровъ, безъ числа нынѣ умножающихся и чуждыми мужами пожираемыхъ, не взирая ни на сына его, ниже боясь боговъ безсмертныхъ, но готовы даже все имѣніе отсутствующаго царя раздѣлить между собою. Много разъ помышлялъ я удалиться съ сими стадами лучше въ чужую страну, нежели здѣсь живя, видѣть толикія насилія, и уже давно бы отъ инаго жестокосердаго царя уклонился, ежели бы не надѣялся, что нѣкогда паки злополучный царь мой возвратится, и всѣхъ дерзкихъ женіховъ, какъ прахъ, разсыплетъ.

Одиссей отвѣчалъ: вижу, что ты не уподобляешся буйному рабу, но одаренъ разсудительнымъ смысломъ: и для того даю тебѣ сію великую клятву, въ чемъ да будутъ свидѣтели, самъ отецъ боговъ Дій, страннопріимный столъ и домъ сей, въ коемъ теперь пребываю, что доколѣ ты будешь здѣсь находиться, Одиссей придетъ сюда, и поистинѣ убидишь, когда хочешь быть свидѣтелемъ

поражаемыхъ смертію жениховъ, въ домѣ семъ нынѣ господствующихъ.

Пастухъ сказалъ ему: о странникъ! когда бы сіе твое предвѣщаніе сбылося, подлинно увидѣлъ бы ты, съ какою охотою обратилъ бы я мои силы и руки ему на помощь. Такимъ же образомъ и Эвмей молилъ боговъ о возвращеніи Одиссея.

Между тѣмъ, какъ они разглагольствовали такъ, женихи устрояли пагубу и смерть Тилемаху, и въ то самое время прилетѣлъ съ лѣвой стороны орелъ, держащій въ когтяхъ поиманную голубицу; тогда Амфиномъ сказалъ прочимъ соискателямъ: други мои! поистинѣ совѣщаніе наше о пагубѣ Тилемаха не исполнится: и такъ оставя сіе, и приступимъ къ пиршеству. Всѣми одобренъ былъ совѣтъ его, по семъ пришедши въ домъ Одиссеевъ, и сложивъ съ себя верхнія одежды, начали закалать козъ, овецъ, вепрей и пучную корову, и приготовили все принадлежащее къ пиршеству. Тогда Тилемахъ посадилъ Одиссея внутри того же чертога на помостѣ, поставивъ предъ него небольшій столъ съ обильною пищею, и наполнивъ золотую чашу виномъ, такъ говорилъ: странникъ! здѣсь нынѣ сиди съ прочими мужами, и насыщайся пищею и виномъ, сколько будетъ угодно: отъ досадъ же и поношенія самъ я буду защищать тебя: ибо домъ сей не есть общенародный, но царя Одиссея, коего я обладателемъ нынѣ почитаюся. Вы же знаменитые юноши! воздержитеся отъ всяка-

го неустройства, и не подавайте случая ни къ какому между собою раздору и шуму.

Сими словами Тилемаха всѣ безмѣрно огорчилися, кусая губы и дивяся его дерзости, и Антиной вѣщаетъ къ своимъ собесѣдникамъ: хотя слова Тилемаховы весьма оскорбительны; однакожъ, любезные други! снесемъ ихъ теперь. Я очень дивлюся его прещенію, которымъ онъ устрашаетъ насъ, и жалѣю, что всесильный Дій не допустилъ исполниться совѣту нашему: тогда всеконечно бы смирилася гордость сего велерѣчиваго повелителя.

Но Тилемахъ не взиралъ на сіи слова его. Тѣмъ временемъ провозвѣстники привели чрезъ городъ священную сточисленную жертву къ Аполлоновой сѣнолиственной дебри, гдѣ и прочіе Ахеяне собралися, и приготовивъ пиршество, съ веселіемъ совершали праздникъ новомѣсячія, при чемъ и Одиссею предложена была равная часть по повелѣнію Тилемаха. Но божественная Паллада не допущала жениховъ воздержаться отъ злорѣчія и строптивости языка, дабы сильнѣе возбудить Одиссеево сердце къ отмщенію. Былъ нѣкто въ числѣ ихъ необузданный юноша Ктисиппъ, родомъ изъ острова Самоса, который надѣялся на безчисленное стяжаніе отца, желалъ пріобрѣсти Пинелопу въ жену себѣ, и съ превозношеніемъ такъ говоритъ прочимъ женихамъ: знаменитые юноши! странникъ сей хотя имѣетъ равную и достойную часть пищи, ибо несправедливо бы было того лишить какого либо пришельца въ домѣ Тилемаха; однако и я хощу дать

ему даръ утѣшенія, который пусть онъ и самъ подастъ, кому хочетъ.

По сихъ словахъ беретъ изъ плетеницы коровью ногу, и всею силою бросаетъ въ Одиссея; но сей устранився, избѣжалъ удара. Тогда Тилемахъ съ яростію и негодованіемъ сказалъ ему: для тебя же сіе полезнѣе, Клиситъ, что странникъ сей невредимъ остался: въ противномъ случаѣ всеконечно бы пронзилъ я тебя копьемъ моимъ, и отецъ вмѣсто брака учинилъ бы тебѣ погребеніе. И такъ еще повторяю вамъ, воздержитеся отъ всякаго злочинія въ домѣ моемъ: ибо я уже нахожусь въ такомъ возрастѣ, что самъ могу различать, что для меня полезно или вредно, прежде же сего былъ я несмысленъ и съ терпѣніемъ взиралъ на закалаемыхъ доселѣ овецъ, на расточаемое безъ мѣры вино и на пожираемый хлѣбъ: поелику трудно одному противоборствовать многимъ, и я лучше бы предпочелъ умереть (ибо вы хотите убить меня), нежели безпрестанно взирать на столь безчинные поступки, на біемыхъ странниковъ и на рабынь насилуемыхъ.

Всѣ молчали, когда сіе говорилъ Тилемахъ. По семъ Агелай сынъ Дамасторовъ обращаетъ свою рѣчь къ женихамъ: други мои! неприлично ни гнѣваться, ни съ досадою отвѣчать на сіи справедливыя укоризны. И такъ въ самомъ дѣлѣ воздержимся отъ обидъ наносимыхъ нами странникамъ и рабамъ дому Одиссеева. Тилемаху же и его матери возвѣщу въ коротькихъ словахъ нѣчто полезное, ежели то предъ ними угодно явится: доколѣ сердце

ваше имѣло надежду видѣть возвращеніе въ домъ свой Одиссея, никто изъ насъ не хотѣлъ быть вамъ въ тягость въ домѣ семъ: но когда нынѣ всѣмъ вѣдомо и извѣстно, что нѣтъ уже его болѣе въ живыхъ: для сего подай совѣтъ матери своей, да изберетъ себѣ мужа, кого сама желаетъ, и кто множайшее дастъ вѣно. Тогда ты съ радостію будешь наслаждаться наслѣдственнымъ сняжаніемъ отца своего, а она будетъ блюсти домъ новаго своего мужа.

Любезный Агелай! отвѣтствовалъ Телемахъ, кленуся Діемъ и отцемъ моимъ, ежели онъ живъ еще заблуждаетъ въ дальнихъ странахъ или уже мертвъ, что я не препятствую матери моей вступить въ супружество, но паче совѣтую ей избрать себѣ мужа, кого сама желаетъ: тогда я дамъ ей съ своей стороны многіе дары: но противъ воли не могу понудить ее къ тому оскорбительнымъ какимъ либо словомъ: да отвратитъ отъ меня сіе богъ.

Такъ говорилъ Телемахъ. Тогда божественная Паллада послала на женихов невоздержный смѣхъ и помрачила ихъ умъ: ибо смѣялися принужденно и аки чуждыми устами, ѣли окровавленныя части въ мясахъ, очи наполнены были слезами и сердца плачъ предчувствовали.

Видя сіе прорицатель Ѳеоклименъ, вѣщаетъ имъ: о злополучные! откуда зло сіе на васъ низринулося? Я вижу главы ваши, лице и ноги покрытыя тьмою: слышу уже и стонъ: ланиты ваши слезами орошаются: мрачныя

тѣни стоятъ въ преддверіи; по всему дому блуждаютъ мертвецы; открывается адъ во всемъ своемъ ужасѣ; солнце исчезаетъ, и нисходитъ на васъ мгла смертоносная.

Сими словами подвигъ ихъ къ вящшему емѣху, и Эвримахъ сынъ Поливіевъ говоритъ: други мои! и сей новопришедшій странникъ неистовствуетъ: выведите его скорѣе вонъ: ибо свѣтлый день ночью называетъ.

Θеоклименъ отвѣтствовалъ: Эвримахъ! не требую я отъ тебя путеводителя, имѣя глаза, уши, ноги, и разумъ мой отнюдь не заблуждаетъ, при путеводствѣ коихъ скоро отсюда удалюся, ибо предусматриваю приближающуюся вамъ напасть, отъ которой никто изъ васъ не избудетъ за неправедныя дѣла творимыя вами въ домѣ Одиссеевомъ. По сихъ словахъ оставляетъ домъ царевъ и отходитъ къ Пирею, который принялъ его съ радостію. Женихи же взирая одинъ на другаго, паки начинаютъ раздражать Тилемаха, говоря съ посмѣяніемъ о приходящихъ къ нему странникахъ, и нѣкто изъ нихъ такъ сказалъ: конечно никто столько не искусился въ выборѣ странниковъ, какъ Тилемахъ, приведшій съ собою новаго и неизвѣстнаго пришельца, который весьма умѣетъ ѣсть и вино пить, трудовъ же никакихъ не знаетъ, не имѣетъ крѣпости и тяготитъ токмо землю. Другой присовокупилъ: Тилемахъ! ежели хочешь, мы скоро страннопришельцевъ твоихъ отправимъ на кораблѣ въ Сицилійскую землю, гдѣ, какъ думаю, въ скоромъ времени они обогатятся.

Такъ кощунствовали женихи: но Телемахъ не прогался безумствомъ ихъ, имѣя обращенный взоръ на отца своего, и ожидая всякое мгновеніе согласія его на пагубу ихъ, гдѣ и Пинелопа сидя на приготовленномъ ей мѣстѣ, слышала каждое ихъ слово. Такимъ образомъ хотя они начали пиршество съ веселымъ духомъ и безъ всякой боязни; но вечеря для нихъ будетъ самая горестнѣйшая, каковую Одиссей при помощи богини вскорѣ имъ предложитъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Царицѣ Пинелопѣ премудрая Паллада вдохнула въ умъ предложить женихамъ для подвига въ домѣ Одиссеевомъ лукъ и чистое желѣзо, яко начало убійства. И для того идетъ съ рабынями въ верхнюю храмину, гдѣ лежали царскія сокровища: злато, мѣдь и крѣпкое желѣзо: тамъ лежалъ и лукъ, со многими смертоносными стрѣлами, въ даръ данный въ Лакедемонѣ Ифитомъ сыномъ Эвриповымъ, когда довелося ему быть вмѣстѣ въ дому браноноснаго Орсилоха съ Одиссеемъ, конюх

рый тогда былъ въ Мессинѣ для полученія долгу находившагося на Мессинскихъ жителяхъ, похитившихъ изъ Ѳаки на кораблѣхъ триста овецъ съ пастухами, и ради сего посланъ туда онъ былъ отъ отца и прочихъ старѣйшинъ. Ифитъ же искалъ пропавшихъ двѣнадцать кобилицъ и толикое же число ослицъ, ко всякимъ трудамъ пріученныхъ: но сіе самое вскорѣ приключило ему смерть и пагубу: ибо Иракъ сынъ Діевъ, принявъ дружелюбно Ифита пришедшаго въ домъ къ нему, и предложивъ ему яко страннику пищу, послѣ умертвилъ его, не убоявся ни гнѣва боговъ, ниже стола страннопріимнаго, и коней удержалъ у себя. Онъ въ семъ своемъ путешествіи въ знакъ дружбы далъ ему оный лукъ, который прежде употреблялъ великій Эвритъ, и по смерти оставилъ своему сыну. Одиссей же съ своей стороны Ифиту подарилъ мечъ и копье къ знакъ будущаго дружескаго страннопріимства, которымъ однакоже не могли почтить себя взаимно: ибо добродѣтельный Ифитъ, какъ уже сказано, погибъ отъ рукъ Иракловыхъ. Лукъ оный не былъ съ Одиссеемъ на брани, но въ память любезнаго друга дома былъ оставленъ, который Пинелопа взявъ и съ онымъ тулъ наполненный стрѣлами, и сѣвши, положила его на колѣнахъ, плакала неутѣшно, проливъ же надъ нимъ многія слезы, возвращается къ женихамъ, неся лукъ и тулъ съ собою, отъ коего они должествовали принять конечную пагубу; рабыни же несли влагалище, заключающее въ себѣ желѣзо и мѣдь подвиги царя Одиссея, и ставъ

въ дверяхъ, имѣя на лицѣ тончайшее покрывало и предстоящихъ предъ собою рабынь, такъ вѣщаетъ:

Внемлите, гордые женихи, которые доселѣ дѣлаете насиліе дому сему, непрестанно въ немъ пиршествуете, и не видя предъ собою царя его, не хотите воздержаться отъ обидъ и поношенія. Вотъ лукъ и стрѣлы Одиссеевы, и кто напрягши его, пуститъ стрѣлу чрезъ всѣ двѣнадцать колецъ, того нарекуся женою и пойду съ нимъ вкупѣ, оставя домъ сей, въ которомъ отъ юныхъ лѣтъ я пребывала, имѣя во всемъ изобиліе, и надѣюсь вспомнить о немъ хотя въ сновидѣніи.

Сіе сказавъ, велѣла Эвмею взять лукъ и кольца, который принявъ и взирая на него со слезами, положилъ на назначенномъ мѣстѣ. Антиной не престава отъ посмѣянія, такъ говорилъ: несмысленные поселяне, предающіеся ежедневно суетнымъ только мыслямъ! о чемъ плачете, умножая печаль въ сердцѣ вашей царицы, которая и безъ вашего сторченія всегда крушится о возлюбленномъ своемъ Одиссеѣ? И такъ или насыщайтеся спокойно пищею, или выдите отсюда, и проливайте слезы, гдѣ хотите: лукъ же оставьте здѣсь для подвига женихамъ. Но я думаю, что ни единъ изъ насъ не будетъ въ силахъ напрячь его: ибо нѣтъ здѣсь человѣка подобнаго Одиссею, коего я самъ видѣлъ, хотя и былъ еще несмыслен.

Сими словами устрашалъ прочихъ женихов, самъ надѣяся напрячь лукъ и сквозь

всѣ кольца пустить стрѣлу, остріе которой долженствовалъ самъ напередъ испытать отъ рукъ презираемаго Одиссея, противъ коего возмущалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ.

По семъ рѣчь свою обращаетъ къ нимъ Тилемахъ: мужественные Ахейскіе юноши! поистинѣ Дій ослѣпилъ мой разумъ, когда я вмѣстѣ съ вами пиршествую и утѣшаюся, матерь же моя оставляя домъ, хочетъ посягнуть за другаго мужа. И такъ оставьте ваше пиршество и совершите подвигъ, отъ матери моей царицы Пинелопы предложенный: ибо подобныя ей жены, какъ сами вы знаете, не обрѣтается ни въ Пилѣ, ниже въ Аргосѣ, ниже въ Микинахъ, ниже въ Эпирѣ и ниже въ самой Итакѣ. Но къ чему мнѣ такъ превозносить свою матерь? Приступите къ дѣлу и не продолжайте времени извиненіями своими, пусть явитъ всякъ мужество свое и крѣпость. Но прежде всѣхъ я испытаю лукъ сей, и когда напрягши его, пущу стрѣлу чрезъ всѣ кольца: тогда матеры моя не оставитъ дома сего.

Сказавъ сіе, снимаетъ съ себя верхнюю одежду, по семъ становитъ кольца по ископанному прямо рву, и обсыпаетъ ихъ землею. Женихи видя сіе, весьма дивилися: ибо никогда прежде сего не видали. Тилемахъ ставъ на помостѣ, береть лукъ, испытываетъ его упругость, прижды напрягалъ тетиву его, и прижды отпущалъ оную, не надѣяся на силы свои, въ четвертый разъ конечно напрягъ бы, когда бы Одиссей, давъ ему тайный знакъ, не удержалъ отъ того.

Тилемахъ положивъ лукъ на помостъ, такъ говорилъ: други мои! или я слабъ и безсиленъ, хотя и достигъ совершенныхъ лѣтъ, или не надѣюся на свою юность, когда не имѣю отваги обратить рукъ своихъ сопротивъ человѣка, обиды мнѣ причиняющаго. Нынѣ испытайте вы твердость лука силами крѣпчайшіе меня, и такимъ образомъ скоро совершимъ подвигъ свой. Сіе сказавъ, сѣлъ паки на мѣстѣ своемъ Тогда Антиной говоритъ своимъ собесѣдникамъ: други мои! вставайте всѣ по порядку съ правой стороны, гдѣ виночерпецъ намъ вино подаетъ.

Совѣтъ его всѣми былъ одобренъ: и первый встаетъ Ліодъ сынъ Иноповъ, который былъ между ими прорицателемъ и прочихъ сотоварищей своихъ за буйныя ихъ дѣла весьма ненавидя, сидѣлъ отъ всѣхъ отдаленнѣйшій. Онъ ставъ на помостъ, испытываетъ лукъ, но употребляя тщетныя усилія опровивъ упругости его, такъ вѣщаетъ: знаменитые юноши! познаю, что силы мои не имѣютъ твердости лука сего: и такъ пусть иный кто возметъ его. Но я увѣренъ, что онъ многихъ и сильныхъ изъ насъ мужей лишитъ крѣпости и живота. Впрочемъ лучше умереть, нежели почитаяся живыми, не достигнуть того, что, всякій день пребывая здѣсь, нетерпѣливо имѣть желали. Съ другой стороны хотя бы кто изъ васъ нынѣ надежду и полагалъ въ сердцѣ своемъ понять Пинелопу въ жену себѣ, но испытавъ лукъ, иную отъ Ахейскихъ женъ искать себѣ будетъ невѣсту.

Сіе сказавъ и положивъ лукъ на помостѣ, удаляется на свое мѣсто.

Антиной же слышавъ сіе, отвѣчалъ съ негодованіемъ: Ліодъ! какъ ты дерзаешь говорить столь поносительныя для всѣхъ слова, которыхъ не льзя слышать безъ огорченія, что лукъ сей, коего ты одинъ не напрягъ, лишитъ многихъ крѣпкихъ изъ насъ юношей силы и живота? Но вѣдай, что мать твоя не родила тебя къ сему способнымъ, прочіе же обрѣтающіеся здѣсь юноши напрягутъ его. По семъ оборотяся къ пастуху Меланѳію, велитъ ему вогнѣсти огонь, принесть жиръ и согрѣвшійся лукъ помазать онымъ, дабы удобнѣе можно было познать твердость его. Меланѳій скоро исполнилъ повелѣнное ему. Но и тогда никто не напрягъ его, и токмо истощился у всѣхъ силы.

Антиной токмо и Эвримахъ бывъ паче всѣхъ крѣпчайшіе, оному не прикасалися, но скоро оба удаляются изъ дому. За ними слѣдуетъ и Одиссей съ двумя пастухами, коимъ внѣ двора говоритъ слѣдующее: други мои! сердце мое совѣщаетъ мнѣ нѣчто открыть предъ вами. Скажите мнѣ, готовы ли вы быть помощниками Одиссею, когда бы его боги внезапно поставили предъ вами, или паче желаете защищать женихов, нежели царя своего? Пастухъ Филитій отвѣтствовалъ: о когда бы отецъ боговъ исполнилъ наше желаніе и привелъ къ намъ Одиссея, скоро бы ты удостоверился въ моей вѣрности и неустрашимости! Таковое же изъявилъ желаніе и Эвмей о возвращеніи въ домъ царя своего. Одиссей увѣрив-

щись вѣ усердіи ихъ, паки вѣщаетъ: познайте же теперь во мнѣ царя вашего Одиссея, котораго по претерпѣніи несказанныхъ напастей въ двадесятый годъ возвратился въ отечественную землю свою, и я знаю, что вы покмо одни желали моего прибытія, изъ прочихъ же рабовъ никого нѣтъ ко мнѣ усердного. И такъ открою вамъ всю истинну: когда боги помогутъ мнѣ низложить женихов; тогда обоимъ вамъ дамъ женъ, надѣлю обильнымъ стяжаніемъ, каждому построю близъ моихъ чертоговъ особый домъ, и вы будете называться мнѣ и Тилемаху ближними и друзьями. Но дабы еще болѣе васъ увѣрить вѣ истинѣ словъ моихъ, увидите и несумнѣнный знакъ того: сіе сказавъ, показалъ имъ ногу, присовокупивъ: познайте оную язву, которую нѣкогда причинилъ мнѣ вепрь на горѣ Парнассѣ, когда я былъ на ловлѣ звѣрей съ дѣтями дѣда моего Автолика. Эвмей и Филитій познавъ истинну, обнимаютъ царя, лобызаютъ главу его и рамена, такъ же и Одиссей облобызалъ ихъ, и поистинѣ ночь приближилася бы въ семъ ихъ плачѣ, когда бы Одиссей не удержалъ ихъ отъ того сими словами: отложите нынѣ ваше сѣтованіе, да не увидитъ кто васъ плачущихъ и возвѣститъ всѣмъ пребывающимъ въ домѣ семъ: но осторожно возвратитеся паки въ чертоги, покмо не всѣ совокупно, и прежде я пойду, вы же немного помедливъ, слѣдуйте за мною. Знакъ же вамъ мёжду нами да будетъ сей: когда по требованію моему женихи не захотятъ мнѣ дать лука, тогда ты, любезный Эвмей, взявъ

его, подай мнѣ въ руки: по семъ скоро вели запереть двери, чтобы никто изъ рабовъ нашихъ не выходилъ изъ мѣстъ своихъ, ежели услышатъ какой шумъ или смятеніе, но оставались бы всѣ при дѣлахъ своихъ. Тебѣ же, другъ мой филитій! поручаю запереть широкіе ворота у дома нашего.

По сихъ словахъ возвращается въ сонмище жениховъ, и занимаетъ прежнее свое мѣсто. Вскорѣ явился Эвмей и филитій. Эвримахъ же тогда держа лукъ, оборачивалъ его туда и сюда, нагрѣвая теплотою огня; но никакъ не могъ напрячь, и испустивъ тяжкій вздохъ, такъ сказалъ: други мои! всеконечно должно быть намъ прискорбно не столько ради брака, ибо много находится Ахейскихъ женъ какъ во Иѳакѣ, такъ и въ прочихъ городахъ, сколько то, что много силъ не достаетъ въ насъ къ напряженію лука противъ силъ, какія имѣлъ царь Одиссей. И такъ будетъ срамъ и укоризна слышать сіе потомкамъ нашимъ.

Неустрашимый Антиной отвѣчалъ: Эвримахъ! не такъ сіе послѣдуетъ, какъ ты думаешь, и самъ ты извѣстенъ, что нынѣ народъ чтитъ праздникъ великаго изъ боговъ: кто же въ сей день лукъ напрягаетъ? И такъ положите его, а кольца оставьте такъ, какъ они теперь находятся, и я не думаю, чтобы кто похитилъ ихъ. Ты же виночерпецъ, подай намъ вино, да всякъ насытившся онымъ по произволенію, отложитъ помышленіе о лукѣ до инаго времени. Пусть завтрешній день Меланѳій приведетъ лучшихъ изъ всего стада козъ,

коихъ тучныя бедры принеся въ жертву царю Аполлону, паки испытаемъ лукъ и совершимъ свой подвигъ.

Сей его совѣтъ всѣмъ явился угоденъ. Провозвѣстники подали воду для измовенія рукъ, а рабы наполнивъ чашу виномъ, поднесили всѣмъ оное, и когда всѣ насытилися, тогда Одиссей сплетая лесть, такъ говорилъ имъ:

Знаменитые женихи царицы Пинелопы! внемлите, что скажу вамъ, паче же всѣхъ Эвримаха и Антиноя прошу обратить вниманіе: вы нынѣ оставили испытаніе лука изъ почтенія къ празднику, который велите по дать мнѣ, да и я купно съ вами испытаю крѣпость рукъ моихъ, и еще ли столько имѣю силъ, какъ прежде, или странношвованіе и нищета истребили оныя?

Тогда всѣ жестоко на него вознегодовали, боясь, чтобы не напрягъ лука и не наслалъ бы чрезъ то всѣмъ посмѣянія. Антиной же воззрѣвъ на него съ яростію, такъ говорилъ: о жалкій странникъ! нынѣ вижу я, что нѣтъ въ тебѣ нисколько разума, когда не хочешь спокойно между нами пиршествовать. Скажи, чего еще не достаетъ тебѣ: ибо ты только вмѣшиваешся въ наши разговоры и сужденія, чего ни одинъ странникъ и нищій не дѣлаетъ. Или вино тебя къ сему приводитъ, которое и другихъ многихъ дѣлаетъ безумными, кто упивается имъ безъ мѣры? Вино и знаменитому Кентавру Эвритну причинило вредъ въ дому мужественнаго Пирѳоя шедшему къ Лапиѳамъ, гдѣ излишнимъ питіемъ

его помрачилъ разумъ свой, содѣлалъ великое безуміе, за что сильные ироп подвигшись праведнымъ мщеніемъ, извлекли его на дворъ и обрѣзали ему уши и ноздри. Такимъ образомъ отшелъ онъ оттуда, наказанъ бывъ за невоздержное употребленіе вина: такъ и ты понесешь великую бѣду, когда отважишься лукъ сей напрячь: тогда никто не подастъ тебѣ здѣсь помощи, но вскорѣ отправимъ на кораблѣ къ любѣйшему царю Эхету, откуда уже никогда не возвратишся. И такъ совѣтую тебѣ насыщаться пищею и виномъ спокойно и не вступать въ распрю съ лучшими себя мужами.

Мудрая Пинелопа сказала ему: Антиной! неприлично и безчестно обиды причинять странникамъ приходящимъ въ домъ Тилемаховъ. Не думаешь ли ты, что пришелецъ сей надѣяся на свои силы, когда напряжетъ лукъ, отведетъ меня въ домъ свой и учинитъ своею женою? Ниже ты ниже иной кто изъ васъ да не надѣется сего.

Мудрая царица Пинелопа! отвѣтствовалъ Эвримахъ, отнюдь сего не думаемъ мы, но убѣгаемъ народныя молвы, дабы кто не сказалъ, что мужи безсильные и малодушные ищутъ понять за себя жену мужа крѣпкаго и браноснаго не могшіе напрячь лука, нѣкто же странный нищій безъ труда напрягъ его и пустилъ стрѣлу чрезъ всѣ кольца. Такъ будутъ говорить въ народѣ, намъ же отъ того послѣдуетъ стыдъ и безчестіе.

Но скажи мнѣ, Эвримахъ! возразила Пинелопа, прилично ли знаменитымъ въ народѣ

мужамъ поѣдать чужій хлѣбъ и раззорять домъ героя великими дѣлами прославившагося, и не сами ли себѣ вы дѣлаете симъ поношеніе? Странникъ сей величеспівенъ образомъ, взраченъ тѣломъ и происходитъ отъ знаменитаго рода: для сего дайте ему лукъ, и когда онъ напряжетъ его, и возвеличитъ его сею славою Аполлонъ, тогда награжу его богатыми одеждами, и давъ сапоги, копье и мечъ, отпущу, куда сердце его желаетъ.

Тилемахъ отвѣчалъ на сіе Пинелопѣ: возлюбленная матерь! нѣтъ человѣка ни въ Иѳакѣ, ниже во всей Элидской странѣ, кто бы могъ принудить меня къ чему либо противъ желанія моего, либо воспретить въ моемъ хотѣніи. Я токмо изъ всѣхъ Ахеянъ имѣю власть и право дать лукъ, кому хочу. И такъ удалися ты въ чертогъ свой и исправляй дѣла свои, какія приличны тебѣ, надзирая такъ же и за рабынями, дабы исполняли прилѣжно порученное имъ. Попеченіе же о лукѣ предоставь мужамъ, и наипаче всѣхъ мнѣ, имѣющему надъ домомъ симъ больше всѣхъ власти.

Пинелопа слыша сіе, въ крайнемъ удивленіи удаляется въ чертогъ свой, соблюдая мудрыя слова Тилемаха, и вступивъ въ оный, снова предается сѣтованію о возлюбленномъ своемъ супругѣ, доколѣ божественная Паллада не излила на очи ея сладостной дремоты. Тогда Эвмей взявъ лукъ, несетъ къ Одиссею, что увидѣвъ женихи, пришли въ великое смятеніе, и нѣкто изъ нихъ сказалъ: несмысленный пастухъ! куда несешь лукъ сей? оставь его на

своемъ мѣстѣ, да не будешь вскорѣ растерзанъ псами, тобою самимъ вскормленными.

Эвмей устрашася угрозъ многихъ мужей, паки положилъ лукъ на прежнемъ мѣстѣ: что видя Тилемахъ, со гнѣвомъ сказалъ ему: безумный! почто слушаешь ихъ? скоро подай мнѣ лукъ, да небудешь пораженъ и изгнанъ отсюда. О когда бы я столько же имѣлъ силъ противъ всѣхъ жениховъ сихъ, сколько власти надъ тобою: по истиннѣ многіе бы возвратилися въ домы свои съ печалію за неправедныя дѣла ихъ.

Такъ говорилъ Тилемахъ: женихи же обративъ сіе въ смѣхъ, успокоилися. Тогда Эвмей повинуяся Тилемаху, принесъ лукъ къ Одиссею и положилъ у ногъ его.

По семъ Тилемахъ тайно призвавъ Эвриклею, приказываетъ ей поспѣшно во всемъ домѣ запереть крѣпко двери, чтобы въ случаѣ какого либо смятенія никто не выходилъ изъ своихъ мѣстъ, но всѣ исполняли бы свои должности. Равно и Пастухъ Филитій вышедши тайно, заперъ ворота у ограды, и увидѣвъ недалеко лежащее сухое и дебелое дерево, утвердилъ имъ крѣпко оныя, потомъ возвратившися на свое мѣсто, прилѣжно наблюдалъ всѣ движенія Одиссея, который тогда оборачивалъ туда и сюда лукъ свой, испытывая, не повредили ли его черви во время столь долгаго отсутствія. Тогда нѣкто изъ жениховъ обороняся къ собесѣднику своему, сказалъ: о какой искусный и хитрый пришелъ къ намъ стрѣлецъ который по видимому и въ домѣ у себя имѣетъ такіе же луки, или намѣренъ сдѣ-

лать сему подобный! Смотри, какъ его въ рукахъ своихъ обращаетъ сей пресмыкающійся ницій. Иной говорилъ: о естьли бы имѣлъ онъ во всемъ такой же успѣхъ, съ какимъ нынѣ напряжетъ лукъ сей! Такъ женихи ругалися; но Одиссей не смотря на ихъ посмѣяніе, продолжалъ осматривать твердость лука и нашелъ его неврежденнымъ. Какъ искусный пѣвецъ на новой цѣвницѣ удобно напрягаетъ струны: такъ Одиссей безъ всякаго труда правою рукою натягиваетъ тетиву лука, которая отпущена бывъ, издала отъ крѣпкихъ его перстовъ звукъ подобный голосу поющія ластовицы. Тогда во всѣхъ женихахъ вострепетали сердца, и измѣнился видъ на ихъ лицахъ: отецъ же боговъ великій Дій посылая ему благое знаменіе, возгремѣлъ отъ странъ превыспренныхъ. Одиссей возрадовался сердцемъ, видя къ себѣ благоволеніе могущественнѣйшаго изъ боговъ; пріемлетъ стрѣлу лежащую на помостѣ, прочія же сокрыты были въ Тулѣ, возложивъ оную на тетиву и напрягши лукъ, пущаетъ ее. Стрѣла неся свое остріе, летитъ и мгновенно проходитъ вскозь всѣ кольца, начиная отъ перваго даже до послѣдняго.

По семъ сказалъ Тилемаху: видишь ли? страннопришелецъ пребывающій въ дому твоемъ не нанесъ тебѣ безчестія, и ниже стрѣла изъ лука пущенная уклонилася отъ цѣли, ниже изнемогли руки отъ многотруднаго напряженія лука. И такъ онъ еще не лишился силы своей и крѣпости, и не такъ устроилося, какъ женихи совѣщали, ругаяся

надъ нимъ. Но уже наступило время угостить вечерею сихъ знаменитыхъ Ахеянъ, доколѣ свѣтъ не ушелъ, а послѣ насладимся пѣніемъ и гласомъ цѣвницы, которая составляетъ украшеніе веселыхъ пиршествъ.

Сказавъ сіе, далъ знакъ взоромъ Тилемаху, который познавъ волю его, тотчасъ приноситъ острый и тяжелый мечъ, подаетъ его въ руки Одиссею и становитъ копье подлѣ него, а потомъ и себѣ приготовляетъ бранное оружіе.

О МИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Одиссей для облегченія своего снимаетъ съ себя нѣкоторыя изъ рубищъ, и становится на порогъ, держа въ рукахъ лукъ и тулъ наполненный стрѣлами, которыя высыпавъ предъ собою, такъ вѣщаетъ къ женихамъ: храбрые юноши! единъ невинный подвигъ уже совершенъ мною: нынѣ хочу избрать другой предметъ, коего цѣли никто доселѣ не постигъ: и такъ да пошлетъ Аполлонъ мнѣ славу свою. Сказавъ сіе, мгновенно направляетъ стрѣлу на Анти-

ноя, который въ самое сіе время поднявъ чашу, приносилъ къ устамъ для вкушенія вина изъ нея, смерть же и на мысль ему не всходила: ибо кто могъ подумать, чтобы одинъ дерзнулъ противъ толикаго множества ополчиться и нанести смертоносное пораженіе? Одиссей пущенною стрѣлою поражаетъ его въ гортань; остріе проходитъ сквозь выю; падаетъ изъ рукъ чаша; упадаетъ на помостъ и самъ державшій опую; ручьемъ течетъ кровь изъ ноздрей; трепещетъ лежа на полу всѣми членами; бьетъ ногами о землю; опровергаетъ столъ съ яствами; хлѣбъ и мяса валятся подъ ноги жениховъ; вино смѣшивается съ кровію. Тогда прочіе сообщники, видя пораженнаго знаменитаго мужа и вставъ съ мѣстъ своихъ, воздвигли великій шумъ и мятежъ, обращаютъ взоръ по всѣмъ стѣнамъ, но нигдѣ ни щита, ни копья не обрѣтаютъ. По семъ съ яростію вопіютъ на Одиссея: безумный странникъ! до чего простерлась твоя дерзость, что уже на мужей пущаешь стрѣлы? Но тебѣ самому приближилася люта смерть: ибо умертвилъ ты изъ всѣхъ Ахейскихъ юношей знаменитѣйшаго: чего ради и самъ поверженъ будешь на растерзаніе птицамъ.

Сіе говоря, были въ томъ мнѣніи, что убійство имъ учинено неумышленно: но того безумные не воображали, что неминуемая пагуба вскорѣ долженствовала всѣхъ постигнуть.

Одиссей воззрѣвъ на нихъ съ яростію, вѣщаетъ: о неистовые псы! не воображали ли

вы, что я никогда въ домъ сей не возвращуся отъ страны Троянскія, не расточали ли мое имѣніе и не требовали ли жену въ супружество отъ живаго мужа, не бояся ни мщенія отъ боговъ, ниже отъ людей поношенія? И такъ нынѣ всѣмъ вамъ приближился конецъ живота.

Женихи слышавъ сіе, еще болѣе содрогнулися, и всякъ помышлялъ, какъ бы избѣжать люшой смерти. Одинъ только Эвримахъ отвѣтствовалъ: когда ты неложно возвратившійся сюда царь Ѳакійскій Одиссей, то справедливую имѣешь причину жаловашься на обиды нанесенныя тебѣ нами, и мы конечно причинили многія озлобленія здѣсь въ домѣ и на селѣ твоемъ: но тотъ, кто всему тому былъ виновникъ, уже поверженъ мертвъ лежитъ. Знаменитый юноша Антиной желалъ пріобрѣсть нетокмо въ жену царицу Пинелопу, но помышлялъ и царство надъ народомъ Ѳакійскимъ присвоить себѣ чрезъ тайное убійство сына твоего; но всесильный Дій не допустилъ исполниться его желанію. Онъ, говорю, предъ очами всѣхъ уже лежитъ бездыханенъ: и такъ пощади насъ народъ твой. Мы же, сколько изъ имѣнія твоего расточили, возвратимъ съ избыткомъ, и каждый приведетъ тебѣ двадцать воловъ, дадимъ такъ же обильно серебра и злата, сколько сердце твое пожелаетъ: токмо укроти гнѣвъ твой и умилосердися надъ нами.

Одиссей отвѣчалъ со гнѣвомъ: Эвримахъ! ежели бы и все наслѣдство отцевъ своихъ принесли ко мнѣ, и умножая умножили бы дары ваши,

и тогда поистинѣ не искупите себя отъ предстоящей вамъ смерти, доколѣ всѣхъ васъ не сведу во адъ. Нынѣ предлежатъ вамъ два пути, или сражаться, или спасаться бѣгствомъ: но не уповаю, чтобы кто избѣжалъ отъ рукъ моихъ.

Слова сіи всѣхъ объемлютъ ужасомъ. Тогда Эвримахъ обратяся къ прочимъ женихамъ, такъ вѣщаетъ: любезные собесѣдники! вѣдаю я, что мужъ сей не приметъ мольбы нашей, но доколѣ въ рукахъ у себя имѣть будетъ лукъ и тулъ со стрѣлами, побивать насъ будетъ безъ пощады, пока не поразитъ всѣхъ. И такъ сразимся и сами: извлекайте мечи; защищайтеся отъ стрѣлъ вмѣсто щитовъ столами; соберемся всѣ во едино; устремимся совокупно для преодолѣнія его; сокрушимъ двери; спасемся во градъ и призовемъ тамо народъ на помощь: такимъ образомъ въ послѣдній разъ пуститъ онъ свою стрѣлу.

Такъ взывая, извлекаетъ острый мечъ, и съ страшнымъ шумомъ устремляется на Одиссея, который направивъ въ него стрѣлу, поражаетъ въ грудь близъ сосца, остріе стрѣлы проходитъ въ сердце, падаетъ изъ рукъ Эвримаховыхъ мечъ, опровергается столъ, проливается вода изъ чаши, отъ несперимой болѣзни біетъ челомъ о землю, ногами повергаетъ сѣдалище, и закрываетъ очи тьма вѣчная. По семъ Амфиномъ на Одиссея съ мечемъ наступаетъ, но Тилемахъ предускоривъ его, поражаетъ копьемъ между раменъ, коего остріе пролетаетъ сквозь перси, повергается мужественный ирой на землю и

біетъ оную. Тилемахъ оставляетъ копье въ него вонзенное, страшася, дабы кто не поразилъ мечемъ въ голову, и поспѣшно возвращяся къ Одиссею, говоритъ: родитель мой! позволь принести себѣ щитъ, ва копья и шлемъ и снабдить оружіемъ обоихъ пастуховъ намъ вѣрныхъ.

Одиссей отвѣтствовалъ: въ самой скорости все сіе исполни, доколѣ находятся у меня еще стрѣлы, да не преодолѣютъ женихи, когда я одинъ остануся.

Тилемахъ повинуяся отцу, поспѣшно идетъ въ хранилище, гдѣ лежало оружіе, беретъ четыре щита, восемь копьевъ и четыре шлема, и принесши все сіе къ отцу, прежде на себя возлагаетъ мѣдную броню, а потомъ вооружився и пастухи, стали вокругъ Одиссея, который доколѣ имѣлъ стрѣлы, дотолѣ каждою поражалъ жениховъ, и падали всѣ они другъ за другомъ. По истощеніи же стрѣлъ, положивъ лукъ на помостѣ, укрываетъ щитомъ свои рамена, а голову шлемомъ, и беретъ въ руки два копья мѣдныя. Были нѣгдѣ ворота, которыми выходить можно было на поле сіи Одиссей велитъ Эвмею стеречь со всякимъ раченіемъ. Тогда Агелай говоритъ прочимъ женихамъ: пусть кто нибудь немедленно идетъ и возвѣститъ народу, да соберется сюда: такимъ образомъ по нехотѣнію мужъ сей удержится отъ убійства.

Меланеій отвѣтствовалъ ему: храбрый Агелай! никакъ исполнить сего не можно: ибо всѣ выходы заперты крѣпко: но лучше принесу вамъ изъ хранилища оружіе. Сіе сказавъ,

идетъ по лѣстницѣ, гдѣ лежали ратные доспѣхи, и взявъ тамъ двѣнадцать щитовъ, столько же копьевъ и шлемовъ, принесъ все сіе къ женихамъ. Тогда содрогнулись колена у Одиссея, усмотрѣвшаго вооружившихся жениховъ и потрясающихъ копьями, и онъ вопрошаетъ Тилемаха: конечно которая нибудь изъ рабынь или самъ Меланѳій устрояя козни, дѣлаютъ сію борьбу опаснѣйшею?

Тилемахъ сказалъ ему: ахъ родитель мой! сіе произошло отъ моего неразумія, что забылъ заперетъ двери и оставилъ оныя отворенными. И такъ, любезный Эвмей, поди скоро, запри оныя, и посмотри, кто сіе дѣлаетъ, изъ рабынь ли кто, или Меланѳій? Тѣмъ временемъ пастухъ сей идетъ еще за оружіемъ: что видя Эвмей, вѣщаетъ Одиссею: о брановосный мой царь! се злокозненный Меланѳій еще идетъ за оружіемъ: намъ ли повелишь умертвить его, ежели преодолѣнъ мною будетъ, или привести сюда, да отъ твоихъ рукъ пріиметъ доспойное отмщеніе за свои злыя дѣла? Одиссей отвѣтствовалъ: я и Тилемахъ останемся здѣсь для защищенія выхода, чтобы ни единъ изъ жениховъ не спасся: вы же немедленно идите, и связавъ ему руки и ноги, подымите къ столпу, чтобы онъ вися, терпѣлъ между тѣмъ тяжкія муки.

Эвмей и Филитій усмотря Меланѳія собирающаго оружіе, скрываются у дверей, и емлютъ его несущаго въ одной рукѣ древній щитъ Лаертовъ, а въ другой шлемъ, и вовлекши его за волосы паки внутрь хранилища, привязали къ столпу, какъ велѣлъ Одиссей.

Эвмей же ошходя, такъ говорилъ ему съ насмѣяніемъ: нынѣ, Меланѳій, насладися здѣсь сладкимъ сномъ за то, что никогда не давалъ себѣ покоя, когда приводилъ тучныхъ козъ алчнымъ женихамъ на пищу.

По семъ утвердивши крѣпко входъ у дверей, возвращаются къ Одиссею. Тогда божественная Паллада явилась ему во образѣ Ментора, которую узрѣвъ Одиссей, весьма обрадовался и такъ вѣщаетъ: возлюбленный Менторъ! помоги изгнать отсюда всякое нечестіе, и вспомни о другѣ твоемъ, ежели онъ какое добро сдѣлалъ. Такъ говорилъ Одиссей: съ другой же стороны женихи воздвигли великое прещеніе, и первый Агелай возопилъ ему сѳнѳмъ: о Менторъ! блюдися сражаться противъ насъ и защищать убійцъ нашихъ: ибо когда сразимъ Одиссея и сына его, тогда не пощадимъ и тебя самаго, имѣніе предадимъ разграбленію, а дѣтей и самую Пинелопу отведемъ съ собою.

Тогда богиня Аѳинская съ видомъ негодованія вѣщаетъ Одиссею: злополучный царь! гдѣ прежнія твои силы и крѣпость? Куда дѣвалося мужество? Таковъ ли ты нынѣ ополченъ являешся, каковъ былъ, когда ратовалъ девять лѣтъ противъ Троянъ, непрестанно сражался за царицу Елену? Не сокрушилъ ли ты многихъ храбрыхъ мужей крѣпость, и не твоимъ ли совѣтомъ испроверженъ великій градъ Пріамовъ? Какъ же нынѣ возвратился въ свое отечество, страшишся за свое стяжаніе сразиться съ безсильными юношами? И такъ приближся ко мнѣ, и познай, какъ твои благодѣянія помнитъ Менторъ.

Такъ говорила богиня, но совершенной по-
бѣды еще не послала, а испытывала только
мужество и твердость Одиссея и его сына:
по семъ отшедъ, сѣла сопротивъ его на пе-
рекладѣ дому во образѣ ласточицы. Жениховъ
же возбуждали къ противоборствію Агелай,
Эвриномъ, Амфимедонтъ, Димоптолемъ, Пи-
зандръ и Поливъ: ибо изъ всѣхъ оставшихся
въ живыхъ сіи были крѣпчайшіе въ силахъ,
прочіе же всѣ пали отъ ударовъ мщенія.

Агелай такъ вѣщалъ къ нимъ: други мои!
доколѣ сей мужъ будетъ неистовствовать?
Ментеръ уже оставилъ его, и они одни ток-
мо защищаютъ двери: и для того не всѣ
вдругъ бросайте копья, но потщимся вопер-
выхъ поразить самаго царя, и когда Дій по-
шлетъ намъ славу побѣдить его, тогда уже не
столько будетъ намъ труда превозмочь прочихъ.

По сихъ словахъ всѣ вергаютъ копья свои въ
Одиссея: но Аѳинская богиня всѣ усилія ихъ
содѣлала тщетными: ибо иныя изъ копій
вонзилися въ стѣну, другія въ двери, и такъ
всѣ съ царемъ бывшіе спаслися отъ пораже-
нія. Тогда и Одиссей съ своей стороны паки
поощрялъ: други мои! потщимся и мы вер-
гнуть копья свои во множество ихъ, когда
къ усугубленію своихъ злодѣяній даже насъ
погубить покушаются. Такимъ образомъ всѣ
четверо вергаютъ свои копья: Одиссеево во-
нзается въ Димоптолема, Тилемахово сокру-
шаетъ Эвріода, Эвмеево поражаетъ Элата, а
Филитіево низлагаетъ Пизандра. Тогда прочіе
женихи устремляются во внутреннія чертоги.
Но побѣдители извлекши изъ поверженныхъ пру-

повѣ оружіе, наступаютъ паки на все ихъ множество. Женихи вторично ставъ вкупѣ, бросаютъ въ нихъ свои копья, но и сіе тщетно было ихъ покушеніе: одно токмо копье Амфимедонтово стремленіемъ своимъ слегка повредило поверхность руки у Тилемаха, такъ же Ктисиппово остріемъ мѣди коснулось праваго плеча Эвмеева, но безъ малѣйшаго уязвленія. Потомъ Одиссей съ своими сподвижниками снова вергаетъ на нихъ копья. Самъ онъ убиваетъ Эвридаманта, Тилемахъ поражаетъ Амфимедонта, Эвмей сокрушаетъ Полива, а Филитій низвергаетъ Ктисиппа, и говоритъ ему такъ съ превозношеніемъ: сынъ Полиферсовъ! не уже ли и нынѣ не воздержишся отъ строптивости языка твоего и велерѣчія? Вотъ тебѣ воздаяніе за коровью ногу, которую ты осмѣлился подать царю моему.

Тѣмъ временемъ Одиссей низлагаетъ Агелая, Тилемахъ пронзаетъ Ліокрита посреди чрева, и остріе въ хребетъ пролетаетъ.

Тогда божественная Паллада, находяся на высотѣ, вознесла щитъ свой: что видя всѣ женихи, безмѣрно устрашилися, и устремляются по разнымъ мѣстамъ, аки разъяренныя во время жаркихъ и должайшихъ дней коровы.

Одиссей же и Тилемахъ съ двумя пастухами несутся за ними аки плотоядные орлы на малыхъ птицъ, не имѣющихъ ни силы сопротивляться, ни быстроты крылъ спасаться бѣгствомъ: всюду устремляются за ними и поражаютъ безъ различія. Страшный слышится стонъ умерщвляемыхъ, и весь помостъ наполняется теплою кровію. Тогда Ліодъ поверг-

шись предъ Одиссеемъ, обнимаетъ его колена, и со смиреніемъ такъ говоритъ: великодушный царь! не отринь моленія моего, и внявъ словамъ моимъ, яви милость надо мною: ибо уповаю я, что ниедина изъ рабынь твоихъ не покажетъ какого либо злаго и неправеднаго моего дѣла; напротивъ того, когда я видѣлъ прочихъ жениховъ, обиды и неистовства дѣлающихъ, всемѣрно тщился ихъ удерживать; но они не повиновалися мнѣ, за что и приняли достойное наказаніе; я же между ими былъ токмо прорицатель, и ни въ какомъ безчинствѣ не участвовалъ: ежели за сіе самое понесу равное отъ тебя мщеніе, когда какое будетъ воздаяніе за дѣла добрыя? — Одиссей бросивъ на него гордый взоръ, сказалъ: когда ты носишь имя прорицателя, то сіе нынѣ и ты желалъ, дабы погибъ день моего возвращенія, самъ же хотѣлъ понять жену мою и раждать дѣтей отъ нея: и такъ не надѣйся избѣгнуть горькой смерти. Сказавъ сіе, поднимаетъ мечъ убитаго Агелая, поражаетъ онымъ Ліода, и голова его отдѣлившись отъ выи, падаетъ на помостъ.

Между тѣмъ пѣвецъ Фимій, который всегда призываемъ былъ къ женихамъ противъ желанія его, стоялъ близъ дверей съ своею цѣвницею, помышляя въ себѣ, прибѣгнуть ли къ жертвеннику великаго Дія, гдѣ Одиссей и Лаертъ многія бедра принесли въ жертву, или повергшись предъ царемъ, обнять его колена и просить пощады. Послѣднее избравъ за лучшее, кладетъ цѣвницу между нашею и сѣдалищемъ, и приближась къ Одиссею, объемлетъ

его колена, и вѣщаетъ со великимъ смиреніемъ: о великодушный царь! прошу тебя, призри на мое моленіе, и не лиши меня своей милости. Самъ ты поистиннѣ раскаешься, когда предашь смерти невиннаго пѣвца, который боговъ и знаменитыхъ мужей прославляетъ въ своихъ пѣсняхъ, самъ собою тому научився, но свыше вдохновенъ разумѣть все пѣніе. И такъ еще умоляю, пощади жизнь мою. Самъ возлюбленный сынъ твой Тилемахъ повѣдаетъ, что я не по своему хотѣнію приходилъ въ домъ твой, но по принужденію множайшихъ и сильнѣйшихъ мужей призываемъ бывъ для услажденія пѣніемъ по окончаніи пиршествъ.

Тогда Тилемахъ сказалъ Одиссею: о родитель мой! спаси пѣвца фимія и не погубляй провозвѣстника Медонта, который всегда во младенчествѣ моемъ имѣлъ о мнѣ попеченіе, ежели не убилъ его Филитій со Эвмеемъ или самъ ты, гдѣ либо улучивъ его.

Медонтъ слышавъ сіе говорящаго Тилемаха, ибо лежалъ подъ сѣдалищемъ покрытый воловьею кожею, и желая избѣжать смерти, встаетъ оттуда, и объемля колена Тилемаха, такъ говоритъ: возлюбленный Тилемахъ! ты видишь меня здѣсь предъ собою: умоляю тебя, укроти гнѣвъ отца твоего, да пощадитъ жизнь мою и не погубитъ меня, изливая ярость свою на прочихъ мужей, которые расточали домъ его, тебя ни во что вмѣняя.

Одиссей являя веселый видъ, отвѣтствовалъ: будь благонадѣженъ и не страшися: сынъ мой спасаетъ тебя отъ смерти, да познаешь и повѣдаешь прочимъ, что полезнѣе дѣлать

доброе, нежели злое. И такъ удалитесь отсюда съ пѣвцемъ фиміемъ, ожидая внѣ дома окончанія дѣла предлежащаго мнѣ.

По сихъ словахъ удаляются они оба во дворъ, садятся при жертвенникѣ Діевѣ, и всюду обращая взоръ, пребывали между страхомъ и надеждою. Между тѣмъ Одиссей обходя трупы, разсматривалъ, не укрывается ли кто живый, но всѣхъ видитъ мертвыхъ лежащихъ и въ крови плавающихъ подобно рыбамъ, извлеченнымъ изъ моря ловцами на берегъ, которые не сносят лучей солнечныхъ, лежатъ на пескѣ мертвыя: такъ женихи распростерты и неподвижны лежали на помостѣ.

По семъ Одиссей повелѣваетъ Тилемаху привести домостроительницу Эвриклею, которая обрѣтаетъ Одиссея между избіенными женихами, подобящагося льву, когда онъ растерзавъ тучнаго вола и пожравъ его, идетъ чрезъ поле, имѣя челюсти и грудь окровавленныя, и взоромъ страхъ наводитъ: такъ Одиссей сидѣлъ между окровавленными трупами, имѣя руки и ноги обагренныя кровію. Эвриклея увидѣвъ мертвыя тѣла и текущую всюду кровь, возноситъ великій вопль; но Одиссей, возбраняя ей, такъ говорилъ: любезная Эвриклея! скрой на сердцѣ свою радость и удержися отъ изъявленія оной: ибо непристойно превозноситься убійствомъ мужей, коихъ злыя дѣла судьба и предопредѣленіе очистили моею рукою, что никому не воздавали должной чести, и за свое буйство достойное понесли отмщеніе. Повѣдай мнѣ ве-

перь и изчисли рабынь, которыя забывъ свой долгъ, безчинствовали съ женихами.

О царь мой! отвѣчала Евриклея, не скрою ничего отъ тебя: пятдесять рабынь обрѣтаются въ домѣ твоемъ, которыхъ мы обучили прядению, тканію и исправлять всякую работу; но изъ нихъ двѣнадцать уклонились въ непотребство, и ниже меня, ниже самую царицу не почитали. Тилемахъ еще недавно пришелъ въ возрастъ, и царица не допущала имѣть наблюденіе за ними. Но позволь мнѣ итти въ чертогъ, да возвѣщу о тебѣ царицѣ моей, которой нѣкій богъ послалъ крѣпкій сонъ.

Одиссей сказалъ: пусть Пинелопа еще покоится тѣмъ время: ты же иди и приведи сюда рабынь, осквернившихъ себя непотребствомъ. По сихъ словахъ Евриклея удаляется исполнить волю царя, который призвавъ помощь Тилемаха и обоихъ пастуховъ, повелѣваетъ имъ вынести вмѣстѣ съ рабынями мертвые трупы, обмыть всѣ столы и сѣдалища водою и очистить губками, послѣ чего вывесть рабынь на дворъ и тамъ близь отдаленной ограды разсѣкши мечами, исторгнуть души отъ тѣлъ ихъ, дабы не оставалось въ домѣ никакой скверны послѣ истребленія женихова.

Тогда входятъ и рабыни и лiютъ горестныя слезы. Вопервыхъ вынесли они трупы избiенныхъ женихова, и положивъ оные подъ крыльцомъ, омыли столы и сѣдалища водою, и отерли губками: Тилемахъ же со Эвмеемъ и Филитiемъ очищали помостъ

отъ крови умерщвленныхъ, и когда рабыни вынесли вонъ всю нечистоту, тогда выводятъ ихъ внутрь двора въ нѣкое тѣсное мѣсто, откуда не можно имъ было спастися. Потомъ Тилемахъ сказавъ: не хочу чистою смертію отнять животъ у сихъ непотребницъ, собиравшихъ на главу мою и матери моей стыдъ и поношеніе беззаконіями своими, велитъ протянуть корабельное ужище отъ одного столпа къ другому на такую высоту, дабы не можно было земли коснуться ногами, и надѣть каждой петлю на шею: такимъ образомъ всѣхъ въ верхъ подъемлютъ: тогда возтрепетали нещастныя ногами, но уже на краткое время. Послѣ чего выводятъ Меланѳія на средину двора, коему отрѣзавъ носъ и уши и такъ же отсѣкши руки и ноги, повергаютъ псамъ на снѣденіе. Исполнивъ сіе и умывъ руки и ноги, возвращаются къ Одиссею, который тогда повелѣваетъ Эвриклеѣ принести огонь и сѣру для очищенія дома и призвать къ себѣ Пинелопу съ прочими рабынями. Эвриклея отвѣтствовала ему: чадо мое! все сіе исполню въ самой скорости: токмо вели прежде принести чистыя одежды, да облечешся въ оныя: ибо въ сихъ рубищахъ неприлично царю болѣе обращаться.

Прежде всего принеси мнѣ огонь, сказалъ ей Одиссей, и Эвриклея повинуяся волѣ царя, немедленно подала ему оный. Тогда Одиссей вставъ, учинилъ во всемъ домѣ великое куреніе. Престарѣлая же рабыня между тѣмъ спѣшитъ возвѣстить прочимъ служительницамъ о возвращеніи царя ихъ, которыя уже

шавъ о семъ, текутъ скоро съ свѣтильниками, и пришедши въ чертогъ, гдѣ находился Одиссей, всѣ съ великою радостію становятся вокругъ его, приносятъ поздравленіе, обнимаютъ его, и лобызаютъ главу, рамена и руки. И такъ вселяется въ сердце царя сладкое желаніе къ слезамъ и сѣтованію: ибо всѣхъ тогда началъ познавать въ умѣ своемъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ.

Эвриклея неробкими ногами входитъ въ чертогъ къ царицѣ съ возвѣщеніемъ о прибытіи мужа ея, и ставъ близь ея, такъ говоритъ: возлюбленная дочь! оставь теперь сонъ твой, да узришь въявѣ то, что всякій день жаждешь видѣть. Нынѣ твой непобѣдимый Одиссей возвратился, уже обрѣтается въ домѣ, и поразилъ смертію всѣхъ высокомѣрныхъ жениховъ твоихъ, которые домъ и все имѣніе его расточали, сына твоего ни во что вмѣняя.

Любезная питательница! отвѣчала ей Пинелопа, всеконечно боги обуяли умъ твой,

которые и самаго мудраго могутъ содѣлать несмысленнымъ и умудрить безумнаго: такъ и твой разсудокъ нынѣ они помрачили. Прежде ты во всемъ была смыслена: для чего же теперь сими словами огорчаешь паче болѣзненное мое сердце и прерываешь сладкій мой сонъ, который закрывъ слезящія непрестанно очи, объялъ крѣпко всѣ мои члены: ибо никогда я столь сладко не спала съ самаго отбытія Одиссеева въ ненавистную мнѣ и недостойную воспоминанія Трою. И такъ оставь меня и возвратися къ своему дѣлу. Поистинѣ всякую другую изъ рабынь тотчасъ бы и съ великимъ негодованіемъ я отсюда изгнала, ежели бы оная осмѣлилась притти ко мнѣ съ симъ ложнымъ извѣщеніемъ и прервать сонъ мой: но тебя старость твоя въ томъ извиняетъ.

Любезная питомица! сказала ей паки Эвриклея, не обманываю тебя, но неложно возвратился Одиссей въ домъ свой. Онъ: есть тотъ самый странникъ, котораго въ домѣ твоемъ всѣ презирали: одинъ токмо Телемахъ давно зналъ о семъ, но мудрыми совѣтами отца своего скрывалъ отъ всѣхъ его прибытіе, дабы никто изъ высокомѣрныхъ сихъ жениховъ не могъ избѣжать наказанія за неисповѣдства ихъ.

Пинелопа слышавъ сіе, ободрилася и въ тожъ мгновеніе оставивъ ложе мовое, обнимаетъ питательницу, и проливая изъ очей слезы, вѣщаетъ ей: любезная Эвриклея! повѣдай мнѣ сущую правду, подлинно ли Одиссей мой здѣсь въ домѣ, и какъ будучи одинъ, отважился противостать толикому множеству

юношей, которые всегда неразлучно здѣсь пребывали?

Эвриклея отвѣтствовала: не видала я сама того, ниже отъ другихъ слышала: но токмо слышанъ былъ стонъ умерщвляемыхъ: ибо мы заключены были въ отдаленной храминѣ и находились въ великомъ страхѣ. Но когда сынъ твой по приказанію отца своего позвалъ меня, тогда обрѣла я Одиссея стоящаго посреди мертвыхъ, которые всѣ одинъ близъ другаго лежали на каменномъ помостѣ. Ты сама возвеселишся тогда сердцемъ, когда увидишь его аки льва обагреннаго кровію. Ныне всѣ они лежатъ на дворѣ въ одной купѣ, а Одиссей великимъ огня куреніемъ очищаетъ домъ, и велѣлъ звать тебя къ себѣ. Итакъ иди къ нему, да оба вкупѣ насладитеся радостію по претерпѣніи толикихъ горестей. Теперь исполнилося твое и его желаніе: возвратился повелитель дома, обрѣлъ тебя и сына цѣлыхъ, и наказалъ смертію причинявшихъ вамъ всякое оскорбленіе.

Любезная питательница! сказала Пинелопа, не предавайся такъ скоро радости: ибо самъ ты знаешь, съ какимъ бы восхищеніемъ всѣ въ домъ семъ приняли Одиссея, и наиболѣе всѣхъ принесло бы сіе радость Тилемаху рожденному отъ обоихъ насъ. И такъ извѣщеніе твое не можетъ быть справедливо: но поистинѣ нѣкто изъ боговъ огорчившися на дѣла и насилія жениховъ, поразилъ ихъ смертію: потому что они никому изъ смертныхъ поступавшихъ домъ сей не оказывали

должной чести, и месть постигла за неправды ихъ: а Одиссей погибъ въ отдаленной странѣ отъ Ахейскія земли, и отнялъ всю надежду къ своему возвращенію.

Эвриклея паки вѣщаетъ ей: любезная питомица! какія странныя слышу отъ тебя слова? Ты увѣряешь, что мужъ твой никогда уже не возвратится въ домъ свой: я же тебѣ объявляю, что онъ неложно находится зѣсь, и сидитъ теперь у огня. Сердце твое всегда объято неимовѣріемъ; но я скажу тебѣ и несомнѣнные признаки: когда я умывала ноги ему, тогда усмотрѣла язву оную, которую нѣкогда причинилъ ему вепрь на горѣ Парнассѣ, и я въ тоже время хотѣла открыть тебѣ сіе; но онъ не допустилъ до сего зажавъ мнѣ уста съ прещеніемъ. И такъ слѣдуй за мною, и когда я повѣдала ложь о немъ, пусть смерти буду повинна.

Пинелопа въ отвѣтъ сказала: возлюбленная Эвриклея! совѣтовъ божескихъ ни самый мудрый мужъ познать не можетъ. Впрочемъ пойдемъ къ сыну, да увижу и женихов избіенныхъ и онаго мужа поразившаго ихъ.

По сихъ словахъ оставляетъ чертогъ свой, мяшущаяся многими мыслями, издалека ли стать и разглагольствовать съ мужемъ своимъ, или повергшись въ объятія его, облобызать главу и руки его. По семъ вшедши въ храмину, сѣла насупротивъ Одиссея при сіяніи свѣта подлѣ другой стѣны, Одиссей же сидѣлъ подлѣ столпа, имѣя очи поникшія въ низъ и ожидая, начнетъ ли жена говорить съ нимъ, видя предъ собою мужа своего.

Она чрезъ долгое время была безмолвна: ибо душа ея была объята великимъ смущеніемъ, и взирая на лице его, недоумѣвала, видя на немъ гнусныя одежды.

Наконецъ Тилемахъ говоритъ Пинелопѣ: возлюбленная родительница! почто чуждаешся, и являяся столь жестокосердою къ отцу моему, не хочешь въ разговоръ съ нимъ вступить, ниже вопросить о чемъ либо? Поистиннѣ едва ли найдется другая какая жена столь крѣпкаго сердца, чтобы не сказать что либо мужу возвратившемуся въ отечество свое въ двадесятый годъ по претерпѣніи величайшихъ напастей: но твое сердце превосходитъ твердость камня.

Не дивися, сынъ мой! отвѣтствовала Пинелопа, что я не токмо не могу говорить, но ниже взирать на него: ибо душу мою обдержитъ безмѣрное недоумѣніе. Когда же онъ дѣйствительно Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, то всеконечно мы другъ друга скоро познаемъ.

Такъ говорила Пинелопа: Одиссей же съ видомъ усмѣшки сказалъ Тилемаху: оставь матерь свою, пусть она искуситъ меня, не лучше ли тогда увѣрится во мнѣ. Теперь же, поелику я кажуся гнусенъ видомъ и имѣю раздранныя на себѣ рубища, не хочетъ признать за своего мужа. Но оставя сіе, помыслимъ паче о томъ, какъ дѣлу нашему дать щастливое окончаніе: ибо когда кто и единаго умертвитъ мужа, но не имѣетъ защитниковъ, принужденъ бываетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставляя сродниковъ и свое

отечество: напротивъ того отъ рукъ нашихъ пали многіе знаменитѣйшіе юноши, и для того нужно принять противъ сего надѣжныя мѣры.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: ты самъ, любезный родитель, паче предусмотри о семъ: ибо я наслышался, что ты мудростію твоихъ совѣтовъ превзошелъ всѣхъ прочихъ: мы же готовы послѣдовать тебѣ во всемъ, и я, сколько силъ у меня есть, не отрекуся ни отъ какого подвига.

Одиссей сказалъ на сіе: открою тебѣ совѣтъ мой, который кажется мнѣ полезнѣйшимъ. Вопервыхъ умойтесь вы и возложите на себя торжественныя одежды, пусть тоже учинятъ и рабыни, которыя по семъ да предшествуютъ вамъ пляшущія и пѣвецъ съ своею цѣвницею, дабы идущіе мимо дома сего и живущіе близъ онаго услышавъ сіе, помыслили, что бракъ совершается. Сіе мнится мнѣ нужнымъ для того, дабы не прежде разнеслася слава въ городѣ о пораженіи жениховъ, доколѣ мы не удалимся на село свое, гдѣ и положимъ дальнѣйшее совѣщаніе, какое угодно будетъ великому Дію вложить въ сердце наше.

Сей совѣтъ его съ радостію всѣ исполнили. Во первыхъ умывся, надѣли на себя веселыя одежды: по семъ пѣвецъ цѣвницею своею возбудилъ во всѣхъ охоту къ пѣнію и плясанію, и весь домъ возшумѣлъ отъ звука поющихъ и пляшущихъ. Тогда слышавшіе сіе внѣ онаго такъ говорили: всеконечно кто нибудь изъ жениховъ поемлетъ въ жену себѣ

царицу нашу, желанную многими. О невѣрная! не хотѣла продолжить попеченія своего о домѣ перваго мужа до его возвращенія.

Такъ многіе думали, не зная истиннаго дѣла. Между тѣмъ домостроительница Эвриклея умыла Одиссея, и умастивъ его елеемъ, облекла въ чистыя одежды, а Паллада съ своей стороны излила на него благодать свою и возвратила прежнее благолѣпіе, содѣлавъ лице его величественнымъ, давъ тѣлу пучность и украсивъ волосы на головѣ подобно цвѣту Іакинѳу. Какъ художникъ, коего Ифестъ и Паллада научили разнымъ искуствамъ, обливаетъ серебро золотомъ: такъ Аѳинская богиня силою своего могущества возвеличила образъ Одиссея, который измывшися, подобенъ сталъся безсмертнымъ, и сѣдши противъ жены своей на прежнее мѣсто, такъ говорилъ ей: почтенная въ женахъ! поистиннѣ сами боги ожесточили сердце твое противъ меня: ибо не уповаю, чтобы какая жена показала столь твердое сердце при узрѣніи мужа своего, ежели бы онъ по претерпѣніи великихъ бѣдствій въ двадесятый годъ возвратился въ домъ свой. И такъ, питательница, приготовь мнѣ постелю, гдѣ бы хотя одинъ я могъ успокоиться: поелику жена моя сердцемъ подобится твердости желѣза.

Ахъ великодушный супругъ! отвѣтствовала Пинелопа, ни сама я не превозношуся, ниже тебя уничижаю, но токмо великое обдержитъ меня недоумѣніе, и я весьма помню, каковъ ты былъ, отходя на кораблѣ своемъ изъ Иѳаки. Ты же, Эвриклея, приготовь ему мягкую

постелю съ покровомъ внутрь того чертога, который отъ него самаго устроенъ.

Такъ сказала, искушая своего мужа, который раздражившись симъ, отвѣчалъ ей: возлюбленная жена! весьма ты сими словами уязвила мое сердце. Кто могъ ложе самимъ мною устроенное поставить на другомъ мѣстѣ: поелику неудобно сіе сдѣлать самому хитрому человѣку, но развѣ кто изъ боговъ сіе учинилъ, разрушивъ топъ великій знакъ, который не инымъ кѣмъ, токмо мною поставленъ. Внутрь ограды было сѣноличтвенное, цвѣтущее и зеленое масличное дерево, дебелое аки нѣкій столпъ: тутъ основалъ я брачный свой чертогъ, устроивъ его изъ чистыхъ камней съ крѣпкимъ покровомъ и твердыми дверями: древесныя вѣтви отъ самаго корня были всѣ очищены, къ совершенію чего употреблены орудія, приличныя искусному древодѣлателю; дерево сіе такъ устроено для того, дабы оно служило вмѣсто непоколебимаго столпа; отсюда начиная, простирается одръ мой украшенный золотомъ, серебромъ и слоновою костью, на коемъ постлана была багряная воловья кожа. Вотъ тебѣ признакъ. Только неизвѣстно мнѣ то, въ такомъ ли видѣ донынѣ остается оный брачный чертогъ мой, или разрушенъ кѣмъ либо.

Пинелопа познавши съ точностію описанные имъ признаки, вострепетала сердцемъ и лія слезы, спѣшитъ съ распростертыми руками къ своему мужу, лобзаетъ его главу и лице, и вѣщаетъ такъ: Ахъ дражайшій Одис-

сей! умоляю тебя, не огорчайся на меня, когда ты во многихъ другихъ случаяхъ доказалъ паче прочихъ смертныхъ свое благоразумiе: ибо боги послалъ на насъ напасти, не блатоволили, чтобы мы пребывая неразлучно, наслаждалися юностiю и достигли спокойно старости. Не раздражайся, говорю, любезный супругъ, и не гнѣвайся, что я въ началѣ, увидѣвъ тебя, равнодушно поступила; поелику сердце мое всегда страшилося того, дабы кто пришедши, не обольстилъ меня лукавыми словами и хитросплетенными кознями. Ниже сама Аргивская Елена дщерь Дiева не предалась бы иноплеменнику, когда бы знала, что сыны Ахейскiе паки отведутъ ее въ домъ отечественный: но по видимому нѣкiй богъ вложилъ въ сердце ея учинить сiе предосудительное дѣло, изгнавъ мысль изъ головы ея о предстоящемъ величайшемъ бѣдствiи, которое и насъ постигло. Нынѣ, когда ты явныя повѣдалъ знаки о ложѣ нашемъ, котораго никто не видалъ, кромѣ единой рабыни Акториды подаренной мнѣ отцемъ моимъ, когда я отходила въ домъ твой, и хранившей ключъ отъ дверей онаго, ожесточенное мое сердце совершенно преклоняешь къ вѣроятiю.

Сими словами подвигла къ слезамъ Одиссея, который плакалъ отъ радости, что имѣетъ жену толико вѣрную и разумную. Подобно когда Посидонъ бурею и волнами сокрушитъ корабль, тогда одни изъ плавателей погибаютъ въ пучинѣ, а другiе плаванiемъ спасши животъ свой, взираютъ радостными очами на землю, приближаяся къ ней, и вступ-

лаютъ на нее съ несказаннымъ веселіемъ покрытые отвсюду морскою сланостію: такъ Пинелопа неутомимыми очами взирала на Одиссея, держа его въ своихъ объятіяхъ: и поистиннѣ въ семъ взаимномъ ихъ плачѣ явилася бы божественная заря, когда бы Аѳинская богиня не продолжила теченія ночи, заключивъ златозарную денницу въ океанѣ и удержавъ отъ стремленія коней ея, несущихъ свѣтъ земнородным. По семъ Одиссей сказалъ Пинелопѣ: любезная супруга! горести наши не совсѣмъ еще кончилися, но и послѣ сего предлежитъ великій и трудный подвигъ, который однако же неминуемо мнѣ совершить должно: ибо такъ мнѣ завѣщала душа Тиресіева, когда я сходилъ въ жилища адовы, желая узнать о возвращеніи своемъ и моихъ сопутниковъ. Но время намъ насладиться сномъ, и для того удалимся въ чертогъ нашъ.

Пинелопа отвѣтствовала: воля твоя всегда будетъ моимъ закономъ, когда боги благоволили возвратить тебя моему сердцу. Но повѣдай мнѣ, въ чемъ состоитъ оный подвигъ ежели боги открыли, и оный тебѣ извѣстенъ, о коемъ хотя я могу узнать въ свое время, но не безполезно вѣдать о томъ и прежде времени.

Одиссей сказалъ ей: дражайшая супруга! что тебя нудитъ знать о семъ? Однакожъ я не скрою отъ тебя ничего, и повѣдаю тебѣ, но не уповаю, чтобы сердце твое возрадовалося о томъ, ниже самъ я радуюся. Внимай: прорицатель оный завѣщалъ мнѣ пройти чрезъ многіе населенные грады, имѣя въ рукѣ весло,

доколѣ наконецъ достигну такого народа, который не знаетъ моря, не вкушаетъ пищи съ солью, ниже имѣетъ понятіе о корабляхъ, веслахъ и ихъ вѣтрилахъ, и повѣдалъ мнѣ слѣдующій къ тому знакъ: когда увижу идущаго себѣ на встрѣчу другаго путника, который усмотря меня несущаго на плечѣ весло, скажетъ: для чего ты на плечѣ носишь лопату? тогда велѣлъ мнѣ воткнуть весло въ землю и принести царю Посидону священную жертву, состоящую изъ агнца, овна и вепря, по семъ возвратиться въ домъ, и тамъ всѣмъ богамъ учинить сточисленное приношеніе. Смерть же мнѣ приключится отъ моря легкая, которая сразитъ меня, пришедшаго въ глубокую старость. Окрестные народы будутъ благополучны. Все сіе, какъ онъ предрекъ мнѣ, сбудется непремѣнно.

Пинелопа въ отвѣтъ сказала: когда боги пошлютъ тебѣ благополучную старость, то можешь имѣть надежду, что избѣгнешь впредь отъ всякихъ злоключеній.

Такимъ образомъ Одиссей и Пинелопа разглагольствовали. Тѣмъ временемъ Эвринома и Эвриклея готовили имъ мягкую постелю, по окончаніи чего Эвриклея удаляется въ свою храмину, а Эвринома несетъ предъ ними свѣтильникъ, и проводивъ ихъ въ спальный чертогъ, возвращается въ свое мѣсто. Одиссей же и Пинелопа съ веселіемъ восходятъ на древнее свое ложе. Тогда Тилемахъ съ пастухами окончивъ плясаніе, велѣлъ тоже учинить и служительницамъ. И такимъ образомъ всѣ сну предаются. Одиссей съ супругою

насладився онымъ, препровождали прочее время во взаимномъ разглагольствіи. Пинелопа подробно повѣдала, сколько претерпѣла горестей отъ жениховъ, которые безщадно пожирали воловъ и овецъ и ненасытно виномъ упивалися. Одиссей съ своей стороны по порядку все пересказалъ, сколько онъ причинилъ вреда непріятелямъ, и сколько самъ пострадалъ зла. Пинелопа со вниманіемъ слушая, восхищалася сердцемъ, и послѣ сего уже сонъ совсѣмъ не всходилъ на очи ея, доколѣ не окончилъ онъ своего повѣствованія. Началъ же вопервыхъ съ того, какъ усмирилъ Киконовъ; какъ достигъ шучной земли Лотофаговъ; какъ поступилъ съ нимъ Киклопъ, и какъ онъ отмстилъ ему за смерть своихъ сопутниковъ, безъ вящей жалости ихъ пожранныхъ; какъ былъ у царя Эола, принявшаго его благосклонно и отпустившаго дружелюбно, но судьба не благоволила возвратиться въ отечество, ибо жестокою бурею паки отнесенъ былъ далеко въ море; по семъ какъ вошелъ въ пристань Лестригоновъ, которые всѣ корабли его и всѣхъ сопутниковъ погубили, токмо онъ одинъ на кораблѣ своемъ съ бывшими при немъ спасся отъ смерти; повѣдалъ такъ же о лести и коварствѣ богини Кирки; какъ нисходилъ въ жилища ада вопросить душу Ѳиванскаго Тиресія, гдѣ видѣлъ всѣхъ своихъ сопутниковъ и матерь свою родившую его и воспитавшую его; какъ слушалъ прелестное пѣніе Сиренъ; какъ миновалъ страшную Харибду и неумолимую Скиллу, которая никогда людей безвредно не пропускаетъ; какъ

сопутники его пожрали солнцевыхъ коровъ, и за сіе злодѣяніе громомещущій Дій поразилъ корабль его палящею молніею, погубивъ всѣхъ товарищей его въ морскихъ волнахъ, токмо онъ одинъ спасся отъ смерти плаваніемъ; наконецъ какъ достигъ Огигійскаго острова, въ коемъ чрезъ долгое время обиталъ у нимфы Калипсы, которая желая его имѣть своимъ мужемъ, удерживала у себя, и угощая со всякимъ усердіемъ, обѣщалася учинить безсмертнымъ и непричастнымъ старости, но ничѣмъ не могла поколебать его сердце; какъ оттуда по претерпѣніи великихъ напастей пришелъ къ Феакіянамъ, которые воздали ему должное почтеніе, и наградивъ щедро разными драгоцѣнными дарами, препроводили въ любезную ему отечественную землю. Когда онъ заключилъ симъ свою повѣсть, тогда смягченно объялъ всѣ его члены сладкій сонъ, прогоняющій душевныя заботы.

Когда Одиссей укрѣпился онымъ, тогда Аѳинская Паллада воздвигла денницу отъ океана, да несетъ свѣтъ земнороднымъ, и Одиссей оставивъ ложе, такъ говорилъ женѣ своей: любезная Пинелопа! довольно уже мы насладились пріятностію сна послѣ претерпѣнныхъ горестей: ты ожидая моего возвращенія, сердцемъ сокрушалася, а мнѣ Дій и прочіе боги путь къ возвращенію моему препинали. Я паки ввѣряю твоему попеченію стяжаніе обрѣтающееся въ домѣ нашемъ: овецъ же поядённыхъ женихами натію похищуся самъ пріобрѣсть, а прочихъ должны возвратить мнѣ Ахеяне, доколѣ всѣ

стойла не будутъ наполнены. Теперь я иду на село свое, дабы увидѣть возлюбленнаго отца моего, который о мнѣ непрестанно крушится. Ты же внуши совѣтъ мой: по восхожденіи солнца тотчасъ пронесется молва во всей Иѳакѣ о избіеніи женіховъ твоихъ: тогда ты взойди съ служительницами своими въ верхній чертогъ, и тамъ пребывая, не взирай ни на что, ниже любопытствуй о чемъ либо. По сихъ словахъ возлагаетъ на себя оружіе, велитъ тоже учинить Тилемаху съ обоими пастухами, и отворивъ ворота, изходятъ изъ дому въ предшествіи Одиссея. Уже тогда свѣтъ осіялъ землю: но божественная Аѳинская Паллада, покрывъ ихъ мглою, извела невидимо внѣ града.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

И ПОСЛѢДНЯЯ.

Тѣмъ временемъ Киллинійскій Эрмій взывалъ души умерщвленныхъ мужей, имѣя въ рукѣ златый жезлъ, коимъ сомжаетъ очи, или возбуждаетъ отъ сна, кого хочетъ. Симъ онъ помавая, предводилъ ихъ, а они

слѣдовали за нимъ. Какъ нетопыри вылетая изъ глубокой и мрачной пещеры и сцѣпляяся между собою, издаютъ странный гулъ, такъ души спремилися за Эрміемъ со скрежетаніемъ близь водъ океана, близь бѣлаго камня, близь солнцевыхъ вратъ и близь сонливаго народа. Наконецъ достигаютъ злачнаго поля, гдѣ водворялись души томящихся видѣніями, въ числѣ коихъ обрѣтались: душа Ахиллова, Патроклова, Антилохова и душа Эанта, который по Ахиллѣ и тѣломъ и зракомъ превосходилъ всѣхъ Данаевъ. Къ симъ приближается многими печалями сраженная душа Агамемнона со многими иными одинаковую смерть въ домѣ Эгисѳа пріявшаго. Тогда душа Ахиллова вѣщаетъ ему такъ: сынъ Атреевъ! не чтили ли мы тебя любезнѣйшимъ паче всѣхъ ироевъ молніеносному Дію, когда многочисленными и храбрыми повелѣвалъ ты народами въ странѣ Троянской, гдѣ Ахеяне претерпѣли толикія напасти? Такъ ли и тебя не пощадила смерть, отъ коея впрочемъ никто изъ рожденныхъ спастися не можетъ? Колико почтеннѣе было бы для тебя умереть при Троѣ; тогда Ахеяне почтили бы прахъ твой великолѣпною гробницею, и тѣмъ сыну своему въ предбудущія времена стяжалъ бы ты великую славу! Но судьба предустроила, чтобы ты сраженъ былъ злополучною смертію.

Душа Агамемнонова отвѣтствовала: брановосный Ахиллъ, сынъ Пелеевъ! ты благополученъ тѣмъ, что скончалъ животъ свой на брани, гдѣ лежалъ ты на пескѣ распростертый, за-

бывъ управленіе коней, и гдѣ многіе Троянe и избранные сыны Данайскіе вокругъ тебя убитые были повержены: мы же весь день ратовали, и всеконечно бы не престали отъ брани, когда бы громодержецъ Дій не прекратилъ оныя страшною бурею. Тогда мы отнесли тебя съ мѣста сраженія къ кораблямъ, и положивъ на одрѣ, омыли тѣло твое теплою водою и помазали благовоніями. Всѣ проливали о тебѣ слезы, остригши власы свои. Такъ же и матерь твоя, познавшая о пораженіи тебя, подвиглася отъ моря съ прочими богинями, испуская великій вопль повсюду: тогда объялъ трепетъ всѣхъ Ахеянъ, и конечно бы они устремились бѣжать на корабли, ежели бы нѣкій мудрый въ совѣтахъ и искусившійся во многихъ древностяхъ старецъ не остановилъ ихъ, такъ вѣщая: удержитеся отъ страха, Аргивяне, и не ужасайтеся, сыны Данайскіе! се матерь Ахиллова шествуетъ съ прочими богинями во срѣтеніе мертвому своему сыну. Такъ сказалъ онъ: и всѣ страхъ свой отринули. Тогда ставъ вокругъ тебя дщери морскаго старца, горестно рыдали, и потомъ облекли въ нетлѣнныя одежды. Девять Музъ одна послѣ другой воспѣвали сладкимъ гласомъ плачевныя пѣсни, и тѣмъ всѣхъ Аргивянъ къ плачу подвигли, такъ что не былъ ни единъ, кто бы не проливалъ слезъ. Седмьнадесять дней и ночей оплакивали тебя безсмертные боги и земнородные, а въ осмыйнадесяты предали тѣло твое огню при закланіи многихъ тучныхъ овецъ и черныхъ коровъ: об-

лечено же оное было въ великолѣпное одѣяніе и умащено многими благовоніями и медомъ: при чемъ несказанное множество Ахейскихъ ироевъ конныхъ и пѣшихъ, окружая вооружіи горящій костеръ, творили подвиги, отъ коихъ исходилъ ужасный звукъ. По сожженіи костей твоихъ собрали мы наутро бѣлый пепелъ въ двоеное вино съ аромапами въ златый сосудъ, данный матерію твоею, а ей подаренный Діонисомъ работы знаменитаго Ифеста. Тамъ лежитъ сокрытъ твой пепелъ купно съ костями Патрокла сына Менитіева; но кости Антилоха, котораго ты почиталъ паче всѣхъ ратниковъ по Патроклѣ, положены особо. На томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сожженіе твоего тѣла, воздвигнута высокая и великолѣпная гробница всемъ Аргивскимъ священнымъ воинствомъ, дабы всѣ плавающіе по морю какъ нынѣ, такъ и впредь могли видѣть оную. Матерь твоя по принесеніи богамъ моленія предложила подвиги и за оные назначила величайшія награды избраннѣйшимъ изъ Ахеянъ. Многократно я бывалъ при погребеніи знаменитыхъ мужей и царей, и видѣлъ, какъ пріуготовляются юноши къ подвигамъ, и какія дѣлаются имъ за то воздаянія: но ничто оныя въ сравненіи наградъ, какія были представлены по тебѣ богинею Ѳетидою. Толико ты былъ богамъ любезенъ! ибо имя твое и по смерти пребываетъ почтенно, и всегда въ концахъ земныхъ гремѣть будетъ о тебѣ великая слава. Я же какую пользу пріобрѣлъ, бывъ на брани? Ибо громомещущій Дій при возвращеніи моемъ

совѣщалъ мнѣ поносную смерть отъ рукъ Эгисѳа и злоковарныя жены моей.

Такъ они разглагольствовали: и се приближается къ нимъ Аргоубійца Эрмій, ведя за собою души жениховъ, Одиссеемъ избіенныхъ. Агамемнонова тѣнь увидѣвъ Амфимедонта сына Меланѳіева, такъ говорила ему: Амфимедонтъ! какой злый рокъ низвелъ съ тобою въ сіи смертныя жилища толикое множество знаменитыхъ и равныхъ лѣтами юношей, такъ что ежели бы кто дѣлалъ въ цѣломъ городѣ выборъ, не избралъ бы лучшихъ мужей? Посидонъ ли погубилъ васъ во время плаванія, воздвигнувъ страшные вѣтры и волны? или насильственные мужи отъемля стада воловъ и овецъ, отняли и животъ вашъ? или защищая отечество и женъ вашихъ, пали мертвы? Удовлетвори любопытство того, который нѣкогда угощенъ былъ тобою. Помнишь ли, какъ я съ храбрымъ Менелаемъ былъ въ домѣ вашемъ, пришедши туда для преклоненія Одиссея, дабы купно съ нами отправился на брань Троянскую, откуда возвращаясь, странствовали мы цѣлый мѣсяцъ по морю?

Амфимедонтъ отвѣчалъ ему: все сіе тобою сказанное очень помню, и какимъ образомъ намъ смерть приключилась, повѣдаю тебѣ истинну: всѣ мы желали получить въ супружество себѣ жену царя Одиссея Пинелопу, которая ниже отрицалася отъ брака, ниже соглашалася на оный, предустрояя намъ смерть и люту погубу. Напослѣдокъ сплела слѣдующее ухищреніе: постановивъ станъ, начала ткать великое и тонкое полотно,

такъ сказавши намъ: знаменитые мои женихи! когда Одиссея нѣтъ болѣе въ живыхъ, потерпите ускорять бракомъ, доколѣ не окончу одежду на погребеніе престарѣлому Лаерту, дабы, ежели непріязненная смерть пресѣчетъ дни живота его, не поругалися надо мною нѣкія изъ Ахеянокъ, видя безъ одѣянія лежащаго того, кто въ жизни обладалъ многими стяжаніями. Симъ словамъ ея повинулися сердца наши. Но она сотканное днемъ паки распускала во время ночи при зажженныхъ свѣтильникахъ. Такимъ образомъ коварство сіе скрывала три года. Но когда наступилъ четвертый годъ, тогда одна изъ рабынь повѣдала намъ о лукавствѣ ея, и мы въ самомъ дѣлѣ обрѣтши ее распускающую свое тканіе, принудили вскорѣ противъ воли окончить оное, которое она и показала намъ, когда было вымыто, и подобилось сіянію солнца или луны. Между тѣмъ неизвѣстно откуда и какій духъ поставилъ на село Одиссея, гдѣ имѣлъ свое жилище пастухъ: туда пришелъ и сынъ его Тилемахъ, возвратившійся изъ Пила на кораблѣ, и тамъ положивъ совѣтъ о погубѣ нашей, пришли въ городъ, Тилемахъ напередъ, а Одиссей послѣ былъ приведенъ пастухомъ во образѣ нищаго старика на посохъ опирающагося и въ столь гнусныя рубища одѣтаго, что ниодинъ изъ насъ не могъ познать внезапнаго его возвращенія, но всѣ мы дѣлали надъ нимъ поруганія то словами, то нанося побои: однако же онъ всѣ досады долго сносилъ съ терпѣніемъ. Наконецъ когда премудрый Дій Эгіохъ вдохнулъ

въ него дерзновеніе; тогда онъ съ Тилемахомъ избравши крѣпкія брони, положилъ въ чертогѣ, у коего двери были заперты крѣпко; послѣ подалъ женѣ свой совѣтъ предложить коварно для подвига лукъ и желѣзо намъ злополучнымъ, къ напряженію коего всѣ наши силы были слабы, и когда хотѣлъ его такъ же взять Одиссей, тогда всѣ мы жестокими словами претили ему, чтобы не касался его; но Тилемахъ велѣлъ подать ему оный, который взявъ Одиссей, напрягъ безъ труда, и пустилъ желѣзо чрезъ всѣ кольца, по семъ ставъ на помостѣ, высыпалъ изъ тула всѣ стрѣлы, и яростно воззрѣвъ, пускаетъ одну въ насъ, и поражаетъ оною царя Антиноя, послѣ чего и всѣ смерть пріемлемъ и падаемъ во множествѣ. Но поистиннѣ нѣкто изъ боговъ поборалъ по нихъ въ то время: ибо и прочіе ихъ единомышленники, послѣдуя Одиссееву и Тилемахову мужеству, поражали насъ небоязненно: тогда отъ умерщвленія нашего исходилъ повсюду страшный стонъ, и текла кровь по всему помосту. Такъ, о царь Агамемнонъ! всѣ мы погибли: тѣла же наши и доднесь еще лежатъ непогребенны въ домѣ Одиссеевомъ: ибо никто еще изъ друзей нашихъ о семъ не знаетъ, кто бы омывъ язвы отъ крови и положивъ тѣла на одры, оплакалъ насъ: въ семъ состоитъ отъ живыхъ воздаяніе умершимъ.

Тогда тѣнь Агамемнонова сказала: о благополучный сынъ Лаертовъ мудрый Одиссей! и такъ ты пріобрѣлъ жену украшенную великою добродѣтелію. Коль благимъ смысломъ

одарена дщерь Икаріева, для которой незабвенно было имя мужа ея ! Для сего хвала о добродѣтели ея никогда не умолкнетъ, но боги подадутъ земнороднымъ возможность сплести красную пѣснь въ честь цѣломудренныя Пинелопы. Напротивъ того дщерь Тиндарова приступивъ къ пагубнымъ совѣтамъ, злодѣйски умертвила своего мужа: и такъ память ея всегда будетъ ненавистна и проклята для всѣхъ юныхъ женъ, въ томъ числѣ и добродѣтельныхъ.

Такъ разглагольствовали души въ жилищахъ адовыхъ. Одиссей же и прочіе оставившіе съ нимъ городъ споборники его скоро достигли села, которое нѣкогда самъ Лаертъ пріобрѣлъ трудами своими, гдѣ находился домъ со многими жилищами для служителей его, которые исполняли возложенныя на нихъ должности со всякимъ угожденіемъ: тамъ находилась и престарѣлая жена изъ Сициліи, которая всякое о немъ имѣла попеченіе. Тогда Одиссей велѣлъ Тилемаху и пастухамъ итти въ домъ и тамъ лучшую изъ свиней приготовить въ пищу, самъ же между тѣмъ, отдавши имъ броню свою, идетъ искусить отца своего, познаетъ ли его по толикодолговременномъ отсутствіи; приближается къ вертограду, входитъ въ него, и не обрѣтаетъ ни Долія, ни сыновей его, ниже прочихъ рабовъ, но всѣ отлучилися для принесенія сухаго хворосту; видитъ токмо одного отца своего, очищающаго деревья, который одѣтъ былъ въ раздранное рубище, ноги были обвязаны ветхою воловьею кожею, на рукахъ имѣлъ рукавицы

для предохраненія отъ уязвленія, а на головѣ былъ покровъ изъ козьей кожи въ означеніе древности лѣтъ. Одиссей видя отца своего изможденнаго старостію и сокрушеннаго печалію, остановился подъ высокою грушею, и проливъ токи слезъ размышлялъ, облобызать ли его и повѣдать все о своемъ возвращеніи, или прежде сдѣлать нѣсколько вопрос въ для любопытства. Въ семъ намѣреніи приближается къ Лаерту окапывавшему въ то время корень, и говоритъ ему: почтенный старецъ! безъ сумнѣнія ты имѣешь великое искуство и раченіе блюсти сей садъ: ибо ни самое малое дерево, ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина, ни груша, ниже самыя борозды не оставлены безъ призора. Но не раздражися на меня, ежели нѣчто скажу тебѣ: для чего ты самъ о себѣ не прилагаешь попеченія, когда находяся въ толь глубокой старости имѣешь и видъ худозрачный и одежды гнусныя? Ибо обладатель сего стяжанія не можетъ тебя укорить за нерадѣніе: къ тому же образъ твой и станъ не являютъ въ тебѣ рабское состояніе, но подобіе царя, который часто умываяся и насыщаяся изобильною пищею, почиваетъ на мягкомъ ложѣ. Такъ ведутъ себя обыкновенно престарѣлые мужи. Но возвѣсти мнѣ истинну, кому самъ ты и сей садъ принадлежитъ, который ввѣренъ твоему надзору, и справедливо ли то, что я нахожуся въ Ѳакѣ, какъ увѣрилъ меня нѣкій встрѣтившійся, по видимому недовольно умный путникъ, который не смѣлъ ни отвѣчать мнѣ, ни слушать ме-

ня, когда я вопрошалъ его о другѣ моемъ, въ живыхъ ли онъ обрѣтается, или уже мертвъ и низшелъ въ селенія адовы? О немъ и тебѣ я повѣдаю: нѣкогда въ отечествѣ моемъ принялъ я страннаго мужа, пришедшаго въ домъ мой (ибо до него не случалось мнѣ видѣть у себя ни единаго пришельца), который объявилъ о себѣ, что онъ родомъ изъ Ѳеаки сынъ Лаерта сына Аркисіева: я угостивъ его дружелюбно при собраніи многихъ, далъ ему и дары страннопріимные, какіе требовало приличіе, а именно: седмь талантовъ чистаго золота, серебреную чашу, двѣнадцать ковровъ, тридцать шесть различныхъ одеждъ и четырехъ доброзрачныхъ женъ самимъ имъ выбранныхъ и изученныхъ разнымъ рукодѣліямъ.

Престарѣлый Лаертъ проливая слезы, отвѣтствовалъ: странникъ! земля сія неложно есть Ѳеака, о коей ты любопытствуешь; но нынѣ мужи неправедные и насильственные обладаютъ ею. Что же касается до даровъ твоихъ, то не обрѣлъ ты здѣсь въ живыхъ того, который безъ сумнѣнія учинилъ бы тебѣ за нихъ сугубое воздаяніе и отпустилъ бы тебя со всякимъ дружескимъ угощеніемъ. Но скажи мнѣ, сколько тому протекло лѣтъ, какъ ты угощалъ своего друга, а моего злополучнаго сына, котораго далеко отъ отечества или въ морѣ рыбы пожрали, или на землѣ растерзанъ звѣрями и птицами, и коего ни отецъ съ матерью, покрывъ тѣло его, не оплакали, ниже цѣломудренная жена, положивъ на одрѣ, не сомжила ему очи и не оросила слезами? ибо въ семъ состоитъ воздаяніе мертвымъ. Скажи

мнѣ такъ же и то, изъ какихъ странъ ты пришелъ сюда, какъ имя городу твоему, кто твои родители, и гдѣ остановился корабль привезшій тебя сюда, или въ чужемъ кораблѣ пришелъ сюда купечествовать, и сопутники препроводившіе тебя сюда паки предалися плаванію?

Одиссей сказалъ ему: повѣдаю тебѣ истинну: отечество мое есть городъ Аливантъ, гдѣ обитаю я въ знаменитомъ домѣ: ибо отецъ мой есть царь Афидантъ сынъ Полипимоновъ, а имя мнѣ Эпиритъ: принесенъ же въ страну сію по внезапному случаю, заблуждая отъ Сиканіи: корабль мой стоитъ близъ нѣкоего села въ далекомъ отсюда разстояніи: пятый годъ идетъ тому, какъ я видѣлъ Одиссея, отбывшаго изъ моего отечества. Ахъ злополучный! когда онъ отправлялся въ путь, по видны были съ правой стороны добровѣщія птицы, и я радуяся о семъ предзнаменованіи, отпустилъ его отходящаго съ веселіемъ: ибо сердца наши уповали еще насладиться взаимнымъ угощеніемъ и дружескими дарами.

Такъ повѣдалъ онъ: и се болѣзненный мракъ покрываетъ Лаерта, который взявъ обѣими руками землю, съ тяжкимъ вздохомъ посыпалъ оною сѣдую свою голову. Тогда Одиссей поколебался и смутился сердцемъ, видя отца своего терзающагося печалію; потомъ устремляется къ нему на шею и говоритъ такъ: о возлюбленный родитель! я тотъ самый, о которомъ ты непрестанно любопытствуешь, и нынѣ въ двадесятый годъ возвратился въ отечественную землю. И такъ

воздержися отъ печали своей, наипаче въ сіе время, когда нужно принять скорыя мѣры къ безопасности нашей: ибо мстя женихамъ за насилія причиненныя ими дому моему, я предалъ ихъ всѣхъ смерти.

Лаертъ отвѣтствовалъ ему: когда ты неложно сынъ мой возвратившійся въ домъ, объяви нѣкоторый извѣстный знакъ, по которому бы я могъ увѣриться.

Родитель мой! сказалъ ему Одиссей, язва сія въ томъ удостовѣритъ тебя, которую нѣкогда причинилъ мнѣ вепрь на горѣ Парнассѣ, когда ты и почтенная матерь моя посылали меня къ Автолику отцу ея для полученія даровъ обѣщанныхъ имъ. Такъ же повѣдаю тебѣ о числѣ и именахъ деревъ, подаренныхъ тобою, когда я въ отрочествѣ былъ съ тобою въ саду семъ: далъ ты мнѣ ихъ: пятнадцать грушъ, десять яблонь, сорокъ смоковницъ, и обѣщался со временемъ дать пятдесять удобренныхъ грядъ, приносящихъ въ свое время всякаго рода ягоды.

Тогда престарѣлый Лаертъ познавъ несумнѣнные знаки, повѣданные Одиссеемъ, содрогнулся сердцемъ и ноги у него подогнулися. По семъ изнемогшими руками обнимаетъ возлюбленнаго своего сына, а Одиссей заключаетъ отца почти безпыханнаго въ свои объятія, который собравъ нѣсколько духу, сказалъ: всесильный Дій и прочіе безсмертные боги! поистиннѣ еще вы на Олимпѣ обитаете, когда неистовыхъ мужей наказали за ихъ безчинія. Токмо весьма смущаетъ меня сіе, чтобы не возстали противъ насъ всѣ Ахеяне и

не послали бы возвѣстить о семъ во грады Кефалинскіе.

Одиссей отвѣтствовалъ: возлюбленный родитель! будь спокоенъ и не пекися о семъ; но паче удалимся въ близь лежащій домъ, куда я уже предпослалъ Тилемаха съ двумя пастухами приготовить потребную для насъ пищу, коихъ и обрѣтаютъ тамъ разсѣкающихъ мяса и растворяющихъ красное вино. Тѣмъ временемъ преспарѣлаго Лаерта омыли водою, и помазавъ масломъ, облекли въ чистыя одежды, а Паллада украсила его величественнымъ образомъ, коего увидѣвъ Одиссей подобнаго нѣкоему изъ безсмертныхъ удивился и сказалъ: о родитель мой! поистинѣ нѣкто изъ боговъ излилъ на тебя толикую лѣпоту и усугубилъ величіе твоего образа.

Лаертъ отвѣтствовалъ: о великій Дій, Паллада и Аполлонъ! когда бы я былъ таковъ, какъ нѣкогда низложилъ крѣпкій градъ Ниѳикъ, обладая Кефалинскими берегами, поистинѣ не укоснилъ бы изгнать дерзновенныхъ юношей изъ дому нашего, или бы и сокрушилъ имъ колена: колико бы тогда я возрадовался сердцемъ.

Такъ они бесѣдовали взаимно. Между тѣмъ приготовлены были яствы, и едва поспѣшно приступили къ онымъ, въ то самое время входитъ престарѣлый Долій съ своими сыновьями, отъ дѣлъ утружденные, которые увидѣвъ царя своего и его познавъ, стали изумленные въ дверяхъ. Одиссей вѣщаетъ къ нимъ съ кротостію: оставьте ваше удивленіе и примите участіе съ нами въ пред-

ложенной пищѣ, которою давно уже желаемъ насытиться, и токмо васъ ожидали. Тогда престарѣлый служитель съ распростертыми руками стремится къ нему, коего Одиссей обнявъ, лобызаетъ въ ланиту. Долій съ радостными слезами привѣтствовалъ его: о возлюбленный нашъ царь! мы уже лишились надежды къ твоему возвращенію; но безсмертные привели тебя къ намъ по желанію сердецъ нашихъ: и такъ живи и наслаждайся до конца жизни твоей радостію: да подадутъ тебѣ боги всякое благоденствіе! Но повѣдай мнѣ, уже ли извѣстна мудрая Пинелопа о твоемъ возвращеніи, или нужно возвѣстить ей о тебѣ?

Одиссей отвѣчалъ ему: не пекися о семъ: Пинелопѣ уже все извѣстно. Равнымъ образомъ и сыновья Доліевы привѣтствуя царя, цѣловали его руки. По семъ приступили всѣ къ пищѣ. Между тѣмъ во всемъ городѣ скоро пронеслася молва о пораженіи и смерти жениховъ. Тогда текутъ отовсюда съ великою печалію и смятеніемъ въ домъ Одиссеевъ, выносятъ и погребаютъ трупы, бывшихъ же изъ другихъ странъ ввѣряютъ ловцамъ рыбъ для отвезенія каждаго въ домъ свой. По семъ съ прискорбными сердцами собираются на сонмъ, гдѣ первый всталъ Эвпиѳей, коего сердце объято было неудобосносимою печалію о смерти сына Антиноя, пораженнаго Одиссеемъ прежде другихъ, и проливая слезы, такъ говоритъ: други мои! поистинѣ великое преступленіе содѣлалъ мужъ сей Ахеянамъ: вопервыхъ отходя на брань, взялъ многихъ храбрыхъ мужей и погубилъ

ихъ тамо и съ кораблями своими: нынѣ же возвратився единъ, предалъ смерти избранныхъ Кефалинскихъ юношей. И такъ предскоримъ, да не убѣжитъ въ Пилъ или въ Элиду, гдѣ обладаютъ Эпеяне, или послѣ принуждены будемъ непрестанно снѣдаться печалію: ибо вѣчный будетъ намъ стыдъ отъ потомковъ, когда за смерть сыновъ своихъ и братей не учинимъ отмщенія; мнѣ же самая жизнь будетъ несносна, и я лучше желаю погибнуть, нежели терпѣть сіе. Пойдемъ, говорю, да не предадутся бѣгству.

Говоря сіе, проливалъ слезы, и сожалѣніе объяло всѣхъ Ахеянъ. Тогда Медонтъ и пѣвецъ Фимій, бывшіе въ домѣ Одиссея, предстали въ собраніе, и первый изъ нихъ такъ говорилъ: внушите, Ѳакіяне! мудрый Одиссей учинилъ сіе не безъ промысла боговъ: ибо самъ я видѣлъ нѣкоего изъ безсмертныхъ присутствующаго при немъ въ видѣ Ментора, который то являлся предъ Одиссеемъ, побуждая его къ мщенію, то женіховъ подстрекалъ прошивъ его: и такимъ образомъ всѣ они пали мертвы.

Сіи слова объемлютъ всѣхъ ужасомъ. Равнымъ образомъ престарѣлый ирой Алиѳерсъ сынъ Масторовъ старался убѣдить слѣдующими словами: любезные други! нещастіе сіе произошло отъ собственнаго вашего небреженія, когда вы не повинуяся ни мнѣ, ни Ментору, не хотѣли воздержать сыновъ своихъ отъ безумія, которые дѣлали всякія неправды, обиды и насилія, расточая стяжаніе и не чтя жену мужа изъ всѣхъ Ахеянъ избраннаго,

коего не ожидали возвращенія. И такъ послѣдуйте моему совѣту и оставьте начинаемый вами мятежъ, да не постигнетъ и васъ подобная пагуба.

Когда онъ сіе окончилъ, тогда большая часть крамольниковъ устремляются въ домы съ великимъ шумомъ, и не принявъ увѣщанія Алиѳерсова, облекаются во оружіе, предпочитаютъ совѣтъ Эвпиѳеевъ, собираются предъ стѣнами города, и немедленно въ путь устремляются. Прочіе же остались въ домахъ своихъ. Эвпиѳей предводительствуя ими, уповалъ отмстить за смерть своего сына; но судьба не благоволила сему исполниться, и куда стремился, тамъ смерть предварила его. Ибо тѣмъ временемъ Аѳинская Паллада, представъ предъ отца боговъ сына Кронова, такъ вѣщала: о Дій родитель мой, владыко господствующихъ! возвѣсти мнѣ, что совѣщеваетъ твое сердце? воздвигнешь ли брань и убійство между симъ народомъ, или пошлешь той и другой сторонѣ согласіе?

Потоняющій облаки сынъ Кроновъ отвѣтствовалъ ей: дщерь моя: почто о семъ вопрошаешь меня? Не сама ли ты предъизбрала мѣры сіи, дабы Одиссей, возрашився въ домъ свой, учинилъ женихамъ отмщеніе? И такъ поступай по твоему благоразсужденію. Я же возвѣщу тебѣ волю мою: когда Одиссей наказалъ жениховъ, то пусть прочее время царствуетъ въ мирѣ, а мы въ сердца мятущихся вложимъ забвеніе о смерти сыновъ и братей ихъ: и такъ пусть всѣ пребудутъ во взаимномъ

согласіи, и пусть богатство и любовь на нихъ обильно да изливается.

Паллада внявъ совѣту отца боговъ, съ радостію нисходитъ съ высоты Олимпа. Одиссей же съ домочадцами своими насытився пищею, приказываетъ обозрѣть, не идутъ ли изъ города крамольствующіе, и сынъ Долиевъ вышедши внѣ двора, усматриваетъ множество приближающихся, и возвѣщаетъ о семъ царю. Тогда Одиссей, Тилемахъ, два пастуха и шесть сыновъ Долиевыхъ возлагаютъ на себя брони и пріемлютъ оружіе: вооружилися такъ же Лаертъ и Долій, украшенные сѣдинами и престарѣлые ратники: потомъ отворивъ ворота, выходятъ внѣ на поле въ предшествіи Одиссея, и се мгновенно является предъ ними Паллада дщерь Діева во образѣ Ментора, которую увидѣвъ Одиссей, весьма возрадовался, и Тилемаху такъ вѣщаетъ: нынѣ, любезный сынъ, яви свое мужество, и приступивъ къ подвигу, гдѣ познаются храбрые мужи, не нанеси поношенія роду предковъ своихъ, которые повсюду прославилися доблестію своею.

Тилемахъ отвѣтствовалъ ему: возлюбленный родитель! самъ ты будешь теперь свидѣтелемъ того, что я по твоему желанію не нанесу посрамленія роду твоему. Лаертъ слыша сына и внука препирающихся о храбрости, много тому радовался, благодарилъ боговъ и почиталъ оный день блаженнымъ для себя, которому Аѳинская Паллада говорила: сынъ Аркисіевъ! призвавъ на помощь отца боговъ Дія и дщерь его Пал-

ладу, воздвигни немедленно копье твое и вергни оное. Лаертъ поступивъ по совѣту ея, вергаетъ копье, поражаетъ въ чело Эвиѳея, котораго не защитилъ даже твердый шлемъ, но остріе оружія проходитъ сквозь кость и сопротивникъ падаетъ со звукомъ бронею испущеннымъ. Одиссей и сынъ его съ своей стороны устремляются на прочихъ крамольниковъ, поражая мечами и копьями. Тогда поистиннѣ всѣ бы они погибли, и ни единъ бы въ домъ не возвратился, когда бы Паллада не воспрешила громкимъ голосомъ, дабы не начинали брани и воздержались отъ кровопролитія.

Отъ прещенія ея нападаетъ на всѣхъ ужасъ, и отъ гласа ея всѣ повергнувъ оружіе на землю, бѣгутъ въ домы, спасая животъ свой. Одиссей же страшно возопивъ, стремится въ слѣдъ ихъ, аки орелъ быстропарящій; но всесильный Дій мещетъ предъ лицемъ Паллады дщери своей палящую молнію, и сія такъ вѣщаетъ Одиссею: сынъ Лаертовъ! воздержися и прекрати огнь брани, да не огорчится на тебя громомещущій отецъ боговъ Дій.

Одиссей съ радостію внялъ волѣ премудрыя Паллады, которая ставъ посреди обѣихъ странъ во образѣ Ментора, утвердила между ими на вѣки мирные завѣты.

КОНЕЦЪ.

Погрѣшности въ 2й части.

стр:	*строк:*	*напечатано:*	*читай.*
8.	11.	швердая	твердая
14.	2.	твои	свои
26.	11.	вѣстію	вѣстію,
34.	2.	желаю́щихъ-	желающихъ,
—	5.	мѣ,	мѣ-
42.	9.	Элидской сто-ронѣ	Элидской странѣ
44.	15.	сокрутала	сокрушала
45.	13.	разглагольствіе,	разглагольствіе
46.	10.	прибѣжище,	прибѣжище
52.	11.	войдемъ	пойдемъ
60.	24.	оружію	оружію,
72.	28.	мылостыню	милостыню
89.	29.	обладастъ	обладаетъ
96.	4.	удаляюшся	удаляются
—	16.	кажется	кажется,
101.	21.	привлекамъ	привлекаемъ
125.	26.	говорилъ	говорилъ :
136.	20.	ѣда	дѣда
142.	22.	въ Тулѣ	въ тулѣ
—	25.	вскозь	сквозь
144.	10.	опую	оную
146.	13.	пощады	пощады,
154.	32.	возсавали	воздавали
—	33.	додтойное	достойное
165.	34.	приближаяся къ ней, и вступаютъ	приближаяся къ ней, вступаютъ
167.	12.	возвратиться	возвратився
168.	7.	пересказалъ	изчислилъ